ИМПЕРАТРИЦА
МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

2007237341

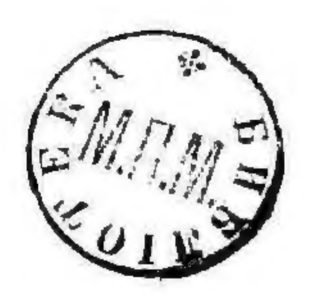
ИМПЕРАТРИЦА

МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА.

1759 — 1828.

Е. С. Шумигорскаго.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1890.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА

(1759—1828).

I.

Происхожденіе императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Германскіе князья въ XVIII в.—Французское вліяніе въ Германіи и причины его распространенія. — Реакція и Фридрихъ Вильгельмъ I, король Прусскій.—Значеніе Пруссіи для Германіи.—Младшіе члены Германскихъ княжескихъ домовъ и обычная судьба ихъ.—Швабія и Виртембергъ до XVIII в.—Виртембергскій княжескій домъ въ XVIII в.: герцоги Эбергардъ-Людвигъ, Карлъ-Александръ.—Супруга Карла-Александра принцесса Турнъ-фонъ-Таксисъ и ея дѣти: Карлъ-Евгеній, Людвигъ - Евгеній и Фридрихъ-Евгеній.—Служба Фридриха-Евгенія въ Пруссіи и его бракъ съ Фридерикой-Доротеей, племянницей Фридриха II.—Роль Фридриха-Евгенія въ Семилѣтнюю войну и рожденіе его старшей дочери.

Императрица Марія Ѳеодоровна по происхожденію своему принадлежала къ міру мелкихъ Германскихъ княжескихъ домовъ. Мать ея, Фредерика-Софія, дочь маркграфа Бранденбургъ-Шведтскаго, была по своей матери родной племянницей Фридриха Великаго, а отецъ—Фридрихъ-Евгеній, находившійся съ молодыхъ лѣтъ на Прусской службѣ, былъ третьимъ сыномъ владѣтельнаго герцога Виртембергскаго Карла-Александра. Бракъ ихъ заключенъ былъ въ Берлинѣ, въ 1753 году. Ни новобрачные, ни потомство ихъ, по условіямъ Германской жизни того времени, не могли, повидимому, разсчитывать на блестящую политическую будущность; но судьба рѣшила иначе. Фридрихъ-Евгеній, переживъ двухъ старшихъ братьевъ своихъ, умеръ въ старости владѣтельнымъ герцогомъ Виртембергскимъ; старшій сынъ его Фридрихъ (по милости Наполеона) сдѣлался первымъ королемъ Виртембергскимъ, а старшая дочь Софія - Доротея - Августа-Луиза—Русской императрицей подъ именемъ Маріи Ѳеодоровны.

Этому счастливому повороту предшествовали, однако, цѣлые десятки лѣтъ зависимаго и стѣсненнаго положенія. Жизнь Фридриха-Евгенія Виртембергскаго и его семейства сложилась первоначально подъ условіями, въ которыхъ находились въ XVIII вѣкѣ какъ Германія, такъ и ея княжескіе дома.

Раздѣленная Вестфальскими мирными договорами на триста мелкихъ владѣній (подвластныхъ, но только для виду, такъ называемому Римскому императору), Германія XVIII в., кромѣ двухъ крупныхъ державъ, Австріи и Пруссіи, пред ставляетъ любопытное зрѣлище множества князей и князьковъ различнаго чина: курфюрстовъ, герцоговъ, ландграфовъ, маркграфовъ и т. д. Весь этотъ княжескій міръ, за немногими исключеніями, справедливо вызываетъ порицаніе Нѣмецкихъ историковъ. Мало заботясь о благѣ подданныхъ, князья главное вниманіе обращали на содержаніе своего двора и на этикетъ, строгимъ соблюденіемъ всѣхъ мелочей котораго они думали оградить свое достоинство среди множества себѣ подобныхъ высшихъ и низшихъ фюрстовъ. Людовикъ XIV былъ для нихъ недосягаемымъ идеаломъ. Какъ выраженіе высшаго образованія, Французскіе нравы, языкъ и словесность проникли во всѣ Нѣмецкіе дворы. Каждый Нѣмецкій государь, какъ бы ничтожно ни было его владѣніе, старался устроить свой маленькій Версаль; ему казалось необходимымъ имѣть дорогую метрессу, содержать великолѣпную охоту и давать блестящіе праздники. Когда страна не могла покрывать всѣхъ расходовъ, сопряженныхъ съ такимъ образомъ жизни, князья не стыдились находиться на жалованьи у иностранныхъ правительствъ или продавать имъ своихъ подданныхъ въ видѣ наемныхъ войскъ. Роскошному и напыщенному образу жизни ихъ соотвѣтствовала страшная распущенность нравовъ, также заимствованная у Французовъ; театральныя представленія, музыка, картины,—все проникнуто было ненасытимою чувственностію, все призывало къ эпикурейскому пользованію жизнію. Простота образа жизни, нравственность казались тогда синонимами грубости натуры и невѣжества. И дѣйствительно, Французское образованіе, проникавшее въ Германію и дѣйствовавшее на высшее Нѣмецкое общество, проявлялось прежде всего въ презрѣніи ко всему отечественному, въ ослабленіи семейныхъ узъ и въ крайней нравственной легкости офранцузившихся Нѣмцевъ; сама образованность такимъ образомъ отождествлялась, въ глазахъ Нѣмцевъ, съ безнравственностью. Въ Германіи XVIII в. мы видимъ завершающимся въ сущности тотъ же ходъ болѣзненнаго увлеченія иноземщиной, который немного позднѣе съ неменьшей силой развился и въ Россіи. Отпора не было ни откуда. Преобладали мелкія личныя выгоды князей и лицъ княжеской крови, которые смотрѣли на подавленный народъ какъ на платежную силу и средство для пополненія своихъ войскъ. Нѣмецкая словесность была еще въ зародышѣ, а Нѣмецкаго духа можно было бы искать развѣ въ многочисленныхъ, хотя и необильныхъ студентами университетахъ, гдѣ, по замѣчанію Шлоссера, «поддерживался педантизмъ, старинная рутина

и грубыя понятія цеха вмѣстѣ съ буйствомъ и пьянствомъ» [1]). Что касается до религіознаго воспитанія, то въ высшихъ слояхъ общества о немъ почти не думали; самые «князья церкви» подавали примѣръ крайне-легкомысленнаго отношенія къ дѣлу вѣры.

Безумная роскошь и одряхлѣвшій развратъ напыщенныхъ и своекорыстныхъ владѣтелей не могли не вызвать противодѣйствія въ грубыхъ, конечно, но здоровыхъ началахъ Нѣмецкаго народа. За Фридрихомъ Прусскимъ, страстнымъ поклонникомъ Людовика XIV, появился сынъ его Фридрихъ-Вильгельмъ I, истый Нѣмецъ, которому пришлись болѣе по душѣ суровая простота и практическій геній другаго его современника, Петра Великаго. Но, презирая Французскую образованность, въ которой видѣлъ источникъ нравственной заразы, онъ не менѣе презиралъ и Нѣмецкую науку, которая была въ его глазахъ мертвой, ни къ чему негодной ученостью. Онъ преклонялся предъ Петромъ, но, не имѣя его генія, впадалъ въ крайности. Однако, его дѣйствія благотворно отозвались на состояніи Германіи: мелочная муштровка солдатъ, доведенная до степени какъ бы художества, создала армію, которая потомъ била самихъ Французовъ, главныхъ враговъ Германіи; любовь къ деньгамъ и скаредность, лишавшая королевское семейство возможности даже сытно поѣсть, развила у Пруссаковъ бережливость и наполнила государственную казну милліонами, въ то время, когда у князей не было ничего кромѣ долговъ; наконецъ, уваженіе къ старой протестантской теологіи дало толчокъ къ поднятію воспитанія и сохраненію старыхъ преданій, поставившихъ Пруссію во главѣ протестантской Германіи. Допустивъ, по необходимости, воспитать своихъ дѣтей на Французскій ладъ, Фридрихъ, подобно нашему Петру, не хотѣлъ имѣть наслѣдникомъ сына, не сочувствовавшаго его политикѣ, и окружалъ себя постоянно Нѣмцами. Въ особенности не любилъ онъ, какъ дѣлали это фюрсты, употреблять для дипломатическихъ порученій Французскихъ или Итальянскихъ графовъ и маркизовъ, находя, что у него довольно Нѣмцевъ для завѣдыванія дѣлами и что щеголевато выраженный при иностранномъ дворѣ, на Французскомъ или Итальянскомъ языкѣ, комплиментъ не стоитъ тѣхъ денегъ, которыя онъ долженъ платить за него чужестранцу [2]). Когда борьба миновала свой острый періодъ, страсти улеглись, крайности сгладились, въ исходѣ оказалось проснувшееся сознаніе народнаго достоинства, разработка общечеловѣческаго

---

[1]) *Шлоссеръ*: Исторія XVIII столѣтія и XIX до паденія Французской имперіи, Спб. 1858 г., т. I, стр. 173.

[2]) *Шлоссеръ*, I, 186.

просвѣщенія на своихъ, Нѣмецкихъ началахъ и, вакъслѣдствіе этого, пышный расцвѣтъ Нѣмецкой науки и словесности. Даже князья стали усвоивать себѣ по частямъ программу Фридриха, принимая изъ нея то, что болѣе нравилось и обѣщало болѣе выгодъ, напр. кропотливое изученіе мелочей военнаго дѣла. Но заботы объ умственной жизни Нѣмцевъ и нельзя было требовать отъ нихъ, когда ея не обнаруживалъ самъ Фридрихъ Великій, политическій патріотизмъ котораго не мѣшалъ ему презирать Нѣмецкую словесность и писать по-французски.

Протестантство и политическій Прусскій патріотизмъ, которые Фридрихъ Вильгельмъ I и Фридрихъ II положили въ основаніе своей политической системы, нашли себѣ въ скоромъ времени многихъ ревностныхъ сторонниковъ въ такой Германской средѣ, которая до этого времени, по своему положенію и усвоеннымъ взглядамъ, могла бы быть названа космополитическою, именно, въ средѣ мелкихъ Германскихъ владѣтельныхъ князей и особенно младшихъ членовъ ихъ семействъ. Не имѣя дома никакого дѣла, а часто и средствъ къ приличному для своего сана существованію, они искали службы и счастья въ разныхъ государствахъ Европы. Болѣе счастливые изъ этихъ обиженныхъ судьбою принцевъ, при всей своей бѣдности и политическомъ ничтожествѣ, успѣвали заключать родственные союзы съ иноземными династіями. Это станетъ вполнѣ понятно, если принять въ соображеніе, что, съ одной стороны, въ Германіи, при ея раздробленности, было несравненно больше династій, чѣмъ во всей остальной Европѣ, и что, съ другой, могущественныя династіи, изъ политическихъ причинъ, часто избѣгали родства между собой. Вотъ почему Германскіе принцы и принцессы съ самаго рожденія предназначались къ выгоднымъ бракамъ; родители ихъ привыкли ловить счастливую случайность и часто даже путемъ происковъ доставляли иногда дѣтямъ своимъ престолы первостепенныхъ Европейскихъ державъ. Поговорка, сложившаяся объ Австріи: «Bellum gerant alii, tu, felix Austria, nube» (пусть войну ведутъ другіе, а ты, счастливая Австрія, женись и выходи замужъ) — примѣнима ко многимъ Германскимъ династіямъ; такова, напр., судьба династій Ганноверской, Брауншвейгской и Голштинской; такова судьба и Екатерины II, которая, родившись дочерью мелкаго Ангальтъ-Links Цербстскаго невладѣтельнаго князя, находившагося въ Прусской службѣ, сдѣлалась самодержавной Русской императрицей. Менѣе счастливые князья иногда весь свой вѣкъ проводили на службѣ въ какихъ-либо государствахъ. Много ихъ было и въ Россіи, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно послужили усердно пріютившей ихъ странѣ. Но ближе всего имъ было искать службы въ Австріи и особенно въ Пруссіи, такъ какъ, будучи по боль-

шей части протестантами, они, естественно, имѣли съ ней болѣе точекъ соприкосновенія. Здѣсь эти служилые принцы, занимаясь исключительно военнымъ дѣломъ, вполнѣ подчинялись Прусскому вліянію, становясь, особенно въ рукахъ опытнаго въ проискахъ Фридриха II, важнымъ орудіемъ Прусской политики для достиженія ея цѣлей въ Германіи и даже за границею. Подчиненіе это доходило до того, что принцы сражались за Пруссію даже съ войсками родной своей страны, а католическіе принцы своихъ дѣтей крестили иногда по протестантскому обряду. Берлинъ при королѣ - Волтеріанцѣ сталъ Меккою протестантской Германіи, а въ этой Меккѣ можно было научиться только одному—работать pour le roi de Prusse. Слѣдуетъ прибавить, что за Нѣмецкими принцами, упрочившими свое положеніе въ чужой странѣ, тянулся туда же иногда цѣлый рядъ Нѣмецкихъ выходцевъ, преимущественно дворянскаго происхожденія, въ качествѣ друзей и дѣльцовъ. Эта иммиграція была всегда тѣмъ значительнѣе, чѣмъ страна стояла ниже въ образованіи. Въ особенности много пріютила ихъ Россія, которой суждено бы въ то время видѣть Европу изъ Нѣмецкихъ рукъ.

Какъ Германскіе принцы, искавшіе счастья на чужбинѣ, такъ и сопровождавшіе ихъ Германскіе выходцы, принадлежали къ двумъ, рѣзко отличавшимся другъ отъ друга категоріямъ: одни смотрѣли на иностранную службу лишь съ точки зрѣнія наживы, будучи, такимъ образомъ, прежде всего, искателями приключеній; другіе, напротивъ, искренно привязывались къ пріютившей ихъ странѣ и старались честной и полезной дѣятельностью отблагодарить ее за гостепріимство. Впрочемъ, и тѣ, и другіе, конечно, не могли переродиться въ духовномъ смыслѣ и въ сущности оставались тѣми же Нѣмцами или космополитами, что не могло не отражаться и на ихъ дѣятельности. Въ Русской исторіи мы встрѣчаемъ лишь немного исключеній изъ этого общаго правила; но за то это были блестящія, богато одаренныя натуры, душой и тѣломъ предавшіяся Россіи.

Эти общія замѣчанія о Германіи XVIII в. показались намъ нужны для уясненія главныхъ чертъ въ исторіи Виртембергскаго герцогскаго дома, изъ котораго происходила наша императрица Марія Өеодоровна.

Виртембергомъ изстари называлась небольшая земля, расположенная по верхнему теченію Дуная и Неккара и входившая въ составъ Швабіи. Эта обширная горная страна, съ рѣзкимъ и угрюмымъ ландшафтомъ, наложила печать и на своихъ обитателей, Швабовъ, издавна

отличавшихся буйнымъ, неукротимымъ характеромъ. Нигдѣ въ Германіи не развилось такого какъ здѣсь стремленія къ сословной и личной свободѣ и обособленности: каждое сословіе ревниво оберегало свои права и пріобрѣтенія. Благодаря близкому сосѣдству съ богатой Италіей, Швабія издавна пользовалась выгодами торговаго и военнаго посредничества между нею и Германіей. Постоянныя войны и широкія торговыя операціи способствовали неукротимости Швабскихъ рыцарей, жившихъ въ неприступныхъ замкахъ, и богатству большихъ Швабскихъ городовъ, укрѣпленныхъ толстыми стѣнами. Въ Швабіи же пользовались огромнымъ значеніемъ земство и церковь, сохранившая даже по принятіи Швабами лютеранства всю дисциплину и непреклонность, свойственныя католицизму. Что касается до Швабскихъ князей, то ихъ выдающаяся энергія, воспитанная вѣками борьбы между собою и съ непокорными сословіями, доказывается уже тѣмъ, что они были родоначальниками самыхъ славныхъ Германскихъ династій: Гогенштауфеновъ, Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Изъ мелкихъ владѣтелей, съ теченіемъ времени, выдѣлились и графы Виртембергскіе, которые получили затѣмъ герцогскій титулъ отъ императора Максимиліана въ 1495 г. «Они вѣчно дрались то съ императоромъ, то съ городскими и рыцарскими союзами, словомъ, со всѣмъ окружавшимъ ихъ свѣтомъ, и прозвища ихъ переносятъ насъ въ сказочный міръ синихъ бородъ и злыдней» [3]).

Но въ вѣкъ Людовика XIV и жизнь Виртембергскихъ герцоговъ совершенно измѣнилась по Французскому образцу. Это произошло въ малолѣтство герцога Эбергарда-Людвига (1677—1733), когда регентомъ былъ его дядя, принцъ Фридрихъ-Карлъ, о празднествахъ котораго во Французскомъ вкусѣ отзывались съ похвалой даже Парижскіе журналы того времени [4]). Самъ Эбергардъ-Людвигъ, достигнувъ совершеннолѣтія, предался роскошной и развратной жизни. Онъ не довольствовался метрессами и окончательно запятналъ себя связью съ г-жею фонъ-Гревеницъ; онъ вступилъ съ нею даже въ бракъ при жизни своей супруги и предоставилъ ей въ управленіе свою несчастную страну. Тогда былъ построенъ близъ Штутгарта, на подобіе Версаля, прекрасный увеселительный замокъ Людвигсбургъ, гдѣ давались пышные праздники. Въ то время, какъ доходовъ Виртемберга не доставало на удовлетвореніе мотовства герцога, Гревеницъ, при содѣйствіи министерства, со-

[3]) *Трачевскій:* Союзъ князей и проч. Вѣстникъ Европы, 1876 г., т. IV, стр. 742.

[4]) Geschichte der deutschen Höfe seit der Reformation von Dr. Eduard Vehse. 25-r Band, 4-te Abtheilung, 3-r Theil, 165—170.

ставленнаго изъ ея подручниковъ и находившагося подъ ея предсѣдательствомъ, хищнически управляла страною, продавая государственныя должности. Эбергардъ - Людвигъ умеръ, не имѣя наслѣдниковъ, и его преемникомъ сдѣлался двоюродный братъ его, сынъ бывшаго регента Фридриха Карла, Карлъ-Александръ (1733—1737), родной дѣдъ нашей Маріи Ѳеодоровны. Молодость свою онъ провелъ въ Австрійской службѣ, подъ знаменами Евгенія Савойскаго, и въ это время принялъ католичество. Поэтому при самомъ вступленіи на престолъ онъ долженъ былъ обезпечить права протестантской церкви въ Виртембергѣ, къ которой принадлежала большая часть его подданныхъ; но характеръ правленія остался тотъ же, что̀ и въ прошлое царствованіе: тоже забвеніе обязанностей правителя, тотъ же утонченный развратъ и безумная роскошь. Такъ какъ средства страны были уже истощены образомъ жизни Эбергарда-Людвига и управленіемъ Гревеницъ, то Карлъ-Александръ ввѣрилъ управленіе Виртембергомъ Еврею Іосифу Леви-Зюссу-Оппенгеймеру, который пріобрѣлъ его довѣріе еще въ Австріи и который взялся доставлять ему деньги. Можно представить себѣ весь ужасъ этого Еврейскаго управленія! Законы не имѣли никакого дѣйствія; новый любимецъ и его подручники высасывали послѣдніе соки изъ несчастной страны, глумясь надъ правосудіемъ и нравственностью, въ то время какъ герцогъ проводилъ все время въ кутежахъ и на охотѣ. «Какъ много терпѣли страна и бѣдный Виртембергскій народъ, говоритъ Шлоссеръ, можно судить по тому, что въ три года правленія герцога Карла-Александра и шайки негодяевъ, которымъ предалъ государство Еврей, продажа мѣстъ и грабежи всякаго рода, по свидѣтельству актовъ, принесли правительству болѣе милліона. Въ такую же сумму, по всѣмъ вѣроятностямъ, можно оцѣнить вредъ принесенный охраненіемъ дикихъ звѣрей для охоты герцога: не смотря на то, что въ 1737 г., въ годъ смерти Карла - Александра, убито было 2500 оленей, 4000 разныхъ хищныхъ звѣрей и ланей и около 5000 кабановъ, въ слѣдующемъ 1738 году убытки жителей отъ княжескихъ охотъ оцѣнены въ 500000 гульденовъ [5]). Крайне невоздержной жизни не вынесло, наконецъ, и желѣзное здоровье Карла-Александра. Когда онъ умеръ въ 1737 году, то въ актѣ вскрытія его было сказано: «сердце, голова и прочее найдено въ совершенно здоровомъ состояніи; но грудь до того наполнена пылью, дымомъ и чадомъ карнавала и оперы, что suffocatio sanguinis было неизбѣжно» [6]).

[5]) *Шлоссеръ*, Исторія XVIII столѣтія, 1, 182—183.

[6]) Тамъ же, 183.

Отъ брака, заключеннаго въ 1727 году съ принцессой Маріей-Августой Турнъ-фонъ-Таксисъ, герцогъ оставилъ дочь (бывшую потомъ замужемъ за принцемъ Турнъ фонъ-Таксисъ) и трехъ малолѣтнихъ сыновей: Карла-Евгенія, Людвига-Евгенія и Фридриха-Евгенія. Всѣ три брата получили имя Евгенія въ честь принца Евгенія Савойскаго, подъ начальствомъ котораго былъ ихъ отецъ, находясь на императорской службѣ, и всѣ они послѣдовательно управляли Виртембергскимъ герцогствомъ. Младшему изъ братьевъ Фридриху-Евгенію, отцу императрицы Маріи Ѳеодоровны, суждено было сдѣлаться родоначальникомъ нынѣшняго Виртембергскаго дома. Различная судьба братьевъ въ значительной степени объясняется различіемъ въ ихъ характерѣ и воспитаніи, начало которому положено было ихъ матерью, герцогиней Маріей-Августой.

Герцогиня Марія-Августа, бабка нашей Маріи Ѳеодоровны, была одной изъ оригинальнѣйшихъ женщинъ своего времени. Вдумываясь въ противорѣчивые иногда отзывы о ней современниковъ, нельзя не видѣть, что она обладала энергической, кипучей и даровитой природой, совмѣщавшей въ себѣ противоположности, которыми такъ богатъ былъ XVIII вѣкъ [1]). Мягкость, воспріимчивость женщины уживались въ ней съ твердостію и рѣшительностію мужчины; жажда свѣтскихъ удовольствій, всеобщее поклоненіе ея красотѣ, не мѣшали ей на университетскомъ диспутѣ возражать профессорамъ медицины съ приводившей всѣхъ въ изумленіе ловкостью и основательностью; поражая даже современниковъ своимъ веселымъ образомъ жизни, она у нихъ же пріобрѣла репутацію ханжи и, въ довершеніе всего, приняла званіе Мальтійскаго рыцаря. Будучи горячей поклонницей Французской литературы и раздѣляя увлеченіе современниковъ Французской образованностью, Марія-Августа и дѣтямъ своимъ дала Французское воспитаніе. Она приставила къ нимъ Французскаго гувернера, барона Монтольё, составивъ для руководства воспитаніемъ принцевъ подробное наставленіе. Изъ этого наставленія видно, что преподаваніе велось исключительно на Французскомъ языкѣ и во Французскомъ духѣ; требовалось не столько основательное знаніе изучаемыхъ предметовъ, сколько легкое, поверхностное, свѣтское образованіе. Нравственное вліяніе Французскихъ идей того времени также не могло миновать молодыхъ принцевъ, тѣмъ болѣе, что старшіе изъ нихъ должны были хорошо помнить дурныя отношенія между отцомъ

---

[1]) *Vehse*, 25-r Band, 4-te Abth., 3-r Theil, 227—232.- *Шлоссеръ*: Исторія XVIII столѣтія, II 173—174.—Mémoires de la baronne *d'Oberkirch*, t. I, 18—19.

и матерью, вынудившія Марію-Августу при жизни своего мужа даже перебраться съ дѣтьми на жительство въ Брюссель. Нельзя не сочувствовать жалобамъ Нѣмецкихъ историковъ на такое воспитаніе будущаго Виртембергскаго властителя, «отца-государя честныхъ и простодушныхъ Швабовъ» [8]); но въ то время, въ виду превосходства Французской образованности предъ Нѣмецкою, оно вовсе не казалось страннымъ, подобно тому какъ позже современнымъ Нѣмецкимъ же историкамъ не показалось страннымъ, что Александръ I, государь не менѣе «честныхъ и простодушныхъ» Русскихъ, составлявшихъ притомъ первый по численности народъ въ Европѣ, получилъ не-Русское, а космополитическое воспитаніе.

Плоды поверхностнаго Французскаго воспитанія и нравственной порчи молодыхъ принцевъ не замедлили сказаться на старшемъ изъ братьевъ, Карлѣ-Евгеніи, вступившемъ въ управленіе герцогствомъ, благодаря содѣйствію Фридриха II, въ 1744 году, когда ему было всего 16 лѣтъ. Мудрые совѣты Фридриха (у котораго Карлъ жилъ нѣкоторое время), данные ему при отправленіи въ Виртембергъ [9]), пропали даромъ для этого мальчика-государя. Онъ началъ тѣмъ, что удалилъ изъ Виртемберга свою мать Марію-Августу, и затѣмъ, въ теченіе почти 50 лѣтъ, предаваясь всякаго рода излишествамъ, терзалъ своихъ подданныхъ. По природѣ даровитый, Карлъ направилъ свои дарованія въ дурную сторону: это былъ самый гордый, расточительный и жестокій фюрстъ во всей Имперіи.

Наименѣе пострадалъ отъ Французскаго воспитанія герцогъ Фридрихъ-Евгеній, младшій изъ братьевъ, быть можетъ потому, что онъ еще въ ранней молодости предназначался къ духовному званію и получилъ даже каноникатъ въ Зальцбургѣ и Констанцѣ [10]). Но духовное поприще не привлекало къ себѣ молодаго принца, и онъ въ 1749 г. вышелъ на обычную въ то время дорогу для младшихъ членовъ княжескихъ семействъ, т. е. вступилъ, по приглашенію Фридриха II-го, въ Прусскую военную службу, тогда какъ другой братъ его Людвигъ-Евгеній уѣхалъ служить во Францію. Строгое и точное исполненіе обязанностей военной службы, требовавшееся въ Прусской арміи, сравнительная чистота нравовъ и скромный образъ

---

[8]) *Шлоссеръ*, 11, 174.

[9]) *Stark:* Fürstliche Personen des Hauses Würtemberg und ihre bewährten Diener, Stuttgart, 1876,8.

[10]) Госпожа Оберкирхъ ошибочно относитъ полученіе принцемъ каноника къ болѣе позднему времени, когда Фридрихъ-Евгеній былъ уже на Прусской службѣ. Oberkirch, 1,19.

жизни Берлинскаго двора, произвели благодѣтельное нравственное влiянiе на молодаго 17-лѣтняго Виртембергскаго принца; а поклоненiе короля-философа Французской литературѣ и постоянное общенiе съ находившимися въ Берлинѣ представителями этой литературы поощряли Фридриха-Евгенiя къ самообразованiю, поддерживая въ немъ интересъ къ литературнымъ вопросамъ и исправляя недостатки его поверхностнаго воспитанiя. Самъ Фридрихъ-Евгенiй производилъ благопрiятное впечатлѣнiе въ Берлинѣ, гдѣ, впрочемъ, онъ живалъ и ранѣе съ матерью и съ старшими своими братьями [11]). Это былъ, по отзывамъ современниковъ, умный, просвѣщенный воинъ, съ мягкимъ сердцемъ и веселымъ, но нервнымъ темпераментомъ. Близкiя отношенiя, завязавшiяся между нимъ и королевскимъ семействомъ, завершились, наконецъ, въ 1753 году бракомъ его съ 17-ти лѣтней племянницей Фридриха II-го Фредерикой - Доротеей - Софiей, дочерью маркграфа Бранденбургъ-Шведтскаго [12]). Непремѣннымъ условiемъ брака Фридрихъ II поставилъ, чтобы дѣти этой супружеской четы исповѣдывали протестантство. Фридрихъ - Евгенiй, воспитанный отцомъ, подобно своимъ братьямъ, въ католичествѣ, долженъ былъ согласиться на это условiе; вотъ почему бракъ его вызвалъ самыя радостныя чувства въ жителяхъ Виртемберга, которые, будучи по большей части протестантами, не могли помириться съ католицизмомъ своихъ герцоговъ [13]).

Это супружество было однимъ изъ счастливыхъ. Оно составляло исключенiе въ лѣтописяхъ супружествъ XVIII вѣка, когда въ высшихъ слояхъ общества на брачныя узы смотрѣли съ полнѣйшимъ легкомыслiемъ. Оно продолжалось 44 года, и въ теченiе этого времени супруги жили въ мирѣ и добромъ согласiи, своимъ скромнымъ, семейнымъ образомъ жизни [14]) возбуждая у испорченныхъ современниковъ даже упреки въ мѣщанствѣ [15]) Много лѣтъ спустя, принцесса Фредерика - Софiя, по поводу семейныхъ дѣлъ, писала своей дочери, тогда великой княгинѣ, Марiи Ѳедоровнѣ о своемъ столь продолжительномъ супружескомъ счастiи, выражая самыя нѣжныя и преданныя

---

[11]) *Vehse*, 25 Band, 4-te Abt., 3-r. Theil s. 228; *Stark*, 40—43.

[12]) Маркграфство Бранденбургъ - Шведтское находилось въ Прусской провинцiи Бранденбургѣ и въ 1788 году, по кончинѣ послѣдняго маркграфа, присоединено къ Пруссiи.

[13]) *Stark*, 7.

[14]) Это подтверждается всѣми современниками. См., напр., *Stark*, 114 и *Oberkirch*, особенно стр. 19.

[15]) *Трачевскiй*: Союзъ князей. Вѣстникъ Европы, 76 г., т. IV, 748.

чувства къ мужу [16]). Эта переписка матери съ дочерью, которая, по своей интимности, безъ сомнѣнія, никогда не появится въ печати вполнѣ, рисуетъ намъ личность принцессы Фредерики самыми свѣтлыми, сочувственными красками. Получивъ, какъ и другія принцессы Прусскаго королевскаго дома, Французское образованіе, она восприняла только полезныя его стороны. Нѣжность, мягкость женственной натуры соединялись у Фредерики съ просвѣщеннымъ умомъ и необыкновеннымъ для того времени развитіемъ нравственнаго чувства. Она была матерью, душою семьи въ то время, какъ свѣтскія женщины менѣе всего думали о семьѣ. Характеръ принцессы Фредерики сложился подъ вліяніемъ тихой жизни въ ея родномъ Бранденбургскомъ городкѣ Шведтѣ, просвѣщенныхъ заботъ матери и угрюмаго нрава отца [17]). Какъ и другія Прусскія принцессы того времени, она была воспитана въ духѣ феодальныхъ преданій; только этимъ объясняется, при полномъ довольствѣ скромною семейной жизнью, ея вниманіе къ почестямъ и мелочамъ этикета, которое она проявляла не разъ впослѣдствіи и которое усиливалось стремленіемъ принцессы поддержать достоинство своего семейства среди множества другихъ княжескихъ семействъ.

Счастливая супружеская чета имѣла уже двухъ сыновей: Фридриха-Вильгельма (р. 1754 г.) и Людвига-Фридриха (р. 1756 г.), когда разразилась гроза Семилѣтней войны. Въ это время герцогъ Фридрихъ-Евгеній, будучи генераломъ Прусской службы, занималъ видное положеніе въ рядахъ Прусской арміи, а затѣмъ ему поручена должность губернатора Прусской Помераніи и города Штеттина (эту самую должность занималъ 30 лѣтъ тому назадъ отецъ Екатерины II, герцогъ Ангальтъ-Цербстскій, тоже находившійся въ Прусской службѣ). Въ Штеттинѣ и недалеко отъ него расположеннымъ мѣстечкѣ Трептовѣ проживала семья Виртембергскаго принца, тогда какъ самъ онъ, увлекаемый военными бурями, не всегда могъ быть дома. Судьба служилыхъ принцевъ, сражавшихся не за родину, а изъ военной чести и матеріальныхъ выгодъ, сказалась въ Семилѣтней войнѣ и на Фридрихѣ-Евгеніи. Такъ какъ Карлъ, владѣтельный герцогъ Виртембергскій, объявилъ себя на сторонѣ Австріи и двинулъ ей на помощь Виртембергскія войска: то младшему брату его, находившемуся въ Прусской арміи,

---

[16]) *Архивъ дворца города Павловска*: Письма матери императрицы Маріи Өеодоровны. Выдержки изъ нихъ будутъ приведены ниже въ своемъ мѣстѣ.

[17]) Императрица Екатерина отмѣтила дурную черту въ характерѣ дѣда Маріи Өеодоровны, разсматривая вопросъ о ея замужествѣ съ Павломъ Петровичемъ. Сборникъ Р. Ист. Общ., XIII, 139.—*Stark*, 45.

поневолѣ приходилось поднимать руку на роднаго брата и на его полки. Дѣйствительно, герцогу Фридриху-Евгенію пришлось не разъ сражаться съ Виртембергскими войсками и одерживать верхъ надъ ними [18]). Вообще, въ Семилѣтней войнѣ онъ пріобрѣлъ славу искуснаго и храбраго вождя; такъ, напримѣръ, онъ разбилъ при Рейхенбергѣ Австрійскаго генерала Цурпурати и взялъ нѣсколько пушекъ. Онъ командовалъ частью Прусскихъ войскъ при осадѣ Праги и участвовалъ въ гибельной для Фридриха II-го битвѣ при Кунерсдорфѣ 1 Августа 1759 г., гдѣ «скоропостижный» и «захватчивый» король былъ на голову разбитъ Русскими войсками. Оффиціальный историкъ Виртембергской фамиліи въ концѣ XVIII в., Штаркъ, говоря объ участіи Фридриха-Евгенія въ Семилѣтней войнѣ, совершенно умалчиваетъ объ его положеніи въ послѣдній ея періодъ; между тѣмъ, приложенная къ его же сочиненію переписка Фридриха-Евгенія съ королемъ Прусскимъ за это время, въ связи съ другими данными, уясняетъ намъ многіе любопытные случаи, касающіеся и Русской исторіи [19]). Въ Кунерсдорфской битвѣ Фридрихъ-Евгеній былъ сильно раненъ въ ногу, и отъ раны этой, плохо залѣченной, онъ страдалъ потомъ всю жизнь. Поэтому король Фридрихъ II отправилъ молодаго принца въ Померанію, къ семьѣ, которая въ то время искала себѣ защиты и спокойствія то въ Берлинѣ и Шведтѣ, то въ Штеттинѣ. Семья Фридриха Евгенія умножилась въ 1758 году новымъ принцемъ Евгеніемъ-Фридрихомъ, а спустя два съ половиною мѣсяца послѣ Кунерсдорфской «преславной баталіи», 14 Октября 1759 года, страдавшій отъ нанесенной ему Русскими раны отецъ утѣшенъ былъ рожденіемъ въ Штеттинѣ первой своей дочери, Софіи-Доротеи-Августы-Луизы, впослѣдствіи Русской царицы Маріи Θеодоровны.

Первое время младенчества она несомнѣнно провела за крѣпкими Штеттинскими стѣнами: Русскіе уже дѣлали въ то время набѣги на Померанію, а зимою 1759—1760 года и совсѣмъ утвердились въ ней. Тогда еще не вполнѣ оправившійся отъ раны, Фридрихъ-Евгеній былъ вынужденъ вновь сражаться съ Русскими, принявъ команду надъ остатками разсѣянныхъ въ Помераніи Прусскихъ войскъ. Но отцу будущей Русской государыни видимо не везло при встрѣчѣ съ Русскими. Уже 22 Февраля 1760 г. онъ писалъ Фридриху II, что отрядъ казаковъ въ 600 человѣкъ, минуя расположенныя на пути Прусскія войска, такъ быстро и внезапно ворвался въ городъ Шведтъ, что находившіеся тамъ Пруссаки и онъ самъ, пораженные неожиданностію, должны были

[18]) Stark, 8.
[19]) Тамъ же, 46—47.

сдаться въ плѣнъ казакамъ и отвезены были ими въ Русскій лагерь [20]). Командующій Русскими войсками въ Помераніи, генералъ Тотлебенъ, Нѣмецъ, спустя годъ измѣнившій Россіи и передавшійся Пруссакамъ, отпустилъ, однако, королевскаго родственника и извѣстнаго генерала за денежный выкупъ [21]). Этой свободою принцъ воспользовался, чтобы принять участіе въ неудачной защитѣ Берлина [22]), который былъ занятъ Русскими войсками 29 Сентября того же года и пощаженъ тѣмъ же Тотлебеномъ, заключившимъ капитуляцію съ жителями Берлина безъ вѣдома своего начальника, генерала Чернышова. Можно догадываться, что не безъ участія и вѣдома принца Фридриха-Евгенія происходили и измѣническія пересылки съ Пруссаками генерала Тотлебена, завершившіяся, во время похода Русскихъ войскъ въ Померанію, его арестомъ, произведеннымъ съ общаго совѣта всѣхъ полковыхъ командировъ подчиненнаго ему корпуса, 19 Іюня 1761 года. Наконецъ, мы видимъ, что въ этомъ же году Фридрихъ-Евгеній употребляетъ всѣ усилія, чтобы спасти Кольбергъ, главный оплотъ Помераніи, осажденный Румянцовымъ; но 1 Декабря, пытаясь ввезти въ крѣпость съѣстные припасы, былъ онъ разбитъ, и тогда Кольбергъ долженъ былъ сдаться Румянцову [23]). Смерть Елисаветы спасла, какъ извѣстно, Пруссію. Петръ III возвратилъ Фридриху II всѣ сдѣланныя Русскими завоеванія, и принцъ Фридрихъ-Евгеній, оставшись на своей должности въ Помераніи и живя съ семьей то въ Штеттинѣ, то въ Трептовѣ, старался по возможности залѣчить раны, нанесенныя краю губительной войною, въ теченіе которой онъ честно исполнялъ свои воинскія обязанности по отношенію къ Пруссіи и Фридриху II-му.

---

[20]) Письмо королю Фридриху изъ Шведта 22 Февраля 1760 г. *Stark*, 46—47.

[21]) Письмо королю Фридриху изъ Штеттина 24 Февраля 1760 г. На немъ Фридрихъ сдѣлалъ слѣдующую отмѣтку: „es würde mihr lib seindt won deranschlach angenommen würde; ich glaubete ess aber schwerlich, dann die Russen froh seindt dass sie ihm nicht gegen sich hätten“. Stark, 47. Въ своемъ обозрѣніи Семилѣтней войны Фридрихъ сообщаетъ, будто бы принцъ Виртембергскій былъ отпущенъ на свободу по приказанію Русской Императрицы. Въ Русскихъ намъ извѣстныхъ сочиненіяхъ о плѣнѣ герцога Фридриха-Евгенія нигдѣ ничего не сказано. Показаніе Фридриха II-го, такимъ образомъ, опровергается письмами его же племянника.

[22]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, XXIV, 313.

[23]) Тамъ же, 401.

II.

Дѣтскіе годы и юность императрицы Маріи Θеодоровны. (Трептовъ и Монбельяръ).

Дѣтскія впечатлѣнія принцессы Софіи-Доротеи, связанныя съ именемъ Россіи.—Воспитаніе братьевъ принцессы и лица, имъ завѣдывавшія.—Опроверженіе извѣстія Штарка о перепискѣ герцога Фридриха съ Руссо по вопросу о воспитаніи принцессы Софіи-Доротеи.—Вліяніе сочиненій Руссо на характеръ этого воспитанія въ связи съ обстановкой жизни Виртембергской семьи въ Трептовѣ.—Системы воспитанія въ XVIII в.: Французская и Нѣмецкая по вопросу о воспитаніи женщины.—Дѣтскія письма принцессы Софіи-Доротеи и характеръ ея первоначальнаго воспитанія.—Семейная обстановка принцессы въ концѣ 1768 и началѣ 1769 г.—Переѣздъ Виртембергской семьи изъ Трептова въ Монбельяръ.—Этюпъ и его сады.—Роль сентиментализма въ новомъ періодѣ жизни принцессы Софіи-Доротеи.—Генріетта Вальднеръ; идиллическія забавы и наклонности Этюпскихъ обитателей.—Развитіе характера принцессы Софіи-Доротеи.—Значеніе Монбельяра въ дѣлѣ образованія принцессы Софіи-Доротеи.—Переговоры о бракѣ Софіи-Доротеи съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ.—Ассебургъ и его дѣйствія.—Итоги учебныхъ занятій принцессы Софіи.—Помолвка съ герцогомъ Гессенъ-Дармштадтскимъ и смерть первой супруги великаго князя Павла Петровича.

Императрица Марія Θеодоровна, дочь принца Фридриха-Евгенія, нареченная по протестантскому обряду Софіей-Доротеей-Августой-Луизой, родилась въ Штеттинѣ [24]) 14 (25) Октября 1759 г., въ то время, когда еще свѣжо было впечатлѣніе одержанной Русскими Куннерсдорфской побѣды, какъ громомъ поразившей Пруссію и бывшей роковою для ея отца. Такимъ образомъ самое начало жизни новорожденной Софіи-Доротеи было тѣсно связано съ именемъ Россіи и Русскихъ. Слѣдовавшіе за тѣмъ плѣнъ ея отца страшными для Нѣмцевъ казаками, захватъ Берлина и завоеваніе Помераніи Русскими войсками, отъ которыхъ семья принца могла спастись временно только въ Штеттинѣ, вмѣстѣ съ дрожавшими отъ ужаса обывателями его, вотъ событія, среди которыхъ протекло младенчество Софіи-Доротеи. Они прославили грозное для Пруссаковъ Русское имя и, конечно, навсегда должны были остаться памятными для семьи Штеттинскаго губернатора и быть предметомъ постоянныхъ толковъ въ ея средѣ. Но вмѣстѣ съ разсказами о страшныхъ Русскихъ войскахъ, о необычайной обширности и величіи мало еще вѣдомой въ Европѣ имперіи, подроставшая прин-

---

[24]) Штеттинъ, главный городъ онѣмеченнаго Славянскаго Поморья (Помераніи)—древняя Славянская крѣпость Щетинъ; это названіе отъ одного корня со словами: *щитъ, защита*. Само собою разумѣется, что мы напрасно стали бы искать въ это время въ старомъ Славянскомъ Поморьи, за исключеніемъ Кашубіи, самодѣятельной Славянской національности: она быстро и успѣшно поглощаема была Нѣмцами. Оттого о вліяніи туземнаго Славянскаго элемента въ дѣтскіе годы императрицъ Екатерины II и Маріи Θеодоровны на ихъ воспитаніе не можетъ быть и рѣчи.

цесса не могла, конечно, не слышать и другихъ разсказовъ, совсѣмъ сказочнаго характера, о томъ, что этой необъятной имперіей правитъ теперь государыня, судьба которой была 30 лѣтъ тому назадъ поразительно схожа съ настоящимъ положеніемъ самой маленькой принцессы Софіи-Доротеи: она тоже родилась въ Штеттинѣ, тоже была дочерью Штеттинскаго Прусскаго губернатора и мелкаго Германскаго князя и тоже называлась Софіей. Сколько пожеланій и сколько, быть можетъ. тайныхъ надеждъ зарождалось въ то время въ семейномъ кругу Виртембергской фамиліи при этомъ дѣйствительно-замѣчательномъ совпаденіи, когда въ Штеттинѣ еще были, безъ сомнѣнія, люди, помнившіе Екатерину маленькой дѣвочкой [25]) и охотно дѣлившіеся своими о ней воспоминаніями! Суевѣрные люди, которыхъ въ XVIII вѣкѣ было немало даже среди образованныхъ людей, могли выводить самыя блестящія заключенія и о будущей участи Софіи-Доротеи. Сама Екатерина II-я не безъ теплаго чувства относилась къ существу, своею жизнью какъ бы воспроизводившему ея дѣтство. Въ письмахъ ея къ Гримму находятся прямыя на то указанія. «Не знаю, писала она, но съ 1767 г. (когда Екатерина стала искать невѣсты для Павла Петровича) я всегда чувствовала особое предпочтеніе къ этой дѣвочкѣ. Разумъ, который, какъ вы знаете, руководитъ инстинктомъ, заставилъ меня предпочесть другую; потому что крайняя молодость (Софіи-Доротеи) не позволила мнѣ привести своей мысли въ исполненіе въ то время, и вотъ, когда я считала ее потерянной навсегда, событіе самое несчастное (смерть первой супруги Павла Петровича) возвращаетъ меня къ предмету особаго моего предпочтенія. Чтò вы скажете на это? Вы будете разсуждать по своему, вы все свалите на случай? Совсѣмъ нѣтъ! Я энтузіастка и этимъ не довольствуюсь: для меня нужно что-либо болѣе широкое» (il me faut du plus vaste à moi [26]). Въ другихъ письмахъ она шутитъ съ Гриммомъ, говоря: «Не думаете ли вы, что трава и вода въ этомъ пресловутомъ Штеттинѣ способны образовывать людей?» «Вы увидите, что со временемъ будутъ ѣздить въ Штеттинъ на ловлю принцессъ, и что въ этомъ городѣ будутъ цѣлые караваны посланниковъ, какъ за Шпицбергеномъ бываютъ китоловы» [27]).

Мать принцессы Софіи-Доротеи, дочь маркграфа Бранденбургъ-Шведтскаго и Прусской принцессы, не могла также не вспоминать, что ея отца Петръ Великій прочилъ въ женихи будущимъ императрицамъ:

---

[25]) О ея скромной дѣтской жизни въ Штеттинѣ см. въ статьѣ акад. Я. К. Грота „Воспитаніе Екатерины II-й“ въ „Др. и Нов. Россіи“, 1875 г., № 2.

[26]) Сборникъ Р. И. О., т. XXIII, стр. 50.

[27]) Тамъ же, стр. 55, 57.

сначала Аннѣ Іоанновнѣ, а потомъ Елисаветѣ Петровнѣ [26]), и что сама Екатерина II-я избрана была въ супруги наслѣдника Русскаго престола только послѣ того, какъ Фридрихъ II-й, по политическимъ причинамъ, отклонилъ выборъ своей родной сестры (тетки Виртембергской принцессы). Во всякомъ случаѣ, необходимо допустить, что обычное положеніе младшихъ членовъ княжескихъ Германскихъ домовъ (для которыхъ брачные вопросы и проекты были насущными жизненными вопросами) заставляло родителей принцессы Софіи-Доротеи, уже помимо личныхъ чувствъ и соображеній, приложить все стараніе къ наилучшему ея воспитанію *). Этому стремленію вполнѣ соотвѣтствовали какъ многообѣщавшіе физическіе и нравственные задатки малолѣтней принцессы, такъ и вся ея семейная обстановка.

Въ концѣ Семилѣтней войны (1763 г.) семейство Фридриха-Евгенія и его супруги состояло, кромѣ принцессы Софіи-Доротеи, еще изъ трехъ старшихъ ея братьевъ: Фридриха-Вильгельма, Людвига-Евгенія, Евгенія-Фридриха и двухъ младшихъ: Вильгельма и Фердинанда. Всѣ эти дѣти (изъ которыхъ старшему, Фридриху, было 9 лѣтъ, а младшему, Фердинанду, не было еще года) находились, главнымъ образомъ, на попеченіи матери своей принцессы Фридерики-Доротеи, такъ какъ супругъ ея занимался до этого времени почти исключительно своими служебными обязанностями въ эту тяжкую для Пруссіи и его семейства годину. Къ боязни за жизнь мужа и за безопасность семейства присоединилась еще скудость денежныхъ средствъ, становившаяся чувствительнѣе по мѣрѣ умноженія семейства. Одно радовало молодую мать, это—цвѣтущее здоровье и крѣпость ея дѣтей, полученныя ими въ наслѣдство отъ своихъ Виртембергскихъ и Прусскихъ предковъ, еще не испорченной крови. По возвращеніи принца Фридриха-Евгенія съ войны, семья переселилась въ Трептовъ, недалеко отъ Штеттина, и зажила здѣсь въ строгомъ уединеніи, которое лишь изрѣдка прерывалось поѣздками въ Берлинъ и Шведтъ для свиданія съ родными, а къ нимъ прин-

[26]) Это засвидѣтельствовано матерью Маріи Ѳеодоровны въ ея письмѣ къ ней отъ 27 Февраля 1780 года: „.....J'ai joint à cet envoi des papiers dont j'ai fait tirer copie qui sout deux lettres de Pierre-le-Grand à feu mon père de son mariage projetté avec la princesse Anne, puis Impératrice, avec une lettre de cette princesse et une autre du feu roi à mon père avec un autre projet de mariage avec feu l'Impératrice Élisabeth. Je suis sûre que cela vous fera plaisir". *Архивъ Павловскаго дворца*, письма матери Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Къ сожалѣнію, присланныхъ Маріи Ѳеодоровнѣ писемъ по этимъ брачнымъ проектамъ мы не отыскали въ дворцовомъ архивѣ.

*) Въ наше время, когда въ Германіи все совершенствуется, знаемъ мы про одно Нѣмецкое княжеское семейство, при дочеряхъ котораго находилась (лѣтъ 20 тому назадъ) Русская учительница изъ Петербургскаго института; такъ, на случай... П. Б.

цесса. Фридерика чувствовала особую привязанность. Все свое вниманіе молодая чета обратила на воспитаніе дѣтей, для которыхъ только что открылась въ будущемъ блестящая перспектива: старшій братъ Фридриха-Евгенія, Людвигъ-Евгеній, вслѣдствіе неравнаго брака, долженъ былъ отказаться въ 1763 г. за своихъ дѣтей отъ права наслѣдовать престолъ Виртембергскій, который, такимъ образомъ, долженъ былъ сдѣлаться рано или поздно достояніемъ дѣтей Фридриха-Евгенія, такъ какъ у самаго владѣтельнаго герцога Карла-Евгенія дѣтей не было. Надзоръ за подросшими старшими сыновьями принялъ на себя домашній секретарь Фридриха-Евгенія, землякъ и другъ Гёте, Іоганъ-Георгъ Шлоссеръ, который съ основательнымъ литературнымъ образованіемъ соединялъ, по словамъ Гёте, возвышенную и чистую натуру [29]). Шлоссеръ былъ незамѣнимымъ человѣкомъ для семейства Фридриха-Евгенія: онъ былъ и домашнимъ секретаремъ, и гувернеромъ, и веселымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ въ Трептовскомъ и Штеттинскомъ уединеніи, и живою энциклопедіей знаній. Въ тоже время это былъ Нѣмецъ съ головы до ногъ, поклонникъ реакціи противъ господствовавшаго въ Германіи Французскаго вліянія и поборникъ Германской самобытной литературы. Въ дѣлѣ воспитанія принцевъ онъ скоро получилъ себѣ тоже Нѣмецкихъ помощниковъ: Георга-Іонаѳана Голланда, извѣстнаго впослѣдствіи писателя и ученаго родомъ изъ Виртемберга, и офицера Прусской службы Фридриха Моклера, внука Французскаго эмигранта и сына лютеранскаго пастора, который обучалъ нѣкогда въ Штеттинѣ Екатерину II въ ея дѣтскіе годы. Голландъ завѣдывалъ по преимуществу научнымъ воспитаніемъ принцевъ, а Моклеръ, будучи ихъ воспитателемъ, долженъ былъ готовить ихъ къ свѣту и неизбѣжной для нихъ военной службѣ [30]). Главное руководство воспитаніемъ принцевъ принадлежало, однако, самому отцу, тогда какъ забота о воспитаніи дочери, принцессы Софіи-Доротеи, естественно, лежала на матери.

Но прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разсказу о дѣтскихъ годахъ принцессы Софіи, мы должны свести счетъ съ однимъ крупнымъ недоразумѣніемъ, касающимся этого періода ея жизни. Говоря о бóльшемъ вліяніи матери чѣмъ отца на воспитаніе принцессы Софіи-Доротеи, мы тѣмъ самымъ противорѣчимъ извѣстію, сообщаемому Штаркомъ [31]), о перепискѣ въ 1763 — 1765 годахъ Фридриха - Евгенія съ

---

[29]) Stark, 13.
[30]) Stark, 14—20.
[31]) Stark. 13—14.

Руссо по вопросу о воспитаніи принцессы Софіи, впослѣдствіи императрицы Маріи Ѳеодоровны. Для біографа Маріи Ѳеодоровны довольно обширная и интересная переписка эта дѣйствительно не можетъ не быть искушеніемъ, связывая ея семейство и воспитаніе съ именемъ блестящаго представителя педагогическихъ идей XVIII в. и рисуя довольно подробно характеръ этого воспитанія, тѣмъ болѣе, что прочія данныя о воспитаніи императрицы настолько отрывочны, что возсоздавать картину его можно лишь по обломкамъ или неяснымъ, едва замѣтнымъ очертаніямъ. Въ интересахъ истины нельзя, однако, не сознаться, что переписка эта можетъ, съ легкой руки Штарка, попасть въ біографію императрицы только по неосмотрительности вовлеченнаго въ искушеніе біографа. Прочитывая внимательно письма Руссо, указываемыя Штаркомъ и въ томъ числѣ знаменитое письмо, начинающееся словами: «Si j'avais le malheur d'être né prince», нельзя не видѣть, что по своему содержанію они относятся (какъ показываютъ и самые заголовки ихъ) не къ Фридриху-Евгенію, герцогу Виртембергскому, а къ брату его Людвигу-Евгенію [32]). Письма Руссо начинаются съ 29 Сентября 1763 г. и продолжаются по 18 Февраля 1765 г, и всѣ служатъ отвѣтами на вопросы герцога о воспитаніи его дочери Софіи. Совѣты Руссо, имѣя иногда общій характеръ, тѣмъ не менѣе ясно показываютъ, что они имѣютъ въ виду только что увидѣвшаго свѣтъ ребенка, и первыя проявленія его психической жизни; поэтому ихъ трудно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пріурочить къ дочери принца Фридриха-Евгенія, нашей императрицѣ, которой въ Октябрѣ 1763 г. минуло уже 4 года [33]). Точно также невозможно объяснить себѣ, почему Руссо, еслибы онъ обращался дѣйствительно къ принцу Фридриху, ни однимъ словомъ не упоминаетъ въ своихъ письмахъ о его старшихъ дѣтяхъ,

---

[32]) *Oeuvres complètes de J.-J. Rousseau.* t. XIX. Correspondance. 1763—1766. A Paris, 1820. p. III—285. Мы пользовались также экземпляромъ сочиненій Руссо изданія и 1793 г. изъ Императорской Публичной Библіотеки. Къ сожалѣнію мы не могли достать въ Петербургѣ Франкфуртскаго изданія, на которое ссылается Штаркъ, хотя тожественность писемъ Парижскаго и Франкфуртскаго изданій не подлежитъ сомнѣнію: самое важное изъ писемъ, начинающееся словами: „si j'avais le malheur d'être né prince", отсутствуетъ только въ Парижскомъ изданіи 1793 г.

[33]) Тамъ же, стр. 136, письмо отъ 15 Декабря 1763 г. .... „Vous voyez votre enfant précoce .... des enfants distinguent de bonne heure les odeurs comme différentes, comme faibles ou fortes, mais non pas comme bonnes ou mauvaises; la sensation vient de la nature; la preférence ou l'aversion n'en vient pas. Cette observation que j'ai faite en particulier sur l'odorat, n'est pas applicable aux autres sens; ainsi le jugement que la petite porte sur cet article est déjà une chose acquise: cela doit être. D'abord ses plaintes, ne marquant que l'inquiètude du malaise, ressemblaient à des pleurs. Maintenant l'expérience, qui apprend qu'on l'écoute et qu'on la soulage. Sa plainte est donc devenue un langage; au lieu de pleurer elle parle à sa manière".

а напротивъ, пишетъ принцу, какъ лицу, которому только въ первый разъ приходится исполнять свои родительскія обязанности; а въ концѣ переписки упоминается даже о рожденіи «втораго ребенка» (second enfant) и, стало быть, принцесса Софія, о которой идетъ рѣчь въ письмѣ, была первымъ плодомъ брака своихъ родителей [34]). Наконецъ, нельзя отнести къ Фридриху-Евгенію и тѣхъ мѣстъ изъ писемъ Руссо, гдѣ онъ говоритъ о своемъ высокомъ корреспондентѣ, какъ о жителѣ Швейцаріи, въ которой жилъ тогда и самъ Руссо [35]). Мало того, Руссо вспоминаетъ о своей встрѣчѣ съ принцемъ въ Пасси, во Франціи, за восемь или десять лѣтъ до начала своей переписки съ нимъ, а Фридрихъ-Евгеній за время отъ своего брака до начала Семилѣтней войны во Франціи не былъ [36]). Между тѣмъ, всѣ эти недоумѣнія легко объясняются, если мы отвергнемъ утвержденіе Штарка и не будемъ отрицать вѣрности самихъ заголовокъ писемъ, находящихся и въ старыхъ Французскихъ изданіяхъ: «A m-r le prince *Louis*-Eugène de Wirtemberg.» Принцъ Людвигъ-Евгеній вступилъ въ неравный бракъ съ дочерью Саксонскаго тайнаго совѣтника графиней Софіей-Альбертиной фонъ-Бейхлингенъ. Этотъ неравный бракъ Людвига-Евгенія имѣлъ своимъ слѣдствіемъ, какъ мы уже видѣли это, семейный договоръ въ средѣ Виртембергской фамиліи, по которому дѣти Людвига-Евгенія отъ этого брака лишались правъ на престолонаслѣдіе. Страстно любя свою жену и предпочитая тихую семейную жизнь обычной шумной, но тяжелой судьбѣ Нѣмецкихъ служилыхъ принцевъ того времени, Людвигъ-Евгеній удалился въ частную жизнь и поселился въ Швейцаріи, гдѣ для своего мѣстопребыванія избралъ знаменитую въ то время Лозанну, главный городъ Ваадтскаго кантона [37]). Все счастіе и весь интересъ молодыхъ супруговъ сосредоточился на воспитаніи родившихся у нихъ въ 1763—1764 гг. двухъ дочерей, изъ которыхъ первая, носившая имя Софіи, и сдѣлалась предметомъ оживленной переписки ея отца съ Руссо. Людвигъ-Евгеній тѣмъ съ бо̀льшимъ основаніемъ заботился о возможно-лучшемъ и чуждомъ предразсудковъ образѣ воспитанія своихъ дочерей, что онѣ, по своему рожденію, должны были лишиться правъ,

---

[34]) Тамъ же, 206. J'apprends aves plus do chagrin que de surprise l'accident qui vous a forcé d'ôter à votre *second* enfant sa nourrice naturelle"...

[35]) Тамъ же, 143, 166. Тиссо, упоминаемый въ разбираемой нами перепискѣ, какъ лицо наблюдавшее за физическимъ воспитаніемъ принцессы Софіи, былъ знаменитымъ Швейцарскимъ врачемъ того времени. Письмо Руссо жительницѣ Ваадтскаго кантона, которой онъ совѣтовалъ наблюдать за воспитаніемъ принцессы Софіи и взять его за образецъ при воспитаніи собственной дочери, пропущено въ изданіи сочиненій Руссо 1820 года, но напечатано въ Парижскомъ изданіи 1793 года.

[36]) Тамъ же, стр. 144.

[37]) *Vehse*, 4-er Theil, стр. 4.

которыя присвоены были членамъ царствующихъ домовъ, и войти въ разрядъ простыхъ смертныхъ; принцесса Софія впослѣдствіи вышла замужъ за князя Эттингенъ-Валлерштейнъ [38]). Впрочемъ, Штаркъ вовлеченъ былъ въ ошибку относительно переписки Людвига-Евгенія съ Руссо подобной же ошибкою славнаго современника обоихъ принцевъ Виртембергскихъ, Гёте, на котораго Штаркъ и ссылается [39]). Между тѣмъ разгадка ошибки Гёте проста: называя герцога Фридриха неправильно герцогомъ Людвигомъ [40]), Гёте и не могъ сомнѣваться, что письма Руссо адресованы были именно къ нему.

Отвергнувъ достовѣрность переписки Руссо съ Фридрихомъ-Евгеніемъ, мы, однако, не можемъ не признать косвеннаго участія Руссо въ дѣлѣ воспитанія его дочери. Безъ сомнѣнія, родители принцессы Софіи-Доротеи, подобно другимъ своимъ современникамъ, не могли не поддаться вліянію увлекательнаго краснорѣчія, съ какимъ Руссо именно въ то время распространялъ свои воспитательныя теоріи. Въ особенности важны были въ этомъ смыслѣ два его сочиненія, вышедшія въ 1761 и 1762 годахъ: «Новая Элоиза» и «Эмиль» [41]). Обѣ эти книги были горячимъ протестомъ противъ мертвенности въ душевной жизни человѣка того времени, совсѣмъ уходившаго во внѣшній міръ и строго подчинявшагося застарѣвшимъ началамъ окружавшей его среды. Вмѣсто искусственности и дѣланности общественныхъ и частныхъ отношеній, за блестящей казовой стороной которыхъ скрывались крайняя развращенность и пустота, Руссо, въ обоихъ названныхъ своихъ сочиненіяхъ, выдвигаетъ на первый планъ близость къ природѣ, развитіе сердца въ человѣкѣ и добродѣтель, основанную на чувствѣ. Очищеніе нравовъ, по мнѣнію Руссо, могло выйти только изъ очищенія упавшей семейной жизни, а для этого слѣдовало возбудить въ людяхъ развитіе внутренней жизни и любовь къ природѣ и ея красотамъ. «И съ какой глубокой сердечностью, говоритъ Геттнеръ, умѣетъ Руссо изображать сладкія прелести тихо счастливой жизни, тѣ сладкія заботы о домѣ и дѣтяхъ, о садѣ и полѣ, которыя даже и не заботы, потому что въ нихъ самихъ заключено уже, какъ вознагражденіе, чувство сердечнаго довольства»! [42]) Нѣмцы и Нѣмки, всегда болѣе чѣмъ

---

[38]) Тамъ же, стр. 6.

[39]) *Stark*, стр. 13—14.

[40]) Тамъ же, стр. 13.

[41]) *Геттнеръ*: „Исторія всеобщей литературы XVIII в.“, т. II.—Шлоссеръ относитъ появленіе „Новой Элоизы“ къ 1759 году; см. его „Исторію XVIII и начала XIX в.“, т. II, 357.

[42]) *Геттнеръ*: Исторія всеобщей литературы XVIII в., т. II.

Французы склонные къ сентиментальности, особенно восприняли ученіе Руссо и довели его впослѣдствіи даже до крайностей. Сухость, разсудочность Вольтера и энциклопедистовъ не могла удовлетворить проявлявшейся потребности въ живомъ, тепломъ словѣ, созидавшемъ религію сердца и добродѣтель чувства. Вотъ почему идиллія Руссо, предполагавшая естественныхъ людей въ ихъ естественныхъ отношеніяхъ, быстро стала вытѣснять въ Германіи и старинный, суровый семейный бытъ, и новѣйшую, Французскую отчужденность родителей отъ дѣтей, придавая отношеніямъ старшихъ къ младшимъ теплый, мягкій характеръ. Мало по малу стала вырабатываться и потребность жизни среди природы, красоты которой также воспитательнымъ образомъ дѣйствовали на душу человѣка, замѣняя выспренность глубиною чувства. У нѣкоторыхъ любовь къ природѣ развивалась до страсти, особенно любовь къ цвѣтамъ, которая съ того времени стала считаться несомнѣннымъ проявленіемъ только людей добрыхъ. Въ Нѣмецкой натурѣ, такимъ образомъ, развивалось то прекраснодушіе, та «Schönseligkeit», которая особенно отличала привилегированныхъ Нѣмцевъ конца прошлаго столѣтія и выразилась въ Нѣмецкихъ литературныхъ произведеніяхъ періода Sturm und Drang.

Особенно жаркой поклонницей Руссо была супруга принца Фридриха-Евгенія, принцесса Фредерика-Доротея; благородной, нѣжной натурѣ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ сердечный призывъ Руссо къ добродѣтели и любви. Для нея «Эмиль» дѣйствительно сдѣлался евангеліемъ природы въ дѣлѣ воспитанія (Naturevangelium der Erziehung—слова Гёте). Много лѣтъ спустя, перечитывая Руссо, она писала Маріи Θеодоровнѣ, что «Эмиль» составляетъ ея предпочтительное чтеніе (toute première lecture [43]); посылая ей же для малолѣтняго сына ея Александра, будущаго воспитанника Лагарпа, бюсты Вольтера и Руссо, она замѣтила: «Каждый изъ этихъ великихъ людей имѣлъ выдающіяся достоинства, но послѣдній (Руссо) въ особенности заслуживаетъ уваженіе (le dernier surtout en possédait de bien estimable» [44]). Правда, система воспитанія, предлагавшаяся въ сочиненіяхъ Руссо, не соотвѣтствовала пышной обстановкѣ княжескихъ дворовъ того времени, и Руссо, какъ авторъ этой системы, имѣлъ основаніе сказать, что «онъ счелъ бы себя несчастнымъ, еслибы онъ былъ принцемъ и въ этомъ санѣ долженъ былъ бы заботиться о воспитаніи

---

[43]) *Архивъ Павловскаго дворца.* Письмо матери Маріи Θеодоровны отъ 25 Ноября 1780 года.

[44]) Тамъ же. Письмо матери императрицы Маріи Θеодоровны 9 Января 1779 года.

своихъ дѣтей» [45]); но родители принцессы Софіи-Доротеи не были похожи на тѣхъ принцевъ, которыхъ рисовалъ себѣ Руссо и для которыхъ забота о своихъ дѣтяхъ отступала на второй планъ, сравнительно съ другими обязанностями, сопряженными съ ихъ званіемъ. Въ Трептовѣ Виртембергская семья жила на лонѣ природы, какъ живутъ семьи образованныхъ и зажиточныхъ помѣщиковъ; окружали ее не придворные, а умные, нравственные люди, навсегда сдѣлавшіеся ея друзьями; строгій порядокъ и экономія господствовали въ домашнемъ быту, вообще очень скромномъ, благосостояніе котораго поддерживалось лишь хозяйственными способностями принцессы Доротеи. Ея дядя Фридрихъ II могъ въ самомъ Берлинѣ служить ей примѣромъ крайней бережливости; притомъ вся семья жила чрезвычайно дружно, отношенія между ея членами были всегда самыя ласковыя и теплыя [46]). Все это, образуя дѣтскія впечатлѣнія малолѣтней принцессы Софіи-Доротеи, опредѣляло развитіе добрыхъ свойствъ ея характера; а жизнь на вольномъ воздухѣ, среди садовъ и цвѣтниковъ, столь любимыхъ ея матерью, внушила ей съ дѣтства любовь къ природѣ и надѣлила ее крѣпкимъ здоровьемъ.

Обстановка младенческихъ лѣтъ не могла, однако, предрѣшить окончательно системы и характера воспитанія принцессы Софіи-Доротеи. Воспитаніе сыновей, имѣвшихъ опредѣленную цѣль жизни—жизнь при дворѣ и военную службу, не могло слишкомъ удаляться отъ обычной колеи; другое дѣло было воспитаніе женщины, цѣль и характеръ котораго вызывали и въ то время, какъ и теперь, самыя противорѣчивые сужденія и взгляды. Можно, впрочемъ, сказать, что въ Германіи XVIII в. господствовали двѣ крайнія системы женскаго образованія: Французская и Нѣмецкая. Одни, воспринявъ вмѣстѣ съ Французскимъ образованіемъ и Французскій взглядъ на женщину, видѣли въ ней, главнымъ образомъ, украшеніе семьи и общества; по этому эпикурейскому взгляду, воспитаніе женщины долженствовало сообщить ей качества и свѣдѣнія, необходимыя для того, чтобы блистать въ обществѣ. Оттого на первомъ планѣ для офранцуженной женщины стояло изученіе хорошихъ манеръ, музыки, танцевъ, изящныхъ рукодѣлій и изящнаго рисованія; къ этому присоединялись полное изученіе Французскаго разговорнаго языка, знакомство съ лучшими литературными произве-

[45]) Oeuvres complètes de J.-J. Rousseau, t. XIX, стр. 114—115.

[46]) Принцесса Доротея, безъ сомнѣнія, была главной виновницей этого семейнаго настроенія. „Ma tendresse, писала она Маріи Ѳеодоровнѣ 18 Октября 1780 года, était égale pour mes enfans.... La sensibilité maternelle à mon coeur est une souffrance de plus que j'éprouve“. *Архивъ Павловскаго дворца.*

деніями и такія поверхностныя свѣдѣнія изъ научныхъ предметовъ, которыя могли бы позволить женщинѣ, не краснѣя, принимать участіе въ разговорахъ свѣтскаго общества. Такое воспитаніе, лишенное всякой нравственной основы, вполнѣ, впрочемъ, соотвѣтствовало распаденію Французской семьи и легкости нравовъ Французскаго общества, гдѣ на женщину смотрѣли какъ на игрушку. Естественно, что, распространившись въ высшихъ слояхъ Германскаго общества, воспринявшихъ Французскую образованность, эта система воспитанія не могла прійтись по душѣ большинству патріархальныхъ Нѣмцевъ, которые, наоборотъ, въ женщинѣ выше всего цѣнили ея семейныя добродѣтели. Строгое благочестіе, знаніе всѣхъ хозяйственныхъ мелочей и домашнія заботы о мужѣ и дѣтяхъ,—вотъ что опредѣляло въ большинствѣ случаевъ кругъ воспитанія Нѣмецкой женщины XVIII в. Умѣнье читать, считать и писать, Законъ Божій и изученіе искусствъ и рукодѣлій съ полезной ихъ стороны считалось совершенно достаточнымъ образовательнымъ курсомъ. За то Нѣмка того времени дѣйствительно была душой семьи и въ нравственномъ отношеніи стояла несравненно выше своихъ офранцуженныхъ соотечественницъ. Этого преимущества Нѣмецкаго воспитанія не могли не видѣть и ему не сочувствовать такія высоко-нравственныя натуры, какъ принцесса Доротея; но она же, по необходимости, въ виду самой будущности своихъ дочерей-принцессъ, должна была заботиться объ усвоеніи ими и свѣтскаго Французскаго образованія. Стремленіемъ согласить эти двѣ крайнія системы женскаго воспитанія, удержавъ однѣ ихъ хорошія стороны, принцесса Доротея задалась довольно рано, еще до рожденія своей старшей дочери принцессы Софіи-Доротеи. Сохранилась до настоящаго времени ея записная тетрадь, относящаяся къ 1749—1758 г., куда молодая супруга-мать вносила и свои мысли по разнымъ предметамъ, и извлеченія изъ сочиненій лучшихъ писателей, почему либо обратившія на себя ея вниманіе [47]). Во главѣ этихъ извлеченій поставлено слѣдующее стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Philosophie des Femmes»:

---

[47]) *Архивъ Павловскаго дворца:* Études de Sa Majesté Impériale, связка первая. Въ этой же тетради находятся стихотворенія Фридриха II, обращенныя имъ къ Арко и друг.; нѣкоторыя стихотворенія, довольно гладко написанныя, не принадлежатъ ли перу самой августѣйшей любительницы литературы? Большая часть стихотвореній посвящена дружбѣ и прославленію добродѣтели, чѣмъ выразилась сентиментальность принцессы. Заглавія ихъ слѣдующія: „Des avantages de l'amitié“, „Du choix de ses amis“, „Des vices qui corrompent l'amitié“, „Les blessures d'un ami sont meilleurs que le baiser flatteur d'un ennemi“, etc. Между прозаическими статьями обращаетъ на себя вниманіе небольшой отрывокъ, восхваляющій Фридриха II-го.

Il n'est pas honnête, et pour beaucoup de causes,
Qu'une femme étudie et sache tant de choses.
Former aux bonnes moeurs l'esprit de ses enfans,
Faire aller son ménage, avoir l'oeil sur les gens
Et régler la dépense avec économie:
Doit être son étude et sa philosophie [48]).

Еще яснѣе обрисовывается взглядъ принцессы Доротеи на женское воспитаніе въ слѣдующемъ «Avis d'une bonne mère à la fille», находящемся въ той же тетради: «Во всѣ времена пренебрегали воспитаніемъ дочерей; обращали на него вниманіе только ради интересовъ мужчинъ и, считая женщинъ ничтожествомъ (une espèce à part), предоставляли ихъ самимъ себѣ безъ всякой помощи, не принимая въ соображеніе, что онѣ составляютъ половину человѣческаго рода, что съ ними по необходимости вступаютъ въ союзы, что онѣ составляютъ счастіе или несчастіе мужчинъ, которые постоянно чувствуютъ необходимость имѣть разумныхъ женъ; что именно женщины возвышаютъ или губятъ семейства и что отъ женщинъ же зависитъ воспитаніе дѣтей въ ихъ самомъ нѣжномъ возрастѣ, когда всѣ впечатлѣнія бываютъ болѣе живы и болѣе глубоки. Что̀ же женщины могутъ внушить въ это время дѣтямъ, когда онѣ сами съ дѣтства были брошены на руки гувернанткамъ, которыя, какъ обыкновенно это бываетъ, внушаютъ имъ низкія чувства, будятъ постыдныя страсти и, вмѣсто вѣры, внѣдряютъ въ нихъ суевѣріе? Скорѣе слѣдовало бы подумать о томъ, чтобы сдѣлать наслѣдственными извѣстныя добродѣтели, которыя переходили бы отъ матери къ дѣтямъ, чѣмъ о томъ, чтобы сохранять въ потомствѣ родовыя имущества. Ничего, слѣдовательно, нѣтъ болѣе ошибочнаго, какъ то воспитаніе, которое даютъ молодымъ особамъ. Ихъ предназначаютъ только къ тому, чтобы онѣ нравились; уроки даютъ имъ только для забавъ, усиливаютъ тщеславіе, оставляютъ на жертву нѣгѣ, свѣту и предразсудкамъ, и вовсе не думаютъ учить ихъ твердости и добродѣтели. Несправедливо или, лучше, безразсудно думать, что подобное воспитаніе не принесетъ женщинамъ вреда».

Эти выписки вполнѣ доказываютъ справедливость словъ друга дѣтства императрицы Маріи Θеодоровны, баронессы Оберкирхъ, что принцесса Доротея презирала легкомысліе и пустоту Французскихъ нравовъ и

---

[48]) „По многимъ причинамъ для женщины нѣтъ почета въ томъ, что она будетъ изучать и знать слишкомъ многое. Дать нравственное направленіе уму своихъ дѣтей, вести свое хозяйство, имѣть надзоръ за слугами и быть бережливой въ расходахъ,—вотъ что̀ должно быть предметомъ изученія жѐнщины и составлять ея философію".

не допускала, чтобы вліяніе ихъ могло коснуться ея дочери [49]). Считая, такимъ образомъ, какъ истая Нѣмка того времени, развитіе сердца и семейныхъ добродѣтелей одною изъ главнѣйшихъ задачъ при воспитаніи дочери, образованная и благородная принцесса не могла, однако, не сознавать важности для нея умственнаго и свѣтскаго образованія; но образованіе это, данное ея дочери, при всей бѣдности тогдашней Нѣмецкой литературы и господствѣ Французскаго вліянія, по духу своему было скорѣе Нѣмецкимъ, чѣмъ Французскимъ: суровое протестантское благочестіе и Нѣмецкій патріотизмъ придали ему недостававшую Французамъ строгость и основательность.

Для характеристики первыхъ годовъ воспитанія императрицы Маріи Θеодоровны, столь самостоятельно направляемаго ея нѣжной матерью, мы, къ счастію, владѣемъ драгоцѣннымъ документомъ, это— дѣтскими письмами Маріи Θеодоровны къ отцу и матери въ концѣ 1768 г. и началѣ 1769 годовъ [50]). Въ это время родители ея готовились къ переселенію въ Монбельяръ, Виртембергское владѣніе во Французскихъ предѣлахъ, и должны были для этой цѣли ѣздить въ Штутгартъ и Берлинъ. Маленькая принцесса, которой едва исполнилось тогда девять лѣтъ, оставалась въ Трептовѣ на попеченіи своей гувернантки, г-жи Боркъ, которая нѣжно любила свою царственную воспитанницу и, въ свою очередь, внушила ей къ себѣ на всю жизнь искреннія чувства привязанности и благодарности [51]). Одиночество принцессы Софіи-Доротеи раздѣляли съ ней ея братья, бывшіе на два года моложе другъ-друга: Фридрихъ, 14-лѣтній юноша, Людвигъ, Евгеній, Вильгельмъ и младшій, шестилѣтній Фердинандъ; кромѣ того съ нею оставались и двѣ малолѣтнія сестры, родившіяся въ Трептовѣ послѣ Семилѣтней войны: четырехлѣтняя Фредерика и двухлѣтняя Елисавета. Лица, видѣвшія принцессу Софію-Доротею около этого времени, сообщаютъ, что девятилѣтняя принцесса уже оправдывала собою заботы матери: высокаго роста, блистая здоровьемъ и замѣчательной красотой, она по своему физическому развитію казалась значительно старше сво-

---

[49]) *Oberkirch.* Mémoires, t. I, p. 251.

[50]) *Архивъ Павловскаго дворца*: Études de S. M. I-le, связка I. Сохранились они въ черновомъ своемъ видѣ, въ трехъ тетрадяхъ, на четвертках простой сѣрой бумаги. Всѣ они писаны собственноручно принцессой Софіей-Доротеей, дѣтскимъ, неустановившимся еще почеркомъ. Къ сожалѣнію, листы нѣкоторыхъ писемъ оторваны.

[51]) Въ своемъ завѣщаніи императрица Марія Θеодоровна (Русская Старина, 1882 г., т. XXXIV, 331) упоминаетъ про кольцо изъ маркизата, которое она получила въ подарокъ отъ г-жи Боркъ и которое носила въ память ея съ дѣтства до конца жизни, пока наконецъ, оно не сломалось. О г-жѣ Боркъ и ея мужѣ, занимавшемъ должность гофмейстера при Фридрихѣ-Евгеніѣ, см. *Oberkirch*, I,37.

ихъ лѣтъ, а выдающимися нравственными ея чертами были кротость ея характера и чрезвычайная доброта, отпечатлѣвавшіяся на самой наружности [52]). Около этого же времени, нежданно для молоденькой принцессы и въ полной неизвѣстности для нея, въ Трептовское уединеніе проникъ первый лучъ того будущаго величія, о которомъ могли только мечтать родители при ея рожденіи. Весною 1768 года извѣстный агентъ Екатерины при Германскихъ дворахъ, Ассебургъ, которому поручено было подыскать среди Германскихъ принцессъ невѣсту для Павла Петровича, посѣтилъ, проѣздомъ черезъ Померанію, Трептовъ, и провелъ нѣсколько времени среди неподозрѣвавшаго его цѣлей семейства Фридриха-Евгенія. Достоинства принцессы Софіи-Доротеи, къ которой Ассебургъ имѣлъ полную возможность присмотрѣться, привели стараго дипломата въ такое восхищеніе, что онъ тогда же писалъ о томъ Екатеринѣ, намѣчая въ молодой принцессѣ одну изъ кандидатокъ въ супруги Павлу Петровичу [53]). Съ отъѣздомъ матери принцесса Софія какъ бы заступила мѣсто хозяйки дома, на сколько это было возможно при ея возрастѣ, и еженедѣльно писала своимъ родителямъ, давая имъ отчетъ о домѣ и освоихъ занятіяхъ. Въ этихъ письмахъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются свѣтлыя и симпатичныя стороны ея дѣтской натуры и скромный семейный бытъ, ее воспитывавшій. Нужно замѣтить, что въ черновыхъ тетрадяхъ, сохранившихъ для насъ эти письма маленькой принцессы, между письмами къ ея родителямъ переписаны также, очевидно для упражненія въ эпистолярномъ изложеніи мыслей, нѣкоторыя письма знаменитой m-me Севинье къ своей дочери и зятю. Эти образцовыя по формѣ письма должны были, безъ сомнѣнія по мысли матери принцессы, пріучить дѣвочку къ правильному изложенію мыслей и выработать изящный слогъ. Письма принцессы Софіи, всѣ на Французскомъ языкѣ, довольно правильно для ребенка писанныя, хотя часто безъ знаковъ препинанія, начинаются письмомъ отъ 27 Сентября 1768 года. Мы приведемъ здѣсь самыя интересныя изъ нихъ, дышащія невинностію и свѣжестію.

27-го Сентября маленькая Софія-Доротея писала своимъ родителямъ: «Я была чрезвычайно обрадована, узнавъ отъ г. Моклера, что вы чувствуете себя такъ хорошо; но печальная новость о продолжающихся страданіяхъ дорогаго папа [54]) очень уменьшила мою радость, и я желаю отъ глубины моего сердца, чтобы эти страданія прекрати-

---

[52]) *Assebourg*, Denkwürdigkeiten, Berlin, 1842, стр. 246.—*Oberkirch*, 1,20.

[53] *Assebourg*, Denkwürdigkeiten, стр. 146—147.

[54] Отъ раны при Куннерсдорфѣ. Мы стараемся сдѣлать переводъ какъ можно ближе къ подлиннику, сохраняя особенности дѣтскаго языка.

лись и чтобы мы имѣли счастіе вскорѣ вновь увидѣть своихъ дорогихъ родителей въ полномъ здоровьѣ. Я льщу себя надеждой, что скоро всѣ мы будемъ имѣть эту невыразимую радость, потому что не проходитъ ни обѣда, ни ужина, даже часа въ теченіе дня безъ того, чтобъ мы не думали объ этомъ. Дни проходятъ въ пожеланіяхъ, и скоро наступитъ тотъ, котораго мы такъ ожидаемъ. Такъ какъ г-жа Боркъ дала мнѣ только маленькій клочекъ бумаги, то пора мнѣ сказать вамъ о своихъ занятіяхъ. Мы изучали всѣ обыкновенныя карты Германскихъ округовъ, за исключеніемъ округа Верхне-Саксонскаго, котораго мы не знаемъ еще совершенно, не изучивъ его сѣверной части. Я буду имѣть честь говорить вамъ о картѣ Нижней Саксоніи. Церковныя владѣнія Нижне-Саксонскаго округа суть два епископства: Гильдесгеймское и Любекское, изъ которыхъ послѣднее есть единственное лютеранское епископство въ Германіи, котораго епископъ всегда бываетъ изъ Голштинскаго герцогскаго дома. Свѣтскія владѣнія этого округа суть герцогства: Бременское, Саксенъ-Лауенбургское и Браупшвейгъ-Люнебургское и княжества Календергъ и Грубенлангенъ, которыя всѣ принадлежатъ курфюрсту Ганноверскому. Герцогство Магдебургъ и княжество Гальберштадтъ.... Герцогство Голштейнъ, котораго часть принадлежитъ Датскому королю, а часть Русской императрицѣ или, скорѣе, великому князю Павлу, потому что его отецъ Петръ III-й, Русскій императоръ, происходилъ изъ этого дома».... Далѣе слѣдуетъ то же утомительное перечисленіе Нѣмецкихъ княжествъ и городовъ. Письмо заканчивается слѣдующими словами: «Въ ближайшую почту я буду имѣть честь написать вамъ изъ исторіи, и останавливаюсь сегодня, прося васъ, дорогіе родители, вѣрить въ мое глубочайшее уваженіе». И въ другихъ письмахъ мы по большей части видимъ, что, на ряду съ извѣстіями о себѣ и другихъ членахъ семьи, маленькая принцесса излагаетъ уроки, полученные ею по разнымъ предметамъ. Это ясно доказываетъ, какую важность придавали ея родители научному образованію, слѣдя за нимъ по письмамъ дочери даже въ отдаленіи. Мы воспользуемся этими выдержками при изложеніи хода ученія принцессы, теперь же обратимъ вниманіе на ея семейное положеніе, разсказывая о которомъ принцесса, въ дѣтской невинности и во всей прелести развивающагося нравственнаго самосознанія, невольно характеризуетъ въ тоже время и самоё себя.

Въ письмѣ отъ 5-го Октября она такъ рисуетъ бытъ семьи и выражаетъ свои чувства: «Мы всѣ внѣ себя отъ восхищенія, что мои милые родители думаютъ еще о своихъ бѣдныхъ дѣтяхъ, которыя ихъ нѣжно любятъ. Мы всѣ почтительно благодаримъ васъ за деньги, которыя вы имѣли

доброту прислать намъ. Маленькій Фердинандъ все просилъ меня повергнуть его къ ногамъ обожаемыхъ родителей и сказать имъ, что онъ имъ будетъ очень признателенъ и что онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы научиться читать къ тому времени, когда мы вновь увидимъ себя у ногъ своихъ дорогихъ родителей. Я почтительно прошу у васъ прощенія за то, что мнѣ случилось въ моемъ послѣднемъ письмѣ [55]) просить васъ о присылкѣ необходимыхъ чашекъ, которыя теперь у насъ есть: я должна была сказать себѣ, что ваша доброта предвидитъ всѣ наши нужды. Г-жа Боркъ приказала мнѣ вести счетъ тѣмъ двумъ экю, которыя она по вашимъ щедротамъ передала мнѣ, такъ что мои обожаемые, дорогіе родители увидятъ, что я не дѣлаю расходовъ безъ надобности и что я стала очень экономной, не будучи, однако, скупой; потому что я думаю, что это порокъ самый ужасный для молодой особы и что это есть источникъ всѣхъ пороковъ. Обожаемая моя мама! Могу ли я просить у васъ извѣстій о вашемъ драгоцѣнномъ здоровьи, и прошли ли у моего дорогаго папа страданія отъ ноги? Я желаю этого отъ всего моего сердца, потому что я бываю очень несчастна, когда знаю, что страдаетъ кто-нибудь изъ моихъ дорогихъ родителей. Чрезъ почту, которая пойдетъ въ Воскресенье, я буду имѣть честь отдать вамъ отчетъ въ своихъ занятіяхъ на этой недѣлѣ и надѣюсь своимъ прилежаніемъ доказать глубочайшее уваженіе, съ которымъ я и проч.»

Въ концѣ Октября всѣ дѣти переболѣли. Принцесса такъ извѣщала объ этомъ своихъ родителей 28 Октября: «Извините, обожаемая мама, что я не имѣла чести писать вамъ въ послѣдній разъ. У меня болѣлъ желудокъ, и это удерживало меня въ постели; но теперь, слава Богу, я совершенно поправилась. Мой дорогой дѣдушка [56]) былъ такъ добръ, что прислалъ г. Берендта, хотя теперь мы уже не имѣемъ въ немъ нужды, потому что все идетъ хорошо [57]). Братья Людвигъ и Евгеній обѣдаютъ уже съ нами, и надѣются, что братья Фердинандъ и Вильгельмъ тоже вскорѣ встанутъ. Мои братья были такъ добры, что сдѣлали мнѣ очень красивые подарки въ день моего рожденія» [58]). Въ свою очередь и принцесса дарила братьевъ, когда праздновались ихъ дни

---

[55]) Этого письма нѣтъ въ черновыхъ тетрадяхъ (Études de S. M. I-le) Павловскаго дворца.

[56]) Маркграфъ Бранденбургъ-Шведтскій.

[57]) Принцесса написала сначала: „mais Dieu merci, tout va bien“. Эти слова зачеркнуты, и рукою гувернантки написано: „quoique nous n'en ayons plus besoin, car tout va bien“. Эта поправка г-жи Боркъ—почти единственная въ цѣломъ рядѣ писемъ, хотя вліяніе ея наставленій чувствуется иногда въ письмахъ

[58]) 14 Октября по старому стилю, и 25 Октября по новому.

рожденія. Но эти дѣтскіе праздники не могли быть веселы, такъ какъ болѣзнь оказалась болѣе важною, чѣмъ думали,—страшной въ то время оспой, и помощь доктора Берендта была не только не лишней, но существенно успокоивала пришедшую въ уныніе семью. Можно представить себѣ, какъ тосковали при такихъ обстоятельствахъ дѣти въ отсутствіи горячо любимыхъ отца и матери, и выразительницей ихъ чувствъ была постоянно та же принцесса Софія-Доротея, хотя ея нездоровье также продолжалось. Родители съ своей стороны старались издалека ободрять и веселить больныхъ. 8-го Ноября Софія-Доротея писала: «Я тронута была до глубины души, обожаемая мама, когда г-жа Боркъ передала мнѣ о всѣхъ милостяхъ и добротѣ вашей къ бѣднымъ вашимъ дѣтямъ. Но, слава Богу, они совершенно оправились. Людвигъ еще въ постели, но чувствуетъ себя довольно хорошо. Вильгельмъ обѣдалъ вмѣстѣ съ нами и сегодня въ первый разъ танцовалъ съ нами. Фридрихъ также могъ бы выйти, еслибъ не боялись, что онъ можетъ заразить Фердинанда, такъ какъ онъ постоянно вмѣстѣ съ Людвигомъ. Я не совсѣмъ здорова, но не боюсь оспы, которая была у меня прежде». Когда, наконецъ, карантинъ кончился, дѣти нѣсколько ожили. «Мы чрезвычайно рады», писала принцесса 12 Ноября: «Людвигъ теперь внѣ всякой опасности. Г-жа Боркъ была вчера у него и сказала мнѣ, что его оспины совершенно засохли, за исключеніемъ оспинъ на носу».

При этихъ тяжелыхъ семейныхъ обстоятельствахъ и при ея собственномъ нездоровьи, учебныя занятія принцессы, а равно и хозяйственныя хлопоты продолжались своимъ чередомъ. «Я почтительно прошу у васъ, безцѣнная мама, писала Софія-Доротея 12 Ноября, немного денегъ, а также чашекъ, потому что всѣ чашки здѣсь разбиты, даже чашка маленькаго Фердинанда, и г-жа Боркъ снабжаетъ насъ своими; но и изъ нихъ двѣ уже разбиты. Извините, дорогая мама, что я постоянно сообщаю вамъ о нашихъ общихъ нуждахъ; мнѣ поручили это младшіе мои братья и позволила г-жа Боркъ. Я не стала бы надоѣдать вамъ, еслибы къ этому не принудила меня необходимость». Уже 17-го Ноября маленькая добрая хозяйка думаетъ объ удовольствіи, которое она можетъ доставить прислугѣ своими подарками въ день Рождества Христова, и проситъ мать дозволить ей подарить горничной Гретхенъ нѣкоторыя свои вещи. «Онѣ уже такъ изношены, увѣряла она, что я не могу ихъ больше употреблять»; той же участи должно было подвергнуться и ея платье изъ Страсбурга, на томъ основаніи, что оно сдѣлалось принцессѣ коротко. «Я надѣюсь, прибавляла она, что вы не откажете мнѣ въ этой милости, вы, которая балуете меня болѣе, чѣмъ я этого заслуживаю; по крайней мѣрѣ, я умѣю быть благодарной, и ничто не можетъ сравниться съ моимъ

къ вамъ уваженіемъ, благодарностью и покорностью»[59]). И на праздникахъ добрая дѣвочка думала не объ одной себѣ; когда отецъ прислалъ ей въ подарокъ денегъ къ празднику, она писала матери: «я была тѣмъ болѣе тронута, что не ожидала этой доброты, доставившей мнѣ возможность помочь бѣднымъ»[60]).

Новый 1769 годъ встрѣтила Софія-Доротея невесело. Едва выздоровѣли ея братья, какъ она получила извѣстіе, что страданія ея отца отъ раны возобновились съ новой силой. Къ родителямъ своимъ она вообще питала самую сильную, нѣжную дочернюю любовь и старалась всячески заслужить ихъ одобреніе. Тѣмъ болѣе она была огорчена, когда, въ началѣ 1769 года, ея мать выразила въ письмѣ къ г-жѣ Боркъ неудовольствіе по поводу какого-то дѣтскаго проступка своей дочери. Отчаяніе Софіи-Доротеи не знало предѣловъ, и она написала матери, умоляя ее о прощеніи и говоря даже, что она недостойна носить имя своихъ обожаемыхъ родителей. Вслѣдъ затѣмъ ея сердцу, страдавшему отъ разлуки съ родителями, суждено было испытать новое огорченіе, вслѣдствіе отъѣзда всѣхъ пяти ея братьевъ въ Швейцарію, въ Лозанну, куда они отправлены были, по приказанію отца, въ сопровожденіи воспитателя ихъ Моклера, для довершенія образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она не могла не сочувствовать имъ, такъ какъ на пути своемъ они должны были увидѣться съ родителями и провести съ ними нѣкоторое время[61]). Софія-Доротея осталась только съ двумя маленькими сестрами—Фредерикой и Елисаветой и тосковала въ опустѣвшемъ для нея Трептовѣ. Ея уединеніе раздѣляла съ нею подруга ея дѣтства, дѣвица Шиллингъ фонъ Канштатъ, о которой она упоминаетъ иногда въ своихъ письмахъ. Домашніе, зная привязанность принцессы къ ея братьямъ, не предувѣдомили ея объ ихъ отъѣздѣ, а гувернантка г-жа Боркъ даже увезла ее погостить къ своей матери въ день, когда они должны были уѣхать, чтобы отвратить потоки слезъ на прощаніи съ ними своей мягкой и чувствительной ученицы. «Безцѣнные и дорогіе мои братья, писала имъ огорченная сюрпризомъ сестра, я была въ отчаяніи, когда, возвратившись изъ Колпина, я уже не нашла васъ, мои дорогіе, и сердце мое страдаетъ еще болѣе, потому что вы уѣхали, не доставивъ мнѣ печальнаго утѣшенія проститься съ вами. Богъ да поможетъ вамъ во

---

[59]) Письмо отъ 17 Ноября одно изъ послѣднихъ съ обозначеніемъ времени; слѣдующія затѣмъ письма приводятся по нумерамъ проставленнымъ въ черновыхъ тетрадяхъ.

[60]) Дѣтскія письма императрицы Маріи Θеодоровны, тетрадь 1-я, письмо № 21.

[61]) Stark, 16.

всѣхъ дѣлахъ вашихъ.... Могу ли я, впрочемъ, жаловаться, когда вы бросили мѣсто скуки, чтобы войти въ большой свѣтъ? Вы, быть можетъ, на дорогѣ будете имѣть счастіе видѣть нашихъ обожаемыхъ родителей, тогда какъ я протоскую еще нѣсколько мѣсяцевъ въ моемъ печальномъ убѣжищѣ. Я говорю это вамъ вовсе не изъ зависти, потому что я люблю васъ до обожанія, и нѣтъ такого счастія, котораго я не пожелала бы вамъ отъ глубины души. Я только чувствую свое несчастіе, и это естественно. Маленькая прекрасная Фредерика мысленно обнимаетъ васъ много разъ; маленькая Елисавета тоже. Прошу васъ, любите меня всегда хотя немного и не забывайте меня, прошу васъ» [62]). Оживленная, самая теплая переписка любящей сестры съ братьями продолжалась до отъѣзда ея въ Монбельяръ.

Приведенныхъ мѣстъ изъ переписки принцессы Софіи-Доротеи съ родными, кажется, довольно, чтобы ясно представить себѣ образъ этой симпатичной дѣвочки въ 1768—1769 гг. и вполнѣ повѣрить свидѣтельству лицъ, знавшихъ ее въ это время и отзывавшихся о ней восторженно. Это была любимица семьи и всѣхъ окружавшихъ, полагавшая свое счастіе въ счастьи другихъ. Идеалъ ея матери начиналъ воплощаться въ дочери: при необычайномъ развитіи чувства въ принцессѣ Софіи и въ это время уже проявилась способность къ хозяйству, любовь къ точности и порядку. Уже одна аккуратность въ веденіи переписки съ родителями, при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ домашняго обихода, и чистота черновыхъ тетрадей, въ которыхъ первоначально писались, почти безъ помарокъ, эти письма, доказываютъ склонность принцессы къ обдуманному, методическому образу дѣйствій: ихъ нельзя объяснить одними внѣшними побужденіями. Замѣтно даже излишнее, и даже странное для 9-ти лѣтней дѣвочки стремленіе—анализировать и объяснять свои дѣйствія, хотя болѣе чѣмъ вѣроятно, что здѣсь дѣвочка только повторяла слова своей гувернантки [63]). Что касается до умственнаго развитія принцессы, то, читая ея письма, едва вѣришь, что они принадлежатъ 9-лѣтней дѣвочкѣ: нѣкоторыя письма, по своему содержанію и языку, свидѣтельствуютъ о раннемъ умственномъ развитіи даровитаго существа, уже давно подвергшагося дѣйствію строгой образовательной школы. Къ сожалѣнію, въ исторической литературѣ почти вовсе нѣтъ прямыхъ извѣстій о первоначальномъ обра-

---

[62]) Дѣтскія письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны, тетрадь 2-я, письмо № 40.

[63]) Таковы, напр., ея слова: „я сдѣлаюсь очень экономной, не будучи, однако, скупой, потому что я думаю, что это порокъ самый ужасный для молодой особы и что это есть источникъ всѣхъ пороковъ“. См. приведенное выше письмо отъ 5 Октября 1768 г.

зованіи принцессы Софіи-Доротеи. Намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстны только нѣсколько относящихся сюда строкъ въ запискахъ графини Хотекъ, подружившейся съ принцессой нашей, когда она была уже великой княгиней Маріей Θеодоровной. «Она, говоритъ графиня Хотекъ, разсказала намъ много въ высшей степени занимательныхъ подробностей о своей молодости, воспитаніи, о своемъ образѣ мыслей, о легкости и понятливости своей, такъ что девяти лѣтъ она знала геометрію» [64]). Подробности эти, однако, для насъ, должно быть, пропали навсегда, ибо графиня не сообщила ихъ; но за то фактъ даровитости принцессы Софіи, выразившійся въ томъ, что девяти лѣтъ она изучала уже геометрію, подтверждается дѣйствительно ея дѣтскими письмами, на основаніи которыхъ мы и постараемся по возможности возстановить картину ея первоначальнаго образованія.

Принцессу Софію-Доротею начали учить чтенію и письму довольно рано, вѣроятно, на шестомъ году: мы заключаемъ это изъ того, что, въ этомъ же возрастѣ, какъ мы видѣли изъ ея писемъ, учился грамотѣ и младшій братъ ея Фердинандъ. Все первоначальное ея образованіе, безспорно, лежало подъ наблюденіемъ матери на рукахъ гувернантки г-жи Боркъ. Мы имѣемъ даже основаніе думать, что, при изученіи Французской и Нѣмецкой грамоты, бывшихъ одинаково важными предметами изученія для принцессы Софіи, обученіе Французскому письму велось исключительно подъ руководствомъ г-жи Боркъ: мать принцессы, какъ видно изъ хранящихся въ Павловскомъ дворцовомъ архивѣ писемъ ея, писала по-французски настолько неправильно, что придерживалась болѣе звуковой, чѣмъ этимологической орθографіи, и въ этомъ отношеніи ея письма уступаютъ даже дѣтскимъ письмамъ принцессы, въ которыхъ вообще ошибокъ въ правописаніи сравнительно немного [65]). Въ тоже время г-жа Боркъ знакомила постоянно свою ученицу и съ курсомъ ариθметики. Такимъ образомъ въ учебномъ дѣлѣ мать принцессы Софіи-Доротеи отступила отъ программы Руссо, который ни во что не ставилъ интеллектуальное преподаваніе (Эмиль долженъ былъ приниматься за ученіе лишь 15-ти лѣтъ отъ роду). Въ этомъ отношеніи заботливая мать, очевидно, дѣлала то, что нѣ-

---

[64]) Русскій Архивъ, 1873 г., столбцы 1969—1970.

[65]) Нужно замѣтить при этомъ, что уроки чистописанія или вообще были довольно слабы, или не давались маленькой принцессѣ: Марія Θеодоровна всегда имѣла неправильный и чрезвычайно сжатый почеркъ, иногда очень трудно поддающійся чтенію. Природная близорукость Маріи Θеодоровны еще болѣе портила ея почеркъ: иногда онъ до такой степени мелокъ, что для удобства чтенія приходится прибѣгать къ помощи увеличительнаго стекла.

сколько позже, въ 1770 г., совѣтовалъ основатель филантропизма Базедовъ въ своемъ «Методическомъ руководствѣ для отцовъ и матерей семействъ» [66]). Возможно раннее обученіе дочери, связывалось конечно съ мыслью о томъ, что въ 15 — 16 лѣтъ дѣвушка могла быть уже невѣстой, а до этого времени мать желала дать дочери такое же возможно - полное образованіе, какъ и сыновьямъ. Здѣсь принцесса Доротея расходилась и съ Базедовымъ, который, предъявляя большія требованія относительно образованія сыновей, считалъ нужнымъ давать дѣвочкамъ лишь самое элементарное образованіе и придерживался старо-нѣмецкаго, семейнаго взгляда на женщину, какъ на хозяйку. Раннее начало ученія, при способностяхъ, обнаруженныхъ принцессой Софіей-Доротеей, облегчалось также самыми пріемами преподаванія, котораго главнымъ условіемъ было не подавлять ученицы многопредметностью и большимъ количествомъ уроковъ, а дѣлать ученіе непринужденнымъ и пріятнымъ. Такъ, въ особенности, поставлено было дѣло преподаванія Закона Божія [67]), языковъ, изящныхъ искусствъ и рукодѣлія. Французскій языкъ даже сдѣлался принцессѣ столь же роднымъ, какъ и Нѣмецкій, такъ что и преподаваніе наукъ велось, по установившемуся впрочемъ, въ то время въ высшихъ слояхъ общества правилу, на Французскомъ языкѣ. На девятомъ году принцессу стали знакомить съ исторіей и географіей. Къ сожалѣнію, географія понималась въ то время исключительно въ смыслѣ политической. Представляя собою лишь сухой перечень владѣній, городовъ, рѣкъ и т. д., при тогдашней политической раздробленности Германіи, отечественная географія, безъ сомнѣнія, составляла для принцессы Софіи-Доротеи особую трудность; образчикъ тяжелаго, ложившагося исключительно на память ученицы географическаго преподаванія мы уже видѣли въ ея письмѣ отъ 27-го Сентября. Исторія, также исключительно политическая, преподавалась ей въ видѣ систематическаго курса, начиная съ древнихъ временъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, одновременно съ древней исторіей, преподававшій принцессѣ исторію и географію, нѣкто

---

[66]) Въ уставѣ своемъ для сельскихъ школъ, изданномъ въ Пруссіи 2-го Октября 1763 г., Фридрихъ II обязательное обученіе для дѣтей установилъ также довольно рано: оно могло начинаться съ пяти лѣтъ. См. *Шмидта* „Исторію Педагогики“, стр. 561, т. III.

[67]) Въ архивѣ Павловскаго дворца, въ Études de Sa Majesté Impériale № 1, сохранилась тетрадь, въ которой дѣтской рукой Маріи Ѳеодоровны переписано на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ стихотворное переложеніе XVIII псалма. Подъ переложеніемъ, не совсѣмъ старательно переписаннымъ, суровая гувернантка отмѣтили карандашомъ въ назиданіе своей ученицѣ: „la princesse aînée n'apprend rien et n'est pas sage“. Это переложеніе преслѣдовало, очевидно, воспитательную цѣль; ибо, вслѣдъ за нимъ помѣщенъ кодексъ нравственныхъ правилъ, упомянутыхъ нами выше и носившихъ заглавіе „Sens moral“.

Лаземанъ, сталъ сообщать ей отрывки и изъ новой. «Когда я кончаю изученіе какой-либо страны по картѣ, г. Лаземанъ (пишетъ принцесса родителямъ 17 Ноября 1768 г.) сообщаетъ кое-что изъ новой исторіи этой страны, и такъ какъ я прежде писала вамъ о географіи Нидерландовъ, то въ настоящее время сообщу вамъ объ ихъ исторіи и начну съ эпохи ихъ раздѣленія». Впрочемъ, этотъ пріемъ не измѣнилъ нисколько въ сущности сухаго и подробнаго изложенія историческихъ событій; лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ изложеніе оживлялось попыткой дать объясненіе какого-либо историческаго явленія. На одномъ изъ такихъ уроковъ принцесса Софія-Доротея познакомилась и съ Русской исторіей въ лицѣ величайшаго изъ ея дѣятелей, Петра Великаго. Нужно сказать, что при изложеніи его жизни почему-то измѣнена была обычная сухость преподованія и сдѣлано объясненіе его исторической дѣятельности. Приводимъ это мѣсто вполнѣ: «Петръ Великій, пишетъ принцесса, по всей справедливости, заслужилъ это наименованіе и право принять императорскій титулъ, потому что во время своихъ путешествій онъ понялъ, что онъ былъ въ дѣйствительности одинъ изъ самыхъ могущественныхъ государей въ Европѣ и что нуженъ только творческій, философскій, предпріимчивый и неутомимый умъ, чтобы сравнять его государство съ самыми могущественными государствами Европы; а Петръ одаренъ былъ всѣми великими качествами. Онъ создалъ новую армію, уничтоживъ часть старой, флотъ, морскую торговлю; онъ поднялъ финансы, потому что они были слишкомъ недостаточны для успѣха его великихъ начинаній; онъ устроилъ нѣсколько новыхъ портовъ; онъ произвелъ реформы въ гражданскомъ, церковномъ и образовательномъ отношеніи, потому что его подданные были очень невѣжественны и даже не хотѣли разстаться съ своимъ невѣжествомъ; онъ основалъ Московскій Университетъ (sic!) и Академію Наукъ въ своемъ новомъ городѣ и резиденціи Петербургѣ, и если онъ не предпринялъ всѣхъ своихъ работъ въ военное время, то, однако, его безпрерывныя войны и не препятствовали имъ. Онъ побѣдилъ застарѣлые предразсудки своихъ подданныхъ, тайные ковы духовенства, явныхъ и тайныхъ своихъ враговъ, которые противодѣйствовали постоянно его начинаніямъ, и, несмотря на всѣ эти препятствія, онъ не остановился предъ начинаніями, пользу которыхъ для подданныхъ и для своей имперіи онъ понималъ. Хотѣли очернить характеръ этого государя, упрекая его въ жестокости; но нужно согласиться, что въ просвѣщенномъ государствѣ умѣренное наказаніе производитъ почти тоже дѣйствіе, какъ строгое—въ государствѣ невѣжественномъ и деспотическомъ. Можно также оправдывать жестокость Петра Великаго дѣйствіемъ яда, который данъ былъ ему въ его юношескіе годы и отъ

котораго у него бывали иногда припадки ярости» [68]). Вотъ первое упоминаніе о Россіи и Петрѣ, которое мы встрѣтили въ учебныхъ записяхъ нашей принцессы и которое соотвѣтствовало дѣтскимъ ея впечатлѣніямъ, указаннымъ нами ранѣе. Что касается до извѣстія, сообщаемаго г-жею Оберкирхъ, что Россія и Петръ Великій сдѣлались извѣстны будущей Русской государынѣ главнымъ образомъ изъ разсказовъ Моклера, женатаго на баронессѣ Лефортъ, происходившей изъ семейства Лефорта, знаменитаго собесѣдника и друга Петра Великаго [69]): то, безъ сомнѣнія, оно относится къ позднѣйшему времени; потому что Моклеръ былъ въ Женевѣ въ первый разъ въ 1769 г., а женился на Лефортъ въ Іюлѣ 1782 г. [70]), когда принцесса Софія-Доротея была уже Русской великой княгиней Маріей Өедоровной. Въ годы дѣтства принцессы Моклеръ, значитъ, могъ быть для нея лишь такимъ же источникомъ свѣдѣній о Россіи, какъ и другія окружавшія ее лица, изъ которыхъ нѣкоторыя были живою лѣтописью Русской славы. — Лаземанъ давалъ ей уроки исторіи, а г-жа Боркъ повторяла иногда съ ней историческіе уроки. Вообще, г-жа Боркъ имѣла въ это время большое вліяніе на принцессу. «У г-жи Боркъ, писала она родителямъ, мы уже нѣсколько времени повторяемъ Римскую исторію, и чѣмъ болѣе подвигаемся впередъ, тѣмъ болѣе она меня балуетъ и доставляетъ мнѣ удовольствіе; мы повторили у нея также священную исторію и исторію Бранденбурга. Она была такъ добра, что писала мнѣ прелестныя наставленія, въ которыхъ она часто касается и моихъ недостатковъ, а я принуждена переводить эти наставленія на Французскій языкъ. Я почти всегда раскаиваюсь въ своихъ недостаткахъ и надѣюсь, что это поможетъ мнѣ исправиться. Переводя наставленія г-жи Боркъ по-французски, я переписываю ихъ въ книгу, чтобы имѣть возможность отъ времени до времени перечитывать ихъ» [71]). Этими повтореніями уроковъ у г-жи Боркъ и бесѣдами принцессы съ нею, безъ сомнѣнія, смягчалась сухость историческаго и географическаго преподаванія, носившаго отпечатокъ стараго Нѣмецкаго педантства. Гораздо лучше и легче шли, вѣроятно, занятія по геометріи, которыя начаты были подъ руководствомъ Моклера и прерваны его отъѣздомъ съ братьями принцессы Софіи-Доротеи въ Женеву, въ Маѣ 1769 года О своихъ успѣхахъ въ геометріи принцесса съ удовольствіемъ упоминаетъ въ письмахъ къ матери [72]).

---

[68]) Études de S. M. Impériale; дѣтскія письма Маріи Өеодоровны, тетр. 2-я, письмо № 25.

[69]) *Oberkirch*, 1, 25.

[70]) *Stark*, 17.

[71]) Дѣтскія письма императрицы Маріи Өеодоровны, тетрадь 2-я, № 30.

[72]) Тамъ же, письмо № 33.

Лѣтомъ 1769 г., съ переѣздомъ въ Монбельяръ, завершился первый, Трептовскій періодъ жизни принцессы Софіи-Доротеи, который мы старались представить въ возможно болѣе ясныхъ чертахъ, насколько позволяла намъ сдѣлать это скудость относящихся къ этому времени источниковъ. Но важность впечатлѣній перваго дѣтства, послужившихъ задатками нравственныхъ и умственныхъ свойствъ принцессы, конечно, могла опредѣлиться лишь дальнѣйшей жизнью въ Монбельярѣ, гдѣ умственный и нравственный обликъ будущей Русской императрицы получилъ уже ясное выраженіе и гдѣ окончательно сформировался ея характеръ.

Намъ неизвѣстны въ точности обстоятельства, вызвавшія переѣздъ Фридриха-Евгенія изъ Трептова въ Монбельяръ (по-нѣмецки Mömpelgard). Можно однако сказать съ увѣренностію, что виновникомъ оставленія Виртембергскимъ принцемъ Прусской службы былъ не Фридрихъ II, всегда отличавшій его и помогавшій ему даже въ его семейныхъ дѣлахъ [73]). Переѣздъ въ Монбельяръ объясняется вѣрнѣе всего семейными причинами. Семья принца была уже настолько велика, что родители съ тревогой начали думать о средствахъ дать дѣтямъ воспитаніе и затѣмъ приличное ихъ сану положеніе; въ особенности озабочивало ихъ воспитаніе сыновей, изъ которыхъ старшему Фридриху, въ 1768 году, исполнилось уже 14 лѣтъ. Между тѣмъ финансовыя средства принца всегда были ничтожны; служба въ Пруссіи, при скупости Фридриха, не могла обезпечить семью отъ нужды; а старшій братъ владѣтельный герцогъ Виртембергскій Карлъ - Евгеній, среди безумной роскоши и оргій двора своего, не считалъ, однако, для себя возможнымъ помогать младшему брату [74]). Это стѣсненное положеніе Фридриха-Евгенія становилось для него тѣмъ болѣе тяжкимъ, что не дававшая ему покоя Кунерсдорфская рана не дозволяла ему аккуратно и строго исполнять требованій Прусской военной службы. Нѣтъ ничего удивительнаго, значитъ, въ томъ, что Фридрихъ-Евгеній могъ воспользоваться неравнымъ бракомъ втораго брата своего Людвига, чтобы съ помощью Фридриха II заставить Карла-Евгенія дать себѣ болѣе прочно и обезпеченное положеніе, тѣмъ болѣе, что его сыновья являлись те-

---

[73]) Переписку Фридриха-Евгенія съ Фридрихомъ II, всегда носившую дружественный характеръ, см. у *Stark'a*, 43—51.

[74]) Принцесса Фредерика-Доротея, супруга Фридриха-Евгенія, получила свое приданое, сравнительно небольшое, лишь позже, послѣ смерти отца своего, маркграфа Бранденбургъ-Шведтскаго. См. въ Архивѣ Павловскаго дворца пачку: Affaires de Wirtemberg и находящуюся въ ней собственноручную черновую записку импер. Маріи Ѳеодоровны, безъ заглавія, о потеряхъ понесенныхъ ея отцомъ во время Французской революціи.

перь будущими наслѣдниками Виртембергскаго престола и, какъ протестанты, пользовались расположеніемъ Виртембергскихъ сословій. Карлъ-Евгеній согласился назначить брата своимъ намѣстникомъ въ Монбельяръ, гдѣ Фридрихъ-Евгеній могъ пользоваться сравнительно болѣе обезпеченнымъ и независимымъ положеніемъ, чѣмъ на Прусской службѣ. Не говоримъ уже о близости къ Франціи и о прекрасномъ климатѣ Монбельяра сравнительно съ печальнымъ и скучнымъ Трептовымъ, съ тупою накрахмаленностью тамошняго быта, надъ которою такъ смѣется геніальная Екатерина II-я (въ неизданной части своихъ Записокъ, при описаніи жизни своей до пріѣзда въ Россію). Изъ дѣтскихъ писемъ принцессы Софіи видно, что родители ея уже не возвращались въ Трептовъ, а поручили г-жѣ Боркъ привезти къ себѣ Софію-Доротею и маленькихъ сестеръ ея въ особомъ, нарочно присланномъ для этой цѣли дормезѣ. Соскучившіяся по родителямъ дѣти съ радостію встрѣтили это извѣстіе и безъ сожалѣнія оставили Трептовъ, 29 Іюня 1769 г. [75]); по дорогѣ въ Монбельяръ, не извѣстно въ точности гдѣ, съѣхались они съ родителями и вмѣстѣ съ ними прибыли въ Монбельяръ 7-го Іюля [76]).

Монбельяръ, принадлежащій теперь Франціи, былъ тогда главнымъ городомъ небольшаго графства, которое перешло къ Виртембергу въ 1723 году, за прекращеніемъ герцогскаго дома, составлявшаго вѣтвь Виртембергскаго дома. Это былъ небольшой, но красивый и хорошо устроенный городъ, расположенный въ живописной мѣстности между отрогами Вогезовъ, по теченію рѣки Дуба. Жители, занимавшіеся торговлею, были зажиточны; но, будучи Французами и издавна привыкнувъ имѣть собственныхъ графовъ и герцоговъ, не могли быть довольны своею зависимостью отъ Виртемберга, въ которую они были поставлены благодаря случайности. Вотъ почему пріѣздъ къ нимъ Фридриха-Евгенія, на котораго они стали смотрѣть какъ на преемника своихъ старыхъ герцоговъ, вызвалъ у нихъ полное сочувствіе. Не менѣе радовало жителей Монбельяра и протестантское вѣроисповѣданіе семьи герцога и любовь ея къ просвѣщенію, такъ какъ они сами, будучи издавна усердными протестантами, въ тоже время заботились о поднятіи у себя уровня образованія и имѣли хорошо устроенную гимназію и прекрасную публичную библіотеку [77]). Неудивительно, поэтому, что Фридрихъ-Евгеній съ семьею въ Монбельярѣ былъ радостно привѣтствованъ жителями. «Ихъ прибытіе, пишетъ мѣстный историкъ, которое сопровождалось различными праздниками, исполнило радостію

[75]) Дѣтскія письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны, тетрадь 3-я, №№ 49—53.
[76]) „Ephémérides du comté de Montbeliard", стр. 254.
[77]) Тамъ же и Oberkirch.

все населеніе Монбельярскаго графства; магистратъ, выразитель всеобщаго ликованія, представилъ герцогинѣ на серебряномъ блюдѣ 3000 ливровъ золотомъ, которые находились въ кружевномъ кошелькѣ цвѣтовъ города. Эти высокіе посѣтители распространяли многочисленныя благодѣянія на всѣ классы населенія, а ихъ пребываніе среди него, въ теченіе 24 лѣтъ, открыло новые источники общественнаго благосостоянія. Быть можетъ, Фридрихъ-Евгеній, страстный любитель охоты, показывалъ себя слишкомъ ревностнымъ къ этой прерогативѣ, слишкомъ жестоко наказывалъ тѣхъ, кто покушался на это его удовольствіе, а въ тоже время не принималъ достаточныхъ мѣръ для огражденія имущества своихъ подданныхъ отъ истребленія его дикимъ звѣремъ; но это единственная вина, въ которой можно было бы упрекнуть этого принца, и не заставилъ ли онъ забыть ее, сдѣлавъ столько блага для страны и показавъ ей столько любви и самопожертвованія?» [78])

Впечатлѣнія природы Монбельяра и жизни въ немъ навсегда запечатлѣлись въ воспріимчивой, дѣтской душѣ принцессы Софіи-Доротеи, внезапно перенесенной изъ холоднаго, равниннаго и скучнаго Померанскаго мѣстечка въ живописный, промышленный городокъ съ его теплымъ, пріятнымъ климатомъ и чудной для сѣверянина растительностью. Здѣсь слова Руссо о необходимости для человѣка жить какъ можно ближе къ природѣ казались вполнѣ понятны, ибо природа здѣсь привлекала къ себѣ человѣка, а не отталкивала, какъ на холодномъ, туманномъ Сѣверѣ. Принцесса Софія-Доротея находилась притомъ еще въ такомъ возрастѣ, когда впечатлѣнія глубже западаютъ въ душу человѣка и опредѣляютъ надолго, если не навсегда, характеръ его внутренней жизни. Многія особенности характера и дѣятельности будущей императрицы Маріи Ѳеодоровны имѣютъ своимъ источникомъ жизнь ея въ Монбельярѣ, и только въ Монбельярѣ мы и можемъ искать имъ объясненія. Вотъ почему мы должны, насколько позволятъ намъ источники, подробнѣе и точнѣе обрисовать жизнь принцессы Софіи-Доротеи въ новомъ ея мѣстопребываніи и указать вліяніе его на дальнѣйшее развитіе этой еще маленькой сѣверной принцессы.

Вскорѣ по пріѣздѣ, Фридрихъ-Евгеній и его супруга рѣшились выстроить себѣ дворецъ, который бы могъ удовлетворять ихъ вкусамъ и привычкамъ. Замокъ въ Монбельярѣ, хотя недавно выстроенный, вовсе не удовлетворялъ ихъ стремленію къ жизни на лонѣ природы и

[78]) „Ephémérides du comté de Montbeliard“, стр. 254—255. Графство Монбельяръ иногда называлось также герцогствомъ, ибо позднѣйшіе его правители, происходя изъ Виртембергскаго герцогскаго дома, носили титулъ герцоговъ.

къ простотѣ, изяществу обстановки. Это большое, довольно неуклюжее зданіе воздвигнуто было Виртембергскимъ губернаторомъ Монбельяра на мѣстѣ стараго средневѣковаго за̀мка и находилось на высокой утесистой горѣ, командовавшей городомъ и лишенной растительности; только большой дворъ за̀мка осѣнялся старыми тѣнистыми липами. Такія зданія уже казались мрачными, неудобными для жизни при пробудившемся повсюду стремленіи къ сельской жизни и вкусѣ къ идиллическимъ картинамъ природы; дажѐ большіе Европейскіе дворы устраивали себѣ сельскія убѣжища для наслажденія красотами природы, хотя убѣжища эти часто изукрашены были роскошными поддѣлками подъ природу и разными пасторальными затѣями, на которыя только способенъ былъ причудливый и прихотливый XVIII в. Царское Село, Санъ-Суси и Тріанонъ были лучшими образцами богатыхъ лѣтнихъ резиденцій конца XVIII вѣка. Впрочемъ сады этого времени имѣли цѣлью не одно только наслажденіе природой: стремясь къ развитію жизни сердца и находя наслажденіе въ постоянныхъ сердечныхъ волненіяхъ, сентиментальные люди желали, чтобы украшаемая человѣкомъ природа давала пищу и для ихъ чувствительности. Въ этомъ же вкусѣ задумали въ 1770 г. выстроить себѣ лѣтній дворецъ и родители принцессы Софіи-Доротеи, стараясь, однако, сообразно своимъ средствамъ и потребностямъ, замѣнить недостававшую имъ роскошь изяществомъ. Этотъ дворецъ, расположенный близъ деревни Этюпъ, въ окрестностяхъ Монбельяра, и сдѣлался затѣмъ почти постояннымъ жилищемъ для княжеской семьи. Зданіе дворца состояло изъ красиваго двухэтажнаго дома, по обоимъ бокамъ котораго выступали крылья; домъ былъ обнесенъ изящной рѣшеткой, при главномъ входѣ въ которую находились группы и статуи. Но не домъ, самъ по себѣ очень изящный, составлялъ прелесть Этюпа: все очарованіе этого загороднаго дворца заключалось въ огромныхъ и роскошныхъ садахъ его окружавшихъ. «Эти сады, съ увлеченіемъ разсказываетъ Монбельярскій лѣтописецъ, заключали въ себѣ множество предметовъ, способныхъ увеселять глазъ и дѣйствовать успокоительно на сердце. Великолѣпный трельяжъ, представляющій собою *Храмъ Флоры*, со статуей богини въ глубинѣ, въ особенности привлекалъ взоры. Въ другомъ мѣстѣ низкая *Хижина Угольщика*, выразительной противоположности, была внутри богато убрана и украшена; *Молочная* или *Швейцарскій Домъ*, подъ покровомъ сельской простоты, также скрывала въ себѣ драгоцѣнные предметы, между которыми находились фаянсовыя вазы, рисованныя Рафаэлемъ и его учениками. Входъ въ *Хижину Пустынника*, помѣщенную на горѣ, на которую съ трудомъ можно было взойти, представлялъ собою дикое мѣсто, соотвѣтствовавшее жилищу отшельника; возлѣ былъ *гротъ*, весь испещ-

ренный минералами и сталактитами, въ которомъ можно было во всякое время наслаждаться прохладой; далѣе низвергался каскадомъ ручей съ вершины скалистой массы, едва прикрытой нѣсколькими ничтожными кустиками, и разносилъ свѣжесть и прохладу во всѣ части сада; его тихія прозрачныя воды протекали сначала по *зеленымъ коврамъ*, испещреннымъ множествомъ различныхъ цвѣтовъ, потомъ поднимались водянымъ снопомъ, чтобы затѣмъ разсыпаться бездной мелкихъ кристаловъ; *Китайскіе мостики*, разбросанные тамъ-и-самъ, позволяли переходить этотъ ручей со спокойной увѣренностію. Многочисленныя *бесѣдки* изъ розъ, жасмина и жимолости предлагали свою гостепріимную сѣнь и располагали къ покою и сладкимъ мечтаніямъ; здѣсь *рощица* въ какомъ-либо глухомъ углу скрывала остатки древней *тріумфальной арки* Коринѳскаго ордена, образованной изъ обломковъ колоннъ и капителей, добытыхъ въ развалинахъ древняго Мондера; въ другой рощицѣ возвышалась *колонна*, посвященная *отсутствующимъ*: инициалы ихъ были вытѣснены на прицѣпленной полоскѣ, окружавшей колонну; невдалекѣ отъ нея видѣли *могилу*, осѣненную плакучими ивами и украшенную надписью, которую герцогиня Виртембергская посвятила памяти своей подруги. Два большихъ *птичника* заключали въ себѣ нѣсколько видовъ иноземныхъ птицъ (изъ нихъ золотой фазанъ былъ особенно замѣчателенъ по своимъ перьямъ); обширная *оранжерея*, которую въ случаѣ нужды превращали въ залу для спектакля, и нѣсколько теплицъ предназначены были для храненія въ зимнее время экзотическихъ растеній, которыя въ другое время года наполняли воздухъ нѣжнымъ и разнообразнымъ запахомъ» [71]). Такой садъ, казалось, долженъ былъ удовлетворять самымъ изысканнымъ потребностямъ сентиментальной души, затрогивая всѣ нѣжныя струны ея сердца; но для матери принцессы Софіи-Доротеи и онъ оказался не вполнѣ отвѣчающимъ цѣли: по крайней мѣрѣ она выстроила себѣ близъ Этюпа еще другой сельскій домъ, назвавъ его «Rêveries» (Грезы), и его особенно любила. Самый домъ, по свидѣтельству того же лѣтописца, былъ такъ малъ, что состоялъ только изъ салона (гостинной) и двухъ покоевъ для отдыха, отдѣланныхъ изящно и просто. Изъ салона выходили въ рощицу, украшенную вазами и статуями, которую пресѣкали извилистыя тропинки, удвоивавшія удовольствіе и продолжительность прогулки; вездѣ распространялся сладкій запахъ цвѣтовъ, которыми рощица была усѣяна. Съ Сѣвера огибала ее прозрачная вода канала; съ противуположной стороны высокіе тополи бросали свою тѣнь чрезъ ограду на дорогу, которая вела

---

[71]) Ephém. du comté de Montbeliard, p. 482—483.—*Oberkirch*, въ разныхъ мѣстахъ.

къ Этюпу [80]). Эти и нѣкоторыя другія постройки въ окрестностяхъ Монбельяра, соединявшія въ себѣ, по отзыву Маріи Ѳеодоровны, пріятное съ полезнымъ, въ теченіе 20 слѣдующихъ затѣмъ лѣтъ постепенно расширяясь и украшаясь, сообразно съ улучшеніемъ средствъ своихъ владѣльцевъ, поглотили наконецъ огромную сумму въ милліонъ слишкомъ флориновъ. Принцесса-мать положила на нихъ все свое наслѣдство, полученное ею отъ отца [81]).

При всемъ сочувствіи, которое не можетъ не возбуждать въ здоровомъ человѣкѣ природа и развитіе подъ ея вліяніемъ нравственной жизни въ человѣкѣ, трудно, конечно, вполнѣ понять въ настоящее время крайности сентиментальности. Но было бы несправедливо забывать, что нѣжная чувствительность того времени была естественнымъ воздѣйствіемъ противъ господства черствой, холодной разсудочности, и что это воздѣйствіе послужило источникомъ для развитія въ обществѣ трезваго, чуждаго крайностей взгляда на жизнь и природу. Если даже теперь строгое равновѣсіе между сердцемъ и разсудкомъ составляетъ идеалъ воспитанія, то можно ли было требовать его въ ту эпоху, когда между обоими умственными направленіями шла упорная борьба? Для этой эпохи сентиментальное воспитаніе было протестомъ противъ макіавелизма и іезуитизма въ политическихъ и частныхъ отношеніяхъ, развращенности нравовъ высшаго общества вообще и женщины въ частности, деистическихъ и атеистическихъ воззрѣній, подрывавшихъ религіозныя начала нравственности и вмѣсто нихъ развивавшихъ эпикурейскій, матеріалистическій взглядъ на жизнь. «Вольтеріанство» и въ Россіи, и въ Западной Европѣ могло быть ослаблено только «религіей чувства», правда принимавшей иногда уродливыя, исключительныя формы, но умѣвшей одухотворить природу, обогатить внутренній міръ человѣка и пробудить въ немъ болѣе христіанскія чувства сначала въ сферѣ семейныхъ, а затѣмъ и общественныхъ отношеній. Измѣнился тогда и характеръ лирической поэзіи, выражающей состояніе душевной жизни человѣка: вмѣсто холодной, напыщенной оды явилась глубоко-трогательная, унылая элегія.

Этихъ мыслей нельзя не имѣть при чтеніи подробностей о новомъ жилищѣ принцессы Софіи-Доротеи въ Этюпѣ. Если сентиментальное воспитаніе уже проявилось въ маленькой дѣвочкѣ еще въ

---

[80]) Тамъ же, p. 483; *Oberkirch*, 1, 113.

[81]) *Архивъ Павловскаго дворца*: Affaires de Wirtemberg; см. указанную выше записку Маріи Ѳеодоровны.

Трептовѣ, то оно должно было подѣйствовать на нее еще сильнѣе въ Этюпѣ, гдѣ самая обстановка располагала къ развитію чувствительности и мечтательности. Уже въ Трептовѣ, какъ мы видѣли, принцесса могла чистосердечно писать матери слѣдующія удивительныя на первый взглядъ строки: «Г-жа Боркъ была такъ добра, что писала мнѣ прелестныя наставленія, въ которыхъ она часто касается и моихъ недостатковъ, а я принуждена переводить эти наставленія на Французскій языкъ. Я почти всегда раскаиваюсь въ своихъ недостаткахъ и надѣюсь, что это поможетъ мнѣ исправиться. Переводя наставленія г-жи Боркъ по-французски, я переписываю ихъ въ книгу, чтобы имѣть возможность отъ времени до времени перечитывать ихъ» [82]. Въ Этюпѣ этотъ наивный ребенокъ, такъ простосердечно и чутко относившійся къ нравственнымъ сентенціямъ своей гувернантки, развивался подъ живымъ вліяніемъ прекрасной природы, въ тихой, семейной обстановкѣ, среди кружка любящихъ лицъ, жизнь которыхъ проникнута была строгой нравственностью.

Чистыя, сладкія впечатлѣнія, воспринимавшіяся принцессою въ Этюпѣ, навсегда сдѣлали ей дорогимъ это имя, и вотъ почему всегда предъ воспоминаніемъ о немъ тускнѣла въ глазахъ ея вся роскошь императорскихъ лѣтнихъ помѣщеній. Впослѣдствіи, забывая, конечно, про обманчивость дѣтскихъ впечатлѣній, она говаривала, что ни на минуту не поколебалась бы въ выборѣ между блестящимъ своимъ положеніи въ Россіи и радостью жить скромно въ Этюпѣ, въ обществѣ своихъ родныхъ, лишь бы съ ней былъ горячо любимый мужъ (Павелъ Петровичъ) [83]. «Милый Этюпъ!» восклицаетъ съ своей стороны въ воспоминаніяхъ своихъ новая подруга дѣтства Софіи-Доротеи и повѣренная ея думъ и мечтаній: «ты—лучшее изъ моихъ воспоминаній; какимъ ты мнѣ кажешься пустымъ безъ моей дорогой принцессы, и сколько было въ тебѣ очарованій! [84]).

Къ сожалѣнію, эта новая подруга принцессы Софіи-Доротеи, графиня Генріетта Вальднеръ, впослѣдствіи вышедшая замужъ за барона Оберкирха, боясь нескромности, мало раскрываетъ предъ нами внутренній міръ принцессы, ограничиваясь обычными похвалами ея красотѣ, уму и необыкновенной добротѣ. Эта благородная сдержанность, свойственная многимъ составительницамъ мемуаровъ XVIII в. и заставляющая ихъ ограничиваться только пересказомъ событій (не всегда, впрочемъ, пол-

---

[82]) См. выше, стр. 30.
[83]) *Oberkirch*, стр. 35.
[84]) Тамъ же, I, 26.

нымъ по той же причинѣ), не мѣшаетъ баронессѣ Оберкирхъ нѣсколькими интересными чертами освѣтить личность своей высокой подруги и ея семьи. О выдающемся физическомъ и умственномъ развитіи десятилѣтней Софіи-Доротеи свидѣтельствуетъ уже то, что ея задушевный подругѣ было въ это время 15 лѣтъ, а между тѣмъ не видно, чтобы эта значительная разница въ возрастѣ отражалась на взаимной искренности въ отношеніяхъ между подругами; напротивъ, дружба между ними завязалась при первой же встрѣчѣ. Отецъ Генріетты, графъ Вальднеръ, служившій прежде въ Виртембергскомъ полку, жилъ всего въ девяти миляхъ отъ Монбельяра, въ замкѣ своемъ Швейгаузенѣ. По пріѣздѣ Фридриха-Евгенія въ Монбельяръ, онъ счелъ долгомъ ему представиться, и при этомъ герцогиня пожелала видѣть у себя его дочь. Дворъ въ Монбельярѣ не придерживался этикета; напротивъ, въ немъ господствовали простота и непринужденность [85]). Поэтому пріемъ сдѣланный графинѣ Генріеттѣ при этомъ дворѣ, нисколько не походилъ на обычные пріемы Нѣмецкихъ князей, ревнивыхъ ко всякимъ мелочамъ представительности. Ободривъ нѣсколькими словами смущенную Генріетту, герцогиня призвала принцессу Софію-Доротею и, представивъ ей графиню, сказала: «Дитя мое, вотъ молодая особа, которую я даю тебѣ въ подруги; будь также умна и также прилежна, какъ она, и постарайся доказать ей, какъ мы рады ея посѣщенію, чтобы она чаще бывала у насъ». «Вмѣсто отвѣта, разсказываетъ г-жа Оберкирхъ, принцесса бросилась мнѣ на шею, не соблюдая этикета, что̀ смутило моего отца. Ихъ высочества разсмѣялись: «Мы не въ Версали, баронъ, сказалъ принцъ; ваша дочь можетъ смѣло обнимать мою, а я не нахожу въ этомъ ничего предосудительнаго» [86]). «Принцесса Доротея, говоритъ въ другомъ мѣстѣ г-жа Оберкирхъ, была такъ же высока ростомъ, какъ и я, хотя ей едва исполнилось тогда десять лѣтъ, и я была высокаго роста. Въ ней уже замѣтно было то, что̀ проявилось вполнѣ впослѣдствіи: прекрасный нравъ, сердечная доброта и чудная красота. Хотя она была близорука, но глаза ея были прекрасны, и ихъ прелестное выраженіе казалось выраженіемъ ея души» [87]). Дружба, завязавшаяся при такихъ условіяхъ, не могла не быть прочною. Съ этого

---

[85]) Ephémérides du comté de Montbeliard, p. 483: „La cour était aimable, spiritnelle, accesible; la vie sans étiquette et propre au bonheur".

[86]) *Oberkirch*, I, 23.

[87]) Тамъ же, 20. Около этого же времени Екатерина такъ передавала Ассебургу впечатлѣніе, произведенное на него портретомъ принцессы Софіи: „Скажу вамъ, что находимъ ее для ея лѣтъ очень развитою, а болѣе этого ничего сказать не можемъ; ибо это дитя, о которомъ ожидаемъ отъ васъ подробнаго описанія; по мнѣ кажется, судя по ея чертамъ, что доброта будетъ единственнымъ ея достоинствомъ". „Русская Старина", т. XIX, стр. 342.

времени графиня Генріетта стала своею въ семьѣ Фридриха-Евгенія, а молодая принцесса осыпала ее всѣми нѣжными изъявленіями расположенія и довѣрія. Подруги разлучались *лишь на время*, и *даже послѣ* ихъ замужества между ними поддерживалась самая дружеская переписка, которая прекратилась лишь со смертію Генріетты [88]).

Обѣ дѣвушки, къ которымъ присоединялась еще Трептовская подруга Софіи-Доротеи, дѣвица Шиллингъ, очень любили идиллическую обстановку Этюпа, сдѣлавшагося ихъ любимымъ мѣстопребываніемъ. «Тамъ было свободно и привольно, какъ въ домѣ богатаго частнаго лица, желающаго, чтобы у него въ домѣ всѣ чувствовали себя хорошо». Хижина Угольщика была однимъ изъ любимыхъ мѣстъ принцессы; ей разъ пришла даже фантазія переночевать въ ней. «Изъ этого милаго домика, говоритъ далѣе г-жа Оберкирхъ, мы отправлялись въ храмъ Флоры, любовались статуей, несли ей вѣнки и убирали ее гирляндами маргаритокъ. На «зеленыхъ коврахъ» мы играли въ мячъ и шары, къ отчаянію садовниковъ. Цѣлыми часами стояли мы у птичниковъ, гдѣ насъ знали всѣ птицы, которыхъ мы кормили хлѣбнымъ мякишемъ, пирожнымъ и свѣжей травой; попугаевъ учили говорить» [89]). Въ тоже время онѣ невольно изучали природу и садоводство, сдѣлавшееся скоро страстью Софіи-Доротеи. Не могли миновать ихъ и хозяйственныя занятія; ферма, на которой доили коровъ, также постоянно привлекала ихъ къ себѣ [90]). Прогулки молодыхъ, но часто въ своемъ увлеченіи неосторожныхъ любительницъ природы не всегда оканчивались счастливо: однажды, когда старшіе заняты были хлопотами въ день крестинъ новорожденнаго брата принцессы, въ Іюлѣ 1772 года, Софія-Доротея долго гуляла по саду съ своей подругой подъ проливнымъ дождемъ, и обѣ онѣ насквозь промочили себѣ обувь. Послѣдствіемъ этого была болѣзнь, которую онѣ переносили, находясь въ одной комнатѣ и занимаясь, въ заперти, разговорами о Россіи и о ея пріобрѣтеніяхъ во время перваго раздѣла Польши.

Идиллическому настроенію молодой принцессы соотвѣтствовали отчасти и учебныя ея занятія въ это время, направленныя къ изученію природы и воспроизведенію ея въ искусствѣ. Изъ учебныхъ тетрадей Софіи-

[88]) Мы слышали, что письма Маріи Ѳеодоровны къ баронессѣ Оберкирхъ сохранились въ цѣломъ составѣ до сихъ поръ. Къ сожалѣнію, отыскать ихъ мы не могли; по крайней мѣрѣ, ихъ нѣтъ ни въ *одномъ изъ архивовъ, гдѣ мы работали: ни въ* Государственномъ, ни въ Павловскомъ, ни въ Маріинскомъ (бывшій IV отдѣленія). Между тѣмъ, переписка эта, поднесенная императору Николаю графомъ де-Монбризономъ (внукомъ г-жи Оберкирхъ) находится безъ сомнѣнія въ Россіи.

[89]) *Oberkirch*, I, 43—44.

[90]) Тамъ же, I, 45.

Доротеи, сохранившихся до настоящаго времени, видно, что въ этотъ періодъ ея жизни (до 1773 г.) къ прежнимъ предметамъ преподаванія: Закону Божію, Французскому и Нѣмецкому языкамъ, Исторіи, Географіи и Геометріи, прибавлена была Миѳологія, преподававшаяся довольно подробно въ теченіе 1771—1774 гг. [91]). Сопоставляя содержаніе учебныхъ тетрадей принцессы Софіи-Доротеи съ разсказами г-жи Оберкирхъ, можно съ увѣренностью предположить, что занятія по научнымъ предметамъ велись почти исключительно въ зимнее время и оставляли широкій просторъ для изученія изящныхъ искусствъ, особенно полюбившихся принцессѣ: музыки, рисованія и рѣзьбы на деревѣ и кости. Изученіе общеобразовательныхъ предметовъ: Исторіи и Географіи велось, впрочемъ, какъ и прежде, безъ ясно опредѣленной системы, въ сухой, схоластической формѣ. Въ видѣ примѣра мы укажемъ на изученіе принцессой исторіи графовъ и герцоговъ Виртембергскихъ, начатое ею въ Апрѣлѣ 1773 г. Оно заключается въ двухъ тетрадяхъ, собственноручно написанныхъ принцессой, и представляетъ собою почти голый хронологическій перечень событій съ 496 г. по 1748 г., сопровождаемый подробной генеалогической таблицей. Тетради эти представляютъ собою два экземпляра одного и того же очерка, изъ которыхъ одинъ написанъ на Французскомъ языкѣ, а другой, очевидно для упражненія въ языкѣ, на Нѣмецкомъ [92]). Разумѣется, такое преподаваніе не могло заинтересовать живую, впечатлительную принцессу; напротивъ, его естественнымъ послѣдствіемъ должны были явиться утомленіе и вялость ученицы при всемъ ея прилежаніи. Желаніемъ ободрить дочь въ этихъ тяжелыхъ для нея занятіяхъ и можно, пожалуй, объяснить то обстоятельство, что принцесса-мать, забывая великую разницу въ возрастѣ, ставитъ прилежаніе Генріетты Вальднеръ въ примѣръ дочери [93]). Кого винить въ такой неправильной постановкѣ образованія принцессы Софіи-Доротеи за это время, рѣшить весьма трудно. Вѣроятнѣе всего, отвѣтственность должна пасть на г-жу Боркъ; ибо Моклеръ, воспитатель принцевъ, лишь въ 1772 г. окончательно покинулъ съ ними Лозанну и возвратился въ Монбельяръ, а Голландъ поселился въ семействѣ герцога въ Монбельярѣ въ 1773 г. [94]).

Дѣйствительной образовательной школой для ума Софіи-Доротеи было общество ея кроткой и нѣжной матери. Принцесса - мать обык-

---

[91]) Архивъ Павловскаго дворца: Études de S. M. I-le, № 2, тетрадь 9-я.
[92]) Тамъ же, Études de S. M. I-le, № 1.
[93]) Oberkirch, I, 22, 40.
[94]) Stark, 16, 26.

новенно любила слушать чтеніе избранныхъ литературныхъ произведеній, при которомъ присутствовали и ея домашніе. Читались авторы и Французскіе, и Нѣмецкіе, хотя, конечно, преимущественно обращалось вниманіе на Французскую литературу. Во время чтенія занимались, по обычаю, рукодѣліемъ, въ которомъ принцесса - мать обнаруживала большое искусство. По поводу прочитанныхъ книгъ шла дружеская, откровенная бесѣда между слушателями, и этими бесѣдами молодой умъ развивался постепенно, но прочно. Чтенія и бесѣды эти особенно часто бывали въ 1770—1772 гг., когда принцесса подарила своему супругу еще трехъ сыновей: Карла, Александра и Генриха. Семья герцога состояла теперь изъ восьми сыновей и трехъ дочерей. По возвращеніи старшихъ сыновей изъ Лозанны, кружокъ домашнихъ людей княжеской семьи, кромѣ супруговъ Боркъ, подругъ Софіи-Доротеи Генріеты Вальднеръ и дѣвицы Шиллингъ, состоялъ еще изъ Моклера и Голланда. Это общество, связанное между собою узами дружбы, увеличивалось постоянно пріѣздомъ многихъ замѣчательныхъ лицъ того времени; въ числѣ ихъ былъ, жившій обыкновенно въ Базелѣ, знаменитый Бернульи, домашній врачъ Монбельярской семьи, князь Ратзамгаузенъ, аббатъ изъ Мурбаха, пользовавшійся ореоломъ святости, и много лицъ изъ высшаго, свѣтскаго общества, во главѣ которыхъ былъ самъ владѣтельный герцогъ Виртембертскій, Карлъ-Евгеній. Въ это время Карлъ уже измѣнилъ отчасти расточительный и тираннической характеръ своего правленія и поддался вліянію графини Гогенгеймъ. Онъ являлся въ Монбельяръ всегда неожиданно, причемъ разыгрывалъ иногда пасторальныя сцены во вкусѣ обитателей Этюпа. Такъ однажды онъ, пріѣхавъ тайно въ Этюпъ, незамѣтно пробрался въ Хижину Пустынника и, призвавъ къ себѣ неожидавшихъ сюрприза племянницу принцессу Софію-Доротею и Генріетту Вальднеръ, дѣлалъ имъ прорицанія о будущей судьбѣ ихъ. Въ честь пріѣзда Карла и другихъ почетныхъ гостей, а также по случаю семейныхъ торжествъ, въ Этюпѣ давались праздники и театральныя представленія. Такъ, въ честь Карла давали въ Этюпскомъ театрѣ извѣстный тогда балетъ «Медею» и для этого выписали даже актеровъ изъ Вѣны, хотя для избалованнаго Штутгартомъ Карла онъ не представлялъ ничего особеннаго. Одинъ изъ маскарадовъ послужилъ поводомъ къ тому, что принцесса Софія стала называть Генріетту Вальднеръ именемъ Ланель, подобно тому какъ другая ея подруга, дѣвица Юліана Шиллингъ, называлась въ семейномъ кругу просто Тилли [95]).

---

[95]) Oberkirch.

Добрыя, мягкія свойства княжеской семьи сказались и на отношеніяхъ къ ней Монбельярскаго населенія. Мы уже видѣли, какъ сочувственно отнеслось оно къ Фридриху-Евгенію по его пріѣздѣ туда и какія добрыя воспоминанія остались о его управленіи. Тоже свидѣтельствуетъ и г-жа Оберкирхъ. «Неисчерпаемая благотворительность герцога и его супруги, говоритъ она, ихъ заботы о своихъ подданныхъ, такъ привыкшихъ къ несчастіямъ, распространили вскорѣ среди населенія Монбельяра богатство и изобиліе... Въ Этюпѣ всѣ были счастливы и старались сдѣлать какъ можно болѣе счастливыхъ» [96]). Разумѣется, что такія теплыя отношенія принца и его супцуги къ населенію Монбельяра не остались безъ вліянія и на ихъ дѣтей, въ особенности на Софію-Доротею, доброта которой была выдающимся ея свойствомъ. «Сколько разъ я видѣла, пишетъ г-жа Оберкирхъ, какъ молодыя принцессы отказывались отъ какой либо прихоти, чтобы помочь бѣдному семейству! За то благодарность къ нимъ сохранилась во всѣхъ сердцахъ, и имя ихъ благословляется, а такое счастье оставляетъ навсегда въ душѣ сладкое и трогательное воспоминаніе» [97]). Монбельярскій историкъ, упоминая объ отъѣздѣ принцессы Софіи-Доротеи изъ Монбельяра, въ свою очередь восхваляетъ ея доброту. «Она, говоритъ онъ, не переставала до своей смерти осыпать благодѣяніями нуждающійся классъ города, гдѣ ея присутствіе, во время ея ранней молодости, оставило воспоминанія еще до сихъ поръ (1830 г.) не ослабѣвшія» [98]). Есть извѣстіе, что посредницей принцессы въ сношеніяхъ съ бѣдняками была главная экономка Монбельярскаго двора, извѣстная своими странностями, но въ тоже время и добротою, г-жа Гендель, знавшая чуть ли не поголовно всѣхъ Монбельярцевъ и сообщавшая о нихъ свои свѣдѣнія и принцессѣ Доротеѣ [99]). Доброта и преданность г-жи Гендель привлекали къ ней сочувствіе принцессы, которая и на чужбинѣ, уже великой княгиней, шутя писала о ней г-жѣ Оберкирхъ: «цѣлую прахъ съ башмаковъ г-жи Гендель» [100]).

Честность и трудолюбіе жителей, въ числѣ которыхъ было много Гернгутеровъ, а также Гугенотовъ (изгнанныхъ изъ Франціи Людовикомъ XIV) создали въ небольшомъ, заброшенномъ среди горъ краѣ

[96]) Oberkirch.

[97]) Oberkirch.

[98]) Ephémérides du comté de Montbéliard, p. 401.

[99]) *Oberkirch*, 1, 402: „Madame la comtesse du Nord (имя, которое приняла Марія Θеодоровна во время поѣздки своей за границу въ 1781 г.) fit beaucoup de bien par son entremise; car, malgré ses ridicules et sa quasi-folie, madame Hendel était une excellente femme, demandant toujours pour les pauvres et dévouée à ses maîtres jusqu'à la mort“.

[100]) Oberkirch, 1, 88.

множество промышленныхъ и цвѣтущихъ селеній. Главный городъ графства, Монбельяръ, пріобрѣлъ въ XVIII в. торговое значеніе и былъ образовательнымъ центромъ для всей окрестной страны. Кромѣ гимназіи и публичной библіотеки, Монбельяръ былъ извѣстенъ своимъ ботаническимъ садомъ, однимъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ и, безъ сомнѣнія, много содѣйствовавшимъ насажденію и расширенію Этюпскихъ садовъ. Просвѣщенный духъ жителей выразился въ стремленіи многихъ изъ нихъ къ ученымъ и литературнымъ работамъ. Существовавшій въ Монбельярѣ ботаническій садъ изощрялъ вкусы преимущественно къ изученію естественной исторіи. Вотъ почему ученые Монбельяра сдѣлались извѣстными именно въ этой области знанія и, что́ особенно замѣчательно, самые знаменитые изъ нихъ воспитывались въ Монбельярѣ одновременно съ принцессой Софіей-Доротеей: быть можетъ, и они не были чужды вліянію роскошной Этюпской природы. Въ 1767 г. родился въ Монбельярѣ знаменитый физикъ Парротъ, а два года спустя еще болѣе славный Кювье. Еще ранѣе извѣстны стали въ естествознаніи Монбельярскіе уроженцы: Дювернуа, Гено и др. Изъ лицъ, занимавшихся другими отраслями знанія, нужно указать на извѣстнаго Массона, который родился въ Бламонѣ, близъ Монбельяра, въ 1761 г., и въ Монбельярѣ получилъ первоначальное воспитаніе. Онъ также любилъ заниматься естествознаніемъ: кромѣ пресловутыхъ своихъ «Mémoires secrets sur la Russie», онъ написалъ во время пребыванія своего въ Россіи «Cours mémorial de Géographie» и «Les jardins de Sambourskу». Развитіе промышленной и общественной жизни въ Монбельярѣ отразилось также основаніемъ въ немъ двухъ ткацкихъ и бумагопрядильныхъ фабрикъ и сиротскаго дома для 12 бѣдныхъ дѣвочекъ, открытаго въ 1770 г., на средства богатаго жителя Монбельяра, Петра Бернье [101]). Учрежденія эти пользовались покровительствомъ герцога и его супруги; въ особенности сиротскій домъ долженъ былъ привлекать ея вниманіе, какъ учрежденіе, наиболѣе близкое ея сердцу. Было бы странно предположить, что оно осталось чуждымъ и принцессѣ Софіи-Доротеѣ, которая обыкновенно повсюду слѣдовала за матерью. Все это не должно упускать изъ виду, чтобы объяснить себѣ, почему принцесса, прожившая всю свою молодость въ небольшомъ городкѣ, тѣмъ не менѣе обнаруживала потомъ замѣчательныя, всестороннія познанія. Ея пытливый умъ и врожденная любознательность и въ Монбельярѣ находили себѣ достаточную и здоровую пищу, чѣмъ она къ своей выгодѣ отличалась отъ многихъ современныхъ ей принцессъ, которыя выростали въ четырехъ стѣнахъ, среди большаго двора, наполненнаго низкопоклон-

---

[101]) Ephémérides du comté de Montbéliard.

ными лицемѣрами, и воспитывали въ себѣ, въ отдаленіи отъ дѣйствительной жизни, лишь любовь къ придворнымъ торжествамъ, сопровождаемую разными предразсудками.

Пока, однако, принцесса Софія-Доротея развивалась и совершенствовалась въ Монбельярскомъ и Этюпскомъ уединеніи, — политика дѣлала свое дѣло, и личность принцессы уже служила при Европейскихъ дворахъ предметомъ тщательнаго вниманія, возбуждая къ себѣ симпатіи и антипатіи заинтересованныхъ въ ея судьбѣ государей и ихъ совѣтниковъ. Знала ли принцесса или, по крайней мѣрѣ, ея родители, что сама Екатерина, эта славная и великая повелительница могущественной Имперіи, еще съ 1768 г. лелѣяла мысль о бракѣ съ принцессой своего единственнаго сына и наслѣдника Павла Петровича? Отвѣчать прямо на этотъ вопросъ очень трудно; но мы можемъ съ увѣренностію сказать, что такой бракъ дѣйствительно былъ одно время предметомъ мечтаній Монбельярскаго семейства. Братъ принцессы Монбельярской, принцъ Фердинандъ Прусскій писалъ ей 11 Мая 1776 года: «Вы желали этого брака три года тому назадъ». (С. Р. И. О., IX, 17). Разговоры о Россіи, которые охотно вела молодая принцесса и съ подругой своей Вальднеръ, и съ воспитателемъ братьевъ, Моклеромъ, ничего не доказываютъ: съ одной стороны, послѣ совершенія какого-либо событія легко увидѣть намеки на него тамъ, гдѣ ихъ не было никогда; а съ другой, что̀ могло быть естественнѣе бесѣдъ о еще мало извѣстной, но грозной Имперіи для принцессы, дѣтскія впечатлѣнія которой связаны были съ именемъ Россіи и Русскихъ? Быть можетъ, невѣдѣніе объ ожидавшей ее судьбѣ оказалось благопріятнымъ для принцессы, не подѣйствовавъ дурно на простоту ея дѣтской обстановки и на развитіе ея нравственныхъ свойствъ среди любящей семьи, въ тихомъ и мирномъ уединеніи: можно съ увѣренностію сказать, что тогда воспитаніе принцессы получило бы нѣсколько иное направленіе. Но родители принцессы не могли разсчитывать, что ихъ дочь займетъ величайшій тронъ въ Европѣ. Герцогъ Карлъ, дѣлавшій своей прелестной племянницѣ въ Хижинѣ Пустынника прорицанія, говорилъ ей шутя, что ее выдадутъ замужъ за какого-нибудь стараго курфюрста, кривоглазаго и хромаго [102]). Въ сущности эта шутка не лишена была основанія, ибо замужество съ курфюрстомъ для мелкой Германской принцессы представлялось блестящей партіей. Сама Екатерина, обративъ вниманіе на принцессу Софію-Доротею, хотѣла предложить ея родителямъ, чтобы они

---

[102]) *Ob·rkirch*, 1, 46.

отдали ей свою дочь на воспитаніе [103]). Это предположеніе, если бы оно осуществилось на самомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, могло бы имѣть большое вліяніе на характеръ воспитанія принцессы Софіи: въ Петербургѣ, подъ руководствомъ Русской по духу Екатерины, Софія-Доротея съ дѣтства привыкла бы считать себя Русскою по чувствамъ, отрѣшившись отъ Нѣмецкихъ, съ Прусскимъ оттѣнкомъ, симпатій своихъ родителей; кругозоръ принцессы сдѣлался бы шире, а умъ ея, освобожденный отъ мелочей будничной обстановки Монбельярскаго двора и направляемый Екатериной, поставленъ бы былъ въ болѣе благопріятныя условія для своего развитія. Но за то воспитаніе въ Петербургѣ лишило бы принцессу Софію-Доротею извѣстныхъ намъ поэтическихъ, мягкихъ сторонъ ея характера, оторвавъ ее отъ семьи и поставивъ въ среду одного изъ блистательнѣйшихъ дворовъ Европы. Было, однакожъ, время, когда молоденькая принцесса близка была къ переѣзду изъ скромнаго, поэтическаго Этюпа въ шумный холодный Петербургъ.

Въ 1768 г., озабочиваясь пріисканіемъ невѣсты для Павла Петровича, Екатерина поручила извѣстному ей Датскому дипломату Ассебургу объѣздить маленькіе Германскіе дворы, гдѣ находились принцессы, возрастомъ своимъ подходившія къ возрасту Павла Петровича. Ассебургъ былъ однимъ изъ тѣхъ многихъ дипломатовъ XVIII в., Нѣмецкаго происхожденія, которые, служа поочередно разнымъ государствамъ, въ сущности служили своимъ выгодамъ и продавали ввѣренные имъ интересы Прусскому королю. Это былъ образованый и талантливый проходимецъ, одна изъ тѣхъ иноземныхъ змѣй, по выраженію одного изыскателя [104]), которыхъ въ XVIII и началѣ XIX вѣковъ отогрѣвала на своей груди Россія. Родившись въ подвластномъ Пруссіи Гальберштадтѣ, онъ воспитывался въ Іенѣ, служилъ сначала Касселю, затѣмъ Даніи, а потомъ Россіи, но всегда былъ больше преданъ интересамъ короля Прусскаго, чѣмъ интересамъ двора, которому служилъ. «Онъ не скрывалъ того и говорилъ публично, что интересы короля Прусскаго были для него выше всего прочаго; такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать (въ Петербургѣ) сообразно съ своимъ характеромъ Датскаго уполномоченнаго, онъ запутывалъ Польскія дѣла, надѣясь доставить какую-нибудь выгоду королю Прусскому» [105]). Выгоды Фридриха II онъ имѣлъ въ виду и при выполненіи порученія Екатерины II. Проѣзжая чрезъ Трептовъ и отдавъ должное достоинствамъ принцессы Софіи-Доротеи, внучатной

---

[103]) С. Р. И. О., XIII, 92—93.

[104]) Архивъ Кн. Воронцова, XXIX, 176.

[105]) *Шлоссеръ*: „Исторія XVIII в. и начала XIX в.“ СПБ. 1858 г., стр. 78—79.

племянницы Фридриха II [106]), Ассебургъ вскорѣ замѣтилъ, что: эта принцесса остановила на себѣ, какъ мы имѣли уже случай упоминать [107]), предпочтительное вниманіе Императрицы, не смотря на крайнюю свою молодость. «Признаюсь вамъ, писала она Ассебургу 23 Января 1771 г., я съ сожалѣніемъ отказываюсь отъ выбора принцессы Виртембергской; но разумъ побѣждаетъ страсть: она слишкомъ молода» [108]). Однако, три мѣсяца спустя, она не только опять занята мыслію о Софіи-Доротеѣ, но и рѣшилась даже пригласить ее въ Россію. «Я возвращаюсь, пишетъ она Ассебургу 14 Мая, къ своей любимицѣ, принцессѣ Виртембергской, которой минетъ двѣнадцать лѣтъ въ будущемъ Октябрѣ. Мнѣніе ея врача о ея здоровомъ и крѣпкомъ сложеніи влечетъ меня къ ней. Она тоже имѣетъ недостатокъ, именно тотъ, что у нея одиннадцать братьевъ и сестеръ; но они всѣ малолѣтны». Затѣмъ Екатерина предлагаетъ Ассебургу разузнать, согласятся ли Фридрихъ-Евгеній и его супруга поручить ей воспитаніе Софіи-Доротеи, предлагая даже взять къ себѣ еще нѣсколько человѣкъ ихъ дѣтей, лишь бы только имѣть возлѣ себя ихъ старшую дочь. «Если бы принцесса-мать захотѣла сама привезти дочерей своихъ, прибавляетъ Екатерина, то она можетъ быть увѣрена въ самомъ почетномъ пріемѣ... Прошу васъ, м. г., сообщить мнѣ вашъ взглядъ на это предложеніе, и полагаете ли вы такое дѣло возможнымъ, зная мѣстныя условія. И если вы увидите надежду на успѣхъ, то обяжете меня, не упустивъ удобной къ тому минуты» [109]).

Между тѣмъ Фридрихъ II-й указалъ уже Ассебургу, что интересамъ Пруссіи всего болѣе соотвѣтствовалъ бы бракъ Павла Петровича съ одной изъ Гессенъ-Дармштадтскихъ принцессъ (сестра которыхъ была замужемъ за наслѣдникомъ Прусскаго престола, принцемъ Прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ) и тѣмъ пробудилъ его патріотическое усердіе [110]). Вслѣдствіе этого Ассебургъ отвѣчалъ сначала уклончиво [111]), а затѣмъ и прямо враждебно намѣренію Екатерины, стараясь обратить ея вниманіе на принцессъ Дармштадтскихъ. Переписка Екатерины съ Ассебургомъ продолжалась по этому поводу довольно долго—до Октября 1772 года, когда Софіи-Доротеѣ уже исполнилось 13 лѣтъ. Похвалы короля Прусскаго Гессенской принцессѣ

---

[106]) *Assebourg*: Denkwürdigkeiten, 243.
[107]) См. выше, начало II-й главы нашего труда.
[108]) С. Р. И. О., XIII, 66.
[109]) Тамъ же, 92—93.
[110]) *Кобеко*: Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, 82, изд. 3-е.
[111]) С. Р. И. О., XIII, 109.

также не могли оказать вліяніе на Екатерину. «Я знаю, писала она, какъ онъ ихъ выбираетъ, и какія ему нужны; то, что́ ему нравится, едва ли бы насъ удовлетворило; для него чѣмъ глупѣе, тѣмъ лучше» [112]). Неудивительно поэтому, что Ассебургъ не остановился предъ средствами исполнить желаніе Фридриха II и, кажется, прибѣгнулъ, наконецъ, къ сплетнѣ. По крайней мѣрѣ, изъ обнародованныхъ и извѣстныхъ намъ рукописныхъ свѣдѣній мы не можемъ объяснить себѣ ту причину, которая помѣшала Екатеринѣ призвать Софію-Доротею въ Петербургъ. «Виртембергскую принцессу я отчаялась увидѣть, пишетъ она въ Октябрѣ 1772 г., потому что невозможно было бы показать здѣсь отца и мать въ томъ видѣ, въ какомъ изображаетъ ихъ въ своемъ донесеніи г. Ассебургъ: это значило бы съ самаго начала поставить дѣвочку въ смѣшное положеніе, которое не позабудется; ей всего 13 лѣтъ, да и то минуло только недѣлю тому назадъ» [113]). Къ сожалѣнію, намъ рѣшительно неизвѣстно, въ чемъ именно заключалось глухое, но, какъ видно, чрезвычайно рѣзкое и серьезное обвиненіе, выставленное Ассебургомъ противъ родителей Софіи-Доротеи, среди другихъ Германскихъ князей того времени выдѣлявшихся, какъ мы уже видѣли, своимъ скромнымъ и нравственнымъ образомъ жизни. Поэтому мы склонны думать, что Ассебургъ умышленно сообщилъ Екатеринѣ какую-либо сплетню, ходившую, быть можетъ, среди «роскошныхъ» Нѣмецкихъ князей о «мѣщанскихъ привычкахъ и вкусахъ» обитателей Монбельяра [114]).

Во всякомъ случаѣ, своимъ донесеніемъ Ассебургъ достигъ цѣли: отъ Екатерины скрыли, что принцесса Дармштадтская Вильгельмина страдала искривленіемъ позвоночнаго столба, и въ Сентябрѣ 1773 г. она

---

[112]) Тамъ же, 311.

[113]) С. Р. И. О., XIII. „...Il serait impossible de produire ici le père et la mère dans l'état où ils sont d'après le rapport de monsieur d' Assebourg: ce cerait faire débuter par un ridicule qui ne s'effacerait point la petite fille qui, au bout du compte, *n'a que 13 ans, et cela depuis huit jours seulement*". Изъ словъ Екатерины, напечатанныхъ курсивомъ, видно, что это ея письмо писано въ Октябрѣ 1772 г., и, стало быть, оно напрасно помѣщено въ С. Р. И. О. между бумагами 1773 г. и безъ означенія мѣсяца написанія.

[114]) Самъ Ассебургъ въ своихъ „Denkwürdigkeiten" ни однимъ словомъ не проговаривается объ этомъ своемъ донесенія Екатеринѣ II, указывая лишь на молодость принцесы, мѣшавшую осуществленію предположеннаго брака. Донесенія этого нѣтъ ни въ XIII т. Сборника Русскаго Историческаго Общества, ни въ Государственномъ Архивѣ. Къ сожалѣнію, мы не имѣли времени удостовѣриться, нѣтъ ли его въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Во всякомъ случаѣ важно то, что это донесеніе отправлено было Ассебургомъ Екатеринѣ немедленно послѣ выраженной имъ въ Августѣ готовности дѣйствовать въ пользу Пруссіи. См. „Denkwürdigkeiten", стр. 230, письмо Ассебурга графу Финкенштейну.

сдѣлалась супругой Павла Петровича подъ именемъ Наталіи Алексѣевны. Въ этомъ содѣйствовалъ Ассебургу убѣжденный сторонникъ союза Россіи съ Пруссіей, графъ Н. П. Панинъ, совѣтами котораго Екатерина пользовалась (и который, между прочимъ, исходатайствовалъ у Екатерины помилованіе того генерала Тотлебена, который, состоя на Русской службѣ во время Семилѣтней войны, измѣннически дѣйствовалъ на пользу Пруссіи) [115].

Въ это время, вдали отъ выше описанныхъ интригъ, вращавшихся около ея личности,—вступала Софія-Доротея въ свой юношескій возрастъ и довершала свое образованіе. Главное вниманіе обращено было при этомъ на историческія и нравственныя науки, причемъ характеръ преподаванія, сухаго прежде, теперь видимо измѣняется. Надо думать, что съ этой поры оно перешло въ другія, болѣе умѣлыя и опытныя руки. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности указать точно преподавателей принцессы Софіи; можемъ только предполагать, что ими были Моклеръ и Голландъ, прибывшіе въ 1772—1773 гг. изъ Лозанны въ Монбельяръ. Принцесса изучала исторію Германіи и Франціи, писала небольшіе историческіе отрывки: «О семи чудесахъ свѣта», «Портреты знаменитыхъ мужей» и «Очеркъ жизни Датской принцессы Доротеи, супруги маркграфа Альберта Брандебургскаго» [116]. Ей преподаны были также главныя начала Логики и Психологіи и важнѣйшія свѣдѣнія изъ естествознанія (Examen abrégé des oeuvres de création) [117]. Сохранились также писанныя собственноручно принцессой, извлеченныя ею изъ разныхъ авторовъ, «Des Pensées» и Réflexions sur différents sujets de morale». Многія изъ нихъ очень интересны, характеризуя ту нравственную пищу, которая предлагалась принцессѣ и опредѣляя ея нравственный складъ; въ особенности замѣчательны статьи: «De la destination de l'homme», «De la vérité», «De science» и «De la récompense» [118]. Къ изученію языковъ Французскаго и Нѣмецкаго у принцессы Софіи присоединилось еще изученіе Итальянскаго, начатое въ 1773 г., которое также шло практическимъ путемъ [119]. Наконецъ, образованіе принцессы было завершено изученіемъ Геральдики—предмета, знаніе котораго для лицъ изъ высшаго класса общества считалось обязательнымъ [120]. Одно

---

[115]) С. Р. И. О, X, 340—341.

[116]) Архивъ Павловскаго дворца: „Études de S. M. I-le, пачка № 2: №№ 7, 8, 17 De ce qu'on appelle les sept merveilles du monde“ въ пачкѣ № 1.

[117]) Тамъже, пачка № 2, №№ 10, 11.

[118]) Тамъже, № 16 и 12.

[119]) Тамъже, пачка № 1.

[120]) Тамъже, пачка № 2

перечисленіе этихъ предметовъ свидѣтельствуетъ, что принцесса получила по своему возможно-полное, всестороннее образованіе, которое рѣдко получали въ то время женщины. При всѣхъ недостаткахъ этого образованія для будущей Русской государыни, его педантизмѣ и дидактическомъ направленіи въ изложеніи нѣкоторыхъ отраслей знаній, оно однако, дало, принцессѣ тотъ образовательный остовъ, который постоянно пополнялся чтеніемъ литературныхъ произведеній и живою бесѣдою съ умными людьми. Эта живая струя знаній оживляла умственный міръ принцессы и не давала ей остановиться на сухомъ запасѣ знаній, вынесенномъ ею изъ учебныхъ своихъ занятій. Мы не должны поэтому забывать, что умственный міръ принцессы Софіи-Доротеи не ограничивался знаніями, сообщенными ей въ юности; внимательное, серьезное чтеніе было постоянною потребностью принцессы и сдѣлало ее одной изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего времени. Но нравственное съ сентиментальнымъ оттѣнкомъ воспитаніе сказалось и на характерѣ этого образованія: знакомясь съ различными проявленіями, принцесса не могла сочувствовать ни легкимъ, фривольнымъ литературнымъ произведеніямъ, ни сухому, матеріалистическому взгляду энциклопедистовъ; ее плѣняло, напротивъ, все строго-религіозное, возвышенное или трогательное въ области духа и точное практическое знаніе въ области любимой ею природы.

Въ 1775 г. принцессѣ Софіи-Доротеѣ исполнилось 16 лѣтъ, возрастъ, когда она уже сдѣлалась предметомъ искательствъ со стороны жениховъ. Правда, за принцессой не было и не могло быть приданаго въ виду ограниченности средствъ ея родителей и многочисленности ихъ семейства; но красота принцессы была такъ поразительна, что едва успѣла она выйти изъ отроческихъ лѣтъ, какъ ей представилась вполнѣ приличная, по взгляду родителей, партія: къ ней сталъ свататься наслѣдный принцъ Гессенъ - Дармштадтскій Людвигъ, родной братъ супруги Павла Петровича. Послѣ свадьбы сестры герцогъ Людвигъ началъ служить въ Русской арміи; но его разгульное поведеніе, вмѣстѣ съ невоздержностью языка, погубило его во мнѣніи Императрицы. Въ 1775 г., во время пребыванія своего въ Москвѣ, въ свитѣ Екатерины, онъ въ особенности проявилъ эти свойства, проводя время въ дурномъ обществѣ и едва не вступивъ въ неравный бракъ [121]) «C'est une miserable pécore qui s'énivre tous les jours et qui finira par quelque mauvais esclandre», писала Екатеринѣ г-жѣ Бьелке [122]). Этотъ-то принцъ

---

[121]) *Кобеко:* Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, стр. 100.
[122]) С. Р. И. О., XXVII, 67.

видѣлъ Софію-Доротею и сталъ добиваться ея руки. «Принцесса Доротея, пишетъ г-жа Оберкирхъ, въ то время была хороша какъ Божій день; высокаго роста, стройная, она соединяла съ тонкими, правильными чертами лица благородный и величественный видъ. Она рождена была для короны» [123]). Къ принцу Дармштадтскому, говоритъ г-жа Оберкирхъ въ другомъ мѣстѣ, она относилась равнодушно (assez d'indifférence), но она была тронута его вниманіемъ и, послѣ многихъ колебаній, изъявила, наконецъ, свое согласіе. Между обоими дворами дѣло было тогда рѣшено» [124]).

Но едва принцесса Софія-Доротея сдѣлалась, почти противъ воли, невѣстой Гессенъ-Дармшадтскаго принца, какъ на Сѣверѣ произошло событіе, давшее новый, неожиданный поворотъ ея судьбѣ 15: Апрѣля 1776 г. скончалась отъ несчастныхъ родовъ первая супруга Павла Петровича, великая княгиня Наталія Алексѣевна [125]). Екатерина, крайне недовольная тѣмъ, что ея любимица выходитъ замужъ за принца Людвига, въ тотъ же день рѣшила женить на ней своего овдовѣвшаго сына и, принявъ нужныя мѣры, писала 18 Апрѣля г-жѣ Бьелке: «Я сомнѣваюсь, чтобы онъ (принцъ Людвигъ) женился на принцессѣ Виртембергской, не смотря на то, что они уже помолвлены; онъ совсѣмъ не стóитъ ея. Его высочество это—такая .... (pécore), какихъ никогда не бывало» [126])

Дѣйствительно, черезъ четыре мѣсяца принцесса Софія была уже въ Россіи.

---

[123]) *Oberkirch*, 1, 73.

[124]) Тамъже, I, 67—68.

[125]) На смертномъ одрѣ она призналась своей свекрови, что въ дѣтствѣ ее возили тайкомъ въ Парижъ лечить искривленный позвоночный столбъ. Фридрихъ Великій и его клевретъ Ассебургъ могли знать о томъ. Характеръ Павла Петровича опредѣлился первымъ его бракомъ. П. Б.

[126]) С. Р. И. О., XXVII, 81.

III.

Прибытіе Маріи Ѳеодоровны въ Россію.

Брачные союзы Русскихъ государей.—Фридрихъ II и его политика по отношенію къ Россіи.—Избраніе принцессы Софіи-Доротеи въ супруги великому князю Павлу Петровичу.—Переговоры по этому поводу между Петербургомъ, Берлиномъ и Монбельяромъ.—Заботливость Фридриха объ участи Софіи-Доротеи и пріѣздъ ея въ Берлинъ.—Свиданіе съ Павломъ Петровичемъ и его отношеніе къ невѣстѣ и ея семьѣ.—Симпатіи Павла къ Пруссіи и причины ихъ.—Политическое значеніе его поѣздки въ Пруссію.—Отъѣздъ Павла и Софіи-Доротеи въ Петербургъ.—Впечатлѣніе, произведенное невѣстою въ Петербургѣ, и ея бракосочетаніе съ великимъ княземъ.—Первоначальная обстановка.

Избраніе принцессы Виртембергской Софіи-Доротеи въ супруги наслѣднику Русскаго престола великому князю Павлу Петровичу совершилось при условіяхъ, заслуживающихъ особаго вниманія: ими во многомъ объясняется не только дальнѣйшая судьба новобрачной, но и нѣкоторыя историческія событія, тѣсно связанныя съ государственною жизнію Россіи того времени.

Извѣстно, что до начала XVIII вѣка Россія, вообще уклоняясь въ своей жизни отъ Европейскаго вліянія, держалась въ сторонѣ отъ него и при заключеніи браковъ своихъ государей: супруги для нихъ избирались не изъ иностранныхъ принцессъ, а изъ среды Русскихъ подданныхъ. Но эти браки Русскихъ самодержцевъ имѣли свою неудобную для государства сторону: съ новой царицей обыкновенно поднимался и весь ея родъ, члены котораго постепенно занимали первыя мѣста въ государствѣ и при дворѣ царя-родственника. Отсюда—цѣлый рядъ дворцовыхъ каверзъ, постоянно сопровождавшихъ выборъ царской невѣсты, и народныя жалобы на злоупотребленія и безнаказанность новыхъ царскихъ родственниковъ, которые въ родствѣ съ царемъ видѣли безопасный и богатый источникъ для наживы. Нестроенія эти разрастались иногда до размѣровъ государственныхъ смутъ; такъ, все дѣтство Петра Великаго протекло среди кровавой и безпрерывной борьбы Нарышкиныхъ съ Милославскими, завершившейся ужасными стрѣлецкими казнями. Безъ сомнѣнія, желаніе избѣжать

внутреннихъ смутъ руководило отчасти Петромъ, когда онъ, заботясь о сближеніи Россіи съ Европой, женилъ наслѣдника своего Алексѣя Петровича на Брауншвейгской принцессѣ Софіи-Шарлотѣ, сестрѣ Германской императрицы. Дальнѣйшія событія Русской исторіи въ малолѣтство Петра II, когда вопросъ о бракѣ молодаго царя связанъ былъ съ преобладающимъ значеніемъ Меньшикова и Долгорукихъ, только подтверждали вѣрность мысли о необходимости выбирать супругу для будущаго Русскаго государя изъ среды иностранныхъ принцессъ. И дѣйствительно, даже такая чисто-русская по своимъ чувствамъ государыня, какъ императрица Елисавета Петровна, послѣдовала примѣру своего отца и выбрала въ супруги великому князю Петру Ѳеодоровичу значительную Германскую принцессу—Ангальтъ-Сербскую.

Но въ чужихъ земляхъ подыскать невѣсту для наслѣдника Русскаго престола было нелегко. Православныхъ династій кромѣ Русской въ Европѣ не существовало, а между тѣмъ будущая Русская государыня должна была исповѣдовать православную вѣру; поэтому замужество иновѣрной принцессы съ Русскимъ великимъ княземъ по необходимости соединялось съ принятіемъ ею православія. Между тѣмъ, протестантскія принцессы считали не совсѣмъ удобнымъ и приличнымъ перемѣнять свое вѣроисповѣданіе послѣ совершенія конфирмаціи, которая обыкновенно происходила на 16-мъ или 17-мъ году ихъ возраста; католическія принцессы вообще не пользовались симпатіями Русскаго двора и исключались изъ списка кандидатокъ въ супруги Русскому великому князю: ибо католичество, по Русскому взгляду, сложившемуся историческимъ путемъ, казалось болѣе враждебнымъ православію, чѣмъ протестантство, и въ католической принцессѣ, даже принявшей православіе, масса народа легко могла видѣть скрытую папистку [1]. Притомъ, протестантскихъ невѣстъ, соглашавшихся на перемѣну вѣроисповѣданія, можно было искать только среди княжескихъ дворовъ Германіи; но и здѣсь, въ половинѣ XVIII вѣка, выборъ не могъ быть вполнѣ свободенъ: этимъ выборомъ, изъ политическихъ разсчетовъ, старался руководить король Прусскій Фридрихъ II, который прикидывался

---

[1]) Вотъ условія, которыми, между прочимъ, руководилась Екатерина II при выборѣ невѣсты Павлу Петровичу: „Во 1-хъ, правило, чтобы принцесса, вступающая въ замужество съ великимъ княземъ, была дочерью протестантскихъ родителей должно быть признано непреложнымъ и, слѣдовательно, католическія принцессы ipso facto совершенно устраняются. Во 2-хъ, графини самыхъ знаменитыхъ домовъ могутъ быть предложены только въ случаѣ совершеннаго недостатка принцессъ царствующихъ домовъ; но дома Линанжъ, Штольбергъ и Изембургъ, извѣстные наслѣдственными недостатками въ семействахъ своихъ, не могутъ входить въ это число. Въ 3-хъ, требуемый для принцессъ возрастъ не долженъ превышать лѣтъ великаго князя“. Письмо графа Н. И. Панина барону Ассебургу 10 Мая 1771 г. С. Р. И. О. XIII, 85.

другомъ Россіи и котораго трудно было обойти въ этомъ дѣлѣ, потому что онъ считался какъ бы главою протестантской Германіи. Такимъ образомъ выяснялась невыгодная сторона браковъ съ иностранными принцессами, открывавшая возможность вліянія на Русскую политику взглядовъ, чуждыхъ выгодамъ Россіи. При соперничествѣ Фридриха съ католической Австріей въ Германіи, протестантскія принцессы, выдаваемыя съ его помощію замужъ въ Россію, должны были, по его мнѣнію, упрочивать за нимъ союзъ этой могущественной державы. Извѣстно, что вся жизнь Фридриха посвящена была усиленію Пруссіи и что для достиженія этой цѣли онъ не брезгалъ никакими средствами, подчиняя ей всѣ свои нравственныя чувства. Ложь, обманъ, безцеремонное нарушеніе договоровъ (un assemblage de mots sans âme, какъ называлъ онъ ихъ) все считалъ онъ дозволительнымъ для себя, если только того требовали Прусскія выгоды. «Ce n'est pas tromper cela, говорилъ онъ, c'est se tirer d'affaire». Рыцарство въ политикѣ онъ презиралъ, предпочитая ему свое правило, сдѣлавшееся потомъ девизомъ Пруссіи: erst nehmen und dann unterhandeln [2]). Дважды спасенный Россіей отъ совершеннаго пораженія, боясь ея, по выраженію одного иностраннаго дипломата, болѣе нежели Бога [3]), Фридрихъ въ тоже время глубоко презиралъ ее за ея сентиментальность въ политикѣ, тупую иногда покорность и точность въ исполненіи, даже въ ущербъ себѣ, своихъ международныхъ обязательствъ. Неразборчивому на средства королю Россія представлялась грубой, стихійной силой, которою онъ долженъ пользоваться для выгодъ Пруссіи. Ради этого король-философъ не скупился на подкупы, запугиванія ложными страхами, предавалъ на погибель собственныхъ родственниковъ («родственники только тѣ, кто друзья мнѣ», говорилъ онъ) и рекомендовалъ своему посланнику, въ крайнемъ случаѣ, подумать, какъ бы произвести въ Россіи переворотъ «въ пользу того, для кого онъ можетъ быть устроенъ» [4]). Мало того, не переносившаго цѣпей, медвѣдя, Фридрихъ задумалъ перевязать розовыми лентами и, дѣйствительно, добился того, что въ теченіе всей своей жизни онъ былъ, такъ-сказать, постояннымъ сватомъ Русскаго двора и успѣлъ дать

---

[2]) Сначала захватить, а уже потомъ переговариваться. См. статью: „Сношенія Россіи съ Германіей" г. Бильбасова. Ист. Вѣстн. 1889 года, т. I.

[3]) Отчетъ о двадцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова, статья проф. Иконникова, стр. 132. Здѣсь же приведенъ отзывъ другаго иностранца, маркиза Валори, который выражался, что „руссофобія наслѣдственна въ Берлинѣ, и Русскихъ трепещутъ здѣсь какъ лѣшаго". Такихъ ударовъ нанесли Пруссакамъ Русскія войска при Елисаветѣ Петровнѣ.

[4]) Тамъ же.

послѣдовательно трехъ супругъ для наслѣдниковъ Русскаго престола: Екатерину II, Наталію Алексѣевну и Марію Θеодоровну. Въ выборѣ ихъ сказался практическій геній коварнаго Прусака, устраивая бракъ могущественной имперіи, король-философъ думалъ не о томъ, чтобы будущаго государя пристроить ближайшихъ къ себѣ членовъ своей семьи, а о томъ, чтобы какъ можно крѣпче привязать къ себѣ Россію, съ своей стороны не поступаясь ей ничѣмъ. Фридриху хотѣлось, чтобы будущая Русская государыня была по возможности всѣмъ обязана Пруссіи, платила бы ей свой долгъ благодарности, но отнюдь не связывала бы ей рукъ ни въ какомъ отношеніи. Быть можетъ, отчасти этимъ соображеніемъ можно объяснить себѣ то, что Фридрихъ въ 1743 году отказалъ великому князю Петру Θеодоровичу въ рукѣ своей сестры принцессы Амаліи, тѣмъ болѣе, что, по справедливому замѣчанію барона Бюлера, онъ не считалъ въ это время положенія императрицы Елисаветы упроченнымъ [5]). Но Ангальтъ-Сербская принцесса, рекомендованная имъ взамѣнъ своей сестры, обманула ожиданія своего покровителя: сдѣлавшись великой княгиней, она послѣ перваго кровопусканія, сдѣланнаго ей во время болѣзни, воспользовалась случаемъ, чтобы шутя выразить по этому поводу свою радость, говоря, что ей выпустили послѣднюю Нѣмецкую кровь, остававшуюся въ ея жилахъ. Сдѣлавшись самодержавной государыней, Екатерина хотя и заключила союзъ съ Пруссіей, но держалась его лишь поскольку онъ соотвѣтствовалъ Русскимъ выгодамъ: замѣтивъ двуличіе Фридриха и нуждаясь для достиженія своихъ цѣлей относительно Турціи въ содѣйствіи Австріи, Екатерина не задумалась прервать дружественныя связи съ этимъ «Иродомъ», какъ она стала называть Фридриха [6]), и вступила въ союзъ съ его врагомъ, Австріей. Но такая перемѣна въ Русской политикѣ произошла значительно позже, въ 1781 году. До того же времени, Фридрихъ, успѣвъ, въ 1772 г., съ помощью Россіи округлить свои владѣнія по первому раздѣлу Польши, съ неменьшимъ усердіемъ чѣмъ прежде хлопоталъ, чтобы и бракъ сына Екатерины, Павла, устроился сообразно его желаніямъ. На этотъ разъ онъ предложилъ въ невѣсты принцессу Гессенъ-Дармштадтскую Вильгельмину, сестра которой была замужемъ за его наслѣдникомъ,

---

[5]) Баронъ Бюлеръ вполнѣ правъ, не довѣряя Фридриху, который причину отказа объяснялъ своимъ нежеланіемъ дозволить сестрѣ перемѣну вѣроисповѣданія. „Такой отвѣтъ короля-философа, говоритъ онъ, хвалившагося вѣротерпимостію и любившаго повторять, что въ его государствѣ каждый по своему долженъ заботиться о спасеніи души былъ только пустымъ предлогомъ". „Два эпизода" и проч. Русскій Вѣстникъ 1870 г., IX, 94.

[6]) Въ письмахъ своихъ къ Гримму. С. Р. И. О., XXIII.

принцемъ Прусскимъ. Весь ходъ этого сватовства онъ самъ подробно изложилъ въ своихъ Запискахъ. Послѣ перваго раздѣла Польши Фридрихъ очень обезпокоенъ былъ враждою князя Г. Г. Орлова, любимца Екатерины, къ графу Н. И. Панину (который, по воспитанію своему и привычкѣ къ Нѣмцамъ, поддерживалъ при Русскомъ дворѣ союзъ съ Пруссіей). «Чтобы имѣть вліяніе въ Россіи, пишетъ Фридрихъ, нужно было помѣстить тамъ лицъ, которыя тянули бы къ Пруссіи... Было бы все выиграно, еслибы одна изъ этихъ принцессъ (Дармштадтскихъ) сдѣлалась великой княгиней, ибо узы родства въ связи съ узами союза повели бы къ тому, что единеніе Пруссіи съ Россіей было бы прочнѣе, чѣмъ когда либо... Такого рода мѣры, конечно, не достигаютъ своей цѣли; но ими не слѣдуетъ пренебрегать... И только путемъ происковъ и каверзъ король (Фридрихъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ) достигъ того, что Императрица остановила свой выборъ на принцессѣ Дармштадтской, родной сестрѣ принцессы Прусской» [7]).

Какъ мы уже видѣли, орудіемъ этихъ происковъ Прусскаго короля былъ Ассебургъ, а жертвой ихъ — внучатная племянница самого Фридриха, принцесса Виртембергская Софія-Доротея. И дѣйствительно, уклониться отъ вліянія Фридриха на выборъ невѣсты не могла даже Екатерина, отзывъ которой намъ уже извѣстенъ: «я знаю, какъ онъ выбираетъ и какія ему нужны... для него чѣмъ глупѣе, тѣмъ лучше». Но принцесса Вильгельмина Дармштадтская, сдѣлавшись великой княгиней Наталіей Алексѣевной, пожила недолго и умерла отъ несчастныхъ родовъ. Кончина великой княгини была неизбѣжной при ея физическомъ недостаткѣ, который былъ тщательно скрываемъ ея честолюбивой матерью (извѣстнымъ другомъ короля-философа) ландграфиней Каролиной. Кончина эта поразила неожиданностію какъ Екатерину, такъ и молодаго супруга. Исторія врядъ ли можетъ съ достовѣрностію рѣшить вопросъ, были ли эти несчастные роды такою же неожиданностію и для Фридриха, или, быть можетъ, подобно самой ландграфинѣ Каролинѣ, онъ только не предполагалъ всей важности физическаго недостатка принцессы, на которую имъ возлагалось такъ много надеждъ [8]). Смерть Наталіи Алексѣевны, 15-го Апрѣля 1776 г.,

[7]) Frédéric, Oeuvres, t. VI, 57, 119.

[8]) Эти надежды, впрочемъ, на этотъ разъ могли оказаться обманчивыми: Наталія Алексѣевна, подъ вліяніемъ друга своего графа Андрея Разумовскаго (который сошелся съ нею еще на кораблѣ, когда ее везли въ Россію) наклонна была въ пользу Франціи и Испаніи, во вредъ союзу Россіи съ Пруссіей. Кратковременность жизни великой княгини въ Россіи не позволяетъ, однако, дѣлать опредѣленныхъ заключеній о ея политическихъ симпатіяхъ.

не дала, однако, Фридриху возможности на этотъ разъ руководить выборомъ супруги Павлу Петровичу: выборъ Екатерины тотчасъ палъ на ея давнюю любимицу, принцессу Виртембергскую Софію-Доротею. Но обстоятельства, въ которыхъ находилась тогда Пруссія, были таковы, что печальное событіе въ Русской императорской семьѣ было какъ нельзя болѣе на руку Фридриху, и ему оставалось только радоваться, что вновь избранная принцесса и все ея семейство были издавна привязаны къ нему чувствами родства, уваженія, благодарности, и хлопотать, чтобы предположенный брачный союзъ совершился безпрепятственно и на пользу Пруссіи. Дѣло въ томъ, что «захватчивый» король былъ въ это время озабоченъ неудовольствіемъ Екатерины на его образъ дѣйствій, такъ какъ онъ, во-первыхъ, отрѣзалъ себѣ отъ Польши больше земли, чѣмъ это ему слѣдовало по первому раздѣлу, и, во-вторыхъ, сталъ заниматься фабрикаціей фальшивой монеты, которую приказывалъ распространять въ Польшѣ [9]). Между тѣмъ Россія, возвратившая себѣ Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ свободу дѣйствій, являлась въ сущности единственной державой, которая могла рѣшать споръ Австріи и Пруссіи за преобладаніе въ Германіи. Неудовольствіе Екатерины могло имѣть для Фридриха тѣмъ болѣе опасныя послѣдствія, что въ 1777 г. истекалъ срокъ союзнаго договора между Россіей и Пруссіей, а Австрія въ свою очередь заискивала въ Петербургѣ, надѣясь перетянуть Россію на свою сторону. Подобно Пруссіи, и Австрія захватила у Польши участки земли, не вошедшіе въ трактатъ раздѣла; но, при первомъ извѣстіи о неудовольствіи Екатерины, Австрійскій дворъ поспѣшилъ возвратить ихъ Польшѣ, въ увѣренности, что этимъ своимъ шагомъ онъ поссоритъ Екатерину съ Фридрихомъ. Фридриху, дѣйствительно, ничего не осталось дѣлать, какъ послать въ Петербургъ, въ Мартѣ 1776 г., брата своего, принца Генриха, въ надеждѣ, что этотъ ловкій дипломатъ (уже ѣздившій къ Петербургскому двору въ 1770 г. и заслужившій уваженіе Екатерины) поможетъ ему разсѣять неудовольствіе ея и отклонить ее отъ союза съ Австріей. Тѣмъ пріятнѣе было для короля извѣстіе, что представляется случай не только устранить недоразумѣнія, возникшія между союзниками къ выгодѣ Австріи, но и сдѣлать узы дружбы между Россіей и Пруссіей еще болѣе тѣсными [10]).

---

[9]) Этотъ поступокъ Фридриха, хорошо характеризующій его нравственность въ политикѣ, вызвалъ нѣкоторыя противодѣйствующія мѣры со стороны Екатерины. Русская Старина, XXIII, 491 и слѣд. Наполеонъ, явившійся въ Россію въ 1812 г. съ большимъ запасомъ Русскихъ фальшивыхъ ассигнацій, въ сущности слѣдовалъ, значитъ, примѣру Фридриха (Тьеръ старается извинить его этимъ примѣромъ!).

[10]) Fréderic, Oeuvres, VI, 122.

Съ иными чувствами и надеждами ожидала этого брака Екатерина. Въ первой своей невѣсткѣ она скоро разочаровалась; честолюбивый и энергическій нравъ Наталіи Алексѣевны давалъ даже поводъ современникамъ думать, что, проживи она долѣе, между нею и ея державной свекровью началась бы борьба за власть: подчинивъ своему вліянію молодаго супруга, Наталія Алексѣевна мечтала о возведеніи его на престолъ. Не отъ нея также, какъ оказалось, могла Императрица ожидать себѣ внука, съ рожденіемъ котораго былъ бы упроченъ въ Россіи порядокъ престолонаслѣдія. Поэтому издавна замѣченныя Екатериной въ принцессѣ Виртембергской здоровье и сердечная доброта должны были въ особенности привлекать ее къ ней: эти качества молодой принцессы могли, по мнѣнію Екатерины, обезпечить и домашній миръ Русской императорской семьи, и будущность Россіи. Помолвка принцессы Софіи-Доротеи съ принцемъ Гессенъ-Дармштадтскимъ заставила Екатерину не терять времени для достиженія своей цѣли. Наталія Алексѣевна скончалась 15 Апрѣля 1776 г. въ 5 часовъ пополудни, и уже въ этотъ день Екатерина письменно начертала себѣ планъ дѣйствій для новаго брачнаго союза своего сына [11]). Содѣйствіе Фридриха этому плану облегчено было присутствіемъ принца Генриха, который двѣ недѣли какъ жилъ въ Петербургѣ, выполняя порученіе брата [12]). Какой успѣхъ имѣло бы посольство принца Генриха въ другое время, сказать трудно; но теперь принцу оставалось только пользоваться благопріятными обстоятельствами. На слѣдующій же день по кончинѣ Наталіи Алексѣевны, 16 Апрѣля, Екатерина обратилась къ принцу съ просьбой устроить бракъ Павла Петровича съ принцессой Виртембергской. Нечего и говорить, съ какимъ удовольствіемъ принцъ принялъ на себя хлопоты по этому дѣлу. Чтобы ускорить сватовство, Императрица рѣшилась даже на важный шагъ—отправить сына вмѣстѣ съ принцемъ Генрихомъ въ Берлинъ, куда съ своей сто-

---

[11]) С. Р. И. О., XXVII, 78, 79. Замѣчательно, что она имѣла силу тотчасъ же заняться этимъ дѣломъ, не смотря на страшное потрясеніе, которое испытывала, будучи свидѣтельницей предсмертныхъ страданій великой княгини. „Были минуты, писала Екатерина Гримму 18 Апрѣля, когда при видѣ мученій мнѣ казалось будто и мои внутренности разрывались... Въ Пятницу (день смерти Наталіи Алексѣевны) я стала точно каменная и до сихъ поръ еще не опомнилась. Иногда я чувствую себя крѣпкою, иногда нападаетъ слабость; происходитъ это отъ перемежающейся лихорадки, но ее скорѣе можно назвать нравственною, нежели физическою“. С. Р. И. О., XIII, 46. И впослѣдствіи Екатерина присутствовала при всѣхъ родахъ своей невѣстки. Одинъ великій князь Михаилъ Павловичъ родился, когда ея уже не было на свѣтѣ.

[12]) Совпаденіе пріѣзда принца Генриха со временемъ приближенія родовъ великой княгини могло быть не случайнымъ. Къ сожалѣнію, провѣрить справедливость этой догадки врядъ ли возможно.

роны, по плану Екатерины, должна была пріѣхать принцесса Виртембергская-мать со старшею дочерью для свиданія съ августѣйшимъ женихомъ; тамъ же принцъ Генрихъ долженъ былъ передать родителямъ принцессы заранѣе приготовленныя письма Екатерины съ формальнымъ предложеніемъ о бракѣ, а затѣмъ прямо изъ Берлина принцесса должна была ѣхать въ Россію. Затрудненія, которыя могли возникнуть со стороны уже объявленнаго жениха принцессы Софіи, принца Людвига Дармштадтскаго, поручено было устранить Фридриху II. Быстрота дѣйствій и тайна, съ которой велось все это дѣло, вызывались, безъ сомнѣнія, самою щекотливостью обстоятельствъ, при которыхъ должно было совершиться предполагаемое сватовство. Со стороны Павла Петровича, сначала очень грустившаго о потерѣ своей супруги, не было противодѣйствія такъ быстро возникшей мысли о новомъ брачномъ союзѣ; потому что, по словамъ гр. Н. И. Панина, открывшійся смертью Натальи Алексѣевны ея внутренній образъ жизни перемѣнилъ чувства супруга и подалъ утѣшеніе всему двору о сей потерѣ [13]). Великій князь, которому еще не исполнилось и 22-хъ лѣтъ, тѣмъ менѣе могъ уклоняться отъ вступленія въ новый бракъ, что ясно сознавалъ его государственную необходимость. Уже 5-го Мая, озабочиваясь доставленіемъ чина исповѣданія православной вѣры новой своей невѣстѣ, Павелъ писалъ митрополиту Платону: «При семъ случаѣ за долгъ свой почитаю вамъ сказать (прося оставить сіе подъ глубокимъ секретомъ), что въ сіи горестныя минуты не забылъ помыслить о долгѣ въ разсужденіи отечества своего [14]), полагаясь и въ семъ, какъ въ выборѣ, такъ и въ прочемъ, на волю Божію [15]).

Сама Екатерина такъ передавала Гримму эти событія. «Увидѣвъ, что корабль накренился на одинъ бокъ, я не теряла времени, наклонила его другимъ бокомъ, ковала желѣзо, пока оно было горячо, чтобы возмѣстить утрату, и такимъ образомъ мнѣ удалось разсѣять глубокую печаль, которая насъ удручала. Сначала я предложила попутешествовать, съѣздить кое-куда и провѣтриться, и потомъ сказала: «Мертвыхъ не воскресить, надо помышлять о живыхъ. Были убѣждены въ своемъ благополучіи, утратили это убѣжденіе. Но зачѣмъ же отчаяваться обрѣсти его вновь? Поищемъ этого новаго».—«Да въ комъ же?»—«О, у меня есть наготовѣ».—«Какъ, уже?»—«Да, да, и

---

[13]) Рѣчь идетъ о привязанности Наталіи Алексѣевны къ графу Андрею Разумовскому, въ которой Павелъ долженъ былъ убѣдиться изъ бумагъ своей супруги, и ему предъявленныхъ.

[14]) Т.-е. о вступленіи въ бракъ и сохраненіи династіи, коей онъ былъ единственнымъ представителемъ.

[15]) Русскій Архивъ, 1887 г., II, 10.

какая игрушечка!» Такимъ образомъ затронуто любопытство. «Кто же? Да какъ же? Черноволоса, бѣлокура, высока, маленькая?»—«Нѣжная, прекрасная, восхитительная игрушечка». Про игрушечку весело слышать. Начались улыбки. Слово за словомъ, призывается въ свидѣтели нѣкій расторопный путешественникъ (принцъ Генрихъ), недавно пріѣхавшій нарочно, чтобъ утѣшать и развлекать. И вотъ онъ взялся посредничать и вести переговоры. Посланъ курьеръ, возвратился курьеръ, назначено путешествіе, приготовлено свиданіе, все это съ неслыханной быстротой. И вотъ сжатое сердце начинаетъ расширяться. Мы горюемъ, но по необходимости заняты приготовленіемъ къ поѣздкѣ, которая неизбѣжна для здоровья и должна послужить къ развлеченію. «Такъ дайте намъ покамѣстъ портретъ, отъ этого еще ничего не станется».—«Портретъ? Да немногіе портреты нравятся. Живопись не производитъ впечатлѣнія». Портретъ пришелъ съ первымъ курьеромъ. «На что̀ онъ? Ну какъ не понравится? Лучше не вынимать его изъ ящика». И вотъ портретъ цѣлую недѣлю лежитъ завернутый тамъ, гдѣ его положили, когда онъ былъ привезенъ, на столѣ, рядомъ съ моею чернильницей. «Что̀ тамъ такое?»—«Вкусы разные, а на мой взглядъ черты прекрасныя». Наконецъ портретъ вскрытъ, немедленно положенъ въ карманъ и потомъ опять вынуть, и напослѣдокъ на него не насмотрятся и торопятъ приготовленіями къ отъѣзду, и вотъ путешествіе предпринято» [16]).

Въ сущности дѣло было окончательно рѣшено только чрезъ шесть недѣль послѣ смерти Наталіи Алексѣевны: ранѣе этого срока, вслѣдствіе разстоянія, отдѣляющаго Берлинъ отъ Петербурга, не могъ придти отвѣтъ Фридриха на письмо принца Генриха. Король, обрадованный новымъ сватовствомъ, подоспѣвшимъ для него какъ нельзя болѣе кстати, писалъ, что онъ уже получилъ отъ принца Гессенъ-Дармштадтскаго (случайно находившагося въ ту пору въ Потсдамѣ) согласіе уступить свою невѣсту; что же касается до позволенія родителей принцессы Виртембергской и другихъ различныхъ распоряженій, которыя возникали по поводу брака, то все это Фридрихъ бралъ на себя [17]). Въ тоже время шла дѣятельная переписка между Монбельярской принцессой-матерью и ея Прусскими родственниками, свидѣтельствующая о томъ волненіи, которое возбудили Петербургскія вѣсти въ вѣчно-интриговавшемъ Берлинѣ и мирно-дремавшемъ Монбельярѣ, гдѣ исподоволь гото-

---

[16]) С. Р. И. О., XXIII, 49—50. Для передачи этого образнаго, живаго письма Екатерины съ Французскаго подлинника мы воспользовались переводомъ его, помѣщеннымъ въ Русскомъ Архивѣ 1878 г., III, 30—31.

[17]) Древняя и Новая Россія, 1880 г., № 11, 527.

вились къ браку принцессы Софіи-Доротеи съ принцемъ Дармштадтскимъ. Переписка эта носитъ на себѣ отпечатокъ той же поспѣшности, съ какой велось все дѣло сватовства, и, быть можетъ поэтому, отличается искренностію чувствъ и непосредственностію въ ихъ выраженіи.

Одновременно съ письмомъ своимъ королю Фридриху, принцъ Генрихъ сообщилъ о желаніяхъ Екатерины какъ принцессѣ Монбельярской, такъ и брату своему Фердинанду, женатому на ея родной сестрѣ, уговаривая его съ своей стороны дѣйствовать на Монбельярскій дворъ въ смыслѣ принятія имъ предложеній Русскаго двора. Убѣжденные въ необходимости устроить для пользы Пруссіи бракъ Софіи-Доротеи съ Русскимъ великимъ княземъ, оба брата не сомнѣвались, что при обычныхъ обстоятельствахъ и родители принцессы не отказали бы въ своемъ согласіи на этотъ лестный для нихъ брачный союзъ; но оба они, очевидно, не знали, какъ отнесутся Монбельярскіе супруги-идеалисты къ необходимости разрыва съ первымъ женихомъ и къ перемѣнѣ ихъ дочерью вѣроисповѣданія. Сначала принцъ Генрихъ писалъ Фердинанду, чтобы сами родители невѣсты убѣдили принца Дармштадтскаго отступиться отъ нея. «Если остается у него, говорилъ Генрихъ, хотя малѣйшая доля чести, то онъ не захочетъ возмущать благосостояніе двухъ государствъ, союзъ которыхъ можетъ быть столь полезенъ для спокойствія всей Европы [18]), и не пожелаетъ, если у него остается чувство, препятствовать счастію семейства, которое, по великодушію императрицы и великаго князя, будетъ находиться въ цвѣтущемъ положеніи сравнительно съ тѣмъ, въ которомъ оно теперь находится». Но затѣмъ, боясь вѣроятно какихъ-либо осложненій и не считая нужнымъ спрашивать согласія Монбельярской четы, онъ самъ написалъ принцу Дармштадтскому, отъ имени императрицы и великаго князя, объявляя ему, что если онъ не откажется отъ своей невѣсты, то Русскій дворъ, уже и прежде имъ недовольный, совершенно его оставитъ. Объ этомъ своемъ письмѣ онъ извѣстилъ и принцессу Монбельярскую, сообщивъ ей же черезъ принца Фердинанда, что, лишаясь принца Дармштадтскаго, принцесса Софія-Доротея теряетъ только негодяя по признанію покойной великой княгини, великаго князя и императрицы [19]). Что касается до перемѣны вѣры, то принцъ Генрихъ убѣждалъ свою племянницу не страшиться этого: «въ этомъ, писалъ онъ, такъ мало затрудненій, что все почти дѣло здѣсь въ названіи» [20]). Въ тоже время онъ совѣтовалъ принцессѣ-матери «избрать просвѣщеннаго лютеранскаго

---

18) С. Р. И. О., IX, 5—6. Нѣмцы были напуганы тогдашнимъ торжествомъ Россіи.
19) Тамъ же, 20, 13.
20) Тамъ же, стр. 6.

священника, чтобъ онъ объяснилъ, если нужно, молодой принцессѣ, что, будучи въ состояніи устроить счастіе своего семейства и союзъ Пруссіи съ Россіей, однимъ словомъ, благоденствіе столь многихъ народовъ и содѣйствовать благосостоянію стольких частныхъ лицъ, она можетъ быть увѣрена, что подчиняться для сего обрядамъ значитъ служить Богу; внутреннія же убѣжденія и чувства принадлежатъ ей». «Здѣсь вовсе не строги, прибавлялъ онъ; епископъ Платонъ, бывшій духовникомъ покойной великой княгини, человѣкъ умный и умѣренный, такъ что она не должна питать никакого предразсудка къ перемѣнѣ, требуемой отъ нея, и я увѣряю васъ, что въ этомъ состоитъ вся форма отступленія въ томъ видѣ, какъ я ее вамъ посылаю и какъ нашелъ ее между бумагами великой княгини, которыя у меня для просмотра» [21]).

Съ своей стороны и принцъ Фердинандъ дѣлалъ не менѣе усердныя увѣщанія принцессѣ-матери, впадая даже въ патетическій тонъ. «Въ вашихъ рукахъ, писалъ онъ ей, осчастливить свое многочисленное семейство, давъ согласіе на этотъ союзъ. Отъ васъ зависитъ укрѣпить болѣе чѣмъ когда-либо тѣсный союзъ, существующій между двумя дворами. За вами преимущество оказать существеннѣйшую услугу странѣ, давшей вамъ бытіе. Вы можете предупредить кровопролитія. Ну, въ состояніи ли вы отказаться дать свое согласіе на этотъ бракъ? Нѣтъ, любезная сестра, я считаю васъ на это совершенно неспособной; сердце говоритъ мнѣ, что вы примете сдѣланныя предложенія и будете такимъ образомъ содѣйствовать счастію своего отечества, семейства и дочери, вами обожаемой. Вамъ тѣмъ пріятнѣе дать свое согласіе, что по тѣсному союзу, въ который это поставитъ васъ съ Русскимъ дворомъ, вы никогда ни въ чемъ не будете терпѣть ни малѣйшаго недостатка». Къ этимъ убѣжденіямъ принцъ Фердинандъ счелъ, однако, нелишнимъ присоединить и угрозы, на случай, если бы увѣщанія не подѣйствовали. «Съ принцемъ Дармштадтскимъ, продолжалъ онъ, вы можете разстаться вѣжливо, давая ему понять, что такова была воля короля. Если у него есть разумъ, то онъ уступитъ, чтобы не нажить себѣ врага въ лицѣ столь могущественнаго государя, который могъ бы заставить его раскаяться въ дѣлаемыхъ имъ затрудненіяхъ... Я былъ бы неутѣшенъ, если бы послѣдовалъ отказъ съ вашей стороны. Посудите сами, какова была бы судьба двухъ сыновей вашихъ, находящихся на службѣ короля [22]): имъ нанесли бы всякихъ оскорбленій, тогда какъ,

---

[21]) „Переводъ съ Чина Исповѣданія нашелся между бумагами жены моей и съ переводомъ Нѣмецкимъ, писалъ Павелъ Платону 5 Мая 1776 г. (Р. Арх., 1887 г., II, 9). Это исповѣданіе вѣры и напечатано было потомъ на Нѣмецкомъ языкѣ безъ означенія мѣста и года подъ заглавіемъ: „Glaubens-Bekentniss I. K. H. der Grossfürstin Maria Feodorowna“.

[22]) Принцевъ Фридриха и Людвига, поступившихъ въ Прусскую военную службу по окончаніи образованія въ Лозаннѣ.

опираясь на титулъ тещи великаго князя, вы можете просить для нихъ высшихъ мѣстъ. Вы обратитесь къ содѣйствію зятя, и нѣтъ сомнѣнія, что доставите имъ чины, должности и титулы, которыхъ они достигли бы развѣ черезъ 12 лѣтъ службы» [23]).

Эти убѣжденія и угрозы въ сущности были напрасны: родители принцессы Софіи-Доротеи и сами прекрасно понимали всѣ выгоды блестящей будущности, открывавшейся предъ ихъ дочерью, и никогда бы ихъ не отвергли. «Участь младшихъ дѣтей младшихъ принцевъ (писала принцесса Доротея дочери уже послѣ выхода ея замужъ, 11 Января 1779 г.) очень несчастна. Я говорю это по собственному опыту, потому что если бы Богъ не сдѣлалъ чудесъ въ нашу пользу, что̀ стали бы мы дѣлать съ одиннадцатью дѣтьми?» Притомъ она никогда бы не посмѣла противиться волѣ своего родственника и покровителя, Фридриха II, который смотрѣлъ на это дѣло, какъ на свое собственное. Мы уже видѣли, какъ онъ отвѣчалъ принцу Генриху, принимая устройство брака на себя и лично потребовавъ отъ принца Дармштадтскаго отказа отъ невѣсты. Несчастный принцъ, въ одно время лишившійся и сестры, и невѣсты, долженъ былъ закрѣпить свой отказъ отъ принцессы Софіи-Доротеи письмами на имя короля и принцессы Монбельярской. Тогда только Фридрихъ написалъ своей племянницѣ о совершившемся отказѣ принца отъ руки ея дочери и потребовалъ отвѣта на Русскія предложенія. Любопытно, что король тутъ же сообщалъ принцессѣ, что принцъ Дармштадтскій, взамѣнъ руки старшей ея дочери, проситъ руки третьей, самой младшей, Елисаветы, которой было тогда всего 9 лѣтъ [24]). Надобно думать, что это новое предложеніе принцъ сдѣлалъ по требованію Фридриха же, желавшаго, быть можетъ, сгладить предъ принцессой-матерью свои самовольныя распоряженія. Но и этотъ брачный замыселъ не удался принцу Дармштадтскому. «Вашъ большой и глупый верзила (flandrin), писала Екатерина отъ 29 Іюня 1776 года его бывшему наставнику Гримму, отправился пасти гусей съ пенсіей въ 10,000 р., но съ условіемъ, чтобы я больше никогда его не видѣла и о немъ не слышала» [25]). Родители принцессы Софіи-Доротеи, впрочемъ, могли только радоваться, что король взялъ на себя щекотливое дѣло объясненія съ принцемъ Дармштадтскимъ. Необычайная обстановка Русскаго сватовства до того стѣсняла принцессу-мать, что она не знала даже, какъ приличнѣе возвратить бывшему

---

[23]) С. Р. И. О., IX, 16—18.

[24]) Тамъ же, 8.

[25]) С. Р. И. О., XXIII, 50. Онъ женился на двоюродной сестрѣ своей Луизѣ Гессенъ-Дармштатской, наслѣдовалъ въ 1790 г. ландграфство свое, а отъ Наполеона получилъ титулъ великаго герцога Гессенскаго.

жениху своей дочери присланное имъ невѣстѣ послѣ помолвки кольцо, и спрашивала по этому поводу совѣта у Фридриха; но король, презиравшій всякую сентиментальность въ дѣлахъ, сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ чувствъ принцессы, и отвѣчалъ ей довольно грубо: «что же касается до кольца, то его нужно отослать принцу, такъ какъ у вашей дочери и безъ того будетъ довольно драгоцѣнныхъ украшеній»[26]).

Вопросъ о перемѣнѣ вѣроисповѣданія не возбудилъ затрудненій. «Я счастлива, писала принцесса-мать принцу Генриху, что предугадала ваши намѣренія, обратившись къ лицу весьма достойному, лютеранскому богослову, чтобы разсѣять сомнѣнія моей дочери и успокоить мою тревогу. Его разсужденія и совѣты, данные имъ моей дочери, доказываютъ, что если бы религія не была такъ часто искажаема или ложнымъ энтузіазмомъ, или нетерпимостію, то встрѣчалось бы болѣе истинныхъ христіанъ и личностей, менѣе предубѣжденныхъ противъ основнаго характера религіи. Дочь моя занимается выучиваніемъ наизусть символа вѣры, что́, мнѣ кажется, необходимо на всякій случай»[27]). Принцесса была тѣмъ болѣе спокойна въ этомъ отношеніи, что дочь ея, къ счастію, еще не была конфирмована и не произносила торжественнаго обѣта[28]). Что касается надеждъ Монбельярской четы получить денежныя выгоды для своего семейства, то Фридрихъ и въ этомъ отношеніи совершенно ее успокоилъ. «По вопросу о пенсіи и тому подобныхъ вещахъ, извѣщалъ онъ принцессу въ одномъ изъ первыхъ своихъ писемъ, я черезъ брата Генриха постараюсь выговорить, все, что́ можетъ быть выгоднѣйшаго для васъ и вашего супруга. Я чувствую положеніе вашей семьи не хуже васъ самихъ, а потому приложу всѣ старанія смягчить его, на сколько это будетъ возможно». Нѣсколько позже онъ писалъ племянницѣ: «Всѣ дочери ваши получатъ себѣ приданое отъ Императрицы, а вы и герцогъ выиграете во всѣхъ отношеніяхъ. Прежде всего, приданое, которое обязано вамъ дать герцогство Виртембергское, вы положите въ карманъ; наконецъ, имѣйте въ виду множество прекрасныхъ вещей, которыя будутъ вамъ кстати болѣе чѣмъ когда-нибудь»[29]).

Заботливость Фридриха не ограничилась этимъ. На издержки по путешествію въ Берлинъ Екатерина назначила Монбельярской четѣ

---

[26]) С. Р. И. О., IX, 31.

[27]) Тамъ же, 21.

[28]) Тамъ же, 5. По услужливому толкованію нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ богослововъ, крещеніе еще ни къ чему не обязываетъ въ дѣлѣ вѣроисповѣданія, и только послѣ конфирмаціи лицо становится принадлежащимъ къ такъ называемому Евангелическому исповѣданію; до того же времени воленъ ему выборъ вѣры.

[29]) Тамъ же, 24, 32.

40,000 р.; но такъ какъ эти деньги не могли быть доставлены тотчасъ же, то Фридрихъ, при всей своей скупости, прислалъ и отъ себя племянницѣ на гардеробъ невѣстѣ 10,000 талеровъ [30]), чтобы ускорить отъѣздъ ея въ Берлинъ. «Вамъ лучше, писалъ онъ ей, пріѣхать двумя недѣлями раньше великаго князя, чтобы я могъ передать вамъ множество вещей, которыя вамъ необходимо знать главнымъ образомъ относительно вашей дочери» [31]). Желая такимъ образомъ хотя нѣсколько подготовить молодую невѣсту къ той политической роли, которая выпадала ей на долю, король-философъ не упускалъ изъ виду даже мелочныхъ, повидимому, обстоятельствъ, касавшихся будущей Русской великой княгини. «Постарайтесь, совѣтовалъ онъ принцессѣ-матери, пріискать какую-нибудь горничную (femme de chambre) поумнѣе, которая могла бы сопровождать вашу дочь и нѣкоторымъ образомъ служить ей совѣтомъ своимъ; ибо за Мемелемъ дадутъ ей только Русскихъ, казаковъ, Грузинъ и Богъ знаетъ какое племя. Вы поймете, я думаю, важность этого совѣта и сколько онъ можетъ въ будущемъ содѣйствовать счастію вашей дочери. Вотъ, любезная племянница, вещи самыя важныя, остальное въ сравненіи съ ними пустяки» [32]). Кромѣ отысканія хорошей горничной, которая, какъ ни странно звучитъ это, должна была, по взгляду короля-философа, быть нѣкоторымъ образомъ даже совѣтницей Русской великой княгини, важною вещью считалъ онъ также строгое соблюденіе тайны о предполагаемомъ бракѣ, пока о немъ не объявили въ Петербургѣ. «У насъ много завистниковъ, объяснялъ онъ, которые пожалуй испортятъ намъ наши прекрасные замыслы, если бы они открылись» [33]). Очевидно, боясь нескромности со стороны племянницы, король напоминалъ ей о томъ чуть ли не въ каждомъ письмѣ.

Такая прямо-родственная, повидимому, заботливость Фридриха о благосостояніи Монбельярской семьи, проявлявшаяся даже въ мелочахъ, приводила въ восторгъ обожавшую своего великаго дядю принцессу-мать. «Съ полнѣйшимъ упованіемъ, писала она ему, мы основываемъ на столь великодушномъ покровительствѣ вашего величества самую

---

[30]) Тамъ же, 8. Разсчетливость Фридриха не покинула его и здѣсь. „Любезная племянница, писалъ онъ, посылаю вамъ вексель въ 10,000 талеровъ на гардеробъ вашей дочери; этого будетъ достаточно, ибо она много получитъ по пріѣздѣ въ Россію. Въ скоромъ времени я пришлю вамъ и вексель въ 40,000 на ваше путешествіе, но вамъ не слѣдуетъ много изъ нихъ тратить". Въ другомъ письмѣ онъ совѣтовалъ сдѣлать невѣстѣ всего два или три платья. Тамъ же, 30, 7.

[31]) Тамъ же, 24.

[32]) Тамъ же, 25.

[33]) Тамъ же, 5.

пріятную надежду будущаго нашего благосостоянія. Ваше величество благоволите принимать въ немъ участіе; вы такъ добры, что обращаете вниманіе на всѣ мелочи, которыя, даруя несомнѣнно счастіе моей дочери, будутъ источникомъ и нашего. Всѣмъ послѣ Бога обязана я вашему величеству. Вы доставляете намъ второе существованіе родительскимъ покровительствомъ, которое оказываете нашимъ дѣтямъ. Благодѣтельная рука ваша распространяетъ пріятнѣйшую отраду на остатокъ дней моихъ, которые до сей минуты были не безъ тревогъ»... «Осмѣливаюсь, прибавляла она, всепокорнѣйше просить быть увѣренными въ самомъ строгомъ молчаніи объ этомъ важномъ дѣлѣ: собственныя сердца наши влекутъ насъ совершать невозможное, если дѣло идетъ о томъ, чтобы доказать нашу нижайшую покорность вашему величеству» [35]). Что̀ сказала бы Монбельярская принцесса, если бы узнала, что этотъ благодѣтельный дядя, всего три года тому назадъ, противодѣйствовалъ браку своей внучатной племянницы съ Русскимъ великимъ княземъ! Самъ обманывая другихъ, Фридрихъ и съ своей стороны ни къ кому не питалъ довѣрія. Принцесса, отправивъ королю приведенное выше благодарственное письмо, съ тѣмъ же курьеромъ послала письма̀ и двумъ старшимъ своимъ сыновьямъ, находившимся въ то время въ рядахъ Прусской арміи, въ новопріобрѣтенныхъ Польскихъ областяхъ. Что̀ же дѣлаетъ Фридрихъ? «Узнавъ, къ счастію, писалъ онъ принцессѣ, отъ фельдъегеря, съ которымъ я самъ говорилъ, что ему поручены два письма къ сыновьямъ вашимъ, и подозрѣвая, что ваше высочество легко могли говорить въ нихъ о бракосочетаніи вашей дочери (которое между тѣмъ слѣдуетъ держать въ тайнѣ, пока о немъ не заговорятъ въ Петербургѣ), прошу извинить меня за то, что я велѣлъ передать ихъ себѣ, съ тѣмъ чтобы вручить ихъ запечатанными, когда ваши сыновья будутъ у меня въ Пруссіи и когда дѣло навѣрно не будетъ уже тайною въ Петербургѣ» [36]). Неизвѣстно, съ какимъ чувствомъ приняла принцесса этотъ новый знакъ вниманія со стороны своего благодѣтельнаго родственника. «Ваше величество, отвѣчала она ему, окажете мнѣ особую милость, если убѣдитесь, что письма, написанныя мною къ сыновьямъ, не содержатъ ничего о важномъ дѣлѣ, которое ваше величество мнѣ повѣрили. Руководимая чувствомъ глубочайшаго уваженія, я никогда не отступлю ни отъ обязанностей, имъ на меня возложенныхъ, ни отъ неизмѣнной и покорнѣйшей привязанности» [37]). Завѣреніямъ принцессы тѣмъ легче

---

[35]) Тамъ же, 26—27.
[36]) Тамъ же, 29.
[37]) Тамъ же, 30.

можно повѣрить, что, говоря такъ, она знала, конечно, что эти письма конечно будутъ въ Берлинѣ, по обычаю того времени, «перлюстрированы».

Какъ ни утомительны сами по себѣ эти подробности сношеній, происходившихъ между Берлиномъ и Монбельяромъ, но онѣ ясно доказываютъ всю силу вліянія, пріобрѣтеннаго Фридрихомъ въ семействѣ будущей супруги наслѣдника Русскаго престола. Интересно также и то, что о чувствахъ самой невѣсты, принцессы Софіи-Доротеи не могло быть и рѣчи: браки принцессъ, въ великомъ большинствѣ случаевъ, вызывались исключительно политическими соображеніями, такъ что самыя жертвы этихъ политическихъ браковъ смотрѣли на нихъ какъ на естественныя послѣдствія своего общественнаго положенія. Было большимъ счастіемъ для высокихъ супруговъ, если холодный политическій разсчетъ, соединявшій ихъ судьбу, случайно совпадалъ съ ихъ чувствами и наклонностями. Изъ разсказа баронессы Оберкирхъ, подруги принцессы Софіи - Доротеи, видно, однако, что разрывъ съ принцемъ Дармштадтскимъ и сватовство Русскаго великаго князя не только не огорчили молодой принцессы, равнодушно относившейся къ своему первому жениху, но и чрезвычайно польстили ея самолюбію. «Когда я пріѣхала въ Этюпъ, говоритъ г-жа Оберкирхъ, принцесса готовилась къ отъѣзду вмѣстѣ съ августѣйшимъ отцомъ. Она была очень счастлива. Какъ только она меня увидѣла, то бросилась мнѣ на шею и обняла меня нѣсколько разъ.—«Ланель, повторяла она, мнѣ очень грустно разставаться со всѣми вами, но тѣмъ не менѣе я—счастливѣйшая изъ принцессъ во всей вселенной! Вы, вѣдь, пріѣдете ко мнѣ?» Я плакала, и принцесса - мать плакала со мною. Блескъ ожидавшагося брака не скрывалъ отъ нея разстоянія, которое должно было лечь между нею и дочерью. «И кромѣ того», говорила принцесса-мать, «съ Русскими государями часто случаются несчастія, и кто знаетъ, какая участь готовится моей дочери!..» [37]). Дни и вечера проводили мы, составляя различные планы и предположенія. Мы совсѣмъ не спали, и принцесса Доротея упражнялась въ придворныхъ пріемахъ, что заставляло насъ невольно смѣяться. Она раскланивалась передъ пустыми креслами, стараясь быть граціознѣе, но и не терять приличнаго ея сану достоинства. Иногда она прерывала эту игру и говорила мнѣ:

---

[37]) Трагическія событія въ Русскомъ царствующемъ домѣ завершились за 12 лѣтъ до того времени ужасною смертію Іоанна Антоновича, который, происходя изъ Браунщвейгской фамиліи, связанъ былъ родствомъ и съ Прусскимъ королевскимъ домомъ. Уроженецъ Монбельяра Фалло напечаталъ, въ 1765 г., стихотвореніе, посвященное памяти убитаго, подъ заглавіемъ: „Innocence opprimée, ou la mort d'Iwan, empereur de Russie". Ephémérides du comté de Montbéliard, p. 403.

«Я очень боюсь Екатерины, я буду смущаться при ней и навѣрно покажусь ей глупенькой. Лишь бы только мнѣ понравиться ей и великому князю!» *)... Вообще, продолжаетъ г-жа Оберкирхъ, она обнаруживала дѣтскую радость по поводу предстоявшаго ей брака. Но въ послѣдніе дни предъ отъѣздомъ глубокая горесть овладѣла принцессой, когда она увидѣла, что ей надо разстаться съ своею матерью, со страною гдѣ она выросла, съ этимъ замкомъ, въ которомъ она была такъ счастлива, съ братьями, со мною, съ другими окружавшими ее лицами; она жалѣла всѣхъ и все. Она была безъ чувствъ, когда ее вырвали изъ нашихъ объятій и отнесли въ карету» [38]). Отъѣздомъ въ Берлинъ, по требованію Фридриха, очень спѣшили, и такъ какъ принцесса-мать не могла выѣхать въ одно время съ дочерью, то Софію-Доротею сопровождалъ отецъ ея, Фридрихъ-Евгеній, и двѣ дамы. Путь ихъ лежалъ чрезъ Кассель, гдѣ молодую принцессу встрѣтила и обласкала младшая сестра ея матери, Филиппина, бывшая замужемъ за герцогомъ Гессенъ-Кассельскимъ. Остановка здѣсь была, впрочемъ, непродолжительна и, согласно желанію Прусскаго короля, герцогъ Фридрихъ-Евгеній съ дочерью прибылъ къ нему въ Потсдамъ 1-го Іюля, за десять дней до пріѣзда великаго князя.

Въ Потсдамѣ принцессу Софію-Доротею ожидалъ самый ласковый пріемъ со стороны членовъ Прусскаго королевскаго дома; здѣсь же увидѣлась она съ братьями своими: Фридрихомъ, Людвигомъ и Евгеніемъ, изъ которыхъ два первые уже были офицерами Прусской службы, а послѣдній, довершавшій свое образованіе, только что получилъ отъ короля патентъ на чинъ поручика. Но для принцессы миновала пора дѣтскихъ, исключительно-семейныхъ радостей: на нее смотрѣли уже какъ на политическую силу, и самъ прославленный король, кумиръ ея семейства и всей протестантской Германіи, спѣшилъ преподать ей первые уроки политической мудрости. Еще изъ Этюпа, наставляемая, конечно, своими родителями, Софія-Доротея выражала Фридриху, въ письмѣ отъ 15-го Мая, полную свою готовность направлять всѣ свои дѣйствія согласно его совѣтамъ [39]). Безъ сомнѣнія Фридрихъ

*) Екатерина въ собственной эпитафіи писала, что по пріѣздѣ въ Москву (1744) ей прежде всего хотѣлось понравиться государынѣ, будущему супругу *и Россіи.* П. Б.

[38]) Oberkirch, I, 72—73.

[39]) Stark, 51. Sire, comme je viens d'être instruite des gracieuses intentions de votre majesté, il est de mon devoir de lui en témoigner ma plus respectueuse reconnoissance avec le vif sentiment de la plus entière déférence à ses volontés, persuadée que je ne puis mieux faire et me rendre plus digne de la tendresse de mes chers parents, qu'en remettant entièrement à votre majesté le destin de mes jours. Ils ne seront heureux qu'autant que je pourrai les employer à vous marquer, sire, mon éternel attachement et ma respectueuse reconnoissance et en dirigeant toutes mes démarches d'après les gracieux conseils de votre majesté.

старался познакомить принцессу, на сколько позволяли ея возрастъ и развитіе, съ Россіей и Русскимъ дворомъ и указывалъ ей образъ дѣйствій и правила поведенія, которыхъ она должна была держаться на ожидавшемъ ее высокомъ поприщѣ. Совѣты великаго короля были тѣмъ драгоцѣннѣе для дѣвушки, едва вышедшей изъ дѣтства, что, подчиняясь требованію Русской государыни, она не могла никого взять съ собой въ Россію и такимъ образомъ должна была очутиться на чужбинѣ совершенно одна, среди незнакомыхъ ей лицъ и совершенно чуждыхъ отношеній; даже горничную, о которой такъ хлопоталъ Фридрихъ, Софія-Доротея могла взять съ собою въ Петербургъ только на три мѣсяца, и это оказалось возможнымъ лишь благодаря любезности Павла Петровича, испросившаго на то особое разрѣшеніе матери [40]). Требованіе Екатерины вызывалось опасеніемъ Прусскихъ происковъ и надеждой, что, при этомъ условіи, будущая Русская великая княгиня легче перенесетъ ту операцію кровопусканія для удаленія изъ своихъ жилъ Нѣмецкой крови, которую съ удовольствіемъ вынесла когда-то сама Екатерина. Притомъ Императрица ставила недостаткомъ Софіи-Доротеи большое количество у нея братьевъ и сестеръ; а ея родители, не говоря уже о ходившихъ о нихъ сплетняхъ, не внушали, кажется, Екатеринѣ особаго къ себѣ уваженія по своему образу мыслей. Узнавъ, что Гриммъ пользуется ихъ расположеніемъ, она писала ему: «Клянусь вамъ, что за эту благосклонность я не дала бы и гривенника.... Все это такой сентиментальный народъ, у котораго разсудокъ разведенъ въ цѣлой лужѣ гиперболъ, и въ нихъ трудно понять что-нибудь» [41]) Екатерина дорожила лишь Софіей-Доротеей, ее одну желала видѣть въ Россіи, и тѣмъ тяжелѣе представлялось будущее положеніе молодой принцессы въ Россіи такому опытному дѣльцу, какъ Фридрихъ II; тѣмъ труднѣе была взятая имъ на себя роль наставника. «Она молода и воспитана въ величайшей простотѣ», писалъ Фридрихъ Екатеринѣ; «ей незнакомы ни интриги большаго свѣта, ни ложныя увертки, которыя употребляются придворными, чтобы обманывать молодыхъ, неопытныхъ особъ. Отдавая ее совершенно подъ покровительство вашего императорскаго величества, мы полагаемъ, что самымъ вѣрнымъ средствомъ избѣжать ошибокъ, происходящихъ отъ молодости и недостатка опытности, въ которыя могла бы впасть эта особа, было бы то,

---

[40]) С. Р. И. О., XXVII, 106—107.

[41]) С. Р. И. О. XXIII, 429. Правда, что этотъ отзывъ Екатерины сдѣланъ былъ ею спустя 11 лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, въ 1787 г.; но онъ ясно показываетъ, какъ мало вообще сочувствовала Екатерина міровозрѣнію Монбельярской четы. О недовольствѣ Императрицы семейнымъ положеніемъ Софіи-Доротеи см. С. Р. И. О., т. XIII.

чтобы ваше императорское величество были такъ добры приставить къ ней довѣренную особу, которая бдительно слѣдила бы за ея дѣйствіями до того времени, когда зрѣлый разсудокъ позволитъ предоставить ей дѣйствовать самой»... «Эта молодая особа, писалъ потомъ Фридрихъ, обѣщала мнѣ приложить всѣ старанія, чтобы угождать вашему императорскому величеству и своему будущему августѣйшему супругу» [42].

Съ своей стороны и Софія-Доротея на всю жизнь сохранила чувства благодарности къ своему покровителю и всегда помнила его совѣты. Спустя 42 года, прибывъ въ Берлинъ во время путешествія своего по Европѣ уже вдовствующей императрицей, она, по свидѣтельству очевидицы, простерлась предъ гробницей Фридриха, какъ простираются только предъ мощами (comme on le fait devant les reliques); а въ комнатѣ, гдѣ Фридрихъ показалъ ей въ первый разъ портретъ Павла Петровича и гдѣ велъ съ нею бесѣду по поводу предстоявшаго брачнаго союза, императрица вспоминала самыя мелочныя подробности (jusqu'aux plus petis détails) этого свиданія и разговора [43].

Между тѣмъ Павелъ Петровичъ приближался къ Прусской столицѣ, по-царски встрѣчаемый на всемъ пути своемъ отъ Мемеля. Его сопровождали фельдмаршалъ графъ Румянцовъ, Н. И. Салтыковъ, камергеръ Нарышкинъ, камеръ-юнкеръ князь Куракинъ, секретарь Николаи и хирургъ Бекъ. Вечеромъ 10 Іюля достигъ Павелъ Берлина, гдѣ, неизбалованный особымъ вниманіемъ на родинѣ, онъ, по собственнымъ словамъ, «принятъ былъ съ такими почестями, съ какими, какъ сказываютъ, ни одинъ изъ коронованныхъ главъ не былъ принятъ» [44]. Для сына Екатерины, для будущаго Русскаго государя, Прусскій король забылъ свою скупость и окружилъ его такимъ великолѣпіемъ и такими почестями, которыя должны были навсегда оставить въ великомъ князѣ самыя пріятныя воспоминанія о Берлинѣ. Мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на описаніи торжествъ и праздниковъ, которыми Фридрихъ чествовалъ своего высокаго гостя [45]. Звуки музыки, громъ пушекъ, льстивыя придворныя рѣчи, которыми обмѣнивались Русскіе и Пруссаки,—все это было лишь ничтожными подробностями въ картинѣ отношеній завязавшихся между Павломъ Петровичемъ и

---

[42]) С. Р. И. О., XX, 354, 358.

[43]) Journal tenu par la princesse Barbe Tourkestanow, p. 106. „Cette démonstration говоритъ умная княжна, не понимая чувствъ императрицы, produisit, dit-on, une très grande sensation. Pour moi je vois la chose tout différement, et je crois qu'il ne faut jamais révérer un homme comme on révère un saint, et, particulièrement Frédéric II, qui n'a été rien moins que digne de révérence".

[44]) С. Р. И. О., XXVII, 98.

[45]) О нихъ см. *Кобеко*: Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, 140—144, гдѣ указаны и спеціальныя о томъ сочиненія.

принцессой Софіей-Доротеей, этимъ прекраснымъ и любящимъ отпрыскомъ Прусскаго королевскаго и Виртембергскаго герцогскаго домовъ.

Первая встрѣча между молодыми людьми произошла въ день пріѣзда Цесаревича за ужиномъ у королевы Прусской Елисаветы-Христины. Не смотря на болѣзненное сложеніе (которое Екатерина приписывала слишкомъ заботливому уходу за нимъ еще при Елисаветѣ) на здоровье, не вполнѣ окрѣпшее, благодаря тяжелымъ недугамъ, вынесеннымъ до вступленія въ зрѣлые годы, нашъ великій князь своею внѣшностію производилъ тогда, по отзывамъ современниковъ, самое благопріятное впечатлѣніе [46]). Хотя онъ былъ невысокаго роста, но строенъ и весьма правильно сложенъ; умное, серьезное выраженіе лица его смягчалось добрыми, прекрасными глазами; не портила Павла Петровича и форма его носа, слегка приподнятаго, которымъ онъ напоминалъ дѣда своего по матери, принца Ангальтъ-Сербскаго Христіана-Августа. «Въ великаго князя (писалъ не задолго до этого времени графъ Сольмсъ барону Ассебургу) легко влюбиться любой дѣвицѣ..... Онъ очень красивъ лицомъ, разговоръ и манеры его пріятны; онъ кротокъ, чрезвычайно учтивъ, предупредителенъ и веселаго нрава. Подъ этой прекрасной оболочкой скрывается душа превосходнѣйшая, самая честная и возвышенная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая чистая и невинная, которая знаетъ зло только съ отталкивающей его стороны и вообще свѣдуща о дурномъ лишь настолько, насколько это нужно для того, чтобы вооружиться рѣшимостію избѣгать его самому и не одобрять его въ другихъ. Словомъ, невозможно сказать довольно въ похвалу великому князю» [47]). Слабыя стороны въ характерѣ Павла Петровича, его нервная впечатлительность, рѣзкость и раздражительность, развиваясь съ годами, тогда были еще почти незамѣтны для постороннихъ и проявлялись лишь при особыхъ обстоятельствахъ. Немудрено, что высокій женихъ, даже независимо отъ своего сана, могъ съ самаго начала понравиться Софіи-Доротеѣ и, въ свою очередь, отдалъ дань ея достоинствамъ. «Я нашелъ свою невѣсту, писалъ Павелъ Екатеринѣ на другой день, 11 Іюля, такову, какову только желать мысленно себѣ могъ: недурна собою, велика, стройна, незастѣнчива, отвѣчаетъ умно и расторопно, и уже извѣстенъ я, что если она сдѣлала дѣйство въ сердцѣ моемъ, что не безъ чувства и она съ своей стороны осталась» [48]). Дальнѣйшее знакомство только укрѣпило эти чувства Цесаревича. 12 Іюля принцъ Генрихъ, по его просьбѣ, передалъ королю Фридриху и родителямъ принцессы привезенныя имъ письма Ека-

---

[46]) *Бюлеръ*, „Два Эпизода". Р. В. 1871 г., № 3, 279, 284, № 9, 193—194,

[47]) Тамъ же.

[48]) С. Р.И. О., XXVII, 98.

терины, заключавшія въ себѣ формальное предложеніе о бракѣ, и въ этотъ же день былъ сговоръ. Вслѣдъ затѣмъ Павелъ писалъ Екатеринѣ: «Мой выборъ сдѣланъ... Препоручаю невѣсту свою въ милость вашу и прошу о сохраненіи ея ко мнѣ. Что касается до наружности, то могу сказать, что я выборомъ своимъ не остыжу васъ; мнѣ о семъ дурно теперь говорить, ибо, можетъ быть, я пристрастенъ, но сіе гласъ общій. Что же касается до сердца ея, то имѣетъ она его весьма чувствительное и нѣжное, чтó я видѣлъ изъ разныхъ сценъ между роднею и ею. Умъ солидный ея примѣтилъ и король самъ въ ней, ибо имѣлъ съ ней о должностяхъ ея разговоръ, послѣ котораго мнѣ о семъ отзывался; не пропускаетъ она ни одного случая, чтобы не говорить о должности ея къ вашему величеству. Знанія наполненна, и чтó меня вчера весьма удивило, такъ разговоръ ея со мною о геометріи, отзываясь, что сія наука потребна, чтобы пріучиться разсуждать основательно. Весьма проста въ обращеніи, любитъ быть дóма и упражняться чтеніемъ или музыкою, жадничаетъ учиться по-русски, зная сколь сіе нужно и помня примѣръ предмѣстницы ея» [49]). Въ слѣдующемъ письмѣ, 20 Іюля, онъ извѣщалъ: «Невѣста моя ежечасно спрашиваетъ у меня, чѣмъ заслужить можетъ милость вашу къ себѣ, навѣдывается о всемъ касательно до будущаго своего состоянія и показываетъ отмѣнную жадность къ Русскому языку даже до того, что знаетъ уже азбуку наизусть. Примѣръ покойницы и доброе ея сердце весьма сильно дѣйствуютъ въ ней при семъ случаѣ». «Не могу, говорилъ онъ наконецъ, описать ни нѣвѣсты своей, ни удовольствія своего» [50]).—Не менѣе счастлива была и Софія-Доротея. «Дорогой мой другъ», писала отъ 15 Іюля г-жѣ Оберкирхъ, «я довольна, даже болѣе чѣмъ довольна; я никогда не могла бы быть довольнѣе; великій князь чрезвычайно милъ и обладаетъ всѣми качествами. Льщу себя надеждой, что очень любима своимъ женихомъ; это дѣлаетъ меня очень и очень счастливой» [51]).

Замѣтивъ нѣжную привязанность Софіи-Доротеи къ ея семьѣ и будучи очарованъ невѣстой, Павелъ показывалъ много вниманія ея отцу, братьямъ и матери, прибывшей со второй своей дочерью къ пріѣзду великаго князя въ Берлинъ. «Отецъ и мать не таковы снаружи, увѣдомлялъ онъ Екатерину, каковыми ихъ описывали: первый не хромаетъ, а другая сохраняетъ еще остатки пріятства и пригожства» [52]).

---

[49]) Великая княгиня Наталія Алексѣевна очень лѣниво училась Русскому языку, вызывая этимъ неудовольствіе Екатерины.

[50]) Тамъ же, 105—106, 109.

[51]) Oberkirch, 1, 74.

[52]) Тамъ же, 98.

Рыцарскій, впечатлительный Цесаревичъ не могъ оставаться холоднымъ при видѣ относительной бѣдности новыхъ своихъ родственниковъ и нѣжныхъ сценъ между ними и его невѣстой, вызываемыхъ мыслію о скорой и долгой разлукѣ: онъ плакалъ съ ея отцомъ, просилъ Екатерину о лучшихъ по возможности подаркахъ для матери и скорбѣлъ о незавидныхъ матеріальныхъ средствахъ будущихъ своихъ шурьевъ. Извѣщая мать свою о всей своей радости и удовольствіи, сопряженныхъ съ его поѣздкой, Павелъ Петровичъ, самъ иногда нуждавшійся въ деньгахъ, прибавляетъ: «Одно у меня на сердцѣ; позвольте мнѣ отдѣлить, съ тѣмъ что я опять самъ внесу въ вашу казну, что-нибудь шурьямъ двумъ своимъ, которые въ крайней бѣдности»[53]). Разумѣется, Екатерина не отказала сыну въ этой его просьбѣ.

Счастливому настроенію духа Павла Петровича много содѣйствовалъ, кромѣ личныхъ привязанностей, и его политическій образъ мыслей. Цесаревичъ горячо любилъ Россію, гордился честью быть правнукомъ Петра Великаго; но, къ сожалѣнію, при его воспитаніи, по удаленіи С. А. Порошина, не обращалось болѣе надлежащаго вниманія на разумное знакомство его съ народомъ Русскимъ и его исторіей. Возобладали Остервальдъ, Эпинусъ и почти-ежедневный блюдолизъ Сальдернъ. Уже давно было замѣчено, что лица, окружавшія царственнаго мальчика, и во главѣ ихъ графъ Н. И. Панинъ, смотрѣли на Россію, какъ на страну варварскую, старались втоптать въ грязь величайшихъ людей Россіи и односторонне выставляли предъ своимъ питомцемъ лишь грубость Русскаго народа и недостатки нашего общества, не менѣе односторонне прославляя иностранцевъ, въ особенности Нѣмцевъ[54]). Самобытныя, чисто-русскія черты геніальной дѣятельности Петра Великаго неправильно истолковывались лишь въ смыслѣ желанія его водворить въ Россіи нѣметчину, а надъ личностью его смѣялись. Ломоносовъ, врагъ Нѣмцевъ, считался дуракомъ; добродушіе и страдательное терпѣніе Русскаго народа выставляли глупостью, увѣряя, что notre peuple est ce que l'on veut bien qu'il soit. Это качество ставилось, впрочемъ, въ заслугу Русскому народу, и десятилѣтній Павелъ въ сущности выражалъ лишь мнѣніе большинства Русскаго образованнаго общества, говоря: «А что-жъ? Развѣ это худо, что нашъ народъ таковъ, какимъ хочешь, чтобъ онъ былъ? Въ этомъ, мнѣ кажется, худа бы еще нѣтъ. Поэтому и стало, что все отъ того только зависитъ, чтобы тѣ хороши были, кому хотѣть надобно, чтобъ онъ былъ таковъ или инаковъ»[55]).

[53]) Тамъ же, 106.

[54]) *Лебедевъ*, графы Никита и Петръ Панины, 74—85.

[55]) Записки Порошина.

Это наивное отрицаніе девятисотлѣтней исторической жизни Русскаго народа, эта слѣпая вѣра во всемогущество палки, которою можно передѣлывать народную жизнь по своему произволу, долгое время составляли одно изъ завѣтнѣйшихъ убѣжденій многихъ и Русскихъ, и иностранцевъ въ XVIII в. и даже XIX в., въ теченіе всего крѣпостническаго періода Русской исторіи. Русскую партію при мальчикѣ-Павлѣ составлялъ, если не считать осторожнаго Платона, одинъ только Порошинъ, борьба котораго съ Нѣмцами завершилась, наконецъ, его удаленіемъ отъ двора. Остальные «объевропеенные» Русскіе люди, въ сущности, во взглядахъ на Русскую народность мало чѣмъ отличались отъ Остервальда, Эпинуса, Левека, Лафермьера, Сальдерна и другихъ иностранцевъ, окружавшихъ Цесаревича во время его воспитанія; всѣ они, признавая фактъ существованія Русской имперіи и считая Русскую народность безличною, понимали лишь политическій Русскій патріотизмъ: осязали тѣло Россіи и не признавали въ немъ души. «Недовѣріе къ способностямъ и достоинствамъ его будущихъ подданныхъ, говоритъ г. Лебедевъ, росло съ лѣтами и изъ первыхъ впечатлѣній дѣтства перешло потомъ въ убѣжденіе о превосходствѣ иностранцевъ, въ особенности Нѣмцевъ, надъ Русскими. Обстоятельства и окружающая среда еще болѣе усиливали это настроеніе. Въ послѣдствіи въ дѣлѣ ума приняло участіе сердце. Павлу разсказывали исторію его отца, какъ человѣка, желавшаго добра Россіи и ею непонятаго и неоцѣненнаго, и въ юношѣ, на первыхъ порахъ его самостоятельной дѣятельности, явилось желаніе подражать во всемъ отцу и быть продолжателемъ начатыхъ имъ и прерванныхъ въ самомъ началѣ преобразованій»[56]). Пристрастіе Цесаревича къ Пруссіи, бывшее слѣдствіемъ этого настроенія, усиливалось еще любовью его къ мелкостямъ военной службы и убѣжденіемъ въ пользѣ для Россіи Прусскаго союза, поддерживаемое въ Павлѣ его воспитателемъ, творцомъ «сѣвернаго акорда», графомъ Панинымъ. Что касается до «мелкостей» военнаго дѣла, то онѣ вообще привлекательны для мальчиковъ извѣстнаго возраста: игра въ солдаты чуть ли не самая распространенная изъ дѣтскихъ игръ. Но иное значеніе возымѣли эти мелкости для царственнаго мальчика, когда ему внушали, напр., что его «славный прадѣдъ, давая подданнымъ своимъ почти во всемъ примѣръ собою, не погнушался быть солдатомъ, ни матросомъ, а не былъ никогда подъячимъ, ни протоколистомъ ни одной коллегіи, ниже Сената» и что какую бы помощь, напримѣръ, получила Греція при Маратонѣ отъ всей премудрости философовъ своихъ, воль-

---

[56]) Лебедевъ, 85.

ныхъ и другихъ наукъ и художествъ, еслибы не было въ ней Мильтіада и десяти тысячъ, напоенныхъ его духомъ? И не долженъ ли всякій признаться, что все ихъ знаніе служило только къ сочиненію либо подлыхъ пѣсенъ для смягченія своихъ побѣдителей, или къ возстановленію позорныхъ для себя трофеевъ»[57]). Такія и подобныя имъ рѣчи въ сущности понятны для того времени и для государства, которое развивало въ себѣ, вслѣдствіе постоянной борьбы съ внѣшними врагами, по преимуществу военную дѣятельность и котораго первенствующее сословіе благородной службою государству считало только службу съ мечемъ въ рукѣ, а военнаго—годнымъ для занятія всякой должности въ государствѣ, какихъ бы спеціальныхъ знаній она ни требовала. Еще болѣе станетъ понятнымъ увлеченіе Павла Петровича военнымъ дѣломъ, если вспомнимъ его убѣжденіе, что внутренняя жизнь Россіи и ея внѣшнее достоинство зависятъ не отъ нравственыхъ силъ Русскаго народа, а отъ качества внѣшней силы, управляющей его судьбами. Отсюда только объясняется то удивительное обстоятельство, что, подобно Петру III, Павелъ, по возвращеніи изъ Берлина въ 1776 г., уже проектировалъ имѣть на Русской службѣ наемныя Нѣмецкія войска, для облегченія Русскаго народа отъ тягостей военной службы[58]), а нравственныя силы народныхъ армій ставилъ ни во что въ сравненіи съ мелочными требованіями военнаго устава и строгимъ соблюденіемъ военной дисциплины. Такимъ софизмомъ оправдывались для Павла Петровича страсть къ экзерцирмейстерству и стремленіе къ изученію «мелкостей» военныхъ. Для удовлетворенія этого стремленія Павлу Петровичу опять приходилось обращаться къ Пруссіи, военнымъ уставамъ которой рабски подражали во всей Европѣ, и къ ея прославившемуся побѣдами королю-полководцу; возлѣ него не было Суворова, говорившаго: «Русскіе Прусскихъ всегда били; что-жъ тутъ перенять?» Румянцовъ же, Панинъ, Репнинъ и Салтыковъ были горячими поклонниками Фридриха и его учрежденій[59]).

Сочувствіе Цесаревича къ Пруссіи подогрѣвалось постоянно событіями, имѣвшими большое значеніе въ его личной жизни: пріѣздами въ Петербургъ принца Генриха, бракомъ съ Наталіей Алексѣевной и, наконецъ, поѣздкой въ Берлинъ для свиданія съ Софіей-Доротеей. Теперь Павелъ Петровичъ могъ собственными глазами видѣть и страну, казавшуюся ему идеаломъ возможнаго тогда для Россіи совершенства, и ея великаго короля-полководца и философа. Сначала, однако, Прус-

---

[57]) „Отчетъ о двадцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова", стр. 119.
[58]) Лебедевъ, 222—223.
[59]) Иконниковъ, 118; Лебедевъ, 118, 119.

скія войска не поддержали въ глазахъ Павла своей Европейской славы. «Въ Кенигсбергѣ, писалъ онъ матери, видѣлъ я полки Прусскіе и нашелъ, что дѣйствительно славны бубны за горами»; но за то чѣмъ далѣе онъ ѣхалъ по Пруссіи, тѣмъ приходилъ все въ большій восторгъ. «Видно, писалъ онъ, что имѣютъ во всемъ предъ нами вѣка два преимущества» [60]). Нѣмецкая мелочность, аккуратность и необыкновенная выдержанность во всѣхъ частяхъ правительственной машины въ особенности пріятно поражали Павла. «Въ Пруссіи, говоритъ Лебедевъ, все шло какъ бы волшебствомъ, съ математическою точностью: король изъ своего Санъ-Суси командовалъ государствомъ и арміею, и всѣ второстепенные исполнители были не болѣе, какъ лица придаточныя. Стройность, порядокъ, единообразіе, строгая подчиненность, производили какое-то обаятельное дѣйствіе на всѣхъ, кто не взглядывался пристальнѣе въ дѣло, и если вся Европа считала себя счастливою, подражая до послѣднихъ мелочей всѣмъ Прусскимъ учрежденіямъ, то можно ли обвинять Павла Петровича за то, что онъ сдѣлался самымъ восторженнымъ поклонникомъ Фридриха II и приписывалъ только ненормальному положенію Россіи (гдѣ на тронѣ была женщина), что мы вели дѣла путемъ своеобразнымъ, не только не слѣдуя за общимъ потокомъ подражательности Пруссакамъ, но даже съ презрѣніемъ смотрѣли на обезьянство всей Европы?» [61]) Личныя отношенія короля, не скупившагося на лесть Павлу и окружавшимъ его Русскимъ, въ свою очередь ласкали самолюбіе Цесаревича и вызывали въ немъ чувство благодарности. «Король (увѣдомлялъ онъ 13 Іюля свою вѣнценосную мать, видимо тронутый словами Фридриха) столь чувствуетъ дружбу вашу къ нему, что говорилъ, что онъ бы кровію и жизнію хотѣлъ вамъ заплатить, и со слезами о семъ говоритъ» [62]). 20 Іюля онъ писалъ: «Здѣсь приняты всѣ тѣ, которые имя Русскаго носятъ, съ таковою отличностію, зачиная съ меня, каковой изъяснить невозможно. Король со мной говоритъ восьмой день о разномъ и щупалъ меня со всѣхъ сторонъ и при всякомъ случаѣ изъяснялся, со слезами почти говоря о вашемъ величествѣ и о привязанности его къ вамъ. Подарилъ онъ мнѣ перстень отмѣнной величины съ портретомъ своимъ и восемь лошадей... Имя ваше здѣсь въ такомъ почтеніи, и радость въ сію минуту по причинѣ того, что изволили меня сюда отправить, неописанна, и вы не изволите повѣрить всему тому, что я вамъ о семъ изустно донесу» [63]).

---

[60]) С. Р. И. О., XXVII, 99.
[61]) *Лебедевъ*, 216—217.
[62]) С. Р. И. О., XXVII, 106.
[63]) Тамъ же, 108.

Дѣйствительно, Фридриху было чему радоваться: онъ не только успѣлъ, благодаря пріѣзду Павла въ Берлинъ, укрѣпить союзъ свой съ Россіей и отдалить отъ нея Австрію, но и пріобрѣталъ себѣ навсегда могущественнаго союзника въ самой Россіи въ лицѣ наслѣдника Екатерины. Безъ сомнѣнія, Фридрихъ надѣялся въ Павлѣ видѣть по отношенію къ Пруссіи Петра III. Страхъ передъ Россіею усилился въ немъ недавними нашими побѣдами. Молодой Цесаревичъ не могъ прозрѣть въ прославленномъ королѣ, этомъ идолѣ своего вѣка, коварнаго интригана, для котораго всѣ средства были хороши, лишь бы вели къ цѣли. Павелъ Петровичъ обладалъ рыцарскимъ, прямымъ, благороднымъ характеромъ; какъ было ему не вѣрить словамъ и слезамъ стараго, опытнаго сердцевѣдца? Безъ сомнѣнія, въ принцессѣ Софіи-Доротеѣ Павелъ Петровичъ съ неменьшимъ удовольствіемъ, какъ и Фридрихъ II, видѣлъ живую связь, долженствующую съ этого времени соединять Россію и Пруссію. Правда, въ качествѣ наслѣдника престола, не всегда допускаемый матерью къ дѣламъ управленія, Павелъ не могъ вполнѣ отвѣчать ожиданіямъ новаго своего родственника; но мы увидимъ впослѣдствіи, что даже одна увѣренность въ дружескихъ чувствахъ будущаго Русскаго государя къ Пруссіи производила сильное вліяніе на политику Европейскихъ державъ и мѣшала отчасти дѣйствіямъ самой Екатерины, когда она разорвала союзъ свой съ «Иродомъ» [64]).

Создавъ для себя въ Берлинѣ политическій символъ вѣры, освященный родственными узами, Цесаревичъ въ Берлинѣ же и въ Прусскомъ духѣ закрѣпилъ въ себѣ любовь и къ «мелкостямъ» военной службы. Когда онъ сдѣлался императоромъ, любовь эта удивляла современниковъ. «Какъ ни пагубно, пишетъ одинъ изъ нихъ, подѣйствовали вліянія высоко-аристократическихъ идей и вкусовъ на чуткую, легко воспламеняемую душу Павла Петровича, вредъ, причиненный ими, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, который произвели въ Берлинѣ Прусская дисциплина, выправка, мундиры, кивера и т. д., словомъ все, чтó напоминало о Фридрихѣ Великомъ. Павелъ Петровичъ подражалъ Фридриху въ одеждѣ, въ походкѣ, въ посадкѣ на лошади. Потсдамъ, Сансуси, Берлинъ преслѣдовали его какъ кош-

---

[64]) Во время пребыванія Павла въ Берлинѣ, враги Пруссіи могли выражать свое неудовольствіе на новый, неожиданный для нихъ успѣхъ Фридриха только сплетнями, о которыхъ самъ же Павелъ наивно извѣщалъ Екатерину: „Министры Французскій и Австрійскій дуются и распустили про насъ слухъ, не будучи въ состояніи про меня иного сказать, какъ что я горбатъ; но думаю, что теперь перестали о семъ говорить. Таковой же поклепъ о меньшой принцессѣ Виртембергской весьма ложенъ, ибо, нося еще дѣтское платье, видно бы было, но такъ пряма, какъ только можетъ быть“. С. Р. И. О., XXVII, 109.

маръ. Къ счастью Павла Петровича и его родины, онъ не заразился бездушной философіей и упорнымъ безбожіемъ Фридриха. Но этого Павелъ Петровичъ не могъ терпѣть, и хотя врагъ насѣялъ много плевелъ, но доброе сѣмя удержалось»[65]).

Весьма замѣчательно, что Екатерина, хорошо знавшая и сына, и Фридриха, какъ бы не предвидѣла и не понимала всего значенія, которое могла имѣть для Россіи поѣздка Павла въ Берлинъ. Въ письмахъ ея за это время къ Павлу Петровичу нигдѣ не проскальзываетъ ни малѣйшей тревоги по поводу той опасной для довѣрчиваго Цесаревича близости его къ Прусскому королю, которая видна была изъ его же писемъ. Напротивъ, Екатерина была очень тронута вниманіемъ, которымъ окружали великаго князя въ Берлинѣ. «Съ крайнемъ удовольствіемъ, отвѣчала она ему, усмотрѣла я, что вы благополучно пріѣхали въ Берлинъ и что пріемъ вамъ былъ учиненъ столь отличный, сколь и дружественный, о чемъ, какъ вамъ извѣстно, я сомнѣнія не имѣла, знавъ долговременно расположеніе короля, всего его дома и подданныхъ его; вполнѣ радуюсь, что вамъ доставила случай тѣмъ пользоваться въ полной мѣрѣ... Богъ да благословитъ къ вѣчному нашему спокойствію сей новый вашъ союзъ, съ которымъ васъ поздравляю; признаюсь, что радостныхъ движеній до такой степени при первомъ вашемъ бракѣ не чувствовала, нынѣшнія же почитаю не токмо какъ благопредсказаніе сердца моего, но еще какъ произведенныя отъ исполненія давнишняго моего желанія, имѣвъ отъ 1767 года сію принцессу всегда въ умѣ и предметѣ. Таковое мое вамъ извѣстное къ невѣстѣ вашей расположеніе не можетъ инаго какъ умножено быть ея драгими качествами, кои вы столь живо мнѣ описываете, и отовсюду слуху моему подтверждаются. Наидружественнѣйшіе сентименты короля и всей фамиліи соотвѣтствуютъ совершенно моему желанію и ожиданію взаимности. Признаюсь чистосердечно, самолюбію моему льститъ безмѣрно честь неупадающаго въ свѣтѣ Русскаго имени»[66]). Мало того, Екатерина не считала даже нужнымъ и своевременнымъ оспаривать восторженныхъ мнѣній его о Пруссіи. «Разсужденіе ваше о полкахъ, людяхъ и земляхъ, писала она Павлу, кои вы въ проѣздъ вашъ видѣли, нахожу основательнымъ»[67]). Это спокойствіе Екатерины и ея удовольствіе поѣздкой Павла можно объяснить развѣ только тѣмъ обстоятельствомъ, что поражающая быстрота событій, происшедшихъ послѣ смерти Наталіи Алексѣевны, не давала Императрицѣ времени

---

[65]) Изъ Записокъ Н. А. Саблукова. Р. Арх., 1869, столб. 1878.
[66]) С. Р. И. О., XXVII, 97–99, 105—106, 108.
[67]) Тамъ же, 99.

опомниться. Желая какъ можно скорѣе женить сына на принцессѣ Софіи-Доротеѣ, Екатерина думала только о лучшемъ средствѣ достигнуть своей цѣли, и кто знаетъ, не самъ ли принцъ Генрихъ подсказалъ Екатеринѣ поѣздку въ Берлинъ великаго князя? Ею ускорялось задуманное сватовство, а все остальное, при тревожномъ состояніи духа Императрицы въ то время, казалось ей неважнымъ.

Но, не придавая особаго значенія поѣздкѣ Цесаревича въ Берлинъ, Екатерина не ошибалась въ истинныхъ намѣреніяхъ Фридриха и брала свои мѣры. Мы уже видѣли, что она не желала дозволить Софіи-Доротеѣ привезти съ собою въ Россію кого-либо изъ близкихъ ей лицъ, въ той, конечно, надеждѣ, что молодая великая княгиня, при этомъ условіи, скорѣе и легче обрусѣетъ. Эту свою надежду она выражала въ письмахъ своихъ къ принцессѣ Софіи-Доротеѣ и ея матери, жалуя имъ обѣимъ, послѣ сговора, знаки ордена Св. Екатерины и примѣняя къ нимъ девизъ этого ордена: «за любовь и отечество». «Получивъ знаки ордена Св. Екатерины, писала Екатерина Софіи-Доротеѣ, вы будете носить знаки *любви и отечества.* Вотъ что говоритъ вамъ чрезъ меня Россія, простирающая къ вамъ свои руки. Отъ вашей душевной красоты и отъ доброты вашего сердца она ожидаетъ, что вы, мѣняя отечество, будете относиться съ чувствами самой живой и глубокой привязанности къ новому отечеству, которое васъ принимаетъ, давъ вамъ выборомъ предпочтеніе» [68]). «Ваши услуги, писала она принцессѣ-матери, вполнѣ соотвѣтствуютъ девизу этого ордена: ваша дочь есть подарокъ, который вы дѣлаете отечеству» [69]).

На встрѣчу Софіи-Доротеи Екатерина отправила въ Мемель статсъ-даму графиню Румянцову, супругу фельдмаршала, фрейлинъ Алымову и Молчанову, бывшихъ воспитанницъ Смольнаго института, и состоявшаго въ кабинетѣ Императрицы у принятія челобитень, ст. сов. Пастухова. Пастуховъ отправленъ былъ исключительно затѣмъ, чтобы дорогою до Петербурга обучать принцессу Русскому языку» [70]).

---

[68]) Тамъ же, 34.

[69]) Архивъ Кн. Воронцова, XXXIV, 383. Издатель дѣлаетъ вопросъ, о какомъ отечествѣ тутъ говорится? Безъ сомнѣнія Екатерина подразумѣвала подъ нимъ Россію, хотя сама принцесса-мать и Фридрихъ II считали замужество Софіи-Доротеи подаркомъ и для своего отечества—Пруссіи.—Тогда же и отецъ Софіи-Доротеи, принцъ Фридрихъ-Евгеній, пожалованъ былъ Андреевскимъ орденомъ. Рескриптъ ему Екатерины см. тамъ же, 382.

[70]) С. Р. И. О., XXIII, 54. „Я не знаю, писала Екатерина Гримму, сколько времени понадобится принцессѣ, чтобы толково и правильно прочесть по-русски свое исповѣданіе вѣры, но чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, хотя на скорую руку, тѣмъ будетъ лучше. Съ цѣлью ускорить все, это г. Пастуховъ отправленъ въ Мемель, чтобы дорогою учить принцессу азбукѣ и исповѣданію вѣры. Убѣжденіе придетъ послѣ. Вы видите отсюда, что мы осторожны и предусмотрительны и что обращеніе и исповѣданіе вѣры слѣдуютъ по почтѣ“.

25-го Іюля 1776 года цесаревичъ оставилъ, наконецъ, Берлинъ. Наканунѣ, сопровождаемая своими родителями, выѣхала изъ Берлина въ Мемель и невѣста, чтобы вновь встрѣтить своего жениха въ замкѣ Рейнсбергѣ, въ которомъ привѣтствовалъ высокихъ путешественниковъ хозяинъ его, принцъ Генрихъ. Только въ Рейнсбергѣ Павелъ окончательно простился съ Софіей-Доротеей и 28 Іюля отправился обратно въ Россію чрезъ родной его невѣстѣ Шведтъ, гдѣ познакомился съ дядей ея матери, Фридрихомъ-Генрихомъ, послѣднимъ маркграфомъ Брандербургъ-Шведтскимъ. 14 Августа Павелъ Петровичъ былъ уже въ Царскомъ Селѣ. Въ это время принцесса Софія-Доротея, прогостивъ въ Рейнсбергѣ и Шведтѣ, подвигалась къ Мемелю, гдѣ она должна была проститься съ сопровождавшими ее родителями и покинуть свою родину.

Смутно было на душѣ молодой принцессы. Если послѣ сговора она восторгалась тѣмъ, что ее предпочли всѣмъ Германскимъ принцессамъ [71]), то самая мысль объ ожидавшемъ ее величіи не могла не пугать ея, ибо она соединилась съ мыслію о трудностяхъ ея будущаго положенія среди Русскаго двора, въ полной отчужденности отъ всего, что̀ до сихъ поръ ей было дорого. Честолюбіе не подавило въ душѣ Софіи-Доротеи другихъ ея чувствъ, и на пути къ Мемелю она плакала, вспоминая объ Этюпѣ и его невинныхъ развлеченіяхъ [72]). Въ городѣ Мемелѣ, куда принцесса пріѣхала 13 Августа, горесть ея достигла высшихъ своихъ предѣловъ. Здѣсь, быть можетъ вслѣдствіе слезъ, возбуждаемыхъ мыслію о разлукѣ, принцесса захворала простудой, что̀ вынудило ея статсъ-даму, графиню Е. М. Румянцову, продолжить пребываніе въ Мемелѣ до 19 Августа, т. е. 3 днями позже срока, назначеннаго Екатериной, желавшей видѣть Софію-Доротею въ Петербургѣ не позже 29 Августа [73]). Чтобы избѣжать тяжелой сцены прощанія съ нѣжно-любимой дочерью, родители принцессы выѣхали изъ Мемеля въ обратный путь чрезъ нѣсколько дней, рано утромъ, когда дочь ихъ почивала крѣпкимъ сномъ. При Софіи-Доротеѣ оставлена была лишь ея горничная, нѣкто Преторіусъ.

Русская свита, которая окружила въ Мемелѣ принцессу Софію-Доротею, была уже отчасти знакома ей по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ ей Павломъ Петровичемъ. «Въ Мемелѣ, говоритъ одна изъ встрѣтив-

---

[71]) J'ai eu le pas sur toutes les princesses et altesses impériales, писала она 15 Іюля изъ Берлина баронессѣ Оберкирхъ. Oberkirch, Mémoires, 1, 74.

[72]) Oberkirch Mémoires, 1, 81.

[73]) Донесеніе гр. Румянцовой императрицѣ Екатеринѣ изъ Руцау, 19 Августа 1776 года, Государственный Архивъ, № 106. Ср. „Письма гр. Е. М. Румянцовой къ ея мужу гр. Румянцову“, Спб., 1888, 207.

шихъ ее фрейлинъ, любимица первой супруги Павла Петровича, г-жа Алымова, насъ представили будущей великой княгинѣ. Меня поразили ея красота, молодость и простота въ обращеніи. Когда дошла до меня очередь, она, съ улыбкой обращаясь ко мнѣ, сказала, что великій князь особенно бранилъ меня. Во всю дорогу она оказывала мнѣ предпочтеніе; какъ казалось, она была предубѣждена противъ супруги фельдмаршала Румянцова и почти не обращала на нее вниманія» [74]). Это извѣстіе, впрочемъ, не можетъ быть принятъ безъ оговорокъ. Графиня Екатерина Михайловна Румянцова, выбранная въ статсъ-дамы къ новой великой княгинѣ, была одной изъ симпатичнѣйшихъ Русскихъ женщинъ XVIII в. и могла возбуждать къ себѣ со стороны всѣхъ честныхъ людей того времени лишь глубокое уваженіе. Фельдмаршалъ Румянцовъ не отличался семейными добродѣтелями, былъ плохимъ отцомъ и невѣрнымъ мужемъ; на женѣ его лежали всѣ заботы о воспитаніи трехъ сыновей и по управленію имѣніями, и она, живя врозь съ мужемъ, не смотря на то, глубоко его уважала и свято исполняла обязанности матери и хозяйки [75]). Быть можетъ, этотъ семейный разладъ, о которомъ Софія-Доротея должна была, къ невыгодѣ Румянцовой, услышать отъ Павла (бывшаго горячимъ поклонникомъ фельдмаршала) и поселилъ въ принцессѣ недовѣріе къ ея статсъ-дамѣ. Впрочемъ, самой графинѣ Румянцовой принцесса не дала ничего замѣтить. «Будущая наша великая княгиня, писала гр. Румянцова мужу, обошлась очень ласково со мной и повидимому любезна очень» [76]). Предубѣжденіе противъ графини Румянцовой, если только довѣрять разсказу Алымовой, вообще склонной къ самовосхваленію, должно было, однако, скоро разсѣяться при ближайшемъ знакомствѣ принцессы съ графиней. По крайней мѣрѣ, мать принцессы Софіи-Доротеи, видѣвшая графиню Румянцову въ теченіе кратковременнаго пребыванія своего въ Мемелѣ, впослѣдствіи, при удаленіи графини Румянцовой отъ двора, отзывалась о ней чрезвычайно лестно. «Удаленіе супруги фельдмаршала, писала принцесса великой княгинѣ, очень огорчило меня (m'a fait une peine sensible). Я увѣрена, что она была искренно привязана къ вамъ, хотя,

---

[74]) Памятныя Записки Глафиры Ивановны Ржевской. Р. Архивъ 1871, 36.

[75]) Вѣчнымъ памятникомъ этой добродѣтельной женщины останется книга, изданная гр. Д. А. Толстымъ: „Письма графини Е. М. Румянцовой къ ея мужу, фельдмаршалу графу, П. А. Румянцову-Задунайскому 1762—1779“ Спб. 1888. Къ сожалѣнію въ книгѣ этой большой пробѣлъ: нѣтъ писемъ за промежутокъ времени отъ 16 Сентября 1776 г. по Январь 1779 г., именно за то время, когда гр. Румянцова была статсъ-дамой при великой княгинѣ.

[76]) „Письма графини Е. М. Румянцовой“, 207.

говоря вамъ правду, она не имѣла друзей. Да и Богъ знаетъ, могла ли она имѣть ихъ въ той средѣ, въ которой она вращалась. Конечно, пріобрѣсти ихъ можно не при дворѣ, гдѣ все подвержено почти ежедневнымъ измѣненіямъ. Я знаю и цѣню ея доброе сердце, а тонъ съ которымъ она говорила о покойной великой княгинѣ (Наталіи Алексѣевнѣ), дурно относившейся къ ней, привелъ меня къ благопріятному заключенію о ея характерѣ» [77]). Графинѣ Румянцовой было въ это время уже 62 года, и, разумѣется, общество и совѣты этой опытной и добродѣтельной женщины могли быть только полезны новой Русской великой княгинѣ. Можно думать, что основаніемъ разсказа Алымовой послужила со стороны принцессы Софіи-Доротеи (не привыкшей еще разсчитывать словъ своихъ на вѣсъ и мѣру) ея естественная склонность бесѣдовать болѣе съ молодой дѣвушкой, своей ровесницей, чѣмъ со старой и, быть можетъ, несловоохотливой матроной.

Для сопровожденія принцессы по Россіи до Риги присланъ былъ въ Мемель Павломъ Петровичемъ изъ Митавы Русскій посланникъ въ Курляндіи Симолинъ, а затѣмъ присоединился къ поѣзду назначенный для той же цѣли Екатериной генералъ Кашкинъ [78]). Самъ Павелъ Петровичъ, возвращаясь изъ Берлина въ Петербургъ и заботясь объ удобствахъ путешествія своей невѣсты, назначилъ мѣста для ночлеговъ, начиная отъ Русской границы, въ виду дурныхъ ночлеговъ и плохой дороги въ Курляндіи [79]). Поэтому, выѣхавъ изъ Мемеля 19 Августа, Софія-Доротея, послѣ отдыха въ Митавѣ, гдѣ она была встрѣчена вдовой Бирона, прибыла въ Ригу лишь 24 Августа. Молодая принцесса, вѣроятно не безъ удивленія, видѣла почти до самаго Петербурга какъ бы продолженіе своей Германской родины. Ее встрѣчали Остзейскіе бароны, кругомъ нея слышалась Нѣмецкая рѣчь. Переходъ молодой принцессы въ варварскую, «казацкую» Россію, о которой такъ толковалъ прежде Фридрихъ, оказался не такъ рѣзокъ, какъ могла думать она. Приближеніе къ Петербургу, гдѣ принцессу ожидала знаменитая сѣверная царица, заставляло, однако, тревожно биться ея юное сердце; но въ Ямбургѣ къ ней выѣхалъ на встрѣчу ея женихъ и, нѣсколько успокоенная его присутствіемъ, Софія-Доротея 31 Августа въ Царскомъ Селѣ увидѣла, наконецъ, Екатерину.

---

[77]) Письмо матери императрицы Маріи Θеодоровны 21 Іюля 1778. Архивъ Павловскаго дворца.

[78]) Переписка его съ Екатериной по этому поводу въ Р. Ст. 1882, XLVII, 27.

[79]) Донесеніе гр. Румянц. Екатеринѣ отъ 19 Августа 1776 г. Государственный Архивъ, № 106.

Императрица съ нетерпѣніемъ ожидала свою давнюю любимицу и сама вникала во всѣ подробности по приготовленію ей помѣщенія въ Зимнемъ дворцѣ [80]). Вообще во все время поѣздки Павла въ Берлинъ Екатерина показывала себя нѣжной матерью, и новою своею невѣсткою гордилась какъ собственнымъ своимъ выборомъ [81]). Принцесса Софія-Доротея, послѣ первой же встрѣчи съ Екатериной, не могла, конечно не чувствовать себя польщенною тѣми знаками любви, которыми встрѣтила ее Сѣверная Семирамида. «Сознаюсь вамъ, писала Екатерина 5 Сентября г-жѣ Бьельке, я пристрастилась къ этой очаровательной принцессѣ, пристрастилась въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Она именно такова, какую хотѣли: стройна какъ нимфа, цвѣтъ лица бѣлый, какъ лилія, съ румянцемъ на подобіе розы; прелестнѣйшая кожа въ свѣтѣ; высокій ростъ съ соразмѣрною полнотою и легкость поступи. Кротость, доброта сердца и искренность выражаются у ней на лицѣ. Всѣ отъ нея въ восторгѣ, и тотъ, кто не полюбитъ ея, будетъ не правъ, такъ какъ она создана для этого и дѣлаетъ все, чтобъ быть любимой. Словомъ, моя принцесса представляетъ собою все чего я желала, и вотъ я довольна» [82]).

Такое же впечатлѣніе произвела Софія-Доротея и на весь дворъ. «Придворные, доносилъ своему правительству Англійскій повѣренный Оаксъ, говорятъ съ большими похвалами о принцессѣ Виртембергской; они хвалятъ ея красоту и манеры». «Великій князь, прибавляетъ онъ, чувствуетъ къ ней, какъ кажется, такую нѣжность, что принцесса, вѣроятно, будетъ имѣть власть надъ сердцемъ мужа, подобно своей предшественницѣ; но, благодаря превосходству своего ума, принцесса Виртембергская сдѣлаетъ изъ этого безспорно лучшее употребленіе» [83]). И принцесса спѣшила оправдать лестное о себѣ мнѣніе. Чрезъ день по пріѣздѣ, 2 Сентября, не успѣвъ еще отдохнуть съ дороги, она занималась уже изученіемъ православной вѣры подъ руководствомъ архіепископа Московскаго Платона, объяснявшагося съ своей царственной ученицей по-французски; а 14-го совершился переходъ

[80]) С. Р. И. О., XXVII, 115—116.

[81]) Г. Иконниковъ справедливо указываетъ, что письма, которыми обмѣнивались между собою Павелъ и Екатерина въ это время, заключаютъ въ себѣ нѣчто болѣе, чѣмъ простой обмѣнъ любезностей. Отчетъ о XXVII присужд. наградъ графа Уварова, 139.

[82]) С. Р. И. О., XXVII, 117—118.

[83]) La Cour de Russie il y a cent ans, Berlin, 1858. Должно замѣтить, что самый распространенный въ нашей печати портретъ Маріи Ѳеодоровны въ молодые ея годы вовсе не говоритъ намъ о прославленной въ свое время красавицѣ и вызываетъ одно лишь недоумѣніе. Таковъ именно гравированный портретъ Маріи Ѳеодоровны 1782 г., приложенный къ труду Кобеко („Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“, 160) и Брикнера („Исторія Екатерины Великой“. V, 763). И дѣйствительно, онъ не имѣетъ ничего общаго съ прекрасными портретами Маріи Ѳеодоровны, работы кавалера Росселена и знаменитаго Лампи, находящимися въ Павловскомъ дворѣ Великаго Князя Константина Николаевича

Софіи-Доротеи въ православіе, при чемъ она наречена была Маріей Θеодоровной [84]). На слѣдующій день торжественно было отпраздновано обрученіе новой великой княгини съ Павломъ Петровичемъ, а 26 Сентября совершено ихъ бракосочетаніе. Оно сопровождалось цѣлымъ рядомъ придворныхъ торжествъ и народныхъ увеселеній.

Жизнь великой княгини Маріи Θеодоровны въ новомъ ея отечествѣ начиналась повидимому подъ самыми благопріятными предзнаменованіями. Любимая свекровью, мужемъ и всѣми окружающими, будучи надеждой Россіи, ожидавшей отъ нея продолженія династіи, великая княгиня съ своей стороны старалась сдѣлать все возможное, чтобы упрочить за собою это счастливое положеніе. Достоинства ея, казалось, служили ручательствомъ того, что она достигнетъ своей цѣли. Марія Θеодоровна страстно полюбила своего мужа [85]), а по отношенію къ Екатеринѣ была нѣжной, послушной невѣсткой. «Великая княгиня, писалъ Оаксъ 15 Октября, продолжаетъ побѣждать всѣхъ вѣжливостію и пріятностію. Въ императорской семьѣ теперь, кажется, царствуетъ большее согласіе, чѣмъ когда либо» [86]). Сохранились относящіяся къ осени 1776 года записочки Екатерины къ Павлу, въ которыхъ она проявляла самыя нѣжныя чувства къ молодой четѣ по случаю нездоровья своей невѣстки. Перемѣна климата не прошла безслѣдно для здоровья Маріи Θеодоровны, послѣ теплаго Этюпскаго лѣта сразу испытавшей вліяніе холодной и сырой Петербургской осени: она страдала лихорадкою. «Здѣсь безъ васъ пусто», писала Екатерина Павлу по пріѣздѣ въ Царское Село: «лучшаго удовольствія мнѣ, а Царскому Селу украшенія недостаетъ, когда васъ въ ономъ нѣтъ. Письмо ваше, сего утра писанное, я сейчасъ получила и сожалѣю, что великая княгиня паки одержима была лихорадкой. Я мню, что сіе приключилось отъ того, что транспирація, которая послѣ пароксизма бываетъ, какъ ни на есть прервана, и для того желательно, чтобы тепло держалось. Удовольствительное ваше состояніе да продлитъ Всевышній, чего отъ сердца желаю». «Сегодняшнее ваше письмо, писала она спустя нѣсколько дней, принесло мнѣ двойное удовольствіе: первое, что великая княги-

---

[84]) Общія чувства любви къ Маріи Θеодоровнѣ Державинъ, неизвѣстный еще въ то время піитъ, выразилъ въ оставшейся тогда неизданной одѣ на ея обрученіе, которая начиналась словами: „Марія, образъ твой подобенъ небесамъ!"... См. Грота: Сочиненія Державина, 1, 64.

[85]) Le grand-duc, qui est le plus adorable des maris, vous fait des compliments, писала Марія Θеодоровна г-жѣ Oberkirch 16 Декабря. Je suis très aise, que vous ne le connaissiez point, car vous ne pourriez vous empêcher de l'adorer et de l'aimer, et moi j'en deviendrais jalouse. Ce cher mari est un ange. Je l'aime à la folie". Oberkirch. 1, 21.

[86]) „La Cour de Russie il y a cent ans", 307.

ня освободилась отъ лихорадки, а вы здоровы; второе, что завтра обѣщаетесь быть ко мнѣ, во ожиданіи чего сдержите слово. Обнимаю васъ мысленно и посылаю вамъ обоимъ двухъ тетеревей сегодняшней моей охоты» [87]).

Одно лишь воспоминаніе объ Этюпѣ и родной семьѣ заставляло задумываться и скорбѣть Марію Өеодоровну, тѣмъ болѣе, что она не надѣялась на скорое свиданіе съ нею. «Я не жду этого счастья, писала она своей подругѣ, и всякій разъ, когда эта мысль приходитъ мнѣ въ голову, я дѣлаюсь печальна и задумчива на весь остатокъ дня» [88]).

Однако, при всѣхъ этихъ видимо-благопріятныхъ обстоятельствахъ, скромной Этюпской принцессѣ, перенесенной неожиданно къ пышному Петербургскому двору, вмѣсто тихихъ удовольствій семейной жизни, пришлось скоро испытывать горькое чувство разочарованія и, въ тоже время, увидѣть поруганными лучшія свои привязанности и убѣжденія: августѣйшая свекровь, столь любившая сначала Марію Өеодоровну, стала казаться своей невѣсткѣ существомъ почти враждебнымъ и сама начала относиться къ ней холодно и подозрительно. Могучее вліяніе обаятельной личности Екатерины на Марію Өеодоровну, къ сожалѣнію, не могло сгладить обнаруживавшейся постепенно разницы въ характерѣ и міровоззрѣніи ихъ. Отчужденіе, возникшее между ними, постоянно обострялось обстоятельствами, коренившимися и въ семейныхъ отношеніяхъ Русской императорской семьи, и въ политической жизни Россіи того времени.

---

[87]) С. Р. И. О., XXVII, 116—117.
[88]) Oberkirch, 1, 80.

IV.

Великая княгиня Марія Өеодоровна.

(1776—1777).

Свойства Маріи Өеодоровны какъ великой княгини. — Отношенія Екатерины къ Павлу Петровичу.—Личность Павла.—Вліяніе на него Маріи Өеодоровны.—Вліяніе на молодой дворъ принцессы Доротеи и графа Н. И. Панина.—Домашній кружокъ великокняжеской четы.—Характеристика положенія Маріи Өеодоровны какъ великой княгини.—Отношеніе ея къ землякамъ и роднымъ.—Зима и лѣто 1777-го года.—Павловскъ.—Пріѣздъ въ Петербургъ Густава III.—Рожденіе великаго князя Александра Павловича.

Еще при вступленіи Павла Петровича въ первый бракъ Екатерина сочла необходимымъ выразить свой взглядъ на обязанности своей невѣстки, преподавъ ей правила ея поведенія въ особомъ «Наставленіи великимъ княгинямъ Россійскимъ» [1]. Устраняя супругу наслѣдника престола отъ всякаго, даже косвеннаго, вліянія на дѣла политическія, Императрица ограничивала кругъ дѣятельности великой княгини ея семьею и строгимъ соблюденіемъ всѣхъ формъ, которыя сопряжены съ ея высокимъ званіемъ. Быть можетъ, не было личности болѣе способной и болѣе готовой выполнить эти требованія Екатерины, какъ Марія Өеодоровна: она обладала всѣми семейными добродѣтелями, привыкла къ скромному, тихому образу жизни, и, разумѣется, не въ Монбельярѣ могла пріобрѣсти себѣ склонность къ занятіямъ политикою; напротивъ, молодой великой княгинѣ не доставало именно политическаго образованія, знанія свѣта и людей. Опытные государственные люди того времени справедливо замѣчали, что Марія Өеодоровна всегда была и останется женщиной, и ничѣмъ болѣе [2]. Въ этомъ заключалась ея сильная и въ тоже время слабая сторона. Честолюбивая, рѣшительная невѣстка Императрицы, подобно первой супругѣ Цесаревича, не могла бы удержаться отъ стремленія играть политическую роль, а это повело бы ее къ столкновеніямъ съ Екатериной, къ явной борьбѣ Павла съ матерью. Семейныя добродѣтели Маріи Өеодоровны, напротивъ, смягчали отношенія, обострявшіяся между матерью и сыномъ, и давали надежду, что Павелъ Петровичъ найдетъ себѣ въ се-

---

[1]) С. Р. И. О., XIII, 332—336.

[2]) La Cour de Russie, 324, донесеніе Корберона 1778 г.: „Son esprit et son caractère, говоритъ онъ, ne sont pas de nature à se développer dans la place qu'elle occupe: Un cercle étroit d'idées et de connaissances la retiendra toujours dans la médiocrité, et rien ne décèle de sa part ce que des observateurs plus fins auraient voulu prendre pour l'adresse de la politique. Princesse de Wurtemberg, grande-duchesse, impératrice, elle sera toujours femme, et jamais plus“.

мейномъ кругу отраду и утѣшеніе среди невзгодъ своего политическаго положенія.

Но, съ другой стороны, блестящая личность Екатерины, ея роскошный дворъ, отражавшій на себѣ всѣ достоинства и недостатки современной образованности, сложные вопросы внутренней и внѣшней политики Россіи—все это не могло найти въ новой великой княгинѣ безпристрастной и просвѣщенной оцѣнки. Умъ ея, изощренный наблюденіями мелкихъ домашнихъ подробностей маленькаго Этюпскаго двора, не могъ обнять всей открывшейся предъ нимъ величественной политической панорамы, и Марія Θеодоровна оказалась вынужденною смотрѣть на отдѣльныя явленія ея съ точки зрѣнія семейныхъ отношеній и ходячей, обыкновенной морали. Легко понять, къ какимъ недоразумѣніямъ эта особенность міросозерцанія Маріи Θеодоровны привела ее съ самаго начала среди блестящаго двора, окружавшаго вѣнценосную поклонницу Вольтера и энциклопедистовъ. Къ сожалѣнію, дневникъ, веденный молодой великой княгинею со времени пріѣзда ея въ Россію, былъ сожженъ, такъ что мы лишены возможности отъ нея самой слышать о ея новыхъ впечатлѣніяхъ [3]). Но въ письмахъ Екатерины къ Гримму есть, однако, указаніе, что великая княгиня, даже годъ спустя по пріѣздѣ своемъ въ Россію, не вполнѣ понимала общество, окружавшее Екатерину, а потому и образъ ея дѣйствій не всегда былъ достаточно зрѣло обдуманъ [4]). Не имѣя еще возможности оцѣнить свою августѣйшую свекровь, какъ государыню, Марія Θеодоровна

---

[3]) „Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе". СПБ. 1877 года, 236. „Положительно извѣстно, что покойная государыня, съ первыхъ лѣтъ супружества, вела дневникъ о событіяхъ собственной жизни и двора. Предъ кончиною она выразила желаніе, чтобы дневникъ этотъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тетрадей, былъ уничтоженъ. Желаніе свое Марія Θеодоровна объяснила тѣмъ, что чтеніе этого дневника, въ которомъ она съ совершенною откровенностію отзывалась о нѣкоторыхъ лицахъ, занимавшихъ важныя правительственныя или придворныя должности, могло повліять на мнѣніе о нихъ императора Николая Павловича. Государь исполнилъ завѣтъ своей родительницы, и Записки Маріи Θеодоровны были сожжены. Великій князь Михаилъ Павловичъ, бывшій вмѣстѣ съ Императоромъ исполнителемъ ея воли, говорилъ: „когда я сожигалъ эти бумаги, мнѣ казалось, что я вторично хоронилъ безцѣнную мою матушку".

[4]) Гриммъ, извѣстный агентъ Екатерины, пріѣзжалъ въ Петербургъ на бракосочетаніе Маріи Θеодоровны съ Павломъ Петровичемъ и тамъ нѣкоторое время послѣ того прожилъ. Въ первомъ же письмѣ къ нему послѣ его отъѣзда, Екатерина спокойно, какъ бы говоря о случаѣ никого не удивившемъ, пишетъ ему 24 Августа 1777 года: „Euler nous prédit la fin du monde pour le mois de juillet de l'année qui vient; il fait venir tout exprès pour cela deux comètes, qui feront je ne sais quoi à Saturne, qui à son tour viendra nous détruire; or, la grande-duchesse m'a dit de n'en rien croire, parce que les prophéties de l'Évangile et de l'Apocalypse ne sont point encore remplies, et nommément l' Antichrist n'est pas venu, ni toutes les croyances réunies. Moi, à tout cela je réponds comme le Barbier de Seville. Je dis à l'un: Dieu vous bénisse, et à l'autre: va te coucher, et je vais mon train. Qu'en pensez-vous?" С. Р. И. О., XXIII, 62.

уже осудила ее какъ женщину и мать. Съ этихъ сторонъ Екатерина была доступнѣе для наблюденія, и эти именно ея стороны болѣе всего отзывались на положеніи и самой великой княгини. Ничего не зная въ скромномъ домѣ своихъ родителей о крайней развращенности, господствовавшей въ то время при Европейскихъ дворахъ, не исключая и Берлинскаго, и тщательно оберегаемая своею матерью отъ вліянія энциклопедистовъ, которые проповѣдовали чувственное наслажденіе жизнію, Марія Ѳеодоровна испытывала ужасъ, видя фаворитизмъ въ Россіи какъ постоянное, всѣмъ извѣстное учрежденіе. Она, какъ и многіе другіе ея современники, не могла понять, что при самыхъ слабостяхъ своихъ Екатерина оставалась великой женщиной [5]), что ея фавориты были въ тоже время ближайшими, довѣренными слугами ея по управленію огромной имперіей и что только тѣ изъ нихъ пользовались прочнымъ вліяніемъ, кто, подобно Г. Г. Орлову и Потемкину, неустанною государственною дѣятельностію оправдывали довѣріе къ себѣ Государыни (прочіе или были удалены отъ двора, какъ Васильчиковъ и Зоричъ, или сами бѣжали отъ него, какъ Мамоновъ). Маріи Ѳеодоровнѣ фаворитизмъ былъ тѣмъ болѣе ненавистенъ, что, на ряду съ нимъ, отношенія Екатерины къ сыну своему, какъ извѣстно, не отличались, въ большинствѣ случаевъ, искренностію и теплотою. Для великой княгини, обожавшей мужа и видѣвшей въ родной семьѣ лишь проявленія теплыхъ чувствъ родителей къ дѣтямъ, эта холодность матери къ сыну также не могла не казаться чудовищной. Мы увидимъ далѣе, что великій князь, эта кажущаяся жертва заблужденій своей матери, терпѣливо и благородно переносившій свое несчастіе, пріобрѣталъ въ глазахъ своей доброй и мягкой супруги ореолъ мученика.

Разумѣется, эта исключительно-семейная, такъ сказать, сердечная оцѣнка положенія Павла Петровича по отношенію къ Екатеринѣ также не могла не быть односторонней: въ семейную жизнь Русскихъ государей всегда вторгались вліянія политическаго свойства. Безспорно, Екатерина никогда не была нѣжной матерью [6]). Голова всегда брала у нея перевѣсъ надъ сердцемъ; даже въ ея личныхъ привязанностяхъ чувство всегда сдерживалось разсудкомъ. Императрицѣ казались жалки и смѣшны всякія чувства, носившія характеръ сентиментальности; въ этомъ отношеніи она также была въ противорѣчіи со своей невѣсткой. Однажды, уже въ старости, она серьезно

---

[5]) Еще Пушкинъ, въ 1822 году, замѣтилъ, что „*самое сластолюбіе сей хитрой женщины утверждало ея владычество*". Соч. Пушкина, изд. лит. фонда, V, 11—12.

[6]) Находясь въ положеніи исключительномъ, Екатерина и въ этомъ отношеніи руководилась соображеніями государственными. Брата своего (котораго пережила всего тремя годами) она ни разу не допустила въ Россію. П. Б.

просила Марію Θеодоровну «не разстраивать своихъ нервъ избыткомъ чувствительности»[7]). Какъ мать, Екатерина всегда питала къ Павлу спокойное и доброжелательное чувство съ полнымъ сознаніемъ своихъ родительскихъ правъ и обязанностей. Холодность сердца у Екатерины, ея разсудочность, не допускаютъ, кажется, справедливости мнѣнія, будто нелюбовь къ Петру III перешла у Екатерины и на ея сына[8]); у нея незамѣтно преемственности чувствъ[9]). Вѣрнѣе было бы предположеніе, что она боялась по отношенію къ сыну преемственности умопомѣшательства въ Голштинско-Ольденбургскомъ домѣ: Петра III-го она положительно считала душевно-больнымъ[10]). «Замѣтьте, пожалуйста, писала Екатерина г-жѣ Бьельке 20 Января 1776 г., по поводу слабоумія принца Петра Голштинскаго: въ продолженіе 15-ти лѣтъ вотъ уже третій случай умопомѣшательства въ августѣйшемъ Ольденбургскомъ домѣ. Молю Бога предохранить его отъ этого на будущее время»[11]). Дурныя къ себѣ чувства Павелъ возбуждалъ въ Екатеринѣ исключительно какъ враждебная ей политическая сила: въ сынѣ Императрица видѣла соперника себѣ во власти. Во время переворота 1762 года была цѣлая партія, во главѣ которой стоялъ Н. И. Панинъ, желавшая возведенія на престолъ восьмилѣтняго Павла съ тѣмъ, чтобы Екатерина правила государствомъ до его совершеннолѣтія. Вступивъ, однако, на престолъ самодержавной императрицей и объявивъ Павла, манифестомъ 6 Іюля 1762 г., «природнымъ наслѣдникомъ престола Россійскаго», Екатерина, изъ опасенія возбудить противъ себя неудовольствіе, не только не рѣшалась отставить Панина отъ должности воспитателя при великомъ князѣ, а, напротивъ, совсѣмъ отдавала ему на руки сына. «Мнѣ не было воли съ начала, говорила въ послѣдствіи Императрица, а послѣ, по политическимъ причинамъ, не брала отъ Панина; всѣ думали, что ежели не у Панина, онъ пропалъ»[12]). Но, не смотря на это, права̀ Павла на престолъ выставлялись врагами Ека-

---

[7]) Р. Стар., 1837, VIII, 884. Ср. въ главѣ III нашего труда отзывъ Екатерины о матери Маріи Θеодоровны.

[8]) Это мнѣніе высказано у Д. Θ. Кобеко 64, и у Иконникова 127.

[9]) Холодность къ Павлу не мѣшала ей по своему горячо любить сына его Александра, какъ и другихъ дѣтей его; любовь къ Г. Г. Орлову не отозвалась на ея вообще довольно-равнодушномъ отношенія къ Бобринскому.

[10]) Замѣтки Екатерины на сочиненіе Денины, Дневникъ Храповицкаго, 481.

[11]) С. Р. И. О., XXVII, 67. Масонъ, въ послѣдствіи ненавистникъ Павла, даже прямо высказывалъ надежду, что „le beau sang qu'elle (Марія Θеодоровна) a transmis dans la branche de Holstein, adoucira peut-être la barbarie que lui avoient donnée les restes de celle de Romanow“. Mémoires secrets I, 260. Нечего и говорить, на сколько пристрастно это мнѣніе Монбельярскаго урожепца.

[12]) Записки Храповицкаго, 434.

терины при каждомъ удобномъ случаѣ[13]). Ходили темные слухи, неизвѣстно кѣмъ распущенные, что Екатерина откажется отъ престола ко времени совершеннолѣтія Павла Петровича[14]); а когда они не оправдались, то начались попытки склонить великаго князя къ явной борьбѣ съ матерью. Первая супруга Павла также дѣйствовала въ этомъ направленіи, въ чемъ, безъ сомнѣнія, помогалъ ей Н. И. Панинъ, пользовавшійся сильнымъ вліяніемъ на своего воспитанника и надѣявшійся, вѣроятно, править его именемъ. Естественно было Императрицѣ, послѣ всего этого, холодно относиться ко всякому дѣйствію, которое могло бы приблизить ея сына ко власти, и по возможности отстранять его отъ участія въ управленіи, на что Цесаревичъ, по достиженіи совершеннолѣтія, имѣлъ полное основаніе и право надѣяться. Конечно, только сознавая свои обязанности, какъ мать и государыня, Екатерина еженедѣльно призывала Павла для слушанія государственныхъ дѣлъ, чтобы онъ ознакомился и съ ея правительственными началами и съ ходомъ управленія; но изъ этихъ еженедѣльныхъ занятій она могла только вынести убѣжденіе, что ея политическіе взгляды совершенно противоположны взглядамъ ея сына, образовавшимся подъ вліяніемъ полуиноземнаго воспитанія и внушеній Панина. Мы уже знаемъ, что Павелъ былъ убѣжденъ въ безличіи Русскаго народа и въ необходимости для него Нѣмецкой указки, поддерживаемой строго и мелочно дисциплинированной военной силой, хотя бы то иноземнаго происхожденія; по его мнѣнію народная дѣятельность должна была быть подвергнута строгой централизаціи, а сохраненіе мира и бережливость въ расходахъ—цѣлью правительства. Почти всѣ эти мысли Павелъ выразилъ въ своемъ «Разсужденіи о государствѣ вообще» и представилъ ихъ Екатеринѣ въ 1774 году. Послѣдствія, которыя могли бы имѣть для страны мѣры, указанныя Павломъ, не могли укрыться отъ прозорливаго государственнаго ума Екатерины; горячо любившей Россію, вѣрившей въ здравый смыслъ своего народа и дававшей широкій просторъ самодѣятельности своихъ подданныхъ. «Необыкновенное развитіе бюрократіи и формалистики, говоритъ по этому поводу Лебедевъ, довольствованіе наружностію, не проникая во внутрь вещей и дѣлъ, а главное тяжелый уровень, наложенный на всякую мысль или желаніе, выходящее изъ принятаго порядка,—вотъ что было бы послѣдствіемъ централизаціи, при столь

[13]) Иконниковъ, 125—126. Вспомнимъ „Правду воли монаршей", предоставлявшей царствующему государю назначать себѣ наслѣдникомъ кого онъ захочетъ. П. Б.

[14]) Этимъ слухамъ вполнѣ довѣряли иностранные дипломаты, жившіе при Петербургскомъ дворѣ. С. Р. И. О., XII, 431—432. Иконниковъ, 125. Покойный князь П. А Вяземскій передавалъ намъ, что графомъ Н. И. Панинымъ составлена была и подана Екатеринѣ особая о томъ записка. П. Б.

обширной территоріи какъ Русская. Мысль должна была бы остановиться, развитіе дѣлалось неумѣстнымъ, частныя улучшенія оказывались невозможными: ихъ замѣняла закаменѣлая буква устава или инструкціи а всякая попытка замѣнить недостаточность устава или инструкціи, называлась «умничаньемъ»,—словомъ, получившимъ право гражданства въ концѣ прошлаго столѣтія и, къ сожалѣнію, долго тяготѣвшимъ надъ Русскою землею и Русской арміею. Всякая способность утрачивала цѣну, если о человѣкѣ прибавляли, что онъ «умничаетъ»[15]). Неизвѣстно, пыталась ли Екатерина выяснить сыну его заблужденіе; но Павелъ Петровичъ остался до конца своей жизни вѣренъ этимъ своимъ началамъ, надѣясь проведеніемъ ихъ въ жизнь устранить всѣ мнимые или дѣйствительные недостатки, обнаруживавшіеся въ Екатерининское царствованіе. Тѣмъ болѣе страдалъ онъ, видя несочувствіе матери къ его идеямъ и чувствуя свое безсиліе. Даже въ частныхъ случаяхъ обнаруживалось несогласіе взглядовъ Павла и Екатерины. Великій князь, строгій ревнитель законностей и порядка, всегда предлагалъ своей матери, снисходительно относившейся къ людскимъ порокамъ и слабостямъ, суровыя мѣры взысканія съ виновныхъ въ нарушеніи закона. «Велѣла я ему со Стрекаловымъ, писала Екатерина Потемкину послѣ усмиренія Пугачевскаго бунта, прочесть всю сію пакотилью (свертокъ бумагъ), и онъ сказалъ Степану Ѳедоровичу, прочтя прощеніе бунта, что это рано, и всѣ его мысли клонились къ строгости»[16]). Точно также строгаго наказанія виновныхъ ждалъ онъ отъ Екатерины по случаю замѣченныхъ имъ во время путешествія въ Берлинъ безпорядковъ по военному вѣдомству въ Ригѣ[17]). Единственная область, гдѣ сходились до извѣстной степени взгляды Екатерины и ея наслѣдника, была въ описываемое время область внѣшней политики: союзъ Россіи съ Пруссіей былъ снова подтвержденъ въ 1777 г., послѣ брака Павла съ Маріей Ѳеодоровной. Но Прусскія симпатіи Павла не могли нравиться Екатеринѣ, которая связь свою съ Пруссіей считала временной и готова была измѣнить свою политику, какъ только представился бы другой, лучшій способъ для обезпеченія выгодъ и положенія своей имперіи. Послѣ одной бесѣды съ Павломъ Петровичемъ по этому поводу Екатерина съ горестью замѣтила: «Вижу, въ какія руки попадетъ имперія послѣ моей смерти! Изъ насъ сдѣлаютъ провинцію, зависящую отъ воли Пруссіи». «Мнѣ больно было бы, говорила она, если бы моя смерть, подобно смерти императрицы Елисаветы, послужила знакомъ измѣненія всей системы Русской политики»[18]). Неудивительно, поэтому, что при полномъ несходствѣ своихъ мыслей

---

[15]) Лебедевъ, 199. [16]) Тамъ же, 175. [17]) Сборн. Р. И. О. XX, 412 [18]) Иконниковъ 142—143.

съ мыслями Павла, Екатерина, давъ ему почетный санъ генералъ-адмирала, въ теченіе всего своего царствованія старалась держать его вдали отъ дѣлъ [19]). Она заслуживаетъ тѣмъ благодарность потомства.

При такихъ обстоятельствахъ холодность Екатерины къ сыну естественно высказалась всюду, гдѣ онъ являлся какъ лицо политическое, и наоборотъ чувство матери замѣтно было въ Императрицѣ, когда дѣло шло о событіяхъ чисто-семейнаго характера. Какъ частный человѣкъ, Цесаревичъ возбуждалъ къ себѣ полное участіе и уваженіе. Это была натура горячая, нервная и воспріимчивая. Его веселость, остроуміе, утонченная вѣжливость, невольно привлекали къ себѣ каждаго; а рыцарскій, благородный образъ мыслей, чистѣйшая нравственность, постоянное стремленіе къ правдѣ выгодно выдѣляютъ его изъ среды пресыщеннаго чувственностію и руководимаго эгоизмомъ общества второй половины XVIII в. Къ сожалѣнію, дурныя черты его характера не были сглажены воспитаніемъ. Рѣзкость, раздражительность и упорство, замѣченныя въ немъ еще съ дѣтства, съ лѣтами еще болѣе развивались. «Съ лучшими намѣреніями въ мірѣ вы все-таки заставите себя ненавидѣть», говорилъ Павлу его другъ и наставникъ Порошинъ, указывая ему на эти его недостатки. Его впечатлительность соединялась съ крайнею неустойчивостію впечатлѣній; фантазія развивалась въ ущербъ разсудку. Быстро схватывая мелочныя подробности предмета, великій князь упускалъ изъ виду его сущность, что̀, въ связи съ напряженностію воображенія и мнительностію, созидало въ немъ совершенно превратное мнѣніе о предметѣ. Оттого въ характерѣ Павла былъ цѣлый рядъ противорѣчій. Добрый отъ природы Павелъ проявлялъ иногда жестокость, которой самъ потомъ стыдился; мягкость, податливость на чужія внушенія уживались въ немъ съ недовѣрчивостію и подозрительностію; будучи слабъ характеромъ, онъ проявлялъ иногда непоколебимую твердость тамъ, гдѣ менѣе всего ея ожидали. Но

---

[19]) Павелъ въ послѣдствіи просилъ Екатерину о допущеніи его въ Совѣтъ, но получилъ отказъ. С. Р. И. О., XLII, 355. По поводу письма великаго князя къ президенту Адмиралтействъ-Коллегіи, гр. И. Г. Чернышову отъ 15 Декабря 1775 г., справедливо замѣчено: „Обыкновенно утверждаютъ, будто Екатерина не допускала Петра Петровича до прямаго участія въ дѣлахъ даже и его вѣдомства. Вышеприведенное письмо служитъ доказательствомъ, что въ началѣ этого не было. Лишь въ послѣдствіи, когда Павелъ Петровичъ не только обнаружилъ неспособность къ веденію дѣлъ, но даже, подъ вліяніемъ изъ Берлина, очутился въ настроеніи враждебномъ, пришлось поневолѣ устранять его отъ правительственной дѣятельности“ Р. Архивъ, 1886, I, 305.—Въ меньшихъ размѣрахъ и въ совершенно-иномъ видѣ, положеніе Екатерины, въ этомъ отношеніи, напоминаетъ собою положеніе Петра Великаго. Только тамъ приходилось бороться съ избыткомъ своеземства; здѣсь же Екатерина, какъ государыня, какъ основательница династіи, не могла допустить столь явнаго избытка въ несвоеземствѣ. П. Б.

нравственный міръ Цесаревича самъ по себѣ былъ дѣйствительно прекрасенъ. Искреннее стремленіе къ законности соединялось у Павла Петровича съ возвышеннымъ религіознымъ чувствомъ; строгое соблюденіе установленнаго порядка считалъ онъ условіемъ существованія каждаго благоустроеннаго государства, а въ области вѣры искалъ опоры въ невзгодахъ политической своей жизни. Это спасало его отъ искушенія соперничать съ матерью во власти [20]), и онъ терпѣливо выносилъ свободные нравы Екатерининскаго двора. Свято почитая родственныя узы и оказывая Екатеринѣ всѣ знаки сыновняго уваженія, Павелъ Петровичъ считалъ своею обязанностію, въ качествѣ наслѣдникапрестола, подавать собою примѣръ для подданныхъ своимъ безусловнымъ повиновеніемъ и государынѣ. Постороннія вліянія, Натальи Алексѣевны, Панина, дѣйствуя на умъ и самолюбіе Павла, возстановляли его противъ Императрицы и собирали вокругъ него враждебную ей политическую партію; но самъ Цесаревичъ былъ всегда чуждъ этимъ проискамъ, полагая свою награду въ покорности волѣ Провидѣнія и сознаніи исполненнаго долга. Личные интересы стояли для него на второмъ планѣ, и многіе изъ его современниковъ сильно ошибались, приписывая повиновеніе Павла Екатеринѣ—боязливости, а его неудовольствіе по поводу замѣчаемыхъ имъ непорядковъ—сварливости его характера и оскорбленному самолюбію. Цесаревичъ былъ глубоко искрененъ, когда писалъ Сакену: «Если бы мнѣ надобно было образовать себѣ политическую партію, я могъ бы умолчать о безпорядкахъ, чтобы пощадить извѣстныхъ лицъ; но будучи тѣмъ, что̀ я есмь, для меня не существуетъ ни партій, ни интересовъ государства; а при моемъ характерѣ мнѣ тяжело видѣть, какъ дѣла идутъ вкривь и вкось, и что причиной тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимымъ за правое дѣло, чѣмъ любимымъ за дѣло неправое» [21]).

Эти высоконравственныя черты Цесаревича дѣлали его особенно дорогимъ для его молодой, добродѣтельной супруги. Сама нуждаясь въ опорѣ среди столь тяжкихъ и новыхъ для себя обстоятельствъ, Марія Ѳеодоровна находила, однако, въ себѣ силы поддерживать бодрость духа въ великомъ князѣ. «Нѣжность и любовь между великимъ княземъ и его супругой были совершенны», говоритъ князь Ѳ. Н. Голицынъ, находившійся при ихъ дворѣ съ 1777 г. «Невозможно, кажется, пребывать въ сожитіи согласнѣе, какъ они долгое время пребывали. Мы не

---

[20]) „Я знаю, писалъ Гаррисъ 1 Мая 1778 г., что нѣтъ недостатка въ дурныхъ совѣтникахъ, готовыхъ склонить его къ этому". „Лордъ Мальмсбюри о Россіи", Русскій Архивъ 1874, I, 1491.

[21]) С. Р. И. О., XX, 412.

могли на столь счастливое супружество довольно нарадоваться, и сіе имѣло великое вліяніе надъ Петербургской публикой и усугубило во всѣхъ усердіе и любовь къ ихъ будущему государю»[22]). Иностранные дипломаты, также свидѣтельствуя о полномъ согласіи между супругами, отмѣчали, вмѣстѣ съ тѣмъ, выгодную перемѣну, происшедшую въ Павлѣ Петровичѣ послѣ брака съ Маріей Θеодоровной. «Первая супруга великаго князя, писалъ Гаррисъ, съумѣла отыскать искусство управлять имъ до такой степени, что онъ распустилъ немногихъ товарищей, повидимому выбранныхъ имъ самимъ; и съ тѣхъ поръ его общество, его развлеченія, даже самыя чувства все вполнѣ подчинилось его женѣ. Она едва позволяла ему развивать умственныя способности, вслѣдствіе чего нравъ его изъ живаго и быстраго сдѣлался тяжелымъ, грустнымъ и апатичнымъ.... Такъ какъ характеръ *настоящей великой* княгини совершенно противоположенъ нраву прежней, то и самъ великій князь является теперь въ совершенно иномъ свѣтѣ. Она кротка, привѣтлива и глубоко проникнута понятіемъ о супружескихъ обязанностяхъ; онъ сдѣлался разговорчивъ, веселъ и чаще проявляетъ свою личную волю. Она *постоянной услужливостью* и *вниманіемъ вполнѣ* заслуживаетъ его привязанность, и онъ очень ее любитъ. Въ настоящую минуту они совершенно счастливы другъ другомъ; но я опасаюсь, что счастье ихъ не можетъ быть продолжительно посреди двора, столь безнравственнаго и такъ странно составленнаго. Онъ всегда выказываетъ благосклонность, которая иногда кажется лестной той дамѣ, къ которой бываетъ отнесена[23]); а великая княгиня должна обладать необыкновеннымъ запасомъ твердости и добродѣтели, чтобы обойти многочисленныя искушенія, которыя встрѣтятся ей на пути и которымъ поддались всѣ, безъ исключенія Императрицы этой страны»[24]). Въ трудномъ положеніи Марія Θеодоровна имѣла при себѣ сначала одно лицо, которое могло хотя отчасти сочувствовать и помогать ей своими совѣтами, это—свою статсъ-даму графиню Е. М. Румянцову. Эта добродѣтельная женщина полюбила свою юную, неопытную повелительницу и, безъ сомнѣнія, отчасти руководила ею; даже удаленіе ея отъ должности, скоро послѣдовавшее, мать Маріи Θеодоровны, принцесса Доротея, объясняла тѣмъ, что преданность Румянцовой къ великой княгинѣ не нравилась Императрицѣ[25]). Но мало-по-малу Марія

---

[22]) Записки князя Θ. Н. Голицына въ „Русскомъ Архивѣ" 1874.

[23]) Это замѣчаніе Гарриса оправдывается извѣстіемъ, которое сообщаетъ уже знакомая намъ г-жа Алымова о томъ, будто великая княгиня ревновала къ ней мужа вскорѣ послѣ свадьбы. (Памятныя Записки Г. И. Ржевской, Р. Архивъ, 1871, 37—38).

[24]) „Лордъ Мальмсбюри о Россіи". Р. А. 1874, I, 1503—1504.

[25]) „Je suis sûre, писала принцесса Доротея дочери, que son grand défaut aux

Θеодоровна осмотрѣлась, привыкла къ новой своей жизни и успѣла даже въ началѣ 1778 г. завязать секретную переписку съ своей матерью, пользуясь случаями поѣздки въ Монбельяръ и обратно довѣренныхъ себѣ лицъ (до этого времени мать и дочь не имѣли вѣроятно возможности свободно писать другъ другу, ибо письма, довѣряемыя почтѣ или курьерамъ, могли быть перлюстрированы). Само собою разумѣется, откровенная переписка съ нѣжно-любимою матерью была для Маріи Θеодоровны нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ разлукѣ съ семьей и въ тоже время помогала ей легче переносить тягости своего положенія. Къ сожалѣнію, изъ переписки этой сохранились лишь письма принцессы Доротеи, за небольшой сравнительно періодъ (1778—1784), и только нѣсколько черновыхъ набросковъ самой Маріи Θеодоровны; но и въ нихъ есть указанія, которыя позволяютъ намъ отчасти судить о внутреннемъ мірѣ великой княгини по пріѣздѣ ея въ Россію [26]. Нѣкоторыя выдержки изъ писемъ принцессы-матери дадутъ намъ возможность легче достигнуть этой цѣли, рисуя вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ отношеній между матерью и дочерью. Вотъ начало перваго письма принцессы Софіи-Доротеи, отъ 21 Іюля 1778 года, изъ Этюпа:

«Ma bien tendre, chère, bonne, excellente et bien chérissime enfant, que je chéris avec toute la tendresse dont jamais coeur de mère est possible d'éprouver [27]. Вы не можете, дорогое дитя, и представить себѣ того удовлетворенія и счастія, которое испытывало мое сердце при чтеніи вашихъ дорогихъ писемъ. Нѣжное участіе, которое я принимаю въ васъ, основаніе быть такъ увѣренною въ вашемъ счастіи, которое доставляетъ вамъ несравненный великій князь,—вотъ предметы, почти всегда меня занимающіе; увѣренность же въ вашемъ счастьи не можетъ для меня возобновляться достаточно часто. Я ясно вижу руку Промысла, дѣйствующаго на васъ, и благословляю Его за милость, которую оказалъ Онъ, сохранивъ сердце ва-

---

yeux de certaines personnes a été celui de vous être trop attachée". Письмо отъ 21 Іюля 1778 года.

[26]) При письмахъ этихъ, хранящихся въ Павловскомъ дворцѣ, находится опись ихъ, составленная самой Маріей Θеодоровной подъ заглавіемъ: „Lettres de ma mère" и съ собственноручною ея надписью: „Brûler avant tout en cas d'accident". Очевидно, надпись эта сдѣлана была ею еще при жизни Екатерины, изъ боязни, чтобы письма не попали въ ея руки. По той же причинѣ, конечно, нѣкоторыя изъ писемъ писаны были молокомъ и лимономъ, что̀, не оставляя видимыхъ слѣдовъ на бумагѣ, давало, однако, возможность, при нагрѣваніи ея, прочесть написанное. Письма принцессы Доротеи писались въ нѣсколько пріемовъ, иногда въ теченіе ряда мѣсяцевъ, ибо принцесса всегда ожидала вѣрнаго случая для отсылки ихъ. Поэтому нѣкоторыя письма представляютъ собою родъ дневниковъ.

[27]) Принцесса Доротея всегда давала дочери самыя нѣжныя названія, иногда трудно поддающіяся переводу.

ше непорочнымъ среди свѣтскихъ соблазновъ и дурныхъ примѣровъ, которыми вы окружены. Къ несчастью, въ наши дни религія уважается такъ мало, что даже люди благочестивые часто бываютъ вынуждены молчать о ней, и это не вслѣдствіе угожденія людскимъ слабостямъ, а вслѣдствіе той мудрой осторожности, которая предписываетъ намъ говорить только въ случаѣ необходимости или въ увѣренности, что можно сдѣлать добро. Вы вполнѣ правы, дорогое дитя, жалуясь на испорченность (égarement) Императрицы. Въ природѣ нѣтъ ничего болѣе жесткаго, какъ сердце, которое предалось своимъ страстямъ и въ этомъ самозабвеніи не видитъ ничего кругомъ себя. Я понимаю страданія, которыя вы должны испытывать, присутствуя при всѣхъ возмутительныхъ сценахъ [28]). Ради Бога, дорогое дитя мое, продолжайте такъ, какъ вы начали и никогда не позволяйте себѣ ничего такого, что имѣло бы даже видъ порицанія; пусть священный санъ матери нашего великаго князя побудитъ васъ терпѣливо переносить то стѣсненіе, которое вы испытываете. Я узнала объ огорченіяхъ, вынесенныхъ вами въ началѣ вашего замужества. Объ этомъ увѣдомилъ меня король (Фридрихъ II). Богъ свидѣтель, какъ я была опечалена ими и какъ я благословляла Его, когда за ними послѣдовало ваше полное счастіе [29]). Мнѣ говорили даже въ это время, что вы вздумали имѣть при себѣ фаворита (un amant) и что выборъ палъ на молодаго графа Румянцова, младшаго [30]); но это не безпокоило меня, потому что я увѣрена была въ вашемъ образѣ мыслей и въ вашихъ нравственныхъ правилахъ. Пренебреженіе къ нашимъ обязанностямъ есть единственное дѣйствительное несчастіе, которое можетъ постигнуть насъ, и примѣръ, который вы видите предъ своими глазами, можетъ только увѣрить васъ въ этой истинѣ: нѣтъ ничего болѣе тяжкаго и ужаснаго, какъ общественное презрѣніе... Какъ мнѣ это ни прискорбно, но болѣе чѣмъ кто - либо я убѣждена въ томъ, что при жизни Императрицы я лишена буду счастія увидѣться съ вами. Этотъ срокъ ужасаетъ меня; я такъ нѣжно люблю васъ, что, несмотря на очевидную невозможность, надежда на противное не покидаетъ меня... Я знаю, что Императрица вынуждена будетъ стѣсняться ради иностранки и что не любятъ выказывать своихъ слабостей предъ людьми... Я думаю, какъ и вы, что въ основѣ своей характеръ Императрицы не такъ дуренъ: ея благосклонность (galanterie) находится въ связи съ потребностію пользоваться людьми.

---

[28]) А вѣдь принцесса не могла же не знать, что въ дорогомъ ей Берлинѣ происходили сцены много возмутительнѣе Петербургскихъ. П. Б.

[29]) Эти неизвѣстныя намъ огорченія въ супружеской жизни Маріи Ѳедоровны, быть можетъ, объясняются упомянутымъ выше разсказомъ Г. И. Алымовой.

[30]) Графъ Сергѣй Петровичъ. См. „Письма гр. Е. М. Румянцовой", стр. V.

Я глубоко сожалѣю, что она не вкусила того счастія, которое заставляетъ испытывать материнское чувство, и не воспользовалась тѣмъ вашимъ довѣріемъ и тою дружбою, которую вы сохранили для меня»[31]).

Эти строки горячо любимой матери, безъ сомнѣнія, могли только укрѣпить въ Маріи Θеодоровнѣ ея нравственную стойкость и внести духъ примиренія во взглядѣ на Екатерину. Но еще бо́льшее значеніе должны были имѣть для нея похвалы принцессы Павлу Петровичу. «Вы не повѣрите, писала принцесса, какъ я почитаю, люблю и восхищаюсь нашимъ великимъ княземъ за его превосходный образъ дѣйствій. Добродѣтель часто имѣетъ свои шипы, и вотъ чѣмъ цѣнно выполненіе обязанностей. Таково положеніе и этого достойнаго принца, который до сихъ поръ находитъ вознагражденіе лишь въ самомъ себѣ и въ удовольствіи дѣлать добро изъ любви къ добру. Онъ по справедливости заслуживаетъ всей вашей нѣжности и всего вашего вниманія, чтобы усладить тѣ скорби, которымъ онъ подверженъ»[32]). «Участь великихъ князей и великихъ княгинь, говорила принцесса въ другомъ письмѣ, никогда не была счастлива; это горькая правда. Но должно для Бога дѣлать то, чего невозможно дѣлать иначе: только исполняя свои обязанности, можно пользоваться тѣмъ внутреннимъ миромъ, котораго не въ состояніи нарушить всѣ даже взятыя вмѣстѣ людскія несправедливости. Ради Бога, ободряйте вашего дорогаго и достойнаго великаго князя собственнымъ примѣромъ, чтобы онъ не впалъ въ уныніе. Его положеніе трудное и щекотливое. Пусть Богъ подастъ ему навсегда то благоразуміе въ поведеніи и ту спокойную мудрость, которая является плодомъ размышленія и которая дѣлаетъ его образцомъ добраго сына и самаго добродѣтельнаго и уважаемаго человѣка»[33]).

Впрочемъ, стремясь поддержать миръ и согласіе въ императорской семьѣ, принцесса Доротея отчасти сама содѣйствовала отчужденію Павла отъ Екатерины, укрѣпляя въ великокняжеской четѣ чувства преданности Пруссіи и Фридриху. «Я убѣждена, писала она дочери, что король истинно васъ любитъ и уважаетъ. Онъ нѣжно привязанъ къ великому князю, близко къ сердцу принимаетъ ваше благосостояніе и при каждомъ случаѣ даетъ замѣтить, что онъ много думаетъ о васъ и чрезвычайно доволенъ вашими дѣйствіями. Излишне было бы мнѣ говорить вамъ, мой ангелъ, о томъ удовольствіи, которое вы доставляете мнѣ своими чувствами по отношенію къ этому великому чело-

[31]) Въ тоже время принцесса подавала надежду на улучшеніе положенія дѣлъ. Je crois, mon cher enfant, писала она 30 Декабря 1778 г., que le sort se remettra quand une certaine période sera passée: l'âge de l'Impératrice amène ordinairement cette espèce de révolution dans le tempérament.

[32]) Письмо отъ 21 Іюля 1778 г.

[33]) Письмо отъ 16 Іюня 1779 г.

вѣку. Свою любовь ко мнѣ вы доказываете нѣжною привязанностію къ нашему семейству и къ странѣ, которая такъ сильно меня интересуетъ; впрочемъ, любовь къ отечеству есть чувство до того естественное, что его нельзя разсматривать какъ заслугу» [34]). «Какъ можно чаще, дорогое дитя мое, говорите великому князю, что я люблю его и что близко къ сердцу принимаю я ту привязанность, которую онъ сохранилъ къ королю, къ семейству и моему отечеству. Мнѣ такъ утѣшительно говорить себѣ съ увѣренностію, что онъ постоянно будетъ ихъ другомъ и покровителемъ, и что онъ будетъ полагать истинную свою славу въ счастіи народовъ его обширной имперіи» [35]).

Эти внушенія принцессы поддерживались бывшимъ воспитателемъ Павла Петровича, графомъ Н И. Панинымъ, имѣвшимъ на Цесаревича сильное вліяніе. Еще въ 1769 г. говорили, и не безъ основанія, что «отецъ и сынъ не могутъ питать другъ къ другу болѣе сильной и нѣжной привязанности, чѣмъ та, которая существуетъ между главнымъ наставникомъ и его воспитанникомъ» [36]); чувства эти съ годами дѣлались болѣе сознательными, основываясь на общности мнѣній и интересовъ. Къ сожалѣнію, личность графа Н. И. Панина до сихъ поръ не получила должнаго освѣщенія, и этотъ двуликій вельможа Екатерининскаго царствованія какъ при жизни своей, такъ и теперь возбуждаетъ о себѣ противорѣчивые отзывы [37]). Несомнѣнно, однако, что Панинъ не былъ другомъ Екатерины и медленно, но успѣшно поселялъ въ Цесаревичѣ недовѣріе къ матери. Политическое міросозерцаніе Павла созидалось, безъ сомнѣнія, исключительно подъ его вліяніемъ. Для честолюбиваго вельможи, потерявшаго довѣріе Императрицы послѣ переворота 1762 г. и по должности вице-канцлера постоянно вынужденнаго считаться съ вліяніемъ любимцевъ, конечно, было выгодно имѣть опору въ великомъ князѣ и поддерживать разладъ его съ Императрицей. Разумѣется, внушенія графа Панина о важности для Россіи союза съ Пруссіей, о вредѣ фаворитизма для Россіи, могли быть искренни; но трудно допустить въ опытномъ государственномъ дѣльцѣ ту односторонность взглядовъ, которую онъ проявлялъ въ бесѣдахъ своихъ съ великимъ княземъ и которая можетъ быть объяснена лишь задними мыслями. Очевидецъ царствованія Петра III и даже участникъ въ его сверженіи съ престола, онъ не разъяснялъ своему питомцу истиннаго смысла

[34]) Письмо отъ 29 Іюля 1779 г.

[35]) Письмо отъ 25 Іюля. Дружба къ Пруссіи и счастіе народовъ (sic) Русской имперіи, какъ видно, казались и принцессѣ нераздѣльными; это было неудивительно при ея горячемъ Нѣмецкомъ патріотизмѣ.

[36]) С. Р. И. О., XXII, 432.—Иконниковъ, 123.

[37]) См. указанные выше труды Лебедева и Иконникова.

событій того времени, приведшихъ къ восшествію на престолъ Екатерины, и Павелъ съ полнымъ убѣжденіемъ писалъ въ 1778 г. брату его, графу П. И. Панину: «Вступилъ покойный мой отецъ на престолъ и принялся заводить порядокъ; но стремительное его желаніе завести новое помѣшало ему благоразумнымъ образомъ приняться за оный; прибавить къ сему должно, что неосторожность, можетъ быть, была у него въ характерѣ, и отъ нея дѣлалъ многія вещи, наводящія *дурныя импрессіи, которыя, соединившись съ интригами противъ персоны его, а не самой вещи, погубили его*, и заведеніямъ порочный видъ старались дать. Чего интрига не въ состояніи повести, если благоразуміе, осторожность и твердость духа не противостоятъ имъ?»[38]) Умалчивая о томъ, что на его обязанности лежало выяснить своему воспитаннику[39]), Панинъ, самъ не отличавшійся добродѣтелью, распространялся предъ Павломъ и Маріей Θеодоровной на тему о вредномъ вліяніи безнравственности двора на общество, своими разсужденіями съ одной стороны удовлетворяя самолюбію молодыхъ супруговъ, а съ другой—прозрачно намекая на дурныя стороны царствованія Екатерины[40]). Мы не встрѣчаемъ нигдѣ ни одного указанія, чтобы этотъ выдающійся сотрудникъ Императрицы по управленію обширной имперіей, лучше чѣмъ кто-либо знакомый съ многосторонней дѣятельностію Екатерины, хотя однимъ словомъ обмолвился предъ царственнымъ своимъ воспитанникомъ въ пользу его матери. Эта система умолчанія съ одной стороны и подчеркиванія съ другой, во всякомъ случаѣ, заставляетъ видѣть въ графѣ Н. И. Панинѣ ловкаго и хитраго честолюбца, стремившагося держать Павла Петровича подъ исключительнымъ своимъ вліяніемъ. Самая искренность желанія Панина во что бы то ни стало поддерживать союзъ съ Пруссіей можетъ быть заподозрѣна. Признавая въ Панинѣ высокій политическій умъ и великую политическую опытность, мы отказываемся примирить съ этими несомнѣнными его качествами видимое непониманіе истинныхъ цѣлей Фридриха II, часто шедшихъ въ разрѣзъ съ Русскими выгодами: Панинъ, завѣдывавшій въ первую половину царствованія Екатерины нашими внѣшними сношеніями, не могъ не знать, что Фридрихъ, обязанный по союзному договору съ Россіей поддерживать ее во время первой Турецкой войны денежными

---

[38]) Лебедевъ, 235—236.

[39]) Извѣстно, что до самаго вступленія своего на престолъ Павелъ виновницей гибели своего отца считалъ Екатерину. Арх. Князя Воронцова, XXI, 94.

[40]) „Tout ce que vous me dites, писала принцесса Доротея Маріи Θеодоровнѣ, de l'excellent comte de Panin m'enchante véritablement. Il a raison en vous assurant que l'exemple des grands, leurs vertus, leur probité, leur équité amène un changement totale dans l'esprit". Письмо отъ 30 Декабря 1778 г.

субсидіями, а въ случаѣ надобности и оружіемъ, въ сущности добивался только раздѣла Польши съ цѣлію округленія своихъ владѣній; а когда въ 1777 году Австрія безъ войны отрѣзала себѣ отъ Турціи Буковину, то, въ отвѣтъ на требованіе Россіи произвести совмѣстное давленіе на Австрію, чтобы побудить ее отказаться отъ этого захвата, Фридрихъ далъ замѣтить Петербургскому кабинету, что Пруссія не можетъ считать важнымъ для себя дѣла, столь далекаго отъ ея границъ. Даже оффиціальный историкъ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, проф. Мартенсъ, и онъ не нашелъ данныхъ для объясненія странныхъ симпатій графа Панина къ союзу съ Пруссіей. «Доктринерство графа Панина, желавшаго привести этотъ союзъ въ какіе-то шаблоны, говоритъ онъ, было для Императрицы совершенно недоступно» [41]). Между тѣмъ, само собою понятно, что, заботясь о поддержаніи своего вліянія на Павла Петровича, Панинъ въ супругѣ его, тѣсно связанной съ Пруссіей, желалъ видѣть не врага, а благосклоннаго союзника. И дѣйствительно, онъ скоро успѣлъ пріобрѣсти полное довѣріе Маріи Θеодоровны; даже ея родители, какъ мы увидимъ далѣе, въ затруднительныхъ случаяхъ дѣйствовали сообразно его указаніямъ. Полнаго нравственнаго подчиненія себѣ великокняжеской четы Панину было тѣмъ легче достигнуть, что замѣнившій его въ завѣдываніи дворомъ великаго князя (еще до перваго брака Павла) Н. И. Салтыковъ не сумѣлъ по нравственнымъ своимъ качествамъ пріобрѣсти довѣрія ни Павла, ни Маріи Θеодоровны. Это былъ ловкій, но ограниченный царедворецъ, искусно пробиравшійся между подводными камнями, которыми усѣяна была дорога между большимъ и малымъ дворами, умѣвшій выйти въ люди именно благодаря своему безличію и искусству казаться, а не быть. Вѣроятно благодаря этимъ качествамъ, онъ долгое время находился даже на дурномъ счету у великокняжеской четы: раздѣляя общее мнѣніе, она считала его шпіономъ Екатерины, обязаннымъ доносить ей о дѣйствіяхъ великаго князя и его супруги [42]). Прочія лица, находившіяся при маломъ дворѣ, въ политическомъ смыслѣ были совершенно незначительны: то были или товарищи дѣтства Павла, изъ которыхъ особенно близокъ къ нему былъ родственникъ Панина, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, или только-что начинавшіе свое служебное

---

[41]) Вѣстникъ Европы, 1882, III, 233. — Иконниковъ, 134.

[42]) „...Vous voyez, mon très cher enfant", писала 25 Іюля 1778 г. принцесса Доротея Маріи Θеодоровнѣ, que je n'ai que trop bien jugé de m-r de Salticoff. La voix du peuple est la voix de Dieu. Les ladreries à Berlin et puis la bassesse d'être l'espion de vos actions et de celles de cher grand-duc sont les actions bien méprisables". Судя по тому, что мнѣніе о Салтыковѣ, какъ о соглядатаѣ, держалось довольно долго, можно предположить, что оно находило, вѣроятно, нѣкоторое оправданіе въ его дѣйствіяхъ.

поприще молодые люди (графы Михаилъ, Николай и Сергѣй Румянцовы, сыновья фельдмаршала и статсъ-дамы Маріи Өеодоровны), или наконецъ, лица составлявшія придворный штатъ. Изъ числа послѣднихъ особенно выдавались иностранцы, бывшіе ранѣе преподавателями Цесаревича: библіотекарь Генрихъ - Людвигъ Николаи, родомъ изъ Страсбурга, и родственникъ его, чистокровный Французъ по происхожденію и характеру, Францъ-Германъ Лафермьеръ. Иностранцы эти, благодаря своимъ трудамъ, пользовались нѣкоторою извѣстностію, Николаи въ Нѣмецкой, а Лафермьеръ во Французской литературѣ, и составляли литературное общество Павла Петровича и его супруги [43]). Изъ фрейлинъ, вновь назначенныхъ къ великой княгинѣ въ 1777-мъ году, умомъ своимъ обращала на себя вниманіе Е. И. Нелидова, подобно Алымовой опредѣленная ко двору тотчасъ по выпускѣ своемъ изъ Смольнаго монастыря. Почти въ одно время съ Нелидовой появились при маломъ дворѣ лейтенантъ С. И. Плещеевъ, назначенный состоять при Цесаревичѣ по его званію генералъ-адмирала, и камеръ-юнкеръ Ө. Ө. Вадковскій. Вліяніе этихъ трехъ лицъ на молодую чету сказалось уже гораздо позднѣе.

При такихъ условіяхъ начался новый періодъ жизни Маріи Өеодоровны, который мы назвали бы семейно-политическимъ: ибо, во все время пребыванія своего въ санѣ великой княгини, Марія Өеодоровна въ семейной сферѣ своей дѣятельности постоянно должна была сообразоваться съ условіями и общаго политическаго положенія. Въ это именно время молодая великая княгиня прошла тяжелую политическую школу и сама, такимъ образомъ, довершила свое воспитаніе. Къ сожалѣнію, обстоятельства ей не благопріятствовали. Не подготовленная къ политической дѣятельности ни домашнимъ воспитаніемъ, ни ролью посторонняго наблюдателя, Марія Өеодоровна сразу очутилась въ положеніи подсудимаго, который изъ чувства самосохраненія долженъ довѣрить свою защиту людямъ опытнымъ и ловкимъ. За неимѣніемъ выбора, Марія Өеодоровна волей-неволей должна была идти по колеѣ, указываемой ей обстоятельствами и семейными симпатіями, и прикрывать наружнымъ спокойствіемъ и повиновеніемъ своей державной свекрови внутреннія страданія, которыя она должна была постоянно испытывать, видя и слыша то, чего она не хотѣла бы видѣть и слышать. Безъ сомнѣнія, въ этомъ тяжеломъ подвигѣ самовоспитанія закалился характеръ Маріи Өеодоровны и окончательно сложился тотъ ея нравственный обликъ, съ которымъ она впослѣдствіи, уже какъ

---

[43]) Генриху Николаи принадлежитъ нѣсколько томовъ басенъ, разсказовъ, посланій и т. п. Лафермьеръ также издалъ сборникъ басенъ.

императрица, выступила на поприще самостоятельной общественной дѣятельности. Разумѣется, что дѣло не обошлось при этомъ и безъ ошибокъ съ ея стороны, говоря правду, довольно крупныхъ; но онѣ, объясняясь вполнѣ обстановкой, среди которой находилась Марія Θеодоровна и какъ Германская принцесса, и какъ Русская великая княгиня, служатъ въ тоже время выраженіемъ свѣтлыхъ сторонъ ея личности: внутренній разладъ съ Екатериной возникъ на почвѣ нравственной и религіозной, а любовь къ Германіи и въ частности къ Пруссіи, основываясь на жизнерадостныхъ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ и семейныхъ привязанностяхъ, глубоко укоренившихся въ мягкомъ сердцѣ Маріи Θеодоровны, поддерживалась ложной конечно, увѣренностью, раздѣляемой и главнымъ изъ Русскихъ дипломатовъ того времени, что страна эта можетъ быть только другомъ ея новаго отечества, Россіи. Въ области исторіи, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, понять заблужденіе значитъ простить его.

Было еще одно обстоятельство, которое, будучи плодомъ недоразумѣнія, тѣмъ не менѣе, непріятно ложилось на сердце великой княгини; мы говоримъ о чрезмѣрныхъ ожиданіяхъ, которыя за границей многія частныя лица связывали, въ личныхъ своихъ интересахъ, съ пріѣздомъ Маріи Θеодоровны въ Россію. Преувеличивали богатство нашего отечества, не имѣли точныхъ свѣдѣній о правительственномъ значеніи великаго князя, о его денежныхъ средствахъ и добивались, считая все возможнымъ и надѣясь на доброту великой княгини, различныхъ матеріальныхъ выгодъ. Такъ, Монбельярскіе фабриканты обращались къ Маріи Θеодоровнѣ, чрезъ отца ея, съ просьбою о дарованіи имъ монополіи на право торговли въ Россіи ситцемъ; уже одна возможность подобнаго ходатайства ясно показываетъ, какими глазами смотрѣли на Россію въ Западной Европѣ. Нечего и говорить, что ходатайство это было отвергнуто [44]). Но за то къ Маріи Θеодоровнѣ стали обращаться многіе за денежными пособіями, не думая, конечно, что Русская великая княгиня часто сама нуждается въ деньгахъ. Екатерина мало обращала вниманія на финансовое положеніе своего сына, и молодые супруги не всегда могли удѣлять часть своихъ доходовъ на

---

[44]) Павелъ Петровичъ увѣдомилъ объ этомъ принца Фридриха-Евгенія письмомъ изъ Царскаго Села отъ 16 Апрѣля 1777 г. „...La commission dont votre altesse avait chargé ma femme par rapport à l'importation des indiennes n'a pas réussi au gré de vos désirs; des principes de commerce y ont mis un empêchement. On ne donne point de privelège exclusif chez nous afin de ne point occasionner les monopoles et gêner le commerce, ce qui le détruit entièrement. D'ailleurs, nous avons chez nous déjà des fabriques pareilles en quantité, de manière que nous n'avons presque plus besoin d'indiennes étrangères. Voilà, votre altesse, le résultat de cet affaire. Je suis au désespoir qu'elle n'ait pas pu réussir“. Госуд. Арх., IV, 205.

дѣла благотворенія, столь приличествующія ихъ высокому сану. Между тѣмъ, къ Маріи Ѳеодоровнѣ обращались за помощью лица, надѣявшіяся на полное обезпеченіе своей судьбы и отчасти имѣвшія на то право, какъ, напримѣръ, воспитатель ея братьевъ Моклеръ [45]. Его примѣру слѣдовали и другіе жители Монбельяра; есть извѣстіе, что бракъ Павла съ Маріей Ѳеодоровной привлекъ въ Россію многихъ Монбельярцевъ [46]. Не имѣя возможности удовлетворять просьбамъ своихъ соотечественниковъ, часто совершенно безосновательнымъ, Марія Ѳеодоровна, естественно, должна была возбуждать противъ себя упреки въ скупости. Между тѣмъ, сами родители ея, надѣявшіеся облегчить свое стѣсненное финансовое положеніе послѣ брака своей дочери [47], получили отъ Екатерины ежегодную пенсію спустя лишь полтора года, уже по рожденіи старшаго сына Маріи Ѳеодоровны, Александра Павловича [48]. Зная, по собственному опыту, недостатокъ средствъ своихъ родителей, Марія Ѳеодоровна просила Фридриха II позаботиться о ея братьяхъ, находившихся на Прусской службѣ [49].

Зиму 1776—1777 года молодые супруги прожили въ Зимнемъ дворцѣ, принимая участіе во всѣхъ придворныхъ собраніяхъ и разнаго рода торжествахъ; они присутствовали также и на торжествѣ 50-лѣтняго юбилея Академіи Наукъ, праздновавшемся 29 Декабря 1776 года [50]. Но шумная жизнь среди пышнаго двора Екатерины, необходимость быть постоянно на людяхъ, подвергаясь наблюденіямъ тысячи нескромныхъ глазъ, не могла не стѣснять Маріи Ѳеодоровны, привыкшей совсѣмъ къ другому образу быта. Великая княгиня чувствовала себя дома только въ небольшомъ избранномъ кружкѣ близкихъ лицъ, собиравшихся у великокняжеской четы по вечерамъ для литературныхъ чтеній, легкой непринужденной бесѣды и веселыхъ игръ. Душой этихъ собраній былъ живой, словоохотливый Французъ Лафермьеръ, котораго заразительная веселость, чистота души, при открытомъ характерѣ и мягкихъ мане-

---

45) Маріинскій Архивъ: Бумаги императрицы Маріи Ѳеодоровны, св. 275, 62.

46) Р. Архивъ, 1869 г., 1797, 2090.

47) „Les cadets des cadets sont des bien malheureux princes. J'en parle par ma propre expérience; car si Dieu n'avait fait de miracles en notre faveur, que serions-nous devenu avec onze enfans?“ Письмо матери императрицы Маріи Ѳеодоровны отъ 11 Янв. 1779 г. Ср. главу III нашего труда.

48) 25 Декабря 1777 г. Марія Ѳеодоровна писала Фридриху II: „La naissance de mon fils est une époque doublement heureuse pour moi, puisqu'elle a servi d'occasion à la bonté que l'Impératrice vient d'avoir d'assigner une pension annuelle à mes chers parents; voici donc un des voeux principaux de mon coeur accompli“. Stark, 52.

49) Stark, 51. Письмо Маріи Ѳеодоровны королю Фридриху отъ 6 (14) Марта 1777 г.

50) Объ этомъ въ прекрасныхъ словахъ напомнилъ, въ присутствіи Маріи Ѳеодоровны, академикъ Шторхъ при праздновани 100-лѣтняго юбилея Академіи. Сочиненія Плетнева, изд. Грота, III, 183—184.

рахъ, невольно привлекали къ себѣ каждаго; для Маріи же Θеодоровны Лафермьеръ былъ притомъ еще землякъ: подобно задушевному ея другу, г-жѣ Оберкирхъ, онъ, вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ Николаи, былъ родомъ изъ Эльзаса, къ Югу котораго прилегаетъ Монбельяръ, а на чужбинѣ, при нравственномъ одиночествѣ Маріи Θеодоровны, это значило уже много. Болѣе свободной, независимой жизнію Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна могли жить лишь лѣтомъ, сначала на Каменномъ острову, а потомъ въ Царскомъ Селѣ и Петергофѣ, куда они слѣдовали за Екатериной, вѣроятно по ея приглашенію. Каменный островъ составлялъ собственность Цесаревича [51]); здѣсь у него былъ небольшой дворецъ, при которомъ онъ основалъ Инвалидный домъ для нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства. При освященіи этого дома молодая чета и присутствовала 24 Іюня, веселая и счастливая.

Еще 3 Іюня Павелъ писалъ Платону: «Сообщу вамъ хорошую вѣсть. Услышалъ Господь въ день печали, послалъ помощь отъ Святого и отъ Сіона заступилъ; я имѣю большую надежду о беременности жены моей. Зная ваши сентименты ко мнѣ и патріотическія ваши расположенія, сообщаю вамъ сіе, дабы вы вмѣстѣ со мною о семъ порадовались» [52]). Надежда эта должна была чрезвычайно обрадовать и Екатерину, страстно желавшую имѣть внука. Быть можетъ, именно тотчасъ по полученіи этого извѣстія Императрица, въ знакъ искренняго своего удовольствія, подарила молодой четѣ въ пяти верстахъ отъ Царскаго Села 362 десятины земли съ деревеньками: Линна и Кузнецы [53]). Здѣсь Марія Θеодоровна задумала основать лѣтнее свое пребываніе, которое могло бы устройствомъ своимъ напоминать ей Этюпъ, столь далекій теперь отъ нея и вмѣстѣ съ тѣмъ столь близкій ея сердцу; на первое же время, лѣтомъ 1777 года, выстроены были для Павла охотничьи домики: «Крикъ» и «Кракъ», получившіе эти названія въ подражаніе

---

[51]) Екатерина подарила его Павлу въ 1763 году.

[52]) Р. Арх. 1887, II, стр. 11.

[53]) Шторхъ въ своемъ „Beschreibung des Gartens zu Pawlowsk“ (S. Petersburg 1802, стр. 59—60) указываетъ, что подарокъ свой Екатерина сдѣлала по случаю рожденія Александра Павловича. Г. Каратыгинъ („Супружество императора Александра I“ Русскій Вѣстникъ, 1886 г. № 11, 227—228) сомнѣвается въ вѣрности этого указанія справедливо доказывая, что если бы мѣсто, на которомъ выстроенъ Павловскъ, было подарено родителямъ Александра Павловича даже въ самый день его рожденія, т. е. 12 Декабря 1777 г., то построеніе Павловска ни въ какомъ случаѣ не могло начаться тотчасъ же, а между тѣмъ на обелискѣ въ память его основанія показанъ именно 1777 г. Поэтому онъ относитъ подарокъ Екатерины ко дню ангела Цесаревича, 29 Іюня того же года. Однако Каратыгинъ упускаетъ изъ виду, что Шторхъ, находясь въ числѣ лицъ, окружавшихъ Марію Θеодоровну, зналъ о времени основанія Павловска быть можетъ даже отъ нея самой и во всякомъ случаѣ пользовался самыми точными свѣдѣніями. Наше предположеніе, кажется, примиряетъ оба мнѣнія, повидимому противорѣчивыя.

Нѣмецкимъ стариннымъ садовымъ зданіямъ и охотничьимъ павильонамъ. Вѣроятно, Павелъ отказался отъ подарка въ пользу своей супруги; ибо позднѣе, распредѣляя свое имущество въ духовномъ завѣщаніи 1788 г., онъ вовсе не упоминалъ объ этомъ дарѣ Екатерины, названномъ въ честь его селомъ Павловскимъ или просто Павловскомъ [54]).

Но это сравнительно-спокойное и счастливое для Маріи Ѳеодоровны время отравлено было для нея политическими заботами, вызванными пріѣздомъ 5 Іюня въ Петербургъ Шведскаго короля Густава III (чрезъ два дня послѣ извѣстнаго намъ письма Павла Платону). Утвердивъ въ Швеціи монархическую власть низверженіемъ олигархіи, Густавъ мечталъ объ усиленіи и политическаго значенія своей страны: ему хотѣлось пріобрѣсти отъ Даніи Норвегію и обезпечить Шведскую Померанію, охваченную Прусскими владѣніями, отъ возможныхъ покушеній на нее Фридриха II. Того и другаго надѣялся онъ достигнуть съ содѣйствіемъ Россіи; при свиданіи съ Екатериной и ея наслѣдникомъ онъ надѣялся также сгладить недоразумѣнія, существовавшія между Россіей и Швеціей [55]). Будучи роднымъ племянникомъ Фридриха II по матери, Густавъ, однако, не обманывался на счетъ истинныхъ намѣреній своего захватчиваго дяди и надѣялся передать свои чувства къ нему и Павлу Петровичу. Тѣмъ сильнѣе было удивленіе Густава, когда онъ изъ устъ Павла услышалъ рѣчи, приличныя лишь страстному Пруссаку. И когда король попробовалъ выяснить себѣ основанія столь неожиданной для себя привязанности Цесаревича къ Пруссіи, то Цесаревичъ сослался на родственныя чувства къ Фридриху. Естественно, что ни Густавъ, ни Павелъ не могли понять другъ друга: одинъ изъ царственныхъ собесѣдниковъ преслѣдовалъ цѣли, предписываемыя ему здравой національной политикой, считая, подобно Фридриху II, родственниками только тѣхъ, кто могъ бы быть ему полезенъ при достиженіи этихъ цѣлей, тогда какъ другой придерживался мечтательнаго, сентиментальнаго взгляда на международныя отношенія, воображая, будто народные интересы могутъ быть обезпечиваемы родственными связями государей. Павелъ не хотѣлъ понять, что въ этомъ случаѣ у государей имѣются обязанности повыше родственныхъ. Разговоромъ своимъ со Шведскимъ королемъ Павелъ Петровичъ остался видимо недоволенъ; но увѣренность въ правотѣ своихъ взглядовъ звучитъ въ каждомъ словѣ письма его къ Н. И. Панину, которому онъ поспѣшилъ сообщить разговоръ свой съ королемъ. «Король, пишетъ онъ, сталъ мнѣ говорить про родство и связь съ нами, говоря,

---

[54]) „Павловскъ“ и проч., 11—13.

[55]) См. Я. К. *Грота*: „Екатерина II и Густавъ III“ Спб. 1877.

что онъ знаетъ, кто его хотѣлъ съ Россіею поссорить и кто его непріятель первый. Попрося его, чтобы онъ мнѣ открылся, онъ мнѣ сказалъ, что то король Прусскій и что онъ завѣрно знаетъ, что иного не ищетъ, какъ чтобъ отхватить Шведскую Померанію. Я ему на сіе отвѣтствовалъ, что если и предполагать оному королю намѣреніе большихъ пріобрѣтеній, то конечно не съ сей стороны, по малости и дурнотѣ земли въ сравненіи другихъ земель, его окружающихъ. Онъ, замолчавъ, мнѣ сказалъ, что онъ знаетъ хитрыя намѣренія сего государя и сколько онъ ненавидитъ его и что еслибы до войны дошло, то онъ конечно оную схватитъ. Здѣсь я ему примѣтилъ, что сіе будетъ со всякимъ и что если бы онъ, король, съ нами воевалъ, то бы отнялъ у насъ Финляндію, еслибы удалось, а мы у него остатокъ оной. Сказалъ я ему, что можетъ быть не ненависть, а нѣкоторая недовѣрка къ нему, ибо, какъ-де вы и сами отозвались, вы были въ конекціи съ Франціей.—Нѣтъ-де, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, а онъ свои замыслы имѣетъ. На сіе я ему отвѣтствовалъ, что, не отнимая отъ него замысловъ его, я увѣренъ, что онъ злаго съ умысла не сдѣлаетъ и что можетъ быть я ошибаюсь по личной привязанности къ его дому и благодарности къ нему персональной, къ дому, какъ натуральному нашему союзнику, а къ персонѣ по одолженіямъ, которыя я ему имѣю. Тутъ онъ съ жаромъ мнѣ сказалъ и покраснѣвъ: «Какой можетъ быть натуральный сей союзъ, puisque sa puissance est factice et qu'au bout du compte il n'est issu que de margrave de Brandenbourg?» — Je lui répondis à cela: «Et vous, sire, n'êtes-vous pas issu d'une famille particulière de Vasa» [56])?—Тутъ онъ замолчалъ, но спросилъ: Mais quelles sont ces obligations personnelles que j'avais, sinon l'accueil qu'il m'a fait?—Sire, lui répondis-je, l'intérêt particulier que le roi a toujours pris à moi et surtout lors de mes deux mariages. Les souverains et les princes sont hommes, sire. Malheur à ceux qui oublient les liaisons de sang et de reconnaissance qui les lient entre eux. Au bout de compte c'est mon parent, lui dis-je.—Et mon oncle, me dit-il, et je ne l'ai pas oublié» [57]). Тутъ разговоръ, упавъ на другое, кончился. Я разсуждаю

[56]) „Его сила покоится на искуственномъ основаніи, и въ сущности онъ произошелъ только отъ маркграфа Бранденбургскаго".—Я отвѣчалъ ему на это: „Не произошли ли вы и сами, государь, изъ частнаго семейства Ваза?"

[57]) Но что это за личныя одолженія, сдѣланныя имъ вамъ, за исключеніемъ встрѣчи въ Берлинѣ? - Государь, отвѣчалъ, я, *они заключаются въ томъ особенномъ участіи*, которое принялъ онъ при заключеніи обоихъ моихъ супружествъ. Государи и принцы суть тѣ же люди. Горе тѣмъ изъ нихъ, кто забываетъ узы крови и благодарности, существующія между ними. Въ концѣ концовъ это мой родственникъ", говорю я ему.—„А мой дядя, сказалъ онъ, и я этого не забылъ". Если бы Фридрихъ узналъ объ этомъ разговорѣ, какъ онъ долженъ быдъ про себя смѣяться!

о семъ такъ, что хотѣлъ онъ меня пощупать и сентименты мои; но жаръ завелъ его далѣе, нежели онъ и самъ хотѣлъ, что̀ показываетъ великую étourderie. А можетъ быть не хотѣлъ ли и попаговорить и чрезъ то меня отъ сего союза отклонить? Но какъ бы оно ни было, все сіе чести гостю не дѣлаетъ, даже и авантюрируясь въ такомъ разговорѣ; ибо онъ все зачиналъ и заставлялъ меня непріятные вынужденные отвѣты себѣ давать» [58]).

Разумѣется, что отпоръ, данный Павломъ Петровичемъ Шведскому королю, встрѣтилъ полное сочувствіе и со стороны его супруги, тѣмъ болѣе, что она предполагала въ Густавѣ намѣренія, враждебныя интересамъ ея семьи. Именно въ это время Марія Θеодоровна занята была мыслію женить молодого принца Петра Голштинскаго, находившагося подъ опекой Екатерины, на сестрѣ своей Фредерикѣ: молодой принцъ Петръ, считавшійся наслѣдникомъ дяди своего, герцога Ольденбургскаго, казался для Маріи Θеодоровны желаннымъ женихомъ для ея сестры и по нравственнымъ своимъ качествамъ, такъ какъ онъ воспитанъ былъ въ строгихъ Нѣмецкихъ правилахъ, въ духѣ Монбельярскаго семейства. Для успѣха задуманнаго сватовства нужно было, однако, заручиться согласіемъ Императрицы, что̀, при вниманіи, которое оказывала невѣсткѣ Екатерина, и при содѣйствіи Панина, казалось нетруднымъ. Пріѣздъ Густава грозилъ разрушить эти планы, въ виду слуховъ, что король желалъ пристроить за принца Голштинскаго свою сестру. «Ради всего на свѣтѣ умоляю васъ, дорогой графъ, писала Марія Θеодоровна послѣ пріѣзда Густава Н. И. Панину, устройте дѣла такъ, чтобы надежда моя могла возродиться. Этимъ вы безконечно и навсегда меня обяжете» [59]). Кажется, однако, что эти опасенія великой княгини не имѣли основанія, и по отъѣздѣ Шведскаго короля ей оставалось только радоваться, что его намѣреніе возстановить Павла Петровича противъ Пруссіи не увѣнчалось успѣхомъ. «Думаете ли вы, писала она Панину, что король Шведскій имѣлъ только въ виду поссорить нашъ дворъ съ дворомъ Прусскимъ? Нужно признаться, что это намѣреніе короля не доставило мнѣ большаго удовольствія; но я надѣюсь, что его совѣты не будутъ имѣть большаго вліянія» [60]).

Эта переписка великаго князя и его супруги съ графомъ Н. И. Панинымъ ясно показываетъ, какое полное единомысліе и довѣріе царствовало среди этого политическаго тріумвирата, и здѣсь Марія Θеодоровна впервыя явилась оберегательницей при дворѣ Екатерины интересовъ родной своей семьи и Пруссіи.

Въ началѣ Сентября молодой дворъ долженъ былъ переѣхать изъ Царскаго Села обратно въ Петербургъ. Переѣздъ этотъ возбуждалъ,

---

[58]) Р. Арх. 1882 г., I, стр. 384—385. [59]) Тамъ же, 393. [60]) Тамъ же, 388—389.

однако, тревогу въ молодыхъ супругахъ и какое-то смутное опасенie за будущее. «Признаюсь вамъ», писала Марія Өеодоровна въ день своего отъѣзда, 9-го Сентября, графу Панину: «я покидаю Царское Село съ живѣйшимъ чувствомъ сожалѣнія. Воздухъ свободы, которымъ дышатъ тамъ, принесъ мнѣ благо, котораго я не сумѣю выразить; онъ былъ также полезенъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи и для великаго князя. И мы бросаемъ все это, чтобы на восемь мѣсяцевъ заключиться въ городѣ! Вы знаете, любезный графъ, какъ мы тамъ стѣснены: предоставляемъ вамъ самимъ судить, безпокоитъ ли насъ перспектива стѣсненія въ теченіе восьми мѣсяцевъ, послѣ того какъ мы наслаждались достаточной долей свободы цѣлыхъ четыре мѣсяца. Конечно, я чрезвычайно люблю нашъ добрый, хорошій Петербургъ, и я такъ же охотно жила бы въ немъ, какъ и здѣсь, еслибы можно было тамъ дѣлать немного болѣе того, что мы желаемъ; но, увы, вы знаете лучше меня, что происходитъ на самомъ дѣлѣ. Въ особенности, любезный графъ, пожалѣйте обо мнѣ: вы знаете что ожидаетъ меня въ Декабрѣ мѣсяцѣ. Не знаю, отчего, но я крайне боюсь этого времени, хотя затрудняюсь объяснить это. Вы меня спросите, боюсь ли я умереть? Нѣтъ, потому что я хорошо сложена, крѣпка и совершенно здорова; эти три условія внушаютъ мнѣ надежду на самые счастливые роды. Стало-быть это не боязнь, но что-жъ это? Шесть мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, вся обстановка (ensemble), наконецъ, заставляютъ меня трепетать. Побраните меня, любезный графъ, я этого заслуживаю; я чувствую, что я смѣшна; но я всегда предъ вами такова, какова на самомъ дѣлѣ. Увы, съ полнымъ довѣріемъ я могу относиться только къ великому князю и къ вамъ; такимъ образомъ, я вполнѣ отдаюсь на вашъ судъ. Ахъ, пусть вы будете бранить меня, но я умираю отъ страха за будущее. Великій князь боится зимы такъ же, какъ и я. Это еще болѣе усиливаетъ мою скорбь, и когда онъ высказываетъ мнѣ свои опасенія, я пытаюсь рисовать ему все въ розовыхъ краскахъ [61]). Отсюда видно, что главной причиною тревожнаго настроенія молодыхъ супруговъ было состояніе здоровья великой княгини, нуждавшейся въ это время въ особомъ вниманіи и попеченіи со стороны близкихъ ей лицъ; живо представлялись также воображенію молодой четы всѣ неудобства, соединенныя съ безпокойнымъ для нихъ жительствомъ въ Зимнемъ дворцѣ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина на этотъ разъ готова была сдѣлать все возможное, чтобы успокоить и ободрить свою невѣстку. Притомъ осень 1777 года была даже для Петербурга бурна и ненастна; въ ночь съ 9 на 10 Сентября,

---

[61]) Тамъ же, 939—400.

чрезъ нѣсколько часовъ по прибытіи въ столицу молодой четы изъ Царскаго Села, Петербургъ постигло страшное наводненіе, стоившее жизни многимъ жителямъ столицы.

Почти не принимая, благодаря своему положенію, обычнаго участія въ жизни двора, Марія Ѳеодоровна раздѣляла заботы своего супруга о воспитаніи будущаго ихъ ребенка; въ разговорахъ о томъ проходило, вѣроятно, все свободное время супруговъ: ибо во всѣхъ письмахъ своихъ за это время къ Платону Павелъ только и говорилъ о «новыхъ, возложенныхъ на него отъ Бога должностяхъ» [62]). «Стараться буду», писалъ онъ ему, «вяще заслужить ваше доброе о себѣ мнѣніе, а особливо исполненіемъ новыхъ должностей вступленіемъ чрезъ короткое время въ новое званіе, столь важное по отчету, которымъ всякій въ ономъ долженъ, а особливо каждой въ моемъ мѣстѣ находящiйся. Помолитесь о мнѣ. Богъ, благословлявшій меня въ столь различныхъ случаяхъ, меня и при семъ да не оставитъ» [63]). «Признаюсь», писалъ онъ въ тоже время своему тестю, «я часто бываю въ тревогѣ, какъ только подумаю о первомъ времени дѣтства своего будущаго ребенка, будучи совершенно лишенъ опытности въ этомъ отношеніи. Вопросъ, хотя и отдаленный, о его воспитаніи затрудняетъ меня не менѣе, при моей молодости и ничтожной подготовкѣ. Впрочемъ и въ этомъ я всецѣло полагаюсь на волю Провидѣнія. Я былъ бы самымъ неблагодарнымъ изъ людей, еслибы не сдѣлалъ этого, въ особенности послѣ того, какъ съ самаго младенчества и до сихъ поръ я былъ очевидно руководимъ Имъ» [64]). Такъ серьезно смотрѣлъ Павелъ на будущія свои родительскія обязанности. Будучи отстраняемъ отъ управленія государствомъ, являясь при дворѣ только на парадныя торжества, изнывая въ тоскѣ и бездѣйствіи, Цесаревичъ разсчитывалъ весь жаръ своего сердца, всѣ скованныя бездѣйствіемъ способности ума своего отдать семьѣ и въ дѣтяхъ найти себѣ утѣшеніе; о томъ же мечтала и Марія Ѳеодоровна, счастливая тѣмъ, что въ мысляхъ мужа видѣла отголосокъ своихъ собственныхъ думъ и чувствъ.

Но судьба и здѣсь готовила супругамъ жестокій ударъ: по мысли Екатерины, дѣти ихъ (какъ и справедливо) принадлежали не имъ, а государству. Имѣя свои основанія считать сына и невѣстку неспособными воспитать будущаго *Русскаго* государя, она считала своимъ правомъ и обязанностью взять его воспитаніе на себя, вовсе не стѣсняясь тѣмъ, какое впечатлѣніе произведетъ на родителей это лишеніе ихъ естественныхъ правъ. Изъ писемъ Павла Петровича видно, однако, что ни онъ, ни-

---

[63]) Русс. Арх. 1887, II, 12. [64]) Письмо Павла Петровича принцу Фридриху Евгенію отъ 10 (21) Октября 1777 г. Госуд. Архивъ, IV, 205.

его супруга даже и не предполагали возможности подобной мѣры со стороны Императрицы, которая, въ свою очередь, до поры до времени не считала удобнымъ высказаться.

Приближеніе родовъ Марія Ѳеодоровна почувствовала въ Понедѣльникъ, 11 Декабря, въ семь часовъ утра; а на другой день, 12 Декабря, въ одиннадцать часовъ утра, послѣ получасовыхъ страданій, у нея родился сынъ, будущій императоръ Александръ Павловичъ. Имя дано ему въ честь Александра Невскаго, святаго, народнаго для Россіи и для Петербурга въ особенности. Обрадованная рожденіемъ внука, Императрица тогда же исполнила давнее желаніе родильницы, назначеніемъ ея отцу ежегодной пенсіи. «Вы, писалъ ему 13 Декабря Павелъ Петровичъ, виновникъ радости всей Россіи въ виду того участія, которое весь народъ принимаетъ въ совершившемся событіи, отъ котораго нѣкоторымъ образомъ зависитъ и его благосостояніе» [64]).

О рожденіи великаго князя дано было знать Петербургу 201 пушечнымъ выстрѣломъ, а вечеромъ 12-го же Декабря всѣ «знатныя и придворныя особы» приносили державной бабушкѣ поздравленія. На другой день Екатерина, вмѣстѣ съ сыномъ, присутствовала при литургіи въ большой церкви Зимняго дворца и послѣ богослуженія принимала въ церкви же поздравленія членовъ Синода и прочаго духовенства, при чемъ Гавріилъ, архіепископъ Петербургскій, произнесъ краткую рѣчь; за обѣденнымъ столомъ, на тридцать четыре куверта, находился и Павелъ Петровичъ. Великому князю приносили поздравленія всѣ знатныя особы и духовенство особо, въ его покояхъ, для чего они съѣхались туда въ тотъ же день, 13 Декабря, къ пятому часу. На этомъ пріемѣ архіепископъ Гавріилъ опять произнесъ поздравительную рѣчь, а директоръ Академіи Наукъ Домашневъ поднесъ великому князю заранѣе приготовленный экземпляръ новаго календаря на 1778 годъ, уже украшенный вензелевымъ именемъ новорожденнаго. Крещеніе Александра Павловича совершено было съ обычною пышностію 20 Декабря; воспріемниками царственнаго младенца были заочно императоръ Римскій

---

[63]) Въ письмахъ своихъ къ Гримму Екатерина, любившая занятія по Русской Исторіи, старалась выяснить этому иностранцу высокую личность и заслуги для Россіи этого древняго Русскаго князя. С. Р. И. О., XXIII, 83, 91, 609, 639.

[64]) Письмо отъ 13 (24) Декабря. Госуд. Арх., IV, 205. Замѣчательно, что Павелъ Петровичъ счелъ нужнымъ, увѣдомляя принца объ обѣщаніи Екатерины относительно пенсіи, прибавить со своей стороны: „C'était le moins que nous vous désirons. Je prie votre altesse de ne pas en faire mention ici jusqu'à cela ne soit publié en aucune façon, parce que cela pourrait me compromettre“.

Іосифъ II и король Прусскій Фридрихъ II. Вечеромъ Петербургъ былъ великолѣпно иллюминованъ.

Рожденіемъ Александра Павловича обезпечивалось въ Россіи престолонаслѣдіе.

Для характеристики этого вычурнаго времени любопытна иллюминація, устроенная Академіей Наукъ предъ главнымъ ея корпусомъ, на берегу Невы, противъ дворца. «Прозрачная картина представляла Россію, возносящую къ небу ѳиміамъ, надъ коею, въ облакахъ, являлось вензелевое имя Екатерины. Лучи отъ сего имени озаряли Россію. Подъ онымъ геній переплеталъ гирляндами имена *Павла* и *Маріи*. Гименей привязывалъ къ онымъ гирляндами же вензелевое имя новорожденнаго великаго князя. Время къ сему имени привязывало цѣпь родословныхъ круговъ; на оныхъ были видны лишь только края, ибо время закрывало еще круги крыломъ своимъ, держа въ другой рукѣ песочные часы, перевитые пальмовою вѣтвію, въ изображеніе процвѣтающихъ временъ. Сіе объяснялось слѣдующею прозрачною надписью:

Щедроты къ намъ судебъ во вѣкъ не измѣнятся,
Сквозь крылья Времени ихъ сбытія всѣмъ зрятся!

Вся картина опоясывалась гирляндами изъ цвѣтныхъ огней. По сторонамъ видны были пальмовыя деревья, и два обелиска, прозрачно-написанные, изображающіе славный вѣкъ Россіи» [66]).

Пока шли эти придворныя и народныя торжества, Марія Ѳеодоровна испытывала крайнюю слабость и въ теченіе двухъ недѣль не могла оставить постели [67]).

Евгеній Шумигорскій.

[66]) С.-Петербургскія Вѣдомости, № 102, 22 Декабря 1777 года.

[67]) Письмо Маріи Ѳеодоровны Вольцогену 30 Сентября 1805 г. Маріинскій Архивъ, бумаги импер. Маріи Ѳеодоровны св. № 294.

V.

Заботы Екатерины II о физическомъ воспитаніи Александра Павловича и результаты этого воспитанія.—Заботы Маріи Θеодоровны о ея Монбельярской семьѣ.—Бракъ принца Петра Ольденбургскаго съ принцессой Фредерикой.—Разладъ въ Монбельярской семьѣ и примирительная роль Маріи Θеодоровны.—Рожденіе великаго князя Константина Павловича.—Созиданіе Павловска.—Принцъ Фридрихъ Виртембергскій.—Г-жа Бенкендорфъ и Клингеръ.—Поворотъ во внѣшней политикѣ Екатерины.—Пріѣздъ въ Петербургъ Іосифа II и его сношенія съ Маріей Θеодоровной.—Дѣйствія Фридриха II.—Мысль о поѣздкѣ великокняжеской четы за границу.

Послѣ рожденія великаго князя Александра Павловича духовная связь Маріи Θеодоровны съ новымъ ея отечествомъ окончательно окрѣпла. Молодая мать будущаго Русскаго императора съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія видѣла вокругъ себя всеобщій восторгъ, вызванный счастливымъ событіемъ въ ея семейной жизни, и не могла не сознавать всей важности этого событія для Россіи: имъ обезпечивался порядокъ престолонаслѣдія, будущность династіи. «Я очень счастлива», писала она 24 Янв. 1778 г. Московскому первосвятителю Платону, «что по волѣ Всевышняго исполнились чрезъ меня чаянія дражайшаго нашего отечества. Такое благодѣяніе Божіе признаю я съ благодарностію и чувствую не менѣе радости, въ которой вы столь искренно участвуете» [1]).

Полное выздоровленіе великой княгини, чрезъ сорокъ дней послѣ разрѣшенія отъ бремени [2]), вновь дало поводъ къ цѣлому ряду затѣйливыхъ и великолѣпныхъ придворныхъ и народныхъ празднествъ, данныхъ державной бабушкой новорожденнаго и ея роскошными вельможами. «До поста осталось какихъ-нибудь двѣ недѣли», писала Екатерина Гримму 2 Февраля 1778 г., «а между тѣмъ у насъ будетъ одиннадцать маскарадовъ, не считая обѣдовъ и ужиновъ, на которые я приглашена» [3]) Участвуя во всѣхъ этихъ празднествахъ, счастливая

---

[1]) Р. Архивъ 1887, II, 279.

[2]) Камеръ-фурьерскій журналъ 1778 г.

[3]) Сборникъ Р. И. О., XXIII, 77. „Toutes nos têtes, писала Екатерина Гримму въ послѣдній день масляницы, 18 Февраля: „sont renversées par la multitude des fêtes, des bals,

супруга и мать еще не знала, *безъ сомнѣнія*, что ей не дано будетъ возможности окружить своими материнскими попеченіями колыбель своего первенца: Екатерина, принявъ на себя первоначальныя заботы о давно желанномъ внукѣ, выразила намѣреніе взять и дальнѣйшее его воспитаніе исключительно въ свои руки. Неодобрительно отзываясь о физическомъ и нравственномъ воспитаніи Павла Петровича, Екатерина желала сама руководить воспитаніемъ Александра Павловича, въ надеждѣ видѣть въ немъ впослѣдствіи воплощеніе лучшихъ своихъ думъ и стремленій. Вліяніе на Александра Павловича его родителей могло только, по взгляду Екатерины, мѣшать этой цѣли, и поэтому она уже въ Мартѣ 1778 г. высказывала мысль, что Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна являются препятствіемъ въ исполненіи задуманнаго ею воспитательнаго плана [1]).

Если бы не существовало этого намѣренія Императрицы совершенно лишить сына и невѣстку ихъ естественнаго права имѣть надзоръ за воспитаніемъ сына, то Марія Ѳеодоровна, равно какъ и супругъ ея, при сознаніи своей неподготовленности въ воспитательномъ отношеніи, могли бы только радоваться, разумѣется на первое время, заботамъ просвѣщенной государыни о ихъ первенцѣ: Екатерина приступила къ дѣлу физическаго воспитанія своего внука во всеоружіи и научныхъ знаній, и опытности. Будучи горячей поклонницей просвѣтительнаго движенія, охватившаго тогда западную Европу, и въ совершенствѣ знакомая съ современными теоріями воспитанія, Императрица, слѣдуя Локку и Руссо, желала прежде всего закалить здоровье своего внука и пріучить его къ перенесенію разнаго рода невзгодъ. Болѣзненное сложеніе Павла Петровича, его нервную чуткость и раздражительность Екатерина не безъ основанія приписывала разслабляющему дѣйствію нѣжнаго, тепличнаго ухода за нимъ нянюшекъ и старушекъ подъ руководствомъ императрицы Елисаветы Петровны. «Какъ только господинъ Александръ родился», писала Екатерина въ 1778 г. Густаву III-му, «я взяла его на руки и послѣ того, какъ его вымыли, унесла въ другую комнату, гдѣ и положила его на большую подушку. Его обвернули очень легко, и я не допустила, чтобы его спеленали иначе, какъ посылаемая при семъ кукла. Когда это было сдѣлано, то

---

des mascarades, des comédies, opéras, sérieux et bouffons, en un mot, nos cervelles sont renversées, je le répète". Тамъ же, 81. Подробности этихъ празднествъ можно найти въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ 1778 г., въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ того же времени, а также въ письмахъ Екатерины къ Гримму, въ Р. Архивѣ 1878, III, 43—46.

[1]) С. Р. И. О. XXIII, 83.—Р. Архивъ 1878, III, 46, примѣчаніе издателя.

господина Александра положили въ корзину (гдѣ кукла), чтобы женщины не имѣли никакого искушенія его укачивать; эту корзину я поставила за ширмами, на канапе. Устроенный такимъ образомъ господинъ Александръ былъ переданъ генеральшѣ Бенкендорфъ [5]); въ кормилицы ему была поставлена жена садовника изъ Царскаго Села. Послѣ крещенія своего онъ былъ перенесенъ на половину его матери, въ назначенную для него комнату. Это обширная комната, посреди которой расположенъ на четырехъ столбахъ и прикрѣпленъ къ потолку балдахинъ, и занавѣски, подъ которыми поставлена кровать господина Александра, окружены балюстрадой, вышиною по локоть; постель кормилицы—за спинкой балдахина. Комната обширна для того, чтобы воздухъ могъ обращаться свободнѣе вокругъ балдахина и занавѣсокъ. Балюстрада препятствуетъ приближаться къ постели ребенка многимъ особамъ за-разъ; скопленіе народа въ комнатѣ избѣгается, и не зажигается болѣе двухъ свѣчей, чтобы воздухъ вокругъ него не былъ слишкомъ душенъ; маленькая кровать господина Александра (такъ какъ онъ не знаетъ ни люльки, ни укачиванія) желѣзная, безъ полога; онъ спитъ на кожаномъ матрасѣ, покрытомъ простынею, у него есть подушечка и легкое Англійское одѣяло; всякія оглушительныя заигрыванія съ нимъ избѣгаются, но въ комнатѣ всегда говорятъ громко, даже во время его сна. Тщательно слѣдятъ, чтобы термометръ въ его комнатѣ не подымался никогда свыше 14 и 15 градусовъ тепла. Каждый день, когда выметаютъ въ его комнатѣ, ребенка выносятъ въ другую, а въ спальнѣ его открываютъ окна для возобновленія воздуха; когда комната согрѣется, господина Александра снова приносятъ въ его комнату. Съ самаго рожденія его пріучили къ ежедневному обмыванію въ ваннѣ, если онъ здоровъ».... [6]).

Изъ этихъ строкъ Екатерины видно, съ какой любовію съ самаго начала она входила во всѣ подробности физическаго воспитанія своего старшаго внука. Примѣняя основанія разумной философской педагогики XVIII в. къ мѣстнымъ условіямъ Петербургскаго климата, державная бабушка спѣшила освоить съ ними своего питомца. «Какъ только воздухъ весною сдѣлался сноснымъ», разсказываетъ она далѣе, «то сняли чепчикъ съ головы Александра и вынесли его на воздухъ. Мало

---

[5]) Софьѣ Ивановнѣ, урожденной Левенштернъ, вдовѣ Ревельскаго коменданта, бабкѣ графа А. Х. Бенкендорфа.—[6]) С. Р. И. О. XXVII, 143—149. Екатерина сообщила эти подробности Густаву послѣ того какъ у него родился сынъ (Густавъ IV-й). На образецъ она послала ему одежду своего внука на куклѣ въ корзинѣ. Позднѣе, когда у графини А. В. Браницкой родился первый ребенокъ, она и ей подарила дѣтское платье Александра Павловича, которое до сихъ поръ хранится въ Одесскомъ маіоратномъ домѣ князя М. А. Воронцова-графа Шувалова. П. Б.

по-малу пріучили его сидѣть на травѣ и на землѣ безразлично, и даже спать тутъ нѣсколько часовъ въ тѣни въ хорошую погоду; тогда кладутъ его на подушку, и онъ отлично отдыхаетъ такимъ образомъ. Онъ не знаетъ и не терпитъ на ножкахъ чулокъ, и на него не надѣваютъ ничего такого, что могло бы малѣйше стѣснить его въ какой-нибудь части тѣла... Любимое платьице его, это—очень хорошенькая рубашечка и маленькій, вязаный, очень широкій жилетикъ; когда его выносятъ гулять, то сверхъ этого надѣваютъ на него легкое полотняное или тафтяное платьице. Онъ не знаетъ простуды; онъ толстъ, великъ и веселъ» [7]).

Повидимому, воспитаніе Александра Павловича въ первые годы его младенчества не оставляло желать ничего лучшаго, тѣмъ болѣе, что выполненіе предначертаній Екатерины попало въ надежныя руки г-жи Бенкендорфъ. Въ особенности удаченъ былъ выборъ няни. Это была жена камердинера великаго князя, Прасковья Ивановна Гесслеръ, родомъ Англичанка. Лагарпъ, которому впослѣдствіи поручено было принять Александра какъ бы изъ ея рукъ, отзывался о ней съ большимъ уваженіемъ. «Прасковья Ивановна», писалъ онъ въ 1796 г., «женщина рѣдкихъ достоинствъ: будучи приставлена въ качествѣ няни, она передала первыя хорошія привычки и наклонности своему питомпу, который вполнѣ цѣнитъ это и питаетъ къ ней благоговѣйное уваженіе, дѣлающее честь имъ обоимъ» [8]). Безъ сомнѣнія, именно г-жѣ Гесслеръ Александръ обязанъ былъ въ значительной степени своими привычками къ порядку, простотѣ и опрятности.

При всѣхъ этихъ благопріятныхъ условіяхъ, первоначальное воспитаніе Александра Павловича не вполнѣ было удачно: желаніе Екатерины пріучить ребенка къ пушечнымъ выстрѣламъ отозвалось на неокрѣпшемъ еще слуховомъ нервѣ Александра, который остался глухъ на правое ухо; дѣтскимъ языкомъ будущаго Русскаго государя, ввѣреннаго попеченіямъ няни - Англичанки, сдѣлался языкъ Англійскій, а не отечественный, на которомъ Александръ Павловичъ и впослѣдствіи затруднялся долго вести серьезную бесѣду. Но эти недостатки великаго князя не обращали на себя вниманія современниковъ, и Екатерина впослѣдствіи хвалила воспитаніе, которое получилъ ея внукъ въ годы младенчества. «Если у него родится сынъ», говорила Екатерина, и тою же Англичанкою воспитанъ будетъ, то наслѣдіе престола Россійскаго утверждено на сто лѣтъ. Какая разница между воспита-

[7]) Тамъ же, 149—150.—[8]) *М. И. Сухомлиновъ*: „Изслѣдованія и статьи по Русской литературѣ и просвѣщенію“, т. II, Спб., 1889 г., стр. 64.

ніемъ его и отцовскимъ!» [9]) Въ этомъ отзывѣ Императрицы слышится также удовлетворенная гордость женщины, съ любовью и необыкновеннымъ вниманіемъ слѣдившей изо дня въ день за физическимъ и нравственнымъ развитіемъ своего старшаго внука [10]).

Устраняемая отъ тяжелыхъ и отвѣтственныхъ заботъ по воспитанію своего первенца, Марія Θеодоровна всѣ досуги свои употребляла на пополненіе своего образованія. Занимаясь со страстью музыкой, рисованіемъ и рѣзьбой по кости и дереву, молодая великая княгиня сочла также необходимымъ расширить, подъ наблюденіемъ извѣстнаго Эпинуса, кругъ своихъ познаній по математикѣ и физикѣ и, кромѣ того, продолжала брать уроки Русскаго языка у Пастухова; къ этому присоединилось еще изученіе географіи Россіи, руководимое С. И. Плещеевымъ, составившимъ для нея напечатанное впослѣдствіи «Обозрѣніе Россійской Имперіи» [11]). Къ сожалѣнію, занятія Маріи Θеодоровны Русскимъ языкомъ, который такъ нелегко усваивается иностранцами, не могли быть особенно успѣшны при господствѣ въ то время въ нашемъ высшемъ обществѣ Французскаго языка и презрѣніи къ употребленію отечественнаго, не представлявшей интереса и въ образовательномъ отношеніи, при скудости Русской литературы того времени. Притомъ вообще, по духу своему и по связямъ съ Германіею, Марія Θеодоровна не могла обрусѣть въ такой степени, какъ Екатерина II-я, привезенная въ Россію 14 лѣтъ отъ роду и вслѣдъ затѣмъ порвавшая всякія личныя отношенія свои къ Нѣмецкимъ родственникамъ и Нѣмецкому отечеству *). Панегиристъ Маріи Θеодоровны и землякъ ея, Массонъ, знавшій ее даже императрицею, писалъ о ней: «Марія Θеодоровна не льстила Русскимъ, такъ какъ Екатерина, усвоеніемъ ихъ нравовъ, ихъ языка и ихъ предразсудковъ. Она не хотѣла снискивать уваженія этого народа, показывая презрѣніе къ своему отечеству и краснѣя за свое происхожденіе; но она внушила къ себѣ любовь своею

---

[9]) Дневникъ Храповицкаго, 434.

[10]) Это подтверждается письмами Екатерины къ Гримму, гдѣ находится множество мелкихъ, но очень важныхъ для біографіи Александра свѣдѣній. С. Р. И. О., т. XXIII. Разумѣется, что и ребенокъ, находившійся болѣе въ обществѣ бабушки, чѣмъ отца и матери, привыкъ къ ней гораздо болѣе, чѣмъ къ родителямъ. „Я не видала Александра четыре дня“, писала Екатерина Гримму 5 Іюля 1779 г.: „и мнѣ было его испортили; но все исправлено къ полнѣйшему удовольствію папеньки и маменьки (ахъ, это немало!), которые не знали, какъ съ нимъ справиться“. Тамъ же, 148.

[11]) Кобеко, 165.

*) Мать Екатерины скончалась за два года до ея вступленія на престолъ; брата своего она пережила тремя годами, но ни разу не допустила его въ Россію. П. Б.

добротою и уваженіе своими добродѣтелями»[12]). Ложная точка зрѣнія, съ которой часто смотрѣлъ на вещи довольно правдивый въ изложеніи фактовъ Массонъ, конечно, не требуетъ опровержeнія; важнѣе для насъ его свидѣтельство какъ современника, близко знавшаго Марію Θеодоровну, что ея отчужденіе отъ окружавшей ее Русской жизни поддерживалось постоянными сношеніями съ горячо-любимой Германской семьей. «У Маріи Θеодоровны, говоритъ Массонъ, всегда лежитъ на сердцѣ память объ ея многочисленныхъ родственникахъ. Переписка съ ними заставляетъ ее переживать самые счастливые часы въ ея жизни; раздѣлять свое счастье съ тѣми, кого она любитъ, значитъ для нея удваивать его» [13]). Этимъ замѣчаніемъ Массона объ особенности внутренней жизни Маріи Θеодоровны въ позднѣйшій періодъ ея жизни легко измѣрить значеніе для нея переписки съ Германскими своими родственниками въ первые годы пребыванія въ Россіи, когда молодая великая княгиня лишена была какой бы то ни было возможности проявить особую дѣятельность не только на поприщѣ общественномъ, но даже въ кругу своихъ дѣтей. Переселеніе въ Россію при той обстановкѣ, въ какой поставлена была первоначально жизнь Маріи Θеодоровны, не могло дать ни новой пищи для ея умственной жизни, ни новаго направленія ея чувствамъ, создавъ новыя и ослабивъ старыя привязанности. Неудивительно, поэтому, что при вынужденномъ бездѣйствіи въ новомъ своемъ отечествѣ молодая великая княгиня старается жить одною жизнью съ Монбельярскимъ семействомъ, какъ было это во время пребыванія ея въ Этюпѣ и Монбельярѣ, и стремится воскресить для себя эти дорогія воспоминанія недалекаго прошлаго. Вотъ почему, говоря о дѣятельности Маріи Θеодоровны въ первые годы по пріѣздѣ ея въ Россію, мы почти исключительно будемъ имѣть дѣло съ событіями, имѣвшими прямое или косвенное отношеніе къ Германскому семейству Русской великой княгини. Но въ то время внутренняя жизнь Маріи Θеодоровны была совершенно закрыта для посторонняго наблюдателя, тайныя сношенія ея съ родиной производились съ соблюденіемъ всѣхъ мѣръ предосторожности, и державная свекровь, обманутая наружнымъ спокойствіемъ и бездѣятельностію великой княгини, повидимому имѣла полное основаніе слѣдующимъ образомъ характеризовать ее въ письмѣ къ Гримму отъ 8 Іюня 1778 г.: «Она держитъ себя прямо, заботится о своемъ станѣ и цвѣтѣ лица, ѣстъ за четверыхъ, благоразумно выбираетъ книги для чтенія; изъ такихъ, какъ она, выходятъ въ концѣ концовъ отличныя гражданки для какой хочешь страны» [14]).

[12]) Masson, 1, 259.

[13]) Тамъ же.

[14]) С. Р. И. О., XXIII, 92.

Увѣренная въ чистотѣ намѣреній и покорности своей невѣстки, Екатерина измѣнила даже свой образъ дѣйствій по отношенію къ ней, дозволивъ, уже въ 1778 г., многимъ иностранцамъ пріѣзжать въ Россію по ея рекомендаціи. Этимъ правомъ пользовались иногда родители и друзья Маріи Ѳеодоровны, поручая ея вниманію разнаго рода лицъ, искавшихъ счастія въ Россіи [15]). Изъ иностранцевъ, прибывшихъ ко двору Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны въ 1778 г., особенное вниманіе великой княгини обращалъ на себя, безъ сомнѣнія, нѣкто Шацъ. Онъ, по извѣстію современника, былъ побочнымъ сыномъ герцога Фридриха-Евгенія [16]) и, по его просьбѣ [17]), принятъ былъ Павломъ Петровичемъ въ кирасирскій полкъ цесаревича.

Первые годы по пріѣздѣ своемъ въ Россію Марія Ѳеодоровна въ особенности занята была положеніемъ многочисленной семьи своей, оставшейся на родинѣ. Изъ восьми братьевъ ея трое: Фридрихъ, Людвигъ и Евгеній находились на Прусской военной службѣ, пользуясь при этомъ протекціей своей Русской сестры; но оставалось еще позаботиться о меньшихъ 5 братьяхъ: Вильгельмѣ, Фердинандѣ, Карлѣ, Александрѣ и Генрихѣ. Всѣ они, приходя постепенно въ возрастъ, нуждались въ заботахъ для возможно-лучшаго помѣщенія ихъ на

---

[15]) Oberkirch, I, 88, 107—108. Госуд. Арх., IV, 205.

[16]) *Кн. И. М. Долгорукій*: Капище моего сердца. Чтенія М. О. И. и Др. Россійскихъ 1872, III, 4. Долгорукій называетъ его сводныхъ братомъ Маріи Ѳеодоровны.

[17]) Письмо герцога Фридриха-Евгенія Павлу Петровичу. Госуд. Арх., IV, 205. Къ сожалѣнію, объ этомъ родственникѣ Маріи Ѳеодоровны, случайно занесенномъ судьбою въ Россію, сохранилось весьма мало точныхъ свѣдѣній. Вступивъ нѣсколько лѣтъ спустя по прибытіи своемъ въ Россію въ бракъ съ фрейлиной своей сводной сестры Аксаковой (*Долгорукій*, см. выше), Шацъ, бывшій тогда уже ротмистромъ кирасирскаго полка его высочества, въ скоромъ времени, кажется, оставилъ дворъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Но при вступленіи своемъ на престолъ Павелъ I жалуетъ полковнику Ѳеодору (Фридриху?) Шацу свыше 500 душъ въ Петербургской губерніи (Сенатскій Архивъ I. Именные указы императора Павла, 11, 23), а 16 Марта 1799 г. жалуетъ капитана отъ замка коллежскаго совѣтника Шаца въ статскіе совѣтники (тамъ же, 507.). Въ 1800 г, г-жа Шацъ была главной надзирательницей Московскаго Воспитательнаго Дома, но по малоспособности удалена изъ него почетнымъ образомъ Маріей Ѳеодоровной (Письма Маріи Ѳеодоровны къ С. И. Плещееву, 28 Февр. и 11 Мая 1800 г.). Однако Марія Ѳеодоровна въ 1817 г. оказала сама и исходатайствовала у императора Александра значительную денежную помощь дочери его, Софіи Шацъ, выходившей замужъ за полковника Древиля (Маріинск. Арх., св. 167, 4.). Вотъ и всѣ имѣющіяся у насъ данныя о фамиліи Шацъ, а между тѣмъ желательно бы было болѣе точнымъ образомъ провѣрить показаніе князя Долгорукаго и получить о личности Шаца болѣе подробныя свѣдѣнія.

службу въ томъ или другомъ государствѣ. Но особеннаго вниманія Маріи Ѳеодоровны требовала будущая участь двухъ младшихъ сестеръ ея: Фредерики и Елисаветы, изъ которыхъ старшей въ 1778 г. исполнилось 13 лѣтъ, а младшей 11. Правда, бѣдность Монбельярскаго принца извѣстна была всѣмъ въ то время; но Монбельярская семья по связямъ своимъ съ Россіей уже пріобрѣла политическое значеніе, и брака съ сестрами Русской великой княгини стали домогаться представители важнѣйшихъ царствующихъ домовъ Европы. Впрочемъ, служить предметомъ соискательствъ, быть жертвою многолѣтнихъ и разнообразныхъ политическихъ интригъ и комбинацій довелось лишь малолѣтней принцессѣ Елисаветѣ. Мы уже видѣли, что 13-лѣтнюю Фредерику Марія Ѳеодоровна еще въ 1777 году предназначила въ супруги принцу Петру Голштинскому и готовилась противодѣйствовать королю Шведскому Густаву III, которому молва не безъ основанія приписывала желаніе женить принца на своей сестрѣ. Этотъ выборъ Маріи Ѳеодоровны оправдывался какъ личными качествами принца Петра, такъ и его положеніемъ въ качествѣ коадъютора Любскаго: герцогъ Петръ долженъ былъ наслѣдовать дядѣ своему герцогу Фридриху Ольденбургскому [18]).

Сынъ двоюроднаго брата Екатерины, герцога Гольштинскаго († 1763 г.), воспитанный подъ ея руководствомъ и находившійся въ сущности въ полной отъ нея зависимости, принцъ Петръ (р. 1755 г.), принадлежа къ младшей линіи Голштинскаго дома, не могъ не сообразоваться съ желаніями и Павла Петровича, бывшаго главою этого царственнаго дома. Въ вопросѣ о бракѣ принцу Голштинскому приходилось соблюдать крайнюю осторожность. Къ счастію его, Императрица, будучи хорошаго мнѣнія о характерѣ и умѣ его [19]), и не думала стѣснять его выбора, хотя въ душѣ и желала, чтобы супругой его сдѣлалась дочь принца Фердинанда Брауншвейгскаго, принцесса Августа, которую въ письмахъ своихъ къ Гримму она называетъ Зельмирой. Во время путешествія принца по Германіи въ 1778 г. Екатерина писала Гримму 25 Декабря: «Коадъюторъ имѣетъ теперь видъ самаго важнаго лица въ Германіи. Всѣ принцессы на возрастѣ, а также ихъ родители, смотрятъ на него, какъ на завиднаго жениха; при всей своей спеси, они имѣютъ хорошее чутье. Король Шведскій ищетъ его для своей сестры, великая княгиня для своей, вы также говорите о немъ.

---

[18]) Свѣдѣнія о жизни принца Петра до вступленія въ бракъ собраны у *Кобеко*, 244—246.

[19]) С. Р. И. О., XXIII, 104, 113, и XIII, 21, 93.

(Гриммъ предлагалъ въ невѣсты принцу Зельмиру). Скажу вамъ откровенно, что ваши предложенія нравятся мнѣ болѣе всего, потому что я чрезвычайно уважаю наслѣднаго принца Брауншвейгскаго (отца Зельмиры). Но я никогда не стану стѣснять выбора принца-коадъютора, который, я думаю, уже сдѣлалъ, по наущенію глупыхъ старичковъ, нѣкоторый родъ предложенія принцессѣ Виртембергской» [21]).

Императрица не ошиблась. Свободный съ одной стороны, принцъ Петръ не могъ не пойти на встрѣчу желанію великой княгини и тѣмъ тѣснѣе закрѣпить выгодную для себя связь съ Россіей и ея будущимъ государемъ, главою Ольденбургскаго дома; роль «глупаго старичка» (le perruque), по отзыву Екатерины, игралъ въ этомъ дѣлѣ завѣдывавшій одно время воспитаніемъ принца Петра графъ Н. И. Панинъ, которому Марія Θеодоровна довѣрила свое намѣреніе еще годъ тому назадъ. Сближеніе принца Петра съ Монбельярскимъ семействомъ началось лѣтомъ 1778 года. Обѣ стороны произвели другъ на друга наилучшее впечатлѣніе; при ближайшемъ знакомствѣ принцъ Петръ пріобрѣлъ уваженіе принцессы Доротеи, возбудилъ къ себѣ привязанность будущей своей невѣсты и, въ свою очередь, не остался равнодушенъ къ ея развивавшейся красотѣ. «Я скажу вамъ», писала принцесса-мать Маріи Θеодоровнѣ 25 Іюля 1778 году, все, что̀ могу сказать по этому предмету. Я нашла этого молодого человѣка серьезнымъ, разсудительнымъ, просвѣщеннымъ и исполненнымъ желанія пріобрѣсти еще болѣе широкій кругъ знаній. Что̀ мнѣ доставляетъ особое удовольствіе, это—его основательный образъ мыслей и деликатность, которую онъ проявляетъ въ своемъ поведеніи по отношенію къ своему дядѣ, котораго онъ горячо любитъ. Я не буду говорить о привязанности его къ великому князю, котораго онъ почитаетъ и любитъ необыкновенно... Мнѣ показалось, что онъ въ дѣтствѣ не пользовался удовольствіями общества. Онъ вовсе не любитъ танцевъ, не играетъ ни въ какую игру и предпочитаетъ всему сидячую жизнь. Я подшучивала надъ нимъ, и онъ отвѣчалъ мнѣ съ умомъ и очень любезно»... «Я думаю, продолжаетъ принцесса, что онъ станетъ управлять будущей женой, а это выдетъ очень полезно для госпожи Фредерики, легкомысліе которой вынуждаетъ постоянно слѣдить за нею и наставлять ее. Насколько мнѣ кажется, принцъ хорошенько займется своей женой, что̀ для нея будетъ очень выгодно и даже необходимо для ея благосостоянія, ибо она невыразимо-вѣтрена» [21]). Какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ принцессы-матери, эта разница въ характерѣ и на-

---

[20]) С. Р. И. О., XXIII, 122.

[21]) Архивъ Павловскаго дворца. Письма принцессы Доротеи.

правленіи молодыхъ людей не помѣшала имъ сблизиться другъ съ другомъ, и 11 Апрѣля 1779 г. Екатерина писала Гримму: «Я очень сердита, что выборъ Телемака не падетъ на Зельмиру. Вы увидите, кого подобрали ему въ пару старые болваны (les grandes perruques)... Это вина брата Густава, который всегда приходитъ слишкомъ поздно; если бы, когда онъ задумалъ это дѣло, онъ только заикнулся о немъ (il eût soufflé), дѣло было бы сдѣлано [22]); въ настоящее же время это слишкомъ поздно. Я имѣла честь увѣдомить его объ этомъ отъ вашего имени, такъ какъ Телемакъ теперь въ рукахъ добродѣтельныхъ гражданъ, которые даютъ ему добродѣтельную гражданку, отъ которой у него будутъ добродѣтельные граждане, большіе, здоровые и толстые,—чѣмъ дѣло и кончится. Это жаль, потому что портретъ Зельмиры восхитителенъ» [23]).

Неудовольствіе Екатерины, вызванное предпочтеніемъ, которое принцъ Петръ отдалъ принцессѣ Фредерикѣ передъ Зельмирой, выразилось бы, безъ сомнѣнія, еще сильнѣе, если бы ей стало извѣстно, что въ 1779 г. у принцессы Фредерики проявились симптомы болѣзни стана. Открытіе это какъ громомъ поразило принцессу Доротею, поспѣшившую сообщить о такомъ несчастіи своей старшей дочери. Еще свѣжо было впечатлѣніе страшной смерти великой княгини Наталіи Алексѣевны, и нѣжная мать заранѣе трепетала при одной мысли о возможности печальнаго конца и для принцессы Фредерики въ случаѣ брака ея съ принцемъ Петромъ. Въ отвѣтъ на это сообщеніе

---

[22]) Изъ этихъ словъ Екатерины можно заключить, что Марія Ѳеодоровна недаромъ опасалась въ 1777 г. намѣренія Густава женить принца Петра на своей сестрѣ, и что дѣло не состоялось вслѣдствіе нерѣшительности Густава. Но не надо забывать, что Густавъ былъ тогда стѣсненъ въ выраженіи своихъ желаній, встрѣтивъ холодный пріемъ со стороны цесаревича и его супруги и что Императрица, вообще сдержанная съ Густавомъ, не считала тогда нужнымъ поощрить его желанія, быть можетъ, вслѣдствіе просьбъ Маріи Ѳеодоровны. Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ же просьбъ почти два года спустя Екатерина при видимомъ своемъ нежеланіи вынуждена была дать свое согласіе на бракъ принца Петра съ принцессой Фредерикой. Намекъ на это, намъ кажется, находится въ письмѣ Екатерины къ Гримму отъ 20 Марта 1779 г.: „Le futur époux de Zélie (принцессы Фредерики) est un des plus gros lourdauds que j'ai jamais vus, et son ci-devant précépteur (графъ Панинъ)... Souvenez vous de la *frayeur mortelle* que j'avais du comte de Gothland (Густавъ III); *me voilà dans la même situation*. Aber, mein Gott, das wäre am Besten, wenn sie sollten zu Hause sitzen und die Leute nicht so viel schwietzen machen". С. Р. И. О., XXIII, 128. Припомнимъ, что Екатерина писала это за мѣсяцъ до рожденія Константина Павловича и что ей извѣстна была чувствительность Маріи Ѳеодоровны и ея любовь къ роднымъ.

[23]) С. Р. И. О., XXIII, 132.

матери своей Марія Θеодоровна, сама потрясенная извѣстіемъ о болѣзни сестры, утѣшала мать, но совѣтовала тотчасъ же сообщить объ этомъ жениху, принцу Петру, и обратиться къ извѣстному тогда врачу Гопфенгартнеру для точнаго опредѣленія болѣзни принцессы Фредерики [24]). Врачъ этотъ не замедлилъ успокоить испуганныхъ членовъ Монбельярскаго семейства и далъ имъ самыя положительныя увѣренія на счетъ состоянія здоровья принцессы по выходѣ ея замужъ [25]). Дѣйствительно, вышедъ за принца Петра въ 1781 году, по достиженіи 16-лѣтняго возраста, принцесса Фредерика подарила его двумя сыновьями: Августомъ (1783—1853), впослѣдствіи великимъ герцогомъ Ольденбургскимъ, и Георгомъ (1784—1812), который былъ въ супружествѣ съ двоюродной сестрой своей, великой княжной Екатериной Павловной, и сдѣлался родоначальникомъ Русской линіи принцевъ Ольденбургскихъ.

Одновременно съ заботами Маріи Θеодоровны объ устроеніи судьбы сестры своей Фредерики, ей пришлось употребить всѣ свои усилія, чтобы поддержать внутренній миръ среди Монбельярской семьи и устранить причины разлада, который обнаружился въ ней въ это время. Хотя причины этого разлада не вполнѣ уясняются сохранившейся перепиской великой княгини съ ея заграничными родственниками [26]); но тѣмъ не менѣе ею ярко характеризуется примирительная роль Маріи Θеодоровны, которая изъ далекой чужбины съ живымъ участіемъ вникала во всѣ подробности семейныхъ отношеній и даже руководила отца и мать своими совѣтами. Насколько можно понять изъ отрывочныхъ извѣстій, принцъ Фридрихъ-Евгеній возбудилъ противъ себя неудовольствіе своей семьи покупкою въ 1779 г. помѣстья Гохберга. Будучи страстнымъ любителемъ охоты, принцъ пріобрѣлъ себѣ это помѣстье, воспользовавшись улучшеніемъ своихъ финансовыхъ дѣлъ послѣ брака старшей дочери своей съ Русскимъ великимъ княземъ. Но по-

---

[24]) Письмо Маріи Θеодоровны (черновое) 1780 г., безъ числа, какъ и многія письма ея матери, относящіяся къ тому же году.

[25]) Принцесса Софія-Доротея—Маріи Θеодоровнѣ 25 Ноября 1780 года. Въ письмѣ этомъ принцесса увѣдомляетъ также о полномъ выздоровленіи дочери. Бракомъ не спѣшили и по другой причинѣ. Принцъ Петръ, писала мать Маріи Θеодоровнѣ 6 Апрѣля 1779 г. pense trop bien pour regarder une femme comme un simple amusement. Il faut donc de toute nécessité que le caractère de Frédérique se forme premièrement avant que de la marier pour ne point tromper le prince et remplir les devoirs de bons parents envers notre enfant. Vous trouverez ce raisonnement juste, ma chère Dorthelle".

[26]) Документы эти хранятся при описи, составленной Маріей Θеодоровной, въ архивѣ Павловскаго дворца. Большая часть ихъ написана молокомъ и лимономъ очевидно съ цѣлію сохранить тайну.

купка этого помѣстья не только поглотила наличный капиталъ принца, но и вовлекла его въ большіе долги, которые могли быть уплачены лишь съ чрезмѣрными усиліями и соблюденіемъ строжайшей и мелочной экономіи въ жизни Монбельярской семьи; притомъ оказалось, что самая покупка Гохберга совершена была на невыгодныхъ для принца условіяхъ. Между тѣмъ, не говоря уже о трехъ взрослыхъ сыновьяхъ, находившихся на Прусской службѣ, и прочія дѣти Монбельярской четы, приходя въ возрастъ, требовали со стороны родителей все бо́льшихъ попеченій и издержекъ, такъ что о сбереженіяхъ, необходимыхъ для уплаты долговъ, не могло быть и рѣчи. Въ особенности недоволенъ былъ покупкою Гохберга старшій сынъ Фридриха-Евгенія принцъ Фридрихъ, съ дѣтства проявлявшій неукротимость нрава, одичавшій еще болѣе подъ вліяніемъ жизни въ Прусскихъ казармахъ и среди Прусскаго солдатства. Объясненія такого сына съ отцомъ не отличались, конечно, мягкостію и едва не привели было къ полному разрыву между ними. Принцесса Доротея также подверглась гнѣву мужа, который не могъ не видѣть общаго несочувствія своему образу дѣйствій. Впрочемъ, Монбельярское семейство вину финансовой операціи, поставившей его въ затруднительное положеніе, возлагало не столько на самого принца Фридриха-Евгенія, сколько на его совѣтника, бывшаго генерала Прусской и Виртембергской службы Горси. Этотъ опытный, какъ видно, въ интригахъ другъ Фридриха-Евгенія возбудилъ противъ себя подозрѣнія всей семьи не только въ томъ, что побуждалъ герцога къ покупкѣ Гохберга изъ своекорыстныхъ денежныхъ разсчетовъ, но и въ систематическомъ возбужденіи его недовѣрія къ принцессѣ Доротеѣ и дѣтямъ. Бѣдная принцесса-мать, по собственнымъ ея словамъ, испытывала въ первый разъ послѣ 26-лѣтней супружеской жизни разладъ съ горячо-любимымъ мужемъ; она съ горечью распространялась о томъ въ письмахъ къ Маріи Ѳеодоровнѣ и просила ея содѣйствія для возстановленія домашняго мира [27]). О томъ же писалъ ей и отецъ. Но въ этомъ случаѣ молодая великая княгиня не могла оправдать образъ дѣйствій увлекшагося отца; мало того, она находила, что покупкою Гохберга онъ можетъ повредить и ей самой въ глазахъ императрицы Екатерины и Русскаго общества. «Осмѣливаюсь, писала она отцу, отвѣчать по содержанію вашего письма, въ которомъ вы говорите по

---

[27]) Письма принцессы 6 Апрѣля, 16 Іюня и 16 Августа 1779 г. Что дѣло шло не только о покупкѣ Гохберга, видно изъ слѣдующихъ словъ принцессы Доротеи въ письмѣ отъ 16 Августа, въ которомъ она просила Марію Ѳеодоровну ходатайствовать за нее предъ отцомъ: „Ajoutez à cela... que vous regardiez le général comme le motif de tout ceci et de bien d'autres choses, sur lesquelles le respect vous impose silence“.

поводу покупки Гохберга: «люди мало знакомые съ дѣломъ осмѣлились совершенно превратно истолковать это мое дѣйствіе и громогласно ставить мнѣ это въ вину»; осмѣливаюсь, дорогой папа, съ самымъ почтительнымъ довѣріемъ, которое питаю къ вамъ, отвѣчать вамъ, что покупка Гохберга мнѣ самой причинила самыя жестокія страданія, такъ какъ общественное мнѣніе (tout le public) обвиняетъ въ вывозѣ изъ страны огромныхъ суммъ. Я говорила, что вы деньги заняли; но этому не даютъ вѣры, и эта покупка чрезвычайно уронила меня во мнѣніи общества, что̀ крайне меня огорчаетъ. Я увѣрена, что этотъ слухъ дойдетъ до Императрицы, и предоставляю вамъ, дорогой папа̀, самимъ судить, къ какимъ жестокимъ страданіямъ это меня приведетъ. Чувства, которыя возбуждаются этимъ пріобрѣтеніемъ, раздѣляютъ даже люди свѣдующіе, которымъ извѣстно, что вы, дорогой папа̀, были принуждены для этой цѣли занять огромную сумму; но они говорятъ, что долгъ этотъ такъ значителенъ, что вы сами никогда не сможете погасить его. Ихъ разсужденія сводятся къ тому, что пріобрѣтеніе Гохберга вынудитъ васъ къ чрезвычайной разсчетливости въ издержкахъ, неприличной для тестя великаго князя, въ особенности въ виду прибавки къ доходу 15,000 рублей [28]). Другіе взваливаютъ всю вину на меня, что я выслала вамъ соотвѣтствующее количество денегъ и что я такимъ образомъ способствую обѣдненію страны. Тѣ и другія разсужденія разрываютъ мнѣ, дорогой папа̀, сердце. Осмѣливаюсь откровенно сказать вамъ, что довѣріе, которымъ вы меня удостоиваете, вынуждаетъ меня на колѣняхъ и во имя дружбы, которою вы меня удостоиваете, умолять васъ отказаться отъ этого пріобрѣтенія, которое, обременяя васъ долгами, не можетъ быть для васъ полезно, и которое навлекаетъ на меня нареканія въ странѣ, гдѣ мнѣ суждено провести всю свою жизнь и гдѣ, слѣдовательно, я должна дорожить сочувствіемъ и добрымъ мнѣніемъ о себѣ общества» [29]). Изъ другаго черноваго письма Маріи Ѳеодоровны видно, что и она виновниками домашнихъ смутъ, нарушавшихъ покой ея семьи, также считала генерала Горси и двухъ его агентовъ: Клотша и Виртембергера. Чтобы удалить Горси изъ дома отца, Марія Ѳеодоровна прибѣгла, съ согласія великаго князя

---

[28]) Прибавка эта, вѣроятно, сдѣлана была Екатериной по поводу рожденія великаго князя Константина Павловича.

[29]) Въ Архивѣ Павловскаго дворца находятся два брульона этого письма. Приведенный нами составляетъ лишь часть втораго, болѣе разнообразнаго по содержанію, который, очевидно, послужилъ матеріаломъ для нѣсколькихъ писемъ Маріи Ѳеодоровны къ ея отцу; быть можетъ, щадя чувства своего отца, Марія Ѳеодоровна не сочла удобнымъ поднимать заразъ нѣсколько щекотливыхъ вопросовъ.

Павла Петровича, къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Она написала отъ себя лично грозное и негодующее письмо генералу, предложивъ ему на выборъ: или удалиться навсегда изъ Монбельяра съ годовой пенсіей въ 2,000 рублей, назначаемой ему въ этомъ случаѣ Павломъ Петровичемъ, или, въ случаѣ отказа, подвергнуться гнѣву великаго князя. Вмѣстѣ съ тѣмъ она писала отцу: «Благоволите, дорогой папа̀, возвратить свою нѣжность моей обожаемой матери; она такъ страдала и съ такой покорностію! Прибавьте къ этому, что она васъ любитъ и уважаетъ глубоко и что дружба ваша для нея дороже жизни. Судите сами о счастіи, которымъ она будетъ наслаждаться, когда увидитъ, что возвращается то благополучіе, которымъ она пользовалась въ теченіе 26 лѣтъ непрерывно. Умоляю васъ на колѣняхъ, возвратите, дорогой папа̀, свою нѣжность, потому что нѣжность ваша къ нашей матери неразрывно связана съ нѣжностію къ намъ. Удостойте убѣдиться въ томъ, что никакой супругъ, никакой отецъ не бывалъ такъ любимъ и такъ дорогъ, какъ вы для нашей доброй, дорогой матери и для насъ».

Эти письма Марія Ѳеодоровна сопроводила посылкою банковаго билета неизвѣстной для насъ цѣнности, который она нѣжно и убѣдительно просила свою мать принять на приведеніе въ порядокъ пришедшаго въ разстройство домашняго обихода; послано также нѣсколько богатыхъ платьевъ для матери и сестеръ. Все это отправлено за границу съ подполковникомъ Христофоромъ Бенкендорфомъ, сыномъ воспитательницы великаго князя Александра Павловича.

Вмѣшательство въ домашнія дѣла любимой и любящей старшей дочери, бывшей при томъ надеждой и опорой семьи, должно было произвести, по мнѣнію принцессы-матери, самыя благопріятныя послѣдствія. «Если кто либо въ цѣломъ мірѣ, писала она дочери, можетъ оказать могущественное дѣйствіе на умъ отца, то это вы, мое дорогое, милое дитя; ибо онъ питаетъ къ вамъ невыразимую нѣжность и относится со слѣпымъ довѣріемъ ко всему тому, что̀ вы ему скажете, благодаря высокому мнѣнію, которое онъ составилъ себѣ о вашемъ характерѣ. Я буду обязана вамъ, дорогое дитя, счастіемъ всей жизни, если вы изгладите въ умѣ дорогого папа̀ тѣ неблагопріятныя обо мнѣ представленія, которыя внушены ему презрѣнными людьми и которыя заставляютъ его относиться ко мнѣ съ недовѣріемъ» [30]).

Высокая, но трудная роль, возложенная матерью на Марію Ѳеодоровну, удалась ей, однако, вполнѣ. Принцъ Фридрихъ-Евгеній примирился

---

[30]) Письмо 16 Августа 1779 г.

и съ супругой, и съ сыномъ, хотя и впослѣдствіи грубый нравъ старшаго сына, Фрица, какъ называли его въ семьѣ, не разъ выводилъ отца изъ терпѣнія [31]). Продать немедленно Гохбергъ было невозможно, но принцъ принялъ для этого нужныя мѣры. Наконецъ, Горси, получивъ отъ великаго князя пенсію и будучи побуждаемъ къ отъѣзду Бенкендорфомъ, оставилъ Монбельярскую семью навсегда, тѣмъ болѣе, что этого же потребовалъ отъ него (вѣроятно по просьбѣ Маріи Ѳеодоровны) и Карлъ, владѣтельный герцогъ Виртембергскій. Разумѣется, авторитетъ принца Фридриха - Евгенія былъ все-таки подорванъ въ его семьѣ этими событіями. Полное успокоеніе вмѣстѣ съ забвеніемъ прошлаго пришло не вдругъ; но и этого возвращенія къ старымъ основамъ жизни принцесса Доротея, глубоко скорбѣвшая о семейномъ разладѣ, могла достигнуть лишь благодаря любящему содѣйствію и чуткой, не останавливавшейся предъ пожертвованіями нѣжности своей возлюбленной Dorthelle, какъ называла она въ письмахъ Марію Ѳеодоровну.

Среди этихъ тяжелыхъ заботъ Маріи Ѳеодоровны у нея родился 27 Апрѣля 1779 г. второй сынъ Константинъ. Сравнительно съ первыми роды эти были гораздо легче. «Жена моя мучилась только $1\frac{3}{4}$ часа», извѣщалъ Павелъ Петровичъ Платона» [32]). «Этотъ чудакъ», писала съ своей стороны Екатерина Гримму, «заставлялъ ожидать себя съ половины Марта и, двинувшись наконецъ въ путь, упалъ на насъ какъ градъ въ полтора часа... Но этотъ послабѣе брата, и при малѣйшемъ холодѣ прячетъ носъ въ пеленки» [33]). Чтобы понять радость Императрицы по поводу рожденія втораго внука, стоитъ припомнить, что писала она тому же Гримму годомъ ранѣе: «Мнѣ все равно, будутъ ли у Александра сестры; но ему нуженъ младшій братъ, коего исторію я напишу, разумѣется, если онъ будетъ одаренъ ловкостью Цезаря и способностями Александра. Если же это будетъ плохой господинъ, я воскликну: давайте мнѣ третьяго, и такъ далѣе» [34]). Въ это время уже

[31]) Принцесса Доротея также не одобряла поведенія сына. „Je sais, que Fritz m'aime tendrement, mais je vous avoue néanmoins, cher coeur, puisque je vous dis tout, que je ne puis étouffer en moi le déplaisir d'avoir tenu des mauvais propos contre son père; je crois qu'il a parlé dans un moment de vivacité, entraîné peut-être par un excés de tendresse pour moi, mais il n'en a pas moins tort pour cela". Письмо отъ 20 Ноября 1780 г.

[32]) Р. Арх. 1887 г., 11, 16.

[33]) С. Р. И. О., XXIII, 136.

[34]) Тамъ же, 91.

былъ задуманъ Потемкинымъ знаменитый Греческій проектъ, и въ новомъ внукѣ своемъ Екатерина провидѣла будущаго Греческаго императора: при крещеніи дано ему имя Константинъ. «У меня спросили», писала Екатерина, кому быть воспріемникомъ. Всего бы лучше любезнѣйшему другу моему Абдулъ-Гамиду», отвѣчала я; «но такъ какъ Турку нельзя крестить христіанина, то, по крайней мѣрѣ сдѣлаемъ ему честь и назовемъ младенца Константиномъ. И вотъ всѣ кричатъ: Константинъ!... И вотъ я справа съ Александромъ, а слѣва съ Константиномъ» [35]). Ребенку дана была даже кормилица Гречанка по имени Елена, остававшаяся, впрочемъ, недолго, кажется по нездоровью.

Разумѣется, что и Константинъ поступилъ на ближайшее попеченіе бабушки, и что къ нему примѣняли тотъ же методъ физическаго воспитанія, какъ и къ Александру; молодая мать по прежнему осталась на второмъ планѣ. «Я предвидѣла, мой ангелъ», утѣшала дочь свою принцесса Доротея, «что Императрица будетъ любить вашихъ дѣтей въ качествѣ бабушки. Но пусть это не безпокоитъ васъ: на вашу долю остается также немало. Удвоенныя и неослабныя заботы загладятъ часы той излишней снисходительности, съ какою Императрица относится къ вашему дорогому ребенку. Эта нѣжность въ сущности даже благопріятна, потому что рано или поздно отзовется на виновникахъ ихъ появленія на свѣтъ» [36]). Изъ этихъ словъ принцессы видно, что Екатерина не даромъ боялась противодѣйствія своей системѣ воспитанія Александра Павловича со стороны его родителей; ясно, что Марія Ѳеодоровна недовольна была той близостью, въ которую Екатерина поставила ребенка по отношенію къ себѣ, предполагая, конечно, что ребенокъ будетъ избалованъ. Но это, съ другой стороны, объясняетъ намъ то неудовольствіе, съ которымъ Екатерина отпускала иногда своихъ внуковъ погостить къ отцу ихъ и матери. Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, по ея взгляду, выраженному въ указанномъ нами выше письмѣ къ Гримму, только «портили» дѣтей, стараясь въ это время излишнимъ, быть можетъ, пуризмомъ въ дѣлѣ воспитанія загладить для дѣтей часы баловливой снисходительности, которые они проводили въ обществѣ бабушки. Противорѣчивыя требованія, которыя встрѣчали со стороны родителей и бабушки великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, начиная съ раннихъ годовъ дѣтства, разумѣется, не могли потомъ, при развивающемся сознаніи, не отразиться кореннымъ образомъ на ихъ характерѣ и міровоззрѣніи, сообразно съ личными

---

[35]) Тамъ же, 136.

[36]) Письмо отъ 27 Февраля 1780 г.

особенностями каждаго. Этой порчи, происходившей отъ двойственности дѣйствовавшихъ на ея внуковъ вліяній, не могла не видѣть и не устранять по возможности зоркая и любящая Екатерина.

Натянутыя, неискреннія отношенія къ свекрови, въ связи съ отсутствіемъ удовлетворенія естественныхъ потребностей материнскаго чувства, и постоянныя думы и тревоги по поводу событій, совершавшихся въ кругу Монбельярскаго семейства, дѣйствуя на нервы Маріи Ѳеодоровны, развивали въ ней воображеніе и чувствительность еще въ бо́льшей степени, чѣмъ были онѣ у нея прежде. Говоря о любви своей къ родителямъ, Марія Ѳеодоровна писала имъ однажды: «Въ отдаленіи человѣку легко представляются всякаго рода ужасы, и я иногда (думая о васъ) испытываю трепетъ; кромѣ того, я замѣтила, что чѣмъ болѣе кого любишь, тѣмъ болѣе работаетъ воображеніе, которое мельчайшимъ обстоятельствамъ придаетъ необычную важность. Я преклоняюсь предъ изумительными стоиками, которые ко всему оставались равнодушны; но за всѣ сокровища въ мірѣ я не пожелала бы уподобиться имъ, потому что чѣмъ болѣе прихожу я въ возрастъ, тѣмъ болѣе укрѣпляюсь въ сознаніи, что способность чувствовать питаетъ нашу душу: безъ нея люди дичаютъ и перестаютъ быть людьми» [37]).

Эта потребность Маріи Ѳеодоровны давать пищу своему чувству, вмѣстѣ съ ея любовью къ природѣ и желаніемъ воскресить дорогія воспоминанія прошлой жизни, побудила ее заняться устройствомъ лѣтней резиденціи, на подобіе Этюпской, въ пожалованномъ ей по рожденіи великаго князя Александра Павловича селѣ Павловскомъ, по теченію рѣки Славянки. Мѣстность эта была въ то время въ дикомъ, первобытномъ видѣ; густые лѣса, перерѣзанные въ разныхъ направленіяхъ болотами, манили къ себѣ лишь охотниковъ; небольшая пятиверстная грунтовая дорога, соединявшая Павловскъ съ Царскимъ Селомъ, была въ очень плохомъ состояніи, а осенью и весною часто оставалась непроѣздна. Въ этомъ - то глухомъ, уединенномъ уголку, подъ угрюмымъ сѣвернымъ небомъ, на болотистой скудной почвѣ, задумала Марія Ѳеодоровна воскресить для себя впечатлѣнія красотъ южной, Этюпской природы. Подъ вліяніемъ сантиментальности, воспринятой ею съ дѣтства, Марія Ѳеодоровна желала, чтобы въ новомъ ея помѣстьѣ вмѣстѣ съ наслажденіемъ красотою природы, неразрывно были связаны для нея воспоминанія о минувшихъ горестяхъ и радостяхъ, чтобы о каждомъ болѣе или менѣе важномъ

---

[37]) Письмо 30 Сентября (11 Октября) 1780 г. Госуд. Арх., IV, 205.

для нея событіи сохранилось бы въ Павловскихъ садахъ напоминаніе въ видѣ того или другаго художественнаго сооруженія. Оттого Павловскъ есть памятникъ сердца Маріи Θеодоровны, исторія ея личной жизни, начертанная на лонѣ природы. Если еще возможно узнать личность Маріи Θеодоровны, не прибѣгая къ тщательному изученію подробностей любимаго ея мѣстопребыванія: то самъ Павловскъ, въ особенности въ настоящее время, представляется для посторонняго наблюдателя загадкой, разрѣшить которую можетъ только ближайшее знакомство съ духовной жизнью его основательницы и хозяйки.

Сначала дѣло ограничилось постройкою въ 1778—1779 гг. двухъ небольшихъ дачъ, носившихъ имена августѣйшихъ владѣльцевъ: Паульлустъ (Павлова Утѣха) и Маріенталь (Маріина Долина). Послѣдняя изъ этихъ дачъ представляла собою небольшое двухъэтажное зданіе, увѣнчанное небольшимъ куполомъ. Кругомъ него раскинутъ былъ небольшой цвѣтникъ, расположеніе клумбъ котораго, какъ видно изъ писемъ матери Маріи Θеодоровны, напоминало цвѣтники Этюпа. Что касается до Паульлуста, то это былъ небольшой деревянный домикъ, расположенный въ лѣсу близъ нынѣшняго Большаго дворца; единственнымъ наружнымъ украшеніемъ этого домика, бывшаго лѣтнимъ мѣстопребываніемъ цесаревича, служилъ куполъ, поддерживаемый колоннами, а на немъ открытый бельведеръ подъ желѣзнымъ зонтикомъ. Но зато съ самаго же начала устроены были садовыя сооруженія, съ которыми мы уже знакомы по Этюпскимъ садамъ. Противъ дворца, на берегу рѣки Славянки, возвышалась Китайская бесѣдка. На холму, возлѣ существующей теперь каменной лѣстницы, находилась Руина, представлявшая собою полукруглую, какъ бы разрушившуюся стѣну. Отъ нея по извилистой тропинкѣ можно было пройти къ Храму Дружбы и къ Швейцарскому домику (Шале); недалеко отъ него выростала изъ земли Хижина Пустынника (Эрмитажъ). Въ это же время положено было основаніе Молочному домику при деревнѣ Кузнецы; первоначально туда приведено было, по приказанію Екатерины, 22 головы крупнаго и мелкаго скота. Между тѣмъ шли дѣятельныя работы по очищенію лѣса для устройства въ немъ парка; для этой цѣли употреблены были крестьяне деревни Линна и Кузнецы, освобожденные взамѣнъ того, по повелѣнію Императрицы, отъ уплаты оброка. Нужно замѣтить, что въ первое четырехлѣтіе со времени основанія Павловска всѣ издержки по его устройству и содержанію производились изъ особо назначенной для этого Императрицей суммы и съ особаго каждый разъ ея разрѣшенія, такъ что Марія Θеодоровна не имѣла возможности устроивать Павловскъ съ самаго начала по собственному плану. Разумѣет-

ся, Екатерина придавала Павловску значеніе лишь временной, лѣтней резиденціи великокняжеской четы, вовсе, конечно, не сочувствуя идиллически-сантиментальному значенію, съ какимъ Павловскъ являлся въ мечтахъ ея невѣстки. Позднѣе Екатерина сдала его окончательно въ вѣдѣніе его августѣйшей хозяйки, и тогда только Павловскъ, сдѣлавшись однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ лѣтнихъ дворцовъ въ Европѣ, сталъ постепенно принимать тотъ своеобразный отпечатокъ, который онъ сохраняетъ отчасти даже до сихъ поръ.

Въ Сентябрѣ 1779 г. Марія Ѳеодоровна обрадована была пріѣздомъ старшаго брата своего, принца Фридриха. Мы уже видѣли, какую роль игралъ онъ въ это время при несогласіяхъ, обнаружившихся въ Монбельярскомъ семействѣ, и надо думать, что самый пріѣздъ его въ Петербургъ былъ въ связи съ этими домашними смутами: Марія Ѳеодоровна, заботившаяся о поддержаніи мира въ семействѣ, желала лично переговорить съ единственнымъ членомъ семейства, возбуждавшимъ своимъ поведеніемъ дурныя чувства въ горячо-любимомъ отцѣ. Фридрихъ приглашенъ былъ Павломъ Петровичемъ еще въ Іюнѣ, съ соизволенія Императрицы [38]), пріѣхалъ же въ Петербургъ 16 Сентября, въ сопровожденіи бывшаго воспитателя своего Голланда, и пробылъ въ немъ почти полгода. Будущій король Виртембергскій «отличался необыкновенною грузностію и былъ до безобразія тученъ. Вслѣдствіи онъ не могъ кушать иначе, какъ за особымъ столомъ, въ которомъ сдѣланъ былъ выемъ для его живота. Толстяки нерѣдко одарены тонкимъ умомъ; таковъ былъ и этотъ принцъ. Но умъ его направлялся къ цѣлямъ своекорыстнымъ» [39]). При дворѣ Екатерины, какъ впослѣдствіи при дворѣ Наполеона, Фридрихъ умѣлъ сдерживать грубость своего нрава и не произвелъ невыгоднаго впечатлѣнія на Екатерину [40]), которая даже пожаловала ему Андреевскій орденъ. Принцъ Фридрихъ въ это время, по семейнымъ и служебнымъ разсчетамъ, подумывалъ о женитьбѣ. Безъ сомнѣнія именно въ Петербургѣ, подъ вліяніемъ похвалъ Императрицы, у него созрѣла

---

[38]) Госуд. Арх., IV, 205.

[39]) Р. Архивъ 1888 г., I, 11.

[40]) С. Р. И. О., XXIII, 249. „Это масса, пишетъ Екатерина, и больше ничего“ Отзывъ относится къ 1782 г., но здѣсь же Екатерина свидѣтельствуетъ, что Фридрихъ два раза, на ея глазахъ, ссорился изъ-за пустяковъ съ Павломъ Петровичемъ и въ тоже время упрекалъ сестру за то, что она бранитъ своихъ женщинъ (!). Мы увидимъ впослѣдствіи, на что способенъ былъ этотъ сострадательный человѣкъ! Быть можетъ даже, что самыя размолвки свои съ зятемъ и сестрою онъ устраивалъ на глазахъ Императрицы не безъ дальняго разсчета.

мысль жениться на принцессѣ Августѣ Брауншвейгской, которую Екатерина прозывала Зельмирой. Этотъ брачный проектъ былъ окончательно рѣшенъ въ 1779 г., но при самыхъ грустныхъ для Зельмиры обстоятельствахъ. «Фрицъ, писала принцесса Доротея Маріи Θеодоровнѣ передъ отъѣздомъ сына въ Петербургъ, питаетъ къ сожалѣнію самую сильную страсть въ своемъ сердцѣ (къ одной женщинѣ, стоявшей ниже его по общественному положенію). Поэтому онъ думаетъ, что онъ никогда не въ состояніи будетъ полюбить свою жену, что онъ станетъ только уважать ее, если она будетъ заслуживать уваженія, что будетъ ей вѣренъ и оказывать ей полное вниманіе, но что невозможно требовать отъ него бóльшаго, что остальное не зависитъ отъ него и что ничто въ мірѣ не погубило бы его болѣе, какъ еслибы жена любила его, тогда какъ онъ не въ состояніи платить ей взаимностію. Эти разсужденія прерываются цѣлымъ потокомъ слезъ. Я испытала всѣ способы, но все было безполезно... Богъ пусть направитъ его выборъ, къ которому онъ относится довольно равнодушно, и дастъ ему въ супруги женщину съ умомъ, способную своимъ характеромъ и нѣжностію сдѣлать его счастливымъ. Увѣдомляю васъ объ этомъ, дорогое дитя, чтобы вы могли своими добрыми совѣтами привести его къ образу мыслей, болѣе соотвѣтствующему тому состоянію, въ которое онъ готовится вступить, и вылѣчить его отъ несчастной страсти» [41]).

Но, разумѣется, просьба матери не могла быть исполнена Маріей Θеодоровной; ея попытки смягчить грубую натуру брата должны были остаться безуспѣшными. Личное знакомство съ братомъ, котораго Марія Θеодоровна знала еще дѣвочкой, по всей вѣроятности, возбудило въ ней горькое чувство: къ сестрѣ, которая была въ сущности виновницей его благополучія, онъ относился, кажется, такъ же грубо, какъ и къ отцу. Это видно изъ письма къ Маріи Θеодоровнѣ отъ 27 Февраля 1780 г. ея матери, которая, очевидно, любила своего первенца и старалась смягчать его грубыя выходки. «Я признаюсь, мой ангелъ, что вѣрю тому, что Фрицъ васъ огорчилъ. Я это предвидѣла. Всѣ мои письма доказывали, что я боялась этого. Неумѣренныя выраженія, которыя онъ позволялъ себѣ въ моемъ присутствіи, равно какъ и тѣ, которыя онъ допускалъ по отношенію къ другимъ лицамъ, не позволяютъ мнѣ усумниться въ этомъ. Но я думаю, что слишкомъ хорошо знаю ваше сердце, чтобы не быть увѣренной, что мое дорогое дитя спокойно поразмыслитъ о томъ, чтò скажетъ ей сердце нѣжной матери».

---

[41]) Принцесса Доротея—Маріи Θеодоровнѣ отъ 19 Августа 1779 г.

При такомъ характерѣ и обстоятельствахъ личной жизни принца Фридриха, неудивительно, что бракъ его съ Зельмирой, заключенный 27 Октября 1780 года, не обѣщалъ въ будущемъ ничего хорошаго для молодой супруги.

Къ 1781 году относится прибытіе въ Россію подруги дѣтства Маріи Ѳеодоровны, дѣвицы Анны-Юліаны Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, вышедшей замужъ за подполковника Христофора Бенкендорфа, котораго Павелъ Петровичъ посылалъ въ 1779 г. за границу по извѣстному уже намъ дѣлу генерала Горси. Г-жа Бенкендорфъ, бывшая какъ бы членомъ Монбельярскаго семейства, подъ именемъ Тилль, была женщина, какъ надобно думать, съ сильнымъ умомъ и, по пріѣздѣ своемъ съ мужемъ въ Россію, возъимѣла большое вліяніе на свою царственную подругу *). Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны подробности отношеній между ней и Маріей Ѳеодоровной. Извѣстно только, что великая княгиня выслала ей 2000 рублей на дорогу, отзываясь, что деньги эти поручено ей переслать для Бенкендорфа его матерью, воспитательницею Александра Павловича [42]). Пріѣздъ г-жи Бенкендорфъ къ Маріи Ѳеодоровнѣ не могъ не оживить симпатій великой княгини къ своей родинѣ, тѣмъ болѣе, что, по старымъ связямъ своимъ съ великой княгинею, Тилль заняла первенствующее мѣсто въ ея домашнемъ обществѣ.

Съ этого времени, отчасти подъ вліяніемъ своей подруги, Марія Ѳеодоровна стала знакомиться съ новой Нѣмецкой поэзіей, пополняя этимъ пробѣлъ въ своемъ образованіи, хотя вообще не любила Нѣмецкихъ стиховъ. Знакомство это было тѣмъ успѣшнѣе, что въ домашнемъ кружкѣ Маріи Ѳеодоровны находился въ это время одинъ изъ извѣстныхъ Германскихъ поэтовъ того времени Клингеръ, котораго комедія: «Sturm und Drang» сообщила свое названіе цѣлому періоду Германской литературы. Находясь въ Германіи въ крайней бѣдности и не видя для себя исхода, онъ просилъ чрезъ Шлоссера рекомендаціи отца Маріи Ѳеодоровны для поступленія на службу въ Россіи. «Мы сдѣлаемъ все на свѣтѣ, отвѣчала отцу Марія Ѳеодоровна 27 Сентября 1780 г., чтобы устроить этого г. Клингера; но Богъ знаетъ, успѣемъ ли мы въ этомъ» [43]). До полученія болѣе выгоднаго мѣста Клингеръ состоялъ чтецомъ при Маріи Ѳеодоровнѣ Нѣмецкихъ сочиненій, тогда какъ Лафермьеръ занимался чтеніемъ Французскихъ.

---

*) Въ замкѣ Фаллѣ, подъ Ревелемъ, хранится до 70 писемъ Маріи Ѳеодоровны къ этой достопамятной женщинѣ. П. Б.

[42]) Oberkirch, I, 125.

[43]) Госуд. Арх., IV, 205.

Мечтательный Германскій поэтъ, подобно многимъ другимъ Нѣмецкимъ выходцамъ, успѣлъ однако хорошо устроить дѣла свои въ Россіи. Поступивъ въ военную службу и женившись на побочной дочери Г. Г. Орлова, Елисаветѣ Алексѣевой, онъ достигъ чина генералъ-лейтенанта и занималъ послѣдовательно мѣста директора кадетскаго корпуса и попечителя Дерптскаго учебнаго округа († 1831 г.). Нельзя не замѣтить, однако, что живя въ Россіи и продолжая обогащать своими произведеніями Нѣмецкую литературу, Клингеръ мало сжился съ варварской Россіей и, гдѣ можно было, всячески дѣйствовалъ въ пользу Нѣмецкой народности [44]).

Разсказанныя нами событія частной жизни Маріи Ѳеодоровны происходили въ періодъ поворота во внѣшней политикѣ Россіи, который сдѣлался причиною окончательнаго разлада между великокняжеской четой и Императрицей. Мы уже имѣли случай обрисовать характеръ союза, существовавшаго между Россіей и Пруссіей въ первую половину царствованія императрицы Екатерины, и стремленія Фридриха II сдѣлать Россію покорнымъ для себя орудіемъ въ цѣляхъ усиленія Пруссіи. Но Екатерина рано разгадала коварство стараго короля и, дѣйствуя въ духѣ Русскихъ интересовъ, поставила Россію въ чрезвычайно-выгодное положеніе. Открывшіяся тогда въ Германіи междоусобія облегчили ей эту задачу. Въ 1778 году Австрія, исконная противница Пруссіи въ Германіи, убѣдила бездѣтнаго курфирста Баварскаго Карла-Теодора уступить ей свои права на Баварію. Такое усиленіе Австріи возбудило протестъ со стороны дальняго родственника Карла-Теодора, герцога Цвейбрюкенскаго, поддержанный силою Прусскихъ штыковъ. Между Австріей и Пруссіей вспыхнула война за Баварское наслѣдство. Но противники хорошо понимали, что перевѣсъ получитъ лишь тотъ изъ нихъ, кто заручится помощью Петербургскаго кабинета. Опираясь на союзъ свой съ Россіей, Фридрихъ надѣялся, что Екатерина поддержитъ его сильной арміей, тогда какъ императоръ Іосифъ II, управлявшій Австріею въ старческіе годы

[44]) До какой степени даже выдающіеся Нѣмецкіе историки относятся съ недоброжелательствомъ къ Россіи, видно изъ слѣдующихъ словъ Шерра по поводу незаслуженнаго гостепріимства, оказаннаго нашимъ отечествомъ Нѣмецкому поэту: „Это была, говоритъ онъ, талантливая натура, съ тонкимъ, нѣжнымъ чувствомъ, вслѣдствіе суровыхъ опытовъ окрѣпшая до стоицизма, никогда не теряя человѣческаго достоинства даже въ своей позднѣйшей обстановкѣ (!), въ которую бросила его судьба“. (*Шерръ*: Всеобщая исторія литературы, II, 230). Позднѣйшая его обстановка была такова, что Клингеръ, оставаясь по духу Нѣмцемъ и достигнувъ богатства и почестей, не счелъ нужнымъ возвращаться въ отечество, слѣдуя, вѣроятно, правилу: ubi bene, ibi patria.

матери своей Маріи-Терезіи, надѣялся на нейтралитетъ Россіи. Екатерина не сдѣлала ни того, ни другаго: желая прочно утвердить Русское вліяніе въ Германіи и доставить себѣ рѣшающій голосъ въ Европейскихъ дѣлахъ, Императрица дала время противникамъ ослабить другъ друга и затѣмъ въ лицѣ своего посла, князя Репнина, продиктовала имъ условія мира на Тешенскомъ конгрессѣ весною 1779 года. По этому миру Іосифъ отказывался отъ своихъ притязаній на Баварію, но зато и Фридрихъ не могъ усилить свое вліяніе въ Германіи; ибо для всѣхъ было ясно, что рѣшеніе дѣла зависѣло исключительно отъ Екатерины, которая и на будущее время открыла дорогу своему вмѣшательству въ Германскія дѣла, принявъ на себя, какъ ранѣе въ Польшѣ, гарантію Имперской конституціи. Этимъ образомъ дѣйствій доставивъ Россіи первенствующее положеніе въ Европѣ, Императрица достигала и ближайшихъ цѣлей своей политики. Восточный вопросъ всегда былъ главнымъ предметомъ думъ Екатерины. Въ это время, подъ вліяніемъ Потемкина, возникъ знаменитый Греческій проектъ; владѣніе Константинополемъ и установленіе на берегахъ Босфора Греческой Имперіи подъ протекторатомъ Россіи — было конечною цѣлью этого проекта, и мы уже видѣли, что самое имя втораго внука Екатерины, родившагося во время Тешенскихъ переговоровъ, было предзнаменованіемъ готовившейся для него будущности. Рѣшеніе восточнаго вопроса, съ которымъ связаны насущные интересы Русскаго народа, долженствовало быть, по вѣрному взгляду Екатерины, главною цѣлью Русской политики; дѣла же Запада Европы въ глазахъ ея имѣли до поры до времени второстепенное значеніе и служили ей лишь орудіемъ для достиженія главной ея цѣли. Послѣ Тешенскаго мира, заставившаго Іосифа II искать содѣйствія и союза Русской императрицы для проведенія Германскихъ своихъ плановъ, Екатерина могла уже разсчитывать на помощь въ рѣшеніи восточнаго вопроса даже со стороны Австріи, до сихъ поръ только мѣшавшей осуществленію ея намѣреній. Вотъ почему, Императрица, хорошо понимавшая все коварство Фридриха II и вѣроломство его политики по отношенію къ Россіи, не задумалась пойти на встрѣчу желаніямъ Іосифа II, изъявлявшаго готовность содѣйствовать видамъ Россіи подъ условіемъ заключенія союза съ нею. Чтобы вѣрнѣе и скорѣе обезпечить себѣ поддержку Россіи и разорвать связь ея съ Пруссіей, Іосифъ рѣшился даже на небывалый еще шагъ: весною 1780 года онъ прибылъ въ Россію, чтобы личнымъ знакомствомъ съ Императрицей и ея наслѣдникомъ положить прочное основаніе будущимъ своимъ надеждамъ.

Какъ же отнеслись къ этому измѣненію политики своей матери Павелъ Петровичъ и его супруга? Подобно многимъ изъ современниковъ

Екатерины, ближайшихъ свидѣтелей ея дѣйствій, они не могли обнять всей широты и величія ея государственныхъ предначертаній, выясняющихся лишь въ отдаленіи временъ, въ глазахъ потомства, горькимъ опытомъ извѣдавшаго впослѣдствіи весь вредъ уклоненія отъ пути, начертаннаго для Россіи «премудрой матерью отечества» [45]). Великій князь по прежнему смотрѣлъ на событія лишь съ точки зрѣнія непосредственнаго родственнаго чувства, которое питалъ онъ къ Фридриху, и во время войны за Баварское наслѣдство, съ рыцарскимъ воодушевленіемъ, собирался лично, во главѣ своего полка, идти на театръ военныхъ дѣйствій и тамъ, рядомъ съ своими шурьями, Фридрихомъ, Людвигомъ и Евгеніемъ, сражаться за великаго короля, своего дядю [46]). Тешенскій миръ помѣшалъ этому намѣренію Павла Петровича; но онъ съ напряженнымъ участіемъ слѣдилъ за ходомъ переговоровъ, кончившихся повидимому благопріятно для Пруссіи, и велъ оживленную переписку съ уполномоченнымъ Екатерины кн. Репнинымъ, своимъ приверженцемъ [47]). Тѣмъ неожиданнѣе и поразительнѣе для него было зрѣлище начавшагося сближенія между Россіей и Австріей, тогда какъ, казалось, что въ Тешенѣ между ними вырыта была цѣлая пропасть и что Россія надолго пристегнута къ Прусской колесницѣ. Эту перемѣну Русской политики Павлу легко было истолковать также, какъ толковалъ ее Гаррисъ, утверждавшій, будто враждебность Екатерины ко Фридриху обусловливалась тѣмъ вниманіемъ, которое Фридрихъ оказывалъ Павлу Петровичу [48]). Нѣтъ сомнѣнія, что такое толкованіе перемѣны отношеній къ себѣ Екатерины давалъ Павлу Петровичу и Фридрихъ, находившійся съ нимъ и Маріей Ѳеодоровной въ постоянныхъ сношеніяхъ: ему слишкомъ выгодно было разыграть передъ рыцарскимъ цесаревичемъ роль жертвы своей къ нему привязанности. Поэтому Павелъ Петровичъ не только сочувствовалъ Фридриху, но даже считалъ нравственною своею обязанностью содѣйствовать ему въ его планахъ [49]).

---

[45]) См. напр., диссертацію г. Трачевскаго: „Союзъ князей и Нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Іосифа II. 1780—1790". С.-Петербургъ, 1877 г. Дополненіемъ къ этой книгѣ для оцѣнки дальнѣйшихъ дѣйствій Русской дипломатіи являются прекрасные труды г. Татищева.

[46]) Письмо принцессы Доротеи, восхищавшейся этимъ намѣреніемъ зятя, 30 Декабря 1778 года.

[47]) Въ реестрѣ бумагъ Павла Петровича (Маріинск. Арх., св. 103, № 5) подъ № 31 упоминаются: „Письма отъ кн. Репнина во время его посольства въ Тешенъ 1779 года". Въ 1778 г. Павелъ велъ переписку съ княземъ Долгорукимъ, нашимъ посломъ въ Берлинѣ. Русскій Архивъ, 1882 г., I, 388.

[48]) Донесеніе 15 Февраля 1780 г.

[49]) Въ реестрѣ бумагъ Павла указанъ подъ № 24: „Проектъ покойнаго короля Фридриха II о Германскомъ союзѣ", вѣроятно, своевременно сообщенный имъ цесаревичу.

Марія Θеодоровна, питавшая къ Пруссіи тѣже дружескія чувства, вынуждена была, однако, отнестись къ новому положенію дѣлъ гораздо сдержаннѣе, чѣмъ пылкій ея супругъ: она постоянно связана была мыслію о вліяніи политическихъ дѣлъ на интересы ея семейства. Предназначивъ сестру свою Фредерику въ супруги принцу Голштейнъ-Ольденбургскому Петру, Марія Θеодоровна мечтала о выдачѣ замужъ младшей сестры своей Елисаветы (р. 1767) за будущаго наслѣдника Прусской короны, Фридриха-Вильгельма (р. 1770), сына принца Прусскаго [50]). Но молодость принцессы Елисаветы еще мѣшала ей приступить къ осуществленію этого плана, а между тѣмъ Фридрихъ II своими дѣйствіями возбудилъ въ ея родителяхъ нѣкоторое къ себѣ недовѣріе [51]). Поэтому Марія Θеодоровна боялась явнымъ пруссофильствомъ повредить благу своихъ родныхъ, которые добивались для себя съ помощью дочери различныхъ выгодъ и одно время мечтали даже получить во владѣніе герцогство Курляндское [52]). Благополучіе ея семейства во многомъ могло зависѣть отъ Германскаго императора, даже болѣе, чѣмъ отъ Прусскаго короля. Вотъ почему она съ интересомъ ожидала появленія въ Петербургѣ Іосифа II, который, свидѣвшись съ Екатериной въ Могилевѣ, въ Маѣ 1780 г., изъявилъ желаніе посѣтить Петербургъ исключительно чтобы познакомиться съ великимъ княземъ и его супругой.

Іосифъ, подъ именемъ графа Фалькенштейна, ѣхалъ въ Петербургъ, только съ цѣлью всевозможными средствами уничтожить самый корень пруссофильства въ Россіи и лишить Фридриха вѣрнѣйшихъ его приверженцевъ. Увидавшись съ Павломъ Петровичемъ и Маріею Θеодоровною, Іосифъ замѣтилъ, что великая княгиня имѣетъ сильное вліяніе на мужа, превосходя его умомъ и талантами [53]); не

[50]) См. письма принцессы Доротеи.

[51]) Во время Тешенскаго конгресса Монбельярская семья разсчитывала получить нѣкоторыя земли въ Германіи себѣ во владѣніе. Неудачу въ этомъ принцесса Доротея объясняла въ письмѣ 6 Апр. 1779 г. недоброжелательствомъ Фридриха. „Je suis bien fâchée des inquiétudes que vous avez pour nous, craignant que nous serons trop sensibles de manque de réussite qu'a eu l'affaire de fiefs. Vous verrez par la lettre, que le cher papa vous communiquera la bonne volonté de la cour de Vienne à cet égard et que ce n'est que Roi seul que nous devons le manque du succès. Ayez la bonté, прибавляла недовольная принцесса, de vous rappeller ce que je vous ai écrit à ce sujet; c'est une maxime de grands, qui ne s'occupent du bien-être des autres qu'autant qu'ils en ont besoin et que leur politique l'exige". Тѣмъ не менѣе жалобу свою неисправимая принцесса заключила словами: mon attachement pour lui sera toujours le même, quoique je sais bien que j'ai à faire à un ingrât.

[52]) Письмо 19 Августа 1779 г. и письмо безъ числа 1780 г.

[53]) Arnet: Ioseph II und Leopold II, 1, 327.

могла укрыться отъ него и сильная привязанность ея къ роднымъ. Поэтому Іосифъ думалъ склонить Марію Өеодоровну на свою сторону, устроивъ бракъ своего племянника и будущаго наслѣдника Австрійской монархіи Франца (бывшаго сыномъ брата его Леопольда, великаго герцога Тосканскаго) съ младшей сестрой Маріи Өеодоровны, принцессой Елисаветой. Марія Өеодоровна произвела на Іосифа самое благопріятное впечатлѣніе: «если бы, писалъ онъ матери, я десять лѣтъ тому назадъ могъ найти или вообразить себѣ подобную ей принцессу, я бы женился на ней безъ затрудненія; она вполнѣ отвѣчала бы моему положенію; мнѣ кажется, что сказать болѣе нельзя» [54]). Іосифъ постоянно проводилъ время у великокняжеской четы, былъ даже въ Павловскѣ у великой княгини и присутствовалъ тамъ при закладкѣ Храма Дружбы. «Онъ заискивалъ въ насъ всевозможными средствами», писала Марія Өеодоровна родителямъ $^{19}/_{30}$ Іюля 1780:... «онъ чрезвычайно ласкалъ нашего дорогаго графа Панина, такъ что Потемкинъ и его племянницы были даже обижены... Въ одну изъ бесѣдъ нашихъ онъ началъ говорить о счастіи, вытекающемъ изъ такого счастливаго союза, какъ нашъ. Онъ сказалъ мнѣ по этому поводу много любезностей и прибавилъ, что онъ желалъ бы когда-нибудь найти для своего племянника, сына великаго герцога Тосканскаго, супругу, которая походила бы на меня. Затѣмъ онъ спросилъ меня, сколько лѣтъ моей младшей сестрѣ... Я ему отвѣчала, что ей въ Апрѣлѣ исполнилось 13 лѣтъ и что касается до ея личности, то истина заставляетъ меня сказать, что она лучшая изъ всѣхъ насъ трехъ сестеръ, что она обѣщаетъ быть очень красивой и что вмѣстѣ съ этимъ она соединяетъ въ себѣ лучшія качества ума и сердца. Тогда онъ сказалъ: «Очень жаль, что существуетъ такое большое различіе въ лѣтахъ (эрцгерцогъ былъ на годъ моложе принцессы Елисаветы): иначе можно было бы подумать о брачномъ союзѣ между ними; но сестра ваша не согласится ждать такъ долго». На это я не могла ничего сказать; но онъ продолжалъ говорить, что хотя, къ несчастію, и трудно ожидать осуществленія этого брачнаго союза, но онъ будетъ въ восхищеніи, если дѣло это устроится». При слѣдующемъ свиданіи онъ снова спрашивалъ великую княгиню, согласится ли ея сестра ждать совершеннолѣтія своего жениха, и тѣмъ вынудилъ ее сказать, что хотя она очень тронута вниманіемъ императора къ ея сестрѣ, но что рука сестры ея зависитъ отъ родителей, къ которымъ ему нужно обратиться. Сообщая объ этомъ разговорѣ родителямъ, Марія Өеодоровна хотя и восхищалась мыслію, что сестра ея можетъ быть впослѣдствіи Германской императ-

---

[54]) Arnet: Maria Theresia und Ioseph II, 280.

рицей, но совѣтовала имъ не обольщаться заранѣе мечтами, такъ какъ дѣло это зависитъ исключительно отъ политическихъ случайностей. Подавъ надежду Маріи Ѳеодоровнѣ на блестящій бракъ ея младшей сестры, Іосифъ не ограничился этимъ. За день до своего отъѣзда, на утренней прогулкѣ, онъ, обратившись къ Маріи Ѳеодоровнѣ, сказалъ: «Я имѣю большую просьбу къ вашему императорскому высочеству.—Какую просьбу? спросила великая княгиня.—Онъ отвѣчалъ: «Осмѣливаюсь просить васъ, если вы считаете меня способнымъ оказать какую-либо услугу принцу, вашему отцу или вашему семейству, располагайте мною. Вы найдете меня всегда готовымъ доказать вамъ, насколько я къ вамъ привязанъ». «Я ему отвѣчала на это слѣдующее, писала родителямъ Марія Ѳеодоровна: «Я навѣрное ничего бы не сказала вамъ, что̀ относилось бы ко мнѣ; но когда вы дѣлаете мнѣ честь, сами заводя рѣчь объ этомъ, позвольте мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы рекомендовать вашей добротѣ моихъ родителей и мое семейство. Вамъ извѣстно, какъ я люблю ихъ». Тогда Іосифъ прервалъ меня словами: «Испытайте меня, и вы увидите, честный ли я человѣкъ» [55]). Безъ сомнѣнія, эта тонкая и предупредительная готовность Іосифа исполнять желанія Маріи Ѳеодоровны не могла не содѣйствовать въ нѣкоторой степени ослабленію ея симпатій къ Пруссіи.

Чтобы загладить впечатлѣніе, произведенное пребываніемъ Іосифа въ Петербургѣ, Фридрихъ II послалъ туда своего племянника и наслѣдника престола, Фридриха-Вильгельма. Этотъ принцъ ничѣмъ не отличался отъ брата Маріи Ѳеодоровны Фридриха по грубости манеръ и тяжелому характеру. «Я въ отчаяніи, писала принцесса Доротея дочери, въ виду смѣшной поѣздки принца Прусскаго. Это достойный человѣкъ, который не долженъ быть шпіономъ». Екатерина, называвшая Фридриха-Вильгельма тяжеловеснымъ и глупцомъ, приняла его сухо и сдержанно и, наконецъ, прямо сократила его пребываніе въ Петербургѣ. Хотя личныя отношенія его съ Павломъ Петровичемъ и его супругой продолжали быть дружественны и даже, при посредничествѣ Панина, повели къ новому обмѣну увѣреній въ вѣчной дружбѣ между наслѣдниками Русскаго и Прусскаго престоловъ, но онъ ничего не могъ предложить взамѣнъ лестныхъ для Маріи Ѳеодоровны обѣщаній Іосифа; мало того, на вопросъ ея, возможенъ ли бракъ между его сыномъ и принцессой Луизой Прусской, онъ отвѣчалъ, что онъ вовсе не думаетъ

---

[55]) Госуд. Арх., IV, 205.—Письмо это съ подлинника, находящагося въ Штутгартскомъ королевскомъ архивѣ, напечатано у Шлосбергера, Prinz Karl von Würtemberg, Stuttgart, 1889, стр. 99—104.

о брачныхъ проектахъ для своего сына, которому только что минуло десять лѣтъ. Францу Тосканскому исполнилось тогда двѣнадцать лѣтъ; но Іосифъ не затруднялся этимъ, желая только, чтобы принцесса Елисавета согласилась ждать до совершеннолѣтія своего жениха. Разница эта въ поведеніи представителей Прусскаго и Австрійскаго домовъ бросалась въ глаза сама собою, а тутъ еще пришли вѣсти отъ матери, что Фридрихъ, раздраженный неудачами, началъ вымещать ихъ на братьяхъ Маріи Ѳеодоровны. Этимъ объясняется извѣстіе Гарриса, что принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ не нашелъ въ Павлѣ Петровичѣ и Маріи Ѳеодоровнѣ того радушія, какого ожидалъ [56]). Только по возвращеніи Фридриха-Вильгельма изъ Петербурга, старый король узналъ о предложеніяхъ, сдѣланныхъ въ Петербургѣ Іосифомъ; но исправить дѣло было трудно.

Родители Маріи Ѳеодоровны были очень обрадованы блестящею будущностью, открывавшеюся и предъ второю ихъ дочерью. Принцъ Фридрихъ-Евгеній рѣшительно высказывался въ пользу Австрійскихъ предложеній. Фридрихъ II напрасно предлагалъ имъ въ зятья сначала наслѣднаго принца Датскаго [57]), а затѣмъ сына принца Прусскаго, о которомъ думала ранѣе Марія Ѳеодоровна; напрасно напоминалъ онъ имъ о родственныхъ чувствахъ къ Прусскому королевскому дому [58]): старый король самъ портилъ дѣло, не отказавшись еще отъ привычки деспотически распоряжаться судьбами Монбельярской фамиліи и притѣсняя въ порывѣ гнѣва братьевъ Маріи Ѳеодоровны. Эти поступки благодѣтельнаго дяди побудили даже принцессу Доротею жаловаться на него Маріи Ѳеодоровнѣ и просить черезъ нее покровительства у Екатерины. «Поступки короля, писала она дочери въ началѣ 1781 года, становятся невыносимы.... Это ужасный человѣкъ. Но невозможно допустить, чтобы онъ обращался съ моими сыновьями, какъ съ негодяями (traiter en canaille)». Боясь, чтобы злоба Фридриха и его интриги не повредили дѣлу сватовства и ея семейству, принцесса Доротея прибавляла: «Ахъ, дорогая Дортель, я опасаюсь, что дѣла наши еще не скоро примутъ благопріятный оборотъ. Мы были бы несчастнѣйшими изъ людей безъ покровительства Императрицы. Ходатайствуйте за насъ предъ нею».

---

[56]) Донесеніе 11 Сентября 1780 г.

[57]) Это предложеніе поддерживалось Павломъ Петровичемъ и Панинымъ. Письмо Маріи Ѳеодоровны 20 Сентября 1780 г., Госуд. Арх., IV, 205.

[58]) Это дѣлалъ онъ чрезъ принца Фердинанда Прусскаго, письмо котораго хранится въ Павловскомъ дворцовомъ архивѣ, и чрезъ принца Фридриха, брата Маріи Ѳеодоровны. Штаркъ, 54.

И такъ, помимо воли Маріи Θеодоровны и противъ желанія ея и графа Панина, положено было начало родственныхъ отношеній съ Габсбургскимъ домомъ, что̀ равнялось отчужденію отъ Пруссіи.

Екатерина, въ свою очередь, воспользовалась благопріятнымъ оборотомъ дѣлъ. 2-го Іюня 1781 г. она увѣдомила Іосифа о согласіи родителей принцессы Елисаветы на предположенный бракъ ея съ эрцгерцогомъ Францомъ, и 24-го Іюля, Іосифъ, находившійся тогда въ Брюсселѣ, обратился къ принцу Фридриху-Евгенію съ формальнымъ предложеніемъ. На возвратномъ пути въ Австрію, побывавъ въ Парижѣ у сестры своей королевы Маріи-Антуанеты, Іосифъ заѣхалъ 10 Августа и въ Монбельяръ, гдѣ онъ провелъ 1½ дня. Очаровавъ Монбельярскую семью своею любезностью, Іосифъ кончилъ тѣмъ, что пригласилъ принца Фридриха-Евгенія и его супругу, вмѣстѣ съ 14-лѣтнею Елисаветою, въ Ноябрѣ посѣтить Вѣну, куда онъ, согласно извѣщенію Екатерины отъ 4 Іюля, ждалъ къ тому времени Павла Петровича и Марію Θеодоровну [59]). Объ этомъ путешествіи великокняжеской четы шла рѣчь между Іосифомъ и Екатериной, во время пребыванія Іосифа въ Петербургѣ, и Марія Θеодоровна, безъ сомнѣнія, могла только радоваться, желая увидаться съ родителями, которыхъ она отчаялась когда-либо видѣть [60]).

Такимъ образомъ Марія Θеодоровна Іосифу была обязана исполненіемъ самыхъ горячихъ своихъ желаній. Но, соглашаясь на поѣздку цесаревича и его супруги изъ политическихъ видовъ, желая доставить Іосифу возможность принять высокихъ супруговъ въ Вѣнѣ и заручиться тамъ ихъ симпатіями, Екатерина, къ удовольствію Іосифа, поставила непремѣннымъ условіемъ заграничнаго путешествія, чтобы великій князь и его супруга не посѣщали Пруссіи и Берлина.

За пятилѣтній промежутокъ времени, истекшій со времени поѣздки Павла въ Берлинъ, Екатерина имѣла полную возможность безошибочно оцѣнить что̀ такое для нея и для ея семьи Берлинъ.

---

[59]) Кобеко, Шлосбергеръ, Оберкирхъ.

[60]) Донесеніе Гарриса 2 Октября 1781 г.,—Arnet, Ioseph II, 39, 96, Maria Theresia III, 96.—Письма матери Маріи Θеодоровны.

VI.

Путешествіе Павла Петровича и Маріи Θеодоровны за границу.

1781 — 1782.

Причины, вызвавшія путешествіе, и обстоятельства, ему благопріятствовавшія. — Роль графа Панина.—Отъѣздъ ихъ высочествъ.—Путешествіе по Россіи и Польшѣ.—Прибытіе въ Вѣну и пребываніе въ ней.—Путешествіе по Италіи.—Жизнь въ Парижѣ.—Изъ Парижа въ Монбельяръ.—Родина.—Швейцарія, южная Германія и Вѣна.—Возвратный путь.— Положеніе дѣлъ въ Петербургѣ.—Что дало путешествіе.

Со времени пребыванія въ Петербургѣ Іосифа II обстоятельства сложились самымъ благопріятнымъ образомъ для исполненія давняго желанія Маріи Θеодоровны увидѣться съ своею Германской семьею. Екатерина, изъ политическихъ разсчетовъ, могла только сочувствовать заграничной поѣздкѣ великокняжеской четы, а Павелъ Петровичъ, вообще склонный дѣлать угодное своей супругѣ, могъ видѣть въ предполагаемой поѣздкѣ удобное средство хотя на время выйти изъ колеи однообразной, бездѣятельной жизни и путемъ личнаго знакомства съ образованными Европейскими странами расширить умственный кругозоръ свой. Молодой мужъ и отецъ, наслѣдникъ огромнѣйшей въ свѣтѣ имперіи, при своей нервности и впечатлительности, изнывалъ отъ скуки бездѣйствія и отсутствія соотвѣтствующихъ его положенію занятій. По образу своихъ мыслей, лишившись возможности принимать участіе въ управленіи государствомъ, Павелъ пріучился отрицательно относиться къ положенію государственныхъ дѣлъ и занялся изложеніемъ собственныхъ взглядовъ по разнымъ частямъ управленія и вступилъ по этому поводу въ переписку съ своими приверженцами: княземъ Н. В. Репнинымъ и графомъ П. И. Панинымъ. Заботы Маріи Θеодоровны о хозяйствѣ, о своихъ родныхъ, о созиданіи Павловска, равно какъ и частныя литературныя чтенія въ тѣсномъ домашнемъ кружкѣ, занимали цесаревича только съ внѣшней стороны. Живя лѣтомъ 1781 г. въ Павловскѣ, Павелъ помогалъ своей супругѣ въ хлопотахъ по устройству ея лю-

бимаго мѣстопребыванія (Марія Ѳеодоровна готовилась въ это время къ постройкѣ большаго Павловскаго дворца); но какъ мало удовлетворяла его эта мирная дѣятельность и каково было его душевное состояніе, видно изъ переписки его съ бывшимъ его наставникомъ, въ то время архіепископомъ Московскимъ, Платономъ. «Вы», писалъ онъ ему 19 Іюня 1781 г. изъ Павловска, «много мнѣ чести дѣлаете, сравнивая мои упражненія съ Кировыми. Они ни славою, ни важностію не могутъ быть съ оными сравнены, но со стороны добрыхъ намѣреній могутъ на Кировы походить когда-нибудь; а теперь стараюсь успокоивать духъ свой и занимаю себя невиннымъ здѣшняго мѣста иногда упражненіемъ. Вотъ цѣна здѣшняго мѣста и пребыванія моего въ немъ. Потъ же мой не упражненія, ни трудовъ, а потъ развѣ скуки. Итакъ, изъ сего видите, что и тутъ на Кира не похожъ: ибо онъ проливалъ его въ трудахъ, въ которыхъ отдыхалъ отъ важнѣйшихъ; а я, не имѣя таковаго рода, есть ли отъ чего могу отдыхать, такъ развѣ со стороны духа, и тѣмъ самымъ сіе сельское житіе мое оправдывать или извинять, естьли извиненіе надобно, предъ вами же никогда думаю; ибо, зная меня, отдадите справедливость намѣреніямъ моимъ и дружбѣ къ вамъ». Платонъ, встревоженный скорбной нотой, звучавшей въ устахъ его царственнаго ученика, совѣтовалъ ему беречься унынія и ободриться. Павелъ отвѣчалъ ему 16 Іюля, когда Екатерина дала уже согласіе на его путешествіе: «Все, что̀ ваше преосвященство пишете въ послѣднемъ письмѣ своемъ о скукѣ, столь справедливо, что остается мнѣ только напрягать силы свои къ исполненію подаваемыхъ мнѣ вами совѣтовъ. Всеконечно ослабляетъ она духъ, отымая силы, и нѣтъ лучшаго средства оборониться отъ нея, какъ занимая себя предметами, сходными съ состояніемъ каждаго. Тогда, хотя бы и оставалось праздное время, будетъ то утѣшеніе, что употреблено хотя протчее въ пользу, и отъ сего самаго должно и спокойствіе духа проистекать. Но властны ли мы всегда такимъ образомъ располагать временемъ своимъ? Сей вопросъ стòитъ нѣкотораго вниманія. Конечно властны, поелику другихъ препятствій не настоитъ; но когда съ самою лутчею волею къ тому отымаются средства не отъ насъ зависящими способами, то что̀ тутъ дѣлать? Я не выхожу изъ того слѣдствія, чтобы отъ того должно было унывать; но нельзя не чувствовать, что принужденно занятъ не тѣмъ и не съ такою пользою, чѣмъ и съ какою бы надлежало. Вы конечно, не ошиблись въ томъ, чтобы все вами писанное не было взято въ прямой своей цѣнѣ и вѣрьте, что можетъ быть одинъ изъ предметовъ намѣренной нашей ѣзды (т.-е. путешествія за границу) тотъ, чтобъ время свое втунѣ и въ уныніи не проводить вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ большей способности, бòльшимъ знаніемъ людей и вещей.

Дайте свое благословеніе и испросите у Бога ангела мирна, вѣрна наставника и хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ» [1]).

При такомъ настроеніи Павла Петровича, легко было Маріи Ѳеодоровнѣ склонить его просить Екатерину о дозволеніи предпринять путешествіе въ Австрію и Италію. [2]) Кромѣ естественнаго желанія вновь увидѣть своихъ родныхъ, которыхъ она оставила едва выйдя изъ отроческихъ лѣтъ, Марія Ѳеодоровна руководилась и другими чрезвычайно важными для нея соображеніями, вытекавшими изъ положенія ея Германской семьи въ это время. Послѣ извѣстнаго уже намъ дѣла съ Горси, улаженнаго только благодаря горячему участію въ немъ Маріи Ѳеодоровны, отецъ ея Фридрихъ-Евгеній сталъ холоднѣе относиться къ своей старшей дочери, принявшей сторону матери и тѣмъ оскорбившей его самолюбіе; мало того, Маріи Ѳеодоровнѣ казалось, что отецъ сталъ даже пренебрегать ею съ тѣхъ поръ, какъ младшей его дочери, принцессѣ Елисаветѣ, открылась въ будущемъ возможность сдѣлаться Германской императрицей [3]). Страдая отъ такого невниманія отца, Марія Ѳеодоровна подвергалась столь же неосновательнымъ упрекамъ со стороны своихъ младшихъ братьевъ, Людвига и Евгенія, которые завидовали старшему брату, принцу Фридриху, возведенному въ званіе Прусскаго генерала и получившему во время пребыванія своего въ Петербургѣ Андреевскій орденъ. Увѣдомляя Марію Ѳеодоровну о служебныхъ непріятностяхъ, которымъ подвергался на Прусской службѣ принцъ Евгеній, принцесса Доротея писала ей: «Вы должны чувствовать, дорогое дитя мое, что не можетъ быть предпочтенія, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы быть полезнымъ своимъ братьямъ, и что ихъ благосостояніе должно быть одинаково близко вашему сердцу. Я говорю вамъ это, такъ какъ только что получила письмо, въ которомъ говорится слѣдующее: «Старшему брату открыта широкая дорога, потому что знаютъ, что онъ фаворитъ великой княгини. Отъ нея зависитъ,

---

[1]) Р. Арх., 1887, II, 22—24.—„Надо, писалъ тогда же Павелъ Сакену, употребить всѣ усилія, чтобы принести больше пользы своему отечеству, а для этого надо пріобрѣтать познанія, а не сидѣть на одномъ мѣстѣ сложа руки“. С. Р. И. О., XX, 429.

[2]) „Нѣсколько времени тому назадъ, писала Екатерина Іосифу 4 Іюля, сынъ мой заявилъ мнѣ о своемъ желаніи побывать за границей и особливо въ Италіи. Arnet: Ioseph II und Katharina von Russland. Ссылаемся на превосходный переводъ этихъ писемъ въ Р. Архивѣ 1880, I, 258.

[3]) „Il me néglige déjà depuis que la fille cadette de la maison donne des espérances, qui sont cependant encore très-éloignées“: письмо Маріи Ѳеодоровны къ Моклеру 26 Сентября 1780 года. Stark, 104. Въ этомъ же письмѣ Марія Ѳеодоровна просила Моклера убѣдить ея родителей не высказывать принцессѣ Елисаветѣ предпочтенія, оскорбительнаго для принцессы Фредерики, которая въ то время была еще невѣстою принца Петра Голштинскаго.

чтобы всѣ ея братья пользовались такимъ же вниманіемъ; стóитъ ей только показывать такую же заботливость и по отношенію къ нимъ». Признаюсь вамъ, дорогое дитя, подозрѣніе это глубоко взволновало меня» [4]). Безспорно, что нареканія эти тѣмъ болѣе должны были поразить нѣжное сердце Маріи Θеодоровны, что ея заботливость по отношенію къ Германскимъ роднымъ проявлялась, при каждомъ удобномъ случаѣ. Мы не имѣли возможности воспользоваться полною перепиской Маріи Θеодоровны съ Берлиномъ; но даже изъ небольшаго количества напечатанныхъ ея писемъ къ Фридриху II-му видно, что судьбу всѣхъ братьевъ своихъ она одинаково поручала его попеченіямъ [5]). Во время пребыванія принца Прусскаго въ Петербургѣ она также ходатайствовала за братьевъ [6]). Съ конца 1780 г. она начала хлопотать и о четвертомъ братѣ своемъ, Вильгельмѣ, поступившемъ въ Датскую службу: въ перепискѣ, завязавшейся по этому поводу между Маріей Θеодоровной и Русскимъ посланникомъ при Датскомъ дворѣ Сакеномъ, она обнаруживала самую нѣжную, предупредительную заботливость къ нуждамъ начинавшаго свою карьеру брата [7]). Между тѣмъ отъ братьевъ Марія Θеодоровна не видѣла ничего кромѣ горя: не говоря уже о принцѣ Фридрихѣ, поведеніе котораго было причиною постоянныхъ семейныхъ тревогъ, гнѣвъ отца возбудилъ противъ себя легкомысленнымъ поведеніемъ и принцъ Людвигъ. Кажется, можно сказать безошибочно, что старшіе братья Маріи Θеодоровны, находясь въ качествѣ служилыхъ принцевъ въ рядахъ Прусской арміи и домогаясь богатства и почестей, смотрѣли на Русскую сестру свою главнымъ образомъ какъ на средство къ своему возвышенію и обвиняли ее въ равнодушіи каждый разъ, когда надежды ихъ не осуществлялись съ желаемой скоростью, предполагая, конечно, что для Русской великой княгини нѣтъ ничего невозможнаго [8]). Эти прискорбныя недоразумѣнія съ отцомъ и братьями Марія Θеодоровна могла надѣяться уничтожить лишь при личномъ свиданіи съ ними: неблагодарность близкихъ къ ней людей не отталкивала отъ нихъ Маріи Θеодоровны, а только побуждала представить имъ новыя доказательства своей горячей любви къ нимъ. Не-

---

[4]) Письмо принцессы Доротеи изъ Этюпа, 18 Октября 1780 г.

[5]) Stark, 51—53.

[6]) Черновое письмо Маріи Θеодоровны къ матери 1780 г., безъ числа.

[7]) С. Р. И. О., XX, 397 и далѣе.

[8]) Принцесса Доротея, передавая дочери жалобы братьевъ, тѣмъ не менѣе не раздѣляла ихъ пылкихъ надеждъ и понимала щекотливость положенія великой княгини. „Il est sûr, mon cher enfant, que dans le grand rang, où vous vous trouvez vous devez user d'autant plus de circonspection, tous les yeux étant fixés sur vous pour observer et pour deviner, pour ainsi dire, vos pensées. Tout ceci me chipotte beaucoup, ne désirant rien tant que la tranquillité d'esprit“. Письмо 18 Октября 1780 г.

достатка въ поводахъ къ этому не могло быть: положеніе дѣлъ Монбельярской семьи, всегда довольно шаткое, именно въ это время требовало особенной поддержки Русской великой княгини и ея супруга и даже ихъ личнаго пребыванія за границей.

6-го Апрѣля 1780 г. скончалась первая супруга Карла, владѣтельнаго герцога Виртембергскаго, не оставивъ дѣтей послѣ себя, и для Монбельярской семьи возникъ грозный призракъ втораго брака Карла. Этимъ въ самомъ корнѣ уничтожались надежды отца Маріи Өеодоровны рано или поздно вступить во владѣніе герцогствомъ (ибо дѣти втораго брата Карла, принца Людвига, женатаго, какъ намъ извѣстно, морганатическимъ бракомъ, по семейному договору, не имѣли права наслѣдованія). Надеждой же когда-либо владѣть Виртембергомъ по смерти братьевъ принцъ Фридрихъ-Евгеній очень дорожилъ, разсчитывая этимъ обезпечить будущность своихъ дѣтей. Изъ писемъ принцессы Доротеи видно, что въ 1779 г. онъ долго не рѣшался дать согласіе на присвоеніе дочерямъ принца Людвига титула принцессъ и сдѣлалъ это лишь по совѣту Маріи Өеодоровны и графа Панина: принцъ Фридрихъ-Евгеній боялся, что у брата можетъ родиться сынъ, котораго тоже пришлось бы признать принцемъ, съ правами наслѣдованія. Теперь, со смертію супруги герцога Карла, мечтамъ Монбельярской семьи грозила серьезная опасность: Прусскіе вѣстовщики разглашали, что герцогъ, по наущенію Іосифа II, хочетъ вступить во второй бракъ въ надеждѣ имѣть наслѣдника сына. Всегда чуткая къ интересамъ своихъ родныхъ, Марія Өеодоровна еще лѣтомъ 1780 г., по пріѣздѣ въ Петербургъ Іосифа II, заговорила съ нимъ по этому поводу, и Іосифъ тогда же увѣрилъ ее своею честью, что онъ никогда не думалъ объ этомъ, что онъ слишкомъ хорошо знаетъ и понимаетъ весь вредъ, который нанесенъ бы былъ ея семьѣ бракомъ герцога Карла, и что, по совѣсти, онъ не вѣритъ тому, чтобы Карлъ могъ жениться вновь [9]). Это заявленіе Императора было тѣмъ пріятнѣе для Маріи Өеодоровны, что ходили слухи о намѣреніи Карла вступить въ бракъ съ давней его фавориткой, графиней Гогенгеймъ, и отъ воли Императора зависѣло признать этотъ бракъ законнымъ. Но расположеніе Іосифа содѣйствовать видамъ Монбельярской семьи вынуждало и ее, съ своей стороны, выполнять его желанія. Между тѣмъ, точное опредѣленіе условій предположеннаго брака племянника

[9]) Госуд. Арх., IV, 205. Schlössberger, 103. См. также Arnet: Joseph II, I, 325. Передавая брату своему Леопольду подробности этого разговора съ Маріей Өеодоровной, Іосифъ не ошибался въ источникѣ неблагопріятныхъ для него свѣдѣній, безпокоившихъ Марію Өеодоровну, „Le roi de Prusse remue ciel et terre pour la captiver et pour me faire perdre dans son esprit“.

Іосифа, эрцгерцога Франца Тосканскаго съ принцессой Елисаветой вызвало немало затрудненій. Принцесса Елисавета, какъ и всѣ дѣти Фридриха-Евгенія, воспитана была въ протестантствѣ, а бракъ ея съ будущимъ Австрійскимъ государемъ былъ возможенъ лишь подъ условіемъ перехода ея въ католичество. Въ этомъ всѣ были согласны; но дѣло значительно осложнялось тѣмъ, что бракъ этотъ могъ быть совершенъ не ранѣе пяти-шести лѣтъ, по достиженіи женихомъ совершеннолѣтія; а это ставило невѣсту въ неопредѣленное положеніе, тѣмъ болѣе, что Іосифъ имѣлъ право требовать, чтобы принцесса немедленно переселилась въ Вѣну и тамъ готовилась къ перемѣнѣ вѣры. Кромѣ того, до великой княгини доходили слухи (оказавшіеся впослѣдствіи ложными), что родители жениха, Леопольдъ, великій герцогъ Тосканскій и его супруга, вовсе не сочувствовали этому браку [10]).

Все это побуждало Марію Θеодоровну желать заграничной поѣздки, чтобы собственными глазами убѣдиться въ истинномъ положеніи дѣлъ и оказать своимъ роднымъ существенную поддержку.

Какъ ни больно было великокняжеской четѣ разставаться съ дѣтьми, но рѣшимость ея при такихъ условіяхъ ѣхать за границу была совершенно естественна, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ въ согласіи Императрицы сомнѣваться было нельзя. Даже приверженецъ Великаго Князя, князь Н. В. Репнинъ, находившійся въ то время при дворѣ, совѣтовалъ ему ознакомиться съ Европейскими странами для пріобрѣтенія познаній и опытности. Такова, однако, была общая увѣренность въ противоположности взглядовъ и интересовъ Екатерины и Павла, что многіе современники не могли допустить мысли, чтобы какое-либо событіе совершилось съ общаго согласія матери и сына, и поэтому видѣли въ путешествіи Павла Петровича слѣдствіе затаенныхъ намѣреній Екатерины. Такъ Гаррисъ разсказываетъ, будто Екатерина, желая побудить сына къ путешествію въ Австрію, обратилась къ князю Репнину съ просьбой навести какъ-нибудь Павла Петровича на мысль о путешествіи, внушая какъ ему, такъ и великой княгинѣ, что для лицъ столь высокопоставленныхъ не только хорошо, но даже необходимо посмотрѣть на характеры разныхъ странъ и познакомиться съ разными способами правленія. Въ заключеніе Императрица будто бы обѣщала князю Репнину, въ случаѣ удачи его въ этомъ дѣлѣ, наградить его какимъ-нибудь особымъ знакомъ своей милости [11]). Это

---

[10]) Arnet: Joseph II und Leopold von Toscana, 1, 115.
[11]) Донесеніе Гарриса 21 Октября 1781 г. Р. Арх., 1874, II, 804—805.

подозрѣніе современниковъ по поводу неожиданнаго согласія, обнаружившагося между большимъ и малымъ дворами, не оправдывается ни характеромъ князя Репнина, ни содержаніемъ писемъ Екатерины къ своимъ дѣтямъ послѣ ихъ отъѣзда. Уже въ первомъ письмѣ къ Павлу Петровичу и Маріи Өеодоровнѣ, когда они еще не успѣли далеко отъѣхать отъ Петербурга, Екатерина писала: «Любовь матери говоритъ вамъ и повторяетъ опять—возвратиться, какъ только будетъ возможно, будь это изъ Пскова, Полоцка, Могилева, Кіева или изъ Вѣны; ибо мы безъ всякой, наконецъ, уважительной причины переносимъ печаль такой разлуки. Итакъ, спросивши свое сердце и умъ, я прихожу къ заключенію, что вамъ, если не находите никакого удовольствія продолжать путь, сію же минуту слѣдуетъ рѣшиться пріѣхать назадъ, подъ предлогомъ, что я вызвала васъ» [12]). Самъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ, ничего не могъ, по словамъ того же Гарриса, возражать противъ этого путешествія, съ затаенной, конечно, надеждой, что Великому Князю придется побывать и въ Берлинѣ; притомъ графъ Панинъ лучше чѣмъ кто-либо при Русскомъ дворѣ зналъ сокровенные помыслы Маріи Өеодоровны, и не ему было возможно противодѣйствовать ея давнимъ желаніямъ. Онъ все время старался только подъ рукою дѣйствовать противъ Австріи и укрѣплять въ великокняжеской четѣ Прусскія симпатіи. «До тѣхъ поръ», пишетъ Гаррисъ, «пока графъ Панинъ оставался здѣсь, настроеніе и расположеніе ихъ императорскихъ высочествъ были подвержены постояннымъ перемѣнамъ. Всякій разъ, какъ курьеръ изъ Вѣны привозилъ имъ письма отъ императора, они были на сторонѣ Австріи и восхищались мыслью о своемъ путешествіи; но послѣ свиданія съ графомъ Панинымъ, который преподавалъ имъ правила, предписанныя ему изъ Потсдама, чувства ихъ измѣнялись: они едва говорили съ графомъ Кобенцелемъ (Австрійскимъ посланникомъ) и, казалось, чрезвычайно сожалѣли, что имъ предстояло уѣхать изъ Петербурга. По отъѣздѣ графа Панина зрѣлище перемѣнилось: Великій Князь и Великая Княгиня стали расположены очевидно и постоянно въ пользу Австріи, не разговаривали ни съ кѣмъ кромѣ графа Кобенцеля и его жены, были вполнѣ заняты мыслью объ императорѣ и о Вѣнѣ. Еще никогда до тѣхъ поръ не находились они въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Императрицей, какъ въ это время; они были вѣжливы даже по отношенію къ князю Потемкину... Это послѣдовательное и пріятное для Императрицы обращеніе дѣйствительно приблизило ихъ къ ней и было при-

---

[12]) С. Р. И. О., IX, 65.

чиной того, что въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ они съ ней были въ отношеніяхъ дружбы и искренности, не извѣстныхъ до того времени» [13]).

Пѣсенка опруссаченнаго Русскаго дипломата была, впрочемъ, уже спѣта. Графъ Н. И. Панинъ не могъ не видѣть, что самая основа его политическихъ разсчетовъ оказалась непрочною: Марія Өедоровна, изъ любви къ роднымъ, готовилась вступить въ дружественныя связи со врагомъ Гогенцолернскаго дома—Габсбургами [14]). Въ тоже время сближеніе Россіи съ Австріей и охлажденіе къ Пруссіи, вмѣстѣ съ возвышеніемъ Потемкина, дѣлало неизбѣжнымъ удаленіе отъ дѣлъ самого графа Панина, творца «сѣвернаго аккорда». Наконецъ, Екатерина должна была испытывать личное неудовольствіе противъ человѣка, который шелъ противъ ея воли, противодѣйствуя браку принцессы Елисаветы съ эрцгерцогомъ Францомъ: отъ нея не укрылись происки графа Па-

[13]) Р. А., 1874, 806—807. „Этимъ отчасти объясняется вполнѣ ласковый тонъ писемъ Екатерины къ сыну и невѣсткѣ во время ихъ путешествія".

[14]) По отъѣздѣ изъ Петербурга Іосифа II графъ Панинъ дѣлалъ, однако, все возможное, чтобы подорвать въ Маріи Өеодоровнѣ вѣру въ его обѣщанія, хотя, безъ сомнѣнія, не могъ не сознавать, что Іосифъ, добивавшійся союза съ Россіею, былъ вполнѣ искрененъ. „Je sçai de licence certaine", писала Марія Өеодоровна къ матери: „qu'il (Іосифъ) a voulu engager le duc à se remarier; même on a envoyé une personne à Stoudtgardt pour la proposition que les engagements du duc et de la comtesse étaient de nature à ne point être rompus. Le procedé de l'Empereur n'est nullement beau et est d'une fausseté de la politique autrichienne. Ni le g.-d., ni le c-te Panin, ni moi ne croyons, mon adorable maman, que jamais le cas n'existera d'une proposition de mariage pour ma soeur Elisabeth pour le fils aîné de g.-d. de Toscane. C'était un propos fixé en l'air, mais j'espère toujours que ma soeur sera un jour reine de Dannemarck. Il n'y a qu'encore la moindre proposition de faite, mais le c-te Panin croit que la Dannemarck sera charmé de s'allier avec nous; c'est un beau parti. Je ne vois pas, ma chère maman, que l'Empereur demande aucun de mes frères à son service, et au cas même qu'il en demande un, des grands ne lui en accorderont pas; ce qui peut facilement se faire si vous placez Ferdinand vite, alors on peut protester l'extrême jeunesse". Черновое письмо 1780 г., безъ числа.— Гаррисъ приводитъ рѣзкій отказъ Екатерины Датской королевѣ на просьбу о рукѣ принцессы Елисаветы для ея сына. Р. А. 1874, II, 774.—Въ другомъ письмѣ того же времени Марія Өеодоровна убѣждаетъ родителей, слѣдуя совѣтамъ Панина, продать Гохбергъ Виртембергскому герцогу или земству: „Mais, продолжаетъ она, le g.-d. et moi nous vous conjurons au nom de Dieu d'engager le cher papà de ne point offrir ces terres à l'Empereur: ce serait brouiller le cher papà pour toujours avec le roi et faire une *peine affreuse aux Russes* (!) J'ai fait de sonder le c-te Panin sur la possibilité de cette chose. Il a rejetté la chose en me suppliant de n'y jamais penser que cela donnerait un mécontentement général. Je vous écris toutes ces choses, chère et bonne maman, avec la plus grande confiance". Изъ писемъ этихъ ясно видно, какъ, дѣйствуя въ Прусскихъ интересахъ, графъ Панинъ запугивалъ Павла и Марію Өеодоровну.

нина въ пользу брака принцессы съ принцемъ Датскимъ или принцемъ Прусскимъ. Объ этой опалѣ графа Панина, какъ видно изъ писемъ принцессы Доротеи, ходили слухи еще въ началѣ 1781 года [15]), а 13 Мая онъ долженъ былъ уже взять отпускъ и уѣхалъ въ пожалованное ему Дугино [16]). Старый дѣлецъ не хотѣлъ, однако, сдаться безъ бою, и когда путешествіе Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны было окончательно рѣшено, графъ Панинъ въ началѣ Сентября возвратился въ Петербургъ, чтобы хотя на время отсрочить его.

Сохранился первоначальный набросокъ плана поѣздки, собственноручно начертанный Екатериной [17]). Екатерина желала, чтобы Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, совершая путешествіе инкогнито, «колико можно избѣгали пиршествъ и кромѣ государей или кому покажется прилично нигдѣ не кушали» и «писали по почтѣ единожды или два раза въ недѣлю одинъ или оба, какъ хотятъ»; на издержки Екатерина предположила сумму въ 300,000 р. Сопровождать великаго князя и его супругу назначены были: ихъ гофмейстеръ Н. И. Салтыковъ съ женою, извѣстный знатокъ искусства, князь Н. Б. Юсуповъ, и подполковникъ Х. А. Бенкендорфъ съ женой; путь въ Русскихъ предѣлахъ былъ опредѣленъ тотъ же, которому годъ тому назадъ слѣдовала сама Екатерина при свиданіи съ Іосифомъ въ Могилевѣ. Но въ наброскѣ этомъ статьи: «Le tems du départ» и «Marcheroute» оставлены безъ отмѣтки: Екатерина, очевидно, желала предварительно уговориться по этимъ вопросамъ съ сыномъ и невѣсткою. И дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ кругъ путешествія былъ расширенъ, такъ какъ Павелъ Петровичъ, кромѣ

---

[15]) Письмо 1781 г. безъ числа, писанное, какъ и многія другія, лимоннымъ сокомъ. Не къ этому ли времени относится слѣдующая записка Екатерины къ Панину, напечатанная въ С. Р. И. О. (XXVII, 237) безъ означенія года и числа. „Графъ Никита Ивановичъ, какъ почти весь городъ подъ вашимъ именемъ сбирается сдѣлать контрбандъ, хотя вы о томъ совершенно и не знаете, и во всѣхъ компаніяхъ другъ друга потчиваютъ, не изволитъ ли кто пользоваться дозволеніемъ, даннымъ Никитѣ Ивановичу, безпошлинно привозить или выписывать мебели и проч.: то для избѣжанія злоупотребленій и непріятныхъ послѣдствій, пожалуй велите сказать въ таможнѣ, что вы, услыша такія враки, объявляете, что вы будете платить пошлину всю, на что я вамъ приказала отпустить отъ Елагина десять тысячъ рублевъ; ибо вы мнѣ сказали, что вамъ на столько франшизу надобно. Я совершенно знаю, что вы, входя въ сіи обстоятельства, конечно, не захотите, чтобы ваше имя служило покрышкой преступленія законовъ, и для того сіе къ вамъ пишу. Екатерина“.

[16]) Обширное помѣстье Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, нынѣ принадлежащее правнучкѣ его брата, княгинѣ М. А. Мещерской. Кажется, что только въ это время (лѣтомъ 1781 г.) графъ Панинъ и былъ въ Дугинѣ. П. Б.

[17]) Госуд. Арх., IV, 106. Записка эта, очевидно, писана была Екатериной для Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, ибо IX пунктъ записки изложенъ въ формѣ обращенія къ нимъ. „буде попа хотите, то Самбурскаго“.

Австріи и Италіи, пожелалъ посѣтить и Францію. 12 Іюля 1781 года онъ писалъ Сакену: «Рѣшено, что я отправляюсь путешествовать, какъ только моимъ дѣтямъ привьютъ оспу. Сначала я ѣду въ Вѣну, проѣду по всей Италіи и на возвратномъ пути увижу Швейцарію и Нидерланды. Чтὸ касается Франціи, то я еще ничего не могу сказать; но, мнѣ кажется, было бы стыдно, проѣзжая мимо нея, оставить ее безъ вниманія. На возвратномъ пути я проѣду чрезъ самое сердце Германіи» [18]). Дозволивъ сыну побывать во Франціи, Императрица, однако, рѣшительно и гнѣвно отказала Маріи Θеодоровнѣ, когда она выразила желаніе посѣтить Берлинъ [19]). Надо думать, что Екатерина не позволила ѣхать великокняжеской четѣ черезъ Москву, лишивъ такимъ образомъ Марію Θеодоровну возможности познакомиться съ первопрестольной столицей [20]): безъ сомнѣнія, Императрица хорошо помнила пребываніе въ Москвѣ Павла и его первой супруги въ 1775 г., когда онъ вызывалъ къ себѣ всеобщее сочувствіе Москвичей. За то другія просьбы Павла Петровича и его супруги были исполнены. Дозволено ѣхать съ ними лицамъ, которыя составляли ихъ домашній кружокъ: князю А. Б. Куракину, камеръ-юнкеру Θ. Θ. Вадковскому, капитанъ-лейтенанту С. И. Плещееву, чтецамъ: Николаи, Лафермьеру и Клингеру, а также фрейлинамъ: Е. И. Нелидовой и Н. С. Борщовой. Разумѣется, съ этимъ измѣненіемъ прибавлено было и денегъ на расходы путешествія. Наконецъ, Екатерина не препятствовала желанію Павла Петровича ускорить отъѣздъ: рѣшено было, что великій князь и великая княгиня выѣдутъ въ Сентябрѣ. «Какое вы время года выбрали для путешествія», писала имъ въ Октябрѣ Екатерина, «объ этомъ я никогда не думаю безъ ужаса» [21]). 1-го Сентября 1781 г., прививъ дѣтямъ оспу, Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна написали «послѣднее письмо свое» предъ отъѣздомъ Платону. «Симъ письмомъ прощаюсь съ вами», писалъ Павелъ, «прося, чтобы вы обратили молитвы свои не только на путешествующихъ, но и на драгоцѣнные залоги, которые здѣсь оставляю: отечество—первой, а дѣти—другой». Говоря о второмъ драгоцѣнномъ залогѣ, Марія Θеодоровна прибавляла: «Дѣти, слава Богу, еще здоровы; дай Богъ, чтобы это всегда было и чтобы это страшное время прошло

---

[18]) С. Р. И. О., XX, 429. 10-го Іюля, сообщая Гримму о путешествіи великокняжеской четы, Екатерина ни словомъ не упоминала о Франціи и Нидерландахъ, называя лишь Вѣну, Италію, Монбельяръ и Дрезденъ. С. Р. И. О., XXIII, 214.

[19]) Гаррисъ, донесеніе 21 Октября 1781 г. Р. А. 1874, II, 806.

[20]) Павелъ писалъ 5 Августа Платону: „Проѣздъ мой чрезъ Москву пріятенъ бы былъ, но не отъ меня зависитъ, и такъ творю волю пославшаго мя". Р. А., 1887, II, 24.

[21]) С. Р. И. О, IX, 69.

поскорѣе. Безпокойствіе души моей я не могу вамъ описать» [22]). Желаніе «видѣть дѣтей перешедшими опасность и ѣхать съ покойнымъ духомъ» [23]) вынудило, однако, Цесаревича отложить отъѣздъ, и 10-го Сентября онъ вновь писалъ Платону, извѣщая его о ходѣ болѣзни дѣтей: «Прививаніе оспы, слава Богу, идетъ благополучно. Оспа налилась и хотя на большомъ и отмѣнно велика, но ничего дурнаго нѣтъ, и надѣюсь, что отпою предъ отъѣздомъ молебенъ о ихъ выздоровленіи совершенномъ». Путешествіе началось, наконецъ, 19-го Сентября 1781 года (наканунѣ дня рожденія Великаго Князя: Павлу исполнилось 27 лѣтъ).

Мелочныя обстоятельства, сопровождавшія отъѣздъ высокихъ путешественниковъ, пріобрѣтаютъ большое значеніе, если сопоставить ихъ съ разсказомъ очевидца событій Гарриса. 1-го Сентября Павелъ пишетъ Платону «послѣднее» свое письмо; но въ первыхъ же числахъ Сентября возвращается въ столицу графъ Панинъ, хорошо понимавшій, что предположенное путешествіе будетъ и новымъ доказательствомъ силы Австрійскаго вліянія и Потемкина, и новымъ оскорбленіемъ Фридриху II и ему, графу Панину. Если вѣрить Гаррису, то король Прусскій, видя безуспѣшными свои попытки измѣнить путешествіе, уговаривалъ графа Панина «почти умоляющимъ образомъ» вернуться изъ деревни въ столицу и называлъ его единственнымъ человѣкомъ, способнымъ поднять его утраченное значеніе [24]). Но, прибывъ въ Петербургъ, графъ Панинъ долженъ былъ убѣдиться, что настроеніе духа Павла Петровича и въ особенности Маріи Θеодоровны, жаждавшей свиданія съ родными, не благопріятствуетъ его намѣреніямъ. Однако онъ рѣшился сдѣлать что̀ можно, хотя бы и навлекая на себя гнѣвъ Екатерины. «Votre maître veut que je me sacrifie», сказалъ онъ, по словамъ Гарриса, Прусскому посланнику графу Герцу черезъ нѣсколько дней по своемъ пріѣздѣ: «eh bien, je le ferai» [25]). И онъ сдѣлалъ все что̀ могъ. «Графъ Панинъ, разсказываетъ Гаррисъ, началъ возбуждать въ умѣ великой княгини сильнѣйшія опасенія на счетъ вредныхъ послѣдствій, сопровождающихъ иногда прививку оспы [26]). А такъ

[22]) Р. А., 1887, II. 25—26.

[23]) Письмо Павла Платону 29 Августа. Тамъ же.

[24]) Устарѣлый графъ Н. И. Панинъ не могъ уже постигнуть великаго политическаго значенія, которое имѣло это путешествіе, тогда какъ Екатерина и Потемкинъ обезпечивали тѣмъ невмѣшательство Австріи въ наши дѣла по пріобрѣтенію Крыма. Вообще Нѣмецкія связи Панинской семьи были для нея, тогда и позже, роковыми. П. Б.

[25]) Вашъ Государь хочетъ, чтобы я пожертвовалъ собою; хорошо, я это сдѣлаю.

[26]) Графъ Панинъ помнилъ про оспу своей невѣсты графини А. П. Шереметевой. П. Б.

какъ она отличается особенной материнской нѣжностью и вообще полнѣйшею преданностью семейнымъ обязанностямъ, то мысль о томъ, что ея дѣти находятся въ опасности, подняла въ ея умѣ самую трудную борьбу. Это отравило всякое удовольствіе ожидаемаго путешествія, и возможность нездоровья дѣтей возбудила въ ней сильнѣйшее желаніе отсрочить поѣздку. Ихъ докторъ Крузе, преданный графу Панину, своими неопредѣленными выраженіями только усиливалъ ея безпокойство, и торжественныя увѣренія со стороны барона Димсдаля и доктора Роджерсона не могли ее успокоить. Великій Князь вполнѣ раздѣлялъ эти чувства... Опасенія были такъ сильны, что великій князь и великая княгиня объявили твердое намѣреніе не уѣзжать до тѣхъ поръ, пока ихъ дѣти не выздоровѣютъ совершенно. Они твердо стояли на этомъ рѣшеніи; ихъ даже невозможно было уговорить назначить день, до котораго они желали отложить свой отъѣздъ, и Государыня не могла никоимъ образомъ добиться отъ нихъ дальнѣйшихъ объясненій» [27]). Марія Өеодоровна, безъ сомнѣнія, припоминала себѣ въ это время печальные мѣсяцы, которые она сама маленькой дѣвочкой въ отсутствіе родителей проводила въ 1768 году въ Трептовѣ среди братьевъ своихъ, заболѣвшихъ оспою; но теперь ей не было основательныхъ поводовъ безпокоиться за исходъ болѣзни своихъ дѣтей: прививка, предохранявшая ихъ отъ этой страшной болѣзни, введена была въ Россіи еще съ 1768 г. и, будучи испытана прежде всего на самой Екатеринѣ и Павлѣ Петровичѣ, постоянно съ того времени удавалась [28]). Кромѣ того, графъ Панинъ внушалъ Великому Князю опасенія за положеніе дѣлъ въ Россіи во время его отсутствія и побудилъ Марію Өеодоровну еще разъ, хотя и безуспѣшно, просить Государыню о дозволеніи заѣхать въ Берлинъ на обратномъ пути. Возбуждая въ Маріи Өеодоровнѣ и ранѣе недовѣріе къ Австріи, Панинъ и теперь продолжалъ увѣрять, что Іосифъ никогда не имѣлъ искренняго намѣренія женить своего племянника на сестрѣ Великой Княгини и что, какъ скоро она прибудетъ въ Вѣну, онъ можетъ распорядиться ею какъ захочетъ; при этомъ графъ Панинъ говорилъ такія вещи, что Гаррисъ считалъ невозможнымъ передать ихъ даже шифромъ. Но усилія графа Панина не могли достигнуть своей цѣли: Императрица говорила съ великимъ княземъ и великой княгиней такъ ласково и искренно, что слова ея значительно ихъ успокоили. Однако, не зная точно причинъ, вызвавшихъ

---

[27]) Донесеніе 21 Октября 1781 г. Екатерина 31 Августа писала Гримму, что великій князь и великая княгиня выѣдутъ 16 или 17 Сентября (С. Р. И. О., XXIII, 219); на самомъ же дѣлѣ они выѣхали 19-го. Задержка противъ предположеннаго измѣряется, значитъ, всего двумя или тремя днями.

[28]) Баронъ Бюлеръ: „Два Эпизода“ и проч. Р. Вѣстникъ 1870 г.

путешествіе Цесаревича и его супруги за границу, Гаррисъ впалъ въ ошибку, донося своему правительству, будто августѣйшая чета уѣхала лишь по приказанію Императрицы: сообщая чрезъ Потемкина Императрицѣ о проискахъ Панина, Гаррисъ увлекся своею ролью и могъ думать, что послѣдовавшій затѣмъ отъѣздъ былъ слѣдствіемъ именно его внушеній. Разоблаченіе Гарриса повело лишь къ тому, что побудило Екатерину по отъѣздѣ сына окончательно устранить отъ дѣлъ графа Панина.

Успокоенная правильнымъ теченіемъ болѣзни дѣтей, Марія Θеодоровна, тѣмъ не менѣе, не могла не тревожиться за нихъ во время путешествія, которое должно было, по приблизительному разсчету, продолжаться около года: разлука съ горячо-любимыми дѣтьми такъ тяжела была для нѣжной матери, что, прощаясь съ ними 19 Сентября, она лишилась чувствъ. «Если бы я могла предвидѣть», писала Екатерина два дня спустя сыну и невѣсткѣ, «что при отъѣздѣ моя дорогая дочь три раза упадетъ въ обморокъ и что ее подъ руки отведутъ въ карету, то уже одна мысль о томъ, что ея здоровье придется подвергнуть такимъ жестокимъ испытаніямъ, помѣшала бы мнѣ согласиться на это путешествіе» [29]). Спустя пять лѣтъ, Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна писали Екатеринѣ: «Картина страданій нашихъ легко представится глазамъ Вашего Величества, если вы вспомните состояніе, въ которомъ мы находились въ минуту нашего отъѣзда за границу. Минута была такова, что воспоминаніе о прощаніи съ вами и дѣтьми нашими, тогда еще младенцами, и теперь еще вызываетъ въ насъ сильнѣйшее волненіе и что, по истинѣ, мы чувствуемъ себя не въ силахъ перенести подобную минуту» [30]).

«Въ Воскресенье вечеромъ, 19 Сентября, около половины шестаго» (съ своей стороны разсказываетъ Гаррисъ) «ихъ императорскія высочества, великій князь и великая княгиня, выѣхали изъ Царскаго Села... Я поручилъ одному преданному мнѣ человѣку наблюдать за всѣмъ происходившимъ до минуты отъѣзда. Невозможно описать волненія Великой Княгини. Прощаясь съ дѣтьми, она упала въ обморокъ и была отнесена въ карету въ безчувственномъ состояніи. Она хотѣла сказать что-то; но голосъ у ней оборвался, и вообще ея видъ и движенія больше напоминали положеніе особы, осужденной на изгнаніе, чѣмъ готовящейся къ пріятному и поучительному путешествію. Великій Князь находился почти въ такомъ же состояніи. Войдя въ карету, онъ опустилъ шторы и велѣлъ кучеру ѣхать какъ можно скорѣе. Князь

---

[29]) С. Р. И. О., IX, 65.
[30]) С. Р. И. О., XV, 38.

Орловъ, князь Потемкинъ, графъ Панинъ и большая часть главныхъ и придворныхъ чиновъ провожали ихъ до кареты. Послѣдній изъ нихъ стоялъ ближе всѣхъ къ Великому Князю, когда онъ входилъ въ карету, и въ эту минуту прошепталъ ему на ухо нѣсколько словъ, на которыя не получилъ отвѣта. Императрица, проводившая ихъ до прихожей своихъ покоевъ, была сильно разстроена и, простившись съ ними, тотчасъ же отправилась къ своимъ внукамъ». Вѣрный, однако, своей подозрительности и, очевидно, не понимая глубины родительскихъ чувствъ Павла Петровича и Маріи Θеодоровны, Англійскій дипломатъ объяснялъ ихъ волненіе и политическими причинами. «Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, прибавляетъ онъ, что необыкновенная чувствительность ихъ императорскихъ высочествъ вызвана не одной только разлукой съ дѣтьми. Графъ Панинъ наполнилъ ихъ умы опасеніями, и они уѣхали подъ сильнымъ впечатлѣніемъ ужаса» [31]). Но Цесаревича и его супругу должно было утѣшить отчасти то проявленіе любви къ нимъ народа, которое выразилось на пути изъ Царскаго Села въ Красное. По словамъ Французскаго посланника Верака, народъ толпами бѣжалъ на встрѣчу августѣйшимъ путешественникамъ, привѣтствовалъ ихъ и едва не бросался подъ колеса ихъ экипажа [32]). Глубоко взволнованная только что происходившимъ прощаніемъ и тронутая изъявленіемъ народной любви, Марія Θеодоровна, по пріѣздѣ въ Красное Село, такъ выразила свои чувства въ своей записной книжкѣ: «Душа моя была сильно потрясена въ это Воскресенье, 19 Сентября. Скорбь при разлукѣ съ дѣтьми, отечествомъ, друзьями, угнетаетъ и убиваетъ меня; но зато какъ утѣшительно для меня, при видѣ всеобщей скорби, думать, что насъ любятъ и что къ нашему отъѣзду неравнодушны. Сможемъ ли мы своимъ образомъ дѣйствій сдѣлаться достойными тѣхъ чувствъ, которыя выражены по отношенію къ намъ? Моя скорбь прекратится лишь съ моимъ возвращеніемъ [33]). Дѣйствительно, такія тяжелыя минуты, какія она переживала въ это время, не забываются, и именно въ такія минуты крѣпнетъ нравственная связь между народомъ и его государями; немудрено, что въ отвѣтѣ на выраженіе народной любви

---

[31]) Донесеніе 21 Сентября 1781 г.

[32]) La Cour de Russie il y a cent ans, 362. Веракъ выражаетъ при этомъ свое мнѣніе, что Императрица была очень недовольна этимъ выраженіемъ народной привязанности къ ихъ высочествамъ.

[33]) Route de différents pays de l'Europe pour le voyage de madame la comtesse du Nord 1781, рукопись принадлежавшая академику А. А. Кунику и переданная имъ въ Эрмитажъ. Маршруты писаны посторонней рукою, но между ними находится нѣсколько собственноручныхъ отмѣтокъ Маріи Θеодоровны.

еще не заслуженной по мнѣнію Маріи Ѳеодоровны, первымъ движеніемъ ея чуткой души было стремленіе, рано или поздно, отплатить народу заботами о его благѣ и счастіи. Сама не зная того, Марія Ѳеодоровна сошлась въ этомъ чувствѣ съ своей великой свекровью.

Уѣзжая изъ Россіи, высокіе путешественники не лишились однако, возможности получать изъ отечества достовѣрныя свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ при дворѣ и въ обществѣ. Обязавъ дѣтей писать ей каждую недѣлю, Екатерина сама аккуратно отвѣчала на ихъ письма; кромѣ того, съ Павломъ Петровичемъ находились въ постоянной перепискѣ графъ Панинъ и князь Репнинъ [34]), а съ княземъ А. Б. Куракинымъ, сопровождавшимъ цесаревича, флигель-адъютантъ Бибиковъ и Французъ Пикаръ [35]).

Чтобы избѣжать пышности и мелочнаго соблюденія требованій этикета, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна по желанію Екатерины, приняли титулъ графа и графини Сѣверныхъ. Число ихъ спутниковъ увеличилось присоединеніемъ доктора Крузе и священника Самбурскаго. Обыкновенно Плещеевъ ѣхалъ впереди, выбирая помѣщенія и остановки, а позади ѣхалъ Салтыковъ съ женою. Путь ихъ высочествъ лежалъ чрезъ Псковъ, Полоцкъ, Могилевъ, Черниговъ въ Кіевъ, а оттуда чрезъ южную часть Польши въ Австрію; одинъ только Лафермьеръ, вѣроятно задержанный чѣмъ либо въ Петербургѣ, направился въ Вѣну кратчайшимъ путемъ, чрезъ Ригу и Краковъ [36]).

Путешествіе Русскаго Великаго Князя произвело сильное впечатлѣніе на иностранные дворы. Россія уже пользовалась въ Европѣ такимъ значеніемъ, что каждый изъ нихъ считалъ нужнымъ выразить наслѣднику Екатерины какъ можно болѣе вниманія, въ особенности Австрія, Пруссія и Польша. Мы уже знаемъ о стараніяхъ Фридриха II, вызванныхъ желаніемъ его видѣть Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну въ Берлинѣ; но его усилія остались безуспѣшны въ виду союза, заключеннаго Россіей съ Австріей, и явной холодности, которую Екатерина стала обнаруживать по отношенію къ старому, но коварному другу. Тѣмъ бо̀льшую радость выказалъ Іосифъ II. Его восторгъ былъ такъ великъ, что онъ имѣлъ даже намѣреніе оказать неслыханную почесть высокимъ гостямъ своимъ — выѣхать къ нимъ на встрѣчу и принять ихъ на самой границѣ своихъ владѣній; для пріема же ихъ и

---

[34]) Arnet, Ioseph II, I, 118.

[35]) С. Р. И. О., XV, 145.—Письма Пикара напечатаны въ Р. Ст., т. I и XXII.

[36]) Архивъ Князя Воронцова, XXIX, 212.

Монбельярскихъ родныхъ Великой Княгини онъ дѣлалъ пышныя приготовленія [37]). Не менѣе озабоченъ былъ путешествіемъ Великаго Князя и Станиславъ-Августъ. Узнавъ, что Великій Князь не будетъ въ Варшавѣ, Станиславъ, чрезъ Русскаго посланника, Штакельберга ходатайствовалъ по крайней мѣрѣ объ измѣненіи пути, предлагая направиться чрезъ Бѣлостокъ и Люблинъ; просьбу свою Станиславъ объяснялъ желаніемъ выѣхать на встрѣчу Павлу Петровичу, указывая, что Бѣлостокъ находится гораздо ближе къ Варшавѣ. Но Штакельбергу велѣно было отвѣчать, что маршрутъ Великаго Князя составленъ съ цѣлью дать ему возможность познакомиться съ значительною частью имперіи и что въ виду сдѣланныхъ уже распоряженій измѣненіе пути представляется невозможнымъ; взамѣнъ того, Императрица предлагала королю увидѣться съ ея сыномъ и невѣсткой на возвратномъ пути ихъ, когда они, согласно желанію короля, будутъ проѣзжать чрезъ Бѣлостокъ. Получивъ такой отвѣтъ, король, здоровье котораго, по словамъ Штакельберга, было въ то время чрезвычайно разстроено и внушало даже опасенія за его жизнь, не отказался отъ своего намѣренія лично привѣтствовать высокихъ гостей въ предѣлахъ своего государства и, несмотря на дурныя въ осеннее время дороги, отправился съ этою цѣлью въ замокъ Вишневецъ за 400 верстъ отъ Варшавы [38]).

Мы не будемъ подробно излагать внѣшнюю сторону путешествія Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны и описывать тѣ обычныя празднества, которыми чествовали высокихъ путешественниковъ какъ въ Россіи, такъ и за границей: удовлетворяя простому любопытству, описаніе это въ сущности ничего не прибавитъ къ раскрытію тѣхъ впечатлѣній, которыя производило на Цесаревича и его супругу знакомство съ новыми странами, и тѣхъ личныхъ свойствъ великокняжеской четы, къ проявленію которыхъ это знакомство подавало поводъ, —словомъ того, что̀ мы назвали бы внутренней исторіей путешествія. Къ сожалѣнію, она не можетъ быть возстановлена съ надлежащей ясностью по скудости матеріаловъ, тогда какъ внѣшняя, казовая сторона можетъ быть описана чрезвычайно подробно почти день за днемъ [39]). Правда и Павелъ Петровичъ, и Марія Ѳеодоровна вели дневники, занося въ нихъ все, показавшееся для нихъ важнымъ и занимательнымъ; но, къ сожалѣнію, одинъ изъ этихъ драгоцѣнныхъ дневниковъ погибъ

---

[37]) Письмо Іосифа къ Екатеринѣ 9 Октября 1781 г.—Р. А. 1880, 1, 202.

[38]) Московскій Главный Архивъ М. И. Дѣлъ. Донесеніе Штакельберга Остерману отъ 1 Августа.—Депеша Остермана Штакельбергу 13 Августа. Донесеніе Штакельберга 27 Сентября.

[39]) Кромѣ данныхъ, сообщенныхъ по этому предмету въ извѣстной книгѣ г. Кобеко, богатый матеріалъ для этого находится въ современныхъ донесеніяхъ Русскихъ дипломатовъ. Донесенія эти хранятся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ М. И. Дѣлъ.

безвозвратно, а судьба другаго неизвѣстна [40]). Пробѣлъ этотъ, конечно, не можетъ быть пополненъ письмами Маріи Θеодоровны къ Екатеринѣ, въ которыхъ сентиментальная и скромная невѣстка не считала возможнымъ разъяснять свекрови особенности личной своей жизни: міросозерцаніе и интересы обѣихъ царственныхъ женщинъ во многомъ были совершенно противоположны [41]). Между тѣмъ одно существованіе этихъ дневниковъ доказываетъ, съ какимъ вниманіемъ относилась молодая чета ко всему тому, что̀ она видѣла и слышала; ясно, что, отдавая себѣ ежедневно, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна высоко ставили образовательное значеніе своего путешествія. Конечно, царственныя лица, стѣсняемыя условіями внѣшнихъ пріемовъ и жизнью на показъ, находятся въ этомъ отношеніи не въ такомъ выгодномъ положеніи, какъ частныя; тѣмъ болѣе важны для насъ даже отрывочныя свѣдѣнія объ образѣ мыслей и впечатлѣніяхъ высокихъ путешественниковъ.

Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна мало знали Россію и ея бытъ. Откуда было имъ узнать ихъ? Этому не благопріятствовало ихъ постоянное пребываніе въ Петербургѣ, населеніе котораго состояло частью изъ иностранцевъ, частью изъ объевропеенныхъ Русскихъ, уже подвергшихся вліянію всего легче воспринятыхъ дурныхъ сторонъ Европейскаго быта. Къ тому же Петербургъ былъ городомъ правительственнымъ, гдѣ о народѣ Русскомъ можно было составить себѣ понятіе либо по представителямъ Русскаго барства, жившимъ въ сферѣ придворныхъ отношеній, либо по чиновникамъ разныхъ вѣдомствъ. Въ XVIII вѣкѣ, при неудобныхъ и медлительныхъ путяхъ сообщенія, Петербургъ былъ гораздо дальше отъ коренной Россіи, чѣмъ въ настоящее время *), и оттого жизнь Русскаго народа, при ничтожествѣ

---

[40]) Участь, постигшая дневникъ Маріи Θеодоровны, разсказана нами въ главѣ IV нашего труда (Р. А., 1889, № 10). Существованіе дневника Павла Петровича подтверждается реестромъ его бумагъ, составленнымъ уже въ царствованіе Александра Павловича (Маріинск. Арх., св. 103, № 5); въ числѣ бумагъ, хранившихся въ кабинетѣ Павла Петровича въ дубовомъ ящикѣ, значится подъ № 1: „Собственноручный журналъ путешествія по Европѣ въ 1781 и 1782 годахъ“. Дневники велись чрезвычайно подробно и представляли по словамъ Леопольда, брата Іосифа II, слышавшаго извлеченія изъ нихъ, множество точныхъ и чрезвычайно интересныхъ свѣдѣній. Arnet: Joseph II, I, 119—120. Тоже сообщаетъ и графиня Хотекъ, которой также удалось слышать отрывки изъ этого дневника изъ устъ Павла Петровича. Русскій Архивъ 1873, II, 1969.

[41]) Письма эти хранятся въ Госуд. Арх., IV, 118. Къ сожалѣнію, и они сохранились далеко не всѣ; писемъ, относящихся къ первой половинѣ путешествія, нѣтъ вовсе, и о содержаніи ихъ можно судить лишь по отвѣтамъ Екатерины, напечатаннымъ въ Сборникѣ Р. И. О., IX.

*) Мы позволяемъ себѣ въ этомъ усумниться. Намъ кажется, напротивъ, что тогда и въ Петербургѣ только начиналось гибельное наше „своей землѣ несвоеземство“. П. Б.

общественной литературы, отражалась въ Русской столицѣ главнымъ образомъ или въ одностороннихъ устныхъ сообщеніяхъ, или въ разнаго рода меморіяхъ и доношеніяхъ. Далеко не всѣмъ дано было такъ геніально угадывать ее, какъ Екатеринѣ. Даже въ окрестностяхъ Петербурга, гдѣ преимущественно проводила лѣтнее свое время великокняжеская чета, Русское населеніе большею частію перемѣшивалось съ не вполнѣ еще обрусѣвшими Финнами. Путешествіе въ Русскихъ предѣлахъ должно было бы послужить къ лучшему знакомству съ Россіей Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, какъ ни мало удачно было въ этомъ отношеніи избранное Екатериной направленіе пути на Полоцкъ, Могилевъ и Кіевъ. И дѣйствительно, впечатлѣнія путешествія не соотвѣтствовали Петербургскимъ. Уже изъ Полоцка искренній, правдивый Цесаревичъ извѣщалъ мать свою, что новое устройство губерній показалось ему гораздо лучшимъ, чѣмъ прежде; но положеніе церковныхъ дѣлъ онъ нашелъ неудовлетворительнымъ, что̀ вызвало отвѣтъ Екатерины: «посѣщеніе эпархій (diocestères) показало вамъ дѣтство вещей; но кто идетъ медленно, идетъ безопасно» [42]). Въ мѣстечкѣ Чечерскѣ, гдѣ Бѣлорусскій губернаторъ графъ З. Г. Чернышевъ великолѣпно угощалъ Великаго Князя и его супругу, Павелъ Петровичъ неожиданно выразилъ свое мнѣніе о развращенности нравовъ Петербургскаго общества того времени. Въ Чечерскѣ «былъ благородный театръ, разсказываетъ Л. Н. Энгельгардтъ; была дана опера: «Новое Семейство» (сюжетъ которой взятъ изъ Русской простонародной жизни), потомъ Французская комедія: «Anglomanie». Я (Л. Н. Энгельгардту было въ то время 15 лѣтъ) и старшая сестра моя играли въ оперѣ. По окончаніи театра актеры были представлены ихъ высочествамъ. Великій князь спросилъ отца моего, записанъ ли я въ службу. Какъ онъ отвѣчалъ, что записанъ въ Преображенскомъ полку сержантомъ, великій князь сказалъ: «Пожалуйста, не спѣши отправлять его на службу, если не хочешь, чтобы онъ развратился» [43]). Отдыхая отъ стѣснительныхъ условій Петербургской придворной жизни, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна восхищались благодатной природой Малороссіи, мягкій климатъ которой невольно вызывалъ у нихъ сожалѣніе о дурномъ климатѣ Петербурга. Красоты Кіева особенно поразили путешественниковъ. «Что̀ вы говорите мнѣ о мѣстоположеніи Кіева, писала имъ Екатерина, напомнило мнѣ о томъ, что̀ я видѣла тамъ *), и я охотно соглашаюсь съ вами, что въ древности не дурно выбирали мѣста для своего жилища.

---

[42]) С. Р. И. О., IX, 69—70.

[43]) Записки Л. Н. Энгельгардта". Изданіе „Русскаго Архива". М. 1868, 25—26.

*) Въ 1744 году, будучи еще невѣстой. П. Б.

Это напоминаетъ мнѣ слова Ивана Михайловича Головина, сказавшаго Петру: «Ты человѣкъ умный, только усадьбу заложить не умѣешь...». Жалко, любезный сынъ, что одной доброй воли недостаточно для пересылки и перенесенія хорошаго климата и мѣстоположенія; иначе Царское Село почувствовало бы ваше расположеніе» [44]).

Кіевъ, сохранившій еще въ то время свой казацкій отпечатокъ, принялъ Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну особенно торжественно. Ихъ высочества прибыли въ Кіевъ 11 Октября и встрѣчены были у городской черты Малорусскимъ генералъ-губернаторомъ, фельдмаршаломъ Румянцовымъ, давнимъ приверженцемъ Великаго Князя. Поклонившись св. мощамъ въ Лаврской церкви, ихъ высочества отправились во дворецъ, гдѣ графъ Румянцовъ представлялъ имъ мѣстныхъ чиновниковъ, а вечеромъ Маріи Ѳеодоровнѣ представлялись знатныя дамы города. Слѣдующій день былъ посвященъ поклоненію Кіевской святынѣ, а вечеромъ ихъ высочества приняли ужинъ въ магистратѣ, предъ которымъ устроена была илюминація. 13 Октября Цесаревичъ и его супруга посѣтили Братскій монастырь съ его академіею, причемъ академисты говорили рѣчи на разныхъ языкахъ; а 14 Октября, въ день рожденія Маріи Ѳеодоровны и наканунѣ своего отъѣзда изъ Кіева, ихъ высочества слушали обѣдню въ Софійскомъ монастырѣ; вечеромъ городъ былъ илюминованъ, и сожженъ фейерверкъ.

Кіевъ въ то время расположенъ былъ недалеко отъ Польской границы; поэтому туда явился, для привѣтствованія Великаго Князя отъ имени короля Станислава Августа, генералъ Комаржевскій, которому поручено было сопровождать въ Польскихъ предѣлахъ высокихъ путешественниковъ и заботиться о ихъ удобствахъ. Комаржевскій съ такою точностію исполнялъ это порученіе короля, что, зная любовь Маріи Ѳеодоровны къ музыкѣ, на каждой продолжительной остановкѣ приготовилъ для нея фортепьяно. Іосифъ II также прислалъ въ Кіевъ съ тою же цѣлью генерала Ганнаха. Въ сопровожденіи этихъ лицъ Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна 15 Октября покинули Кіевъ и затѣмъ въ Васильковѣ надолго простились съ Россіей.

Въ Вишневцѣ Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну ожидалъ самъ Станиславъ-Августъ и знатнѣйшіе Польскіе магнаты. Здѣсь король, посаженный на престолъ Екатериной, чествовалъ ея дѣтей цѣлымъ рядомъ торжествъ. Съ своей стороны, Цесаревичъ и его супруга обходились съ королемъ и Поляками съ такою любезностію, что вскружили имъ голову; въ особенности король и его окружающіе остались довольны тѣмъ, что августѣйшіе путешественники отложили отъѣздъ изъ Виш-

---

[44]) С. Р. И. О., IX, 75—77.

невца, назначенный на 23 Октября, выразивъ желаніе праздновать вмѣстѣ съ королемъ день 24 Октября, годовщину извѣстнаго избавленія Станислава-Августа изъ рукъ похищавшихъ его конфедератовъ. Король Польскій возвратился въ Варшаву, по словамъ Штакельберга, въ такомъ радостномъ настроеніи, въ какомъ онъ не былъ еще до тѣхъ поръ со временъ перваго раздѣла Польши. «Онъ совершенно убѣжденъ, прибавлялъ Штакельбергъ, что, для того чтобы быть добрымъ патріотомъ, нужно быть добрымъ Русскимъ» [45]).

Въ Бродахъ графъ и графиня Сѣверные вступили въ Австрійскія владѣнія, гдѣ встрѣтила ихъ Австрійская свита, и на пути въ Вѣну они посѣтили извѣстныя соляныя копи Велички; при этомъ Марія Ѳеодоровна вмѣстѣ съ супругомъ спускались въ самую глубь копей и затѣмъ подробно описали ихъ въ письмѣ къ Екатеринѣ [46]). Въ Тропау, за 200 верстъ отъ Вѣны, ожидали путешественниковъ самъ Іосифъ II и Русскій посланникъ при Вѣнскомъ дворѣ, князь Д. М. Голицынъ. «Съ какою чувствительною радостію и съ какимъ ея изъявленіемъ принялъ императоръ ихъ высочества, тому», доносилъ князь Голицынъ Екатеринѣ, «я самъ, Всемилостивѣйшая Государыня, былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, имѣя счастіе тамъ же отдать ихъ высочествамъ первые поклоны. А по всеподданнѣйшей моей должности не могу я предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ умолчать и о томъ: его величество императоръ изъяснялся со мною въ помянутомъ городѣ о томъ величайшемъ удовольствіи, съ которымъ онъ, въ предѣлахъ земель своихъ, видитъ толь отличныхъ, толь знаменитыхъ гостей и толикаго почтенія и любви достойныхъ дѣтей такой Монархини, къ которой никто изъ Европейскихъ государей (таковы были слова его величества) не можетъ имѣть подобнаго тому высокопочитанія, какимъ онъ къ ней преисполненъ, какъ въ разсужденіи наивысочайшихъ и несравненныхъ душевныхъ ея качествъ и достоинствъ, такъ и въ разсужденіи великихъ извѣстныхъ ея дѣлъ, и которой онъ, посвятя совершеннѣйшую свою преданность, ненарушимо сохранитъ оную до конца своей жизни» [47]). Въ день прибытія въ Тропау, послѣ вечерняго стола, для ихъ высочествъ былъ данъ спектакль и балъ, а на другой день графъ и графиня Сѣ-

---

[45]) Донесеніе Штакельберга (Московскій Главный Архивъ М. И. Д.) отъ 27 Окт. (7 Ноября) и 26 Окт. (8 Ноября). „Il est bien persuadé actuellement que pour être bon patriote, il faut être bon Russe“.—Бумаги о празднествахъ въ Вишневцѣ хранятся въ архивѣ Павловскаго дворца.

[46]) С. Р. И. О. IX, 95—96. Проѣзжая Галиціей, Павелъ Петровичъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что эта страна, доставшаяся Австріи по первому раздѣлу Польши, гораздо богаче Бѣлоруссіи, присоединенной по тому же раздѣлу къ Россіи. Arnet: Ioseph II, I, 117.

[47]) Донесеніе князя Голицына отъ 10 Ноября.

верные, въ одной каретѣ съ императоромъ, отправились въ дальнѣйшій путь, при чемъ на главныхъ остановкахъ въ честь путешественниковъ давались спектакли и балы.

10-го Ноября 1781 года, въ полдень, графъ и графиня Сѣверные прибыли, наконецъ, въ Вѣну, гдѣ Марію Θеодоровну уже ждали ея родители, явившіеся туда подъ именемъ графа и графини Грeнингенскихъ, въ сопровожденіи дочери, принцессы Елисаветы, и сына Фердинанда. Еще не въѣзжая въ Вѣну, Марія Θеодоровна увидѣлась съ дорогими ея сердцу особами въ загородномъ императорскомъ дворцѣ, близъ дворцоваго сада, извѣстнаго подъ именемъ Аугартенъ (гдѣ собравшимся царственнымъ гостямъ предложенъ былъ завтракъ). Затѣмъ графъ и графиня Сѣверные совершили въѣздъ свой въ Вѣну и остановились въ императорскомъ дворцѣ Амаліенгофѣ. Послѣ семейнаго обѣда, на которомъ присутствовалъ и главный виновникъ состоявшагося свиданія, Іосифъ II, августѣйшіе путешественники въ сопровожденіи императора отправились въ національный театръ. «Коль скоро показалась великая княгиня въ ложѣ», доносилъ Голицынъ, «то вся многочисленная публика, которая, весьма благовременно тамъ собравшися, съ нетерпѣніемъ ожидала толь знаменитыхъ гостей, проявила совершенное свое о благополучномъ ихъ пребываніи въ здѣшнюю столицу удовольствіе радостными восклицаніями и плесканіями ручными, кои по окончаніи спектакля троекратно повторены были» [18]). 11 Ноября Вѣнская знать и иностранные министры явились съ визитами къ графу и графинѣ Сѣвернымъ, и въ тотъ же день вечеромъ при дворѣ данъ былъ большой балъ, на которомъ императоръ и князь Голицынъ представили Павлу Петровичу и Маріи Θеодоровнѣ знатнѣйшихъ особъ и дипломатическихъ агентовъ разныхъ державъ. Вслѣдъ затѣмъ потянулся цѣлый рядъ торжествъ въ въ честь августѣйшей четы, въ теченіе которыхъ великій князь и его супруга знакомились съ Вѣною, ея обществомъ и учрежденіями. Въ тоже время Марія Θеодоровна вела съ Іосифомъ II переговоры по вопросу объ устроеніи судьбы сестры своей, принцессы Елисаветы. Самъ императоръ тщательно изучалъ гостей своихъ и, извѣщая брата своего, Леопольда Тосканскаго, объ отъѣздѣ Павла Петровича и Маріи Θеодоровны изъ Вѣны, охарактеризовалъ ихъ слѣдующимъ отзывомъ:

---

[18]) Донесеніе князя Голицына отъ 13 Ноября. У барона Θ. А. Бюлера мы имѣли случай видѣть фотографическій снимокъ съ большой современной картины, изображающей Іосифа II-го, графа и графиню Сѣверныхъ съ ихъ свитою, Монбельярское семейство и кн. Кауница на одномъ изъ дворцовыхъ пріемовъ. Картина эта, находящаяся въ Вѣнѣ, съ величайшей точностью воспроизводитъ какъ наружность всѣхъ перечисленныхъ лицъ, такъ и окружавшую ихъ обстановку.

«Великій князь и великая княгиня съ несовсѣмъ обычными дарованіями соединяютъ довольно обширныя познанія, а также большое желаніе обозрѣвать и поучаться и въ тоже время имѣть успѣхъ и нравиться всей Европѣ. На ихъ честность и скромность можно положиться, и поэтому ничѣмъ нельзя болѣе обязать ихъ какъ доставляя имъ возможность осматривать все безъ подготовки и прикрасъ, говорить съ ними съ полною откровенностію, не скрывать отъ нихъ недостатковъ, которые и безъ того не ускользнули бы отъ ихъ проницательности, и обращать ихъ вниманіе на добрыя намѣренія, которыми вы одушевлены, хотя бы они еще и не выразились на дѣлѣ. Въ виду ихъ недовѣрчивости, зависящей, впрочемъ, не столько отъ ихъ характера, сколько отъ обстоятельствъ, въ которыя они поставлены, нужно избѣгать всего, что̀ могло бы имѣть видъ уловки или притворства» (de comédie).

«Непродолжительное время, которое они проведутъ съ вами, не слѣдуетъ тратить на представленія и обычные комплименты; но должно тотчасъ же предварить ихъ, что, получивъ отъ меня свѣдѣнія о ихъ образѣ мыслей, вы желаете съ первой же минуты говорить и обходиться съ ними съ полнымъ довѣріемъ и дружбой, какъ съ давними знакомыми, чтобы употребить съ пользою тѣ немногія минуты, которыя вы проведете съ ними, ознакомивъ ихъ съ собою и доставивъ себѣ полное удовольствіе ихъ знакомствомъ и ихъ любезнымъ обществомъ».

«Вы можете говорить съ ними о чемъ хотите; но, будучи очень нѣжными и заботливыми родителями, они, безъ сомнѣнія, пожелаютъ вникнуть во всѣ подробности вопроса о воспитаніи вашихъ дѣтей, къ которому, сколько я знаю, вы сами относились съ нѣжною заботливостію».

«Они ведутъ правильный образъ жизни, и такъ какъ, притомъ, здоровье великаго князя не отличается, къ сожалѣнію, особенною крѣпостію, то должно заботливо избѣгать продолжительныхъ вечеровъ и слишкомъ частаго утомленія. Желательно было бы устроить все такъ, чтобы они не были поставлены въ необходимость выѣзжать ранѣе 9 или 10 часовъ утра, а въ особенности, чтобы они могли къ 10 или 11 часамъ вечера удаляться къ себѣ, такъ какъ значительную часть утра и даже вечера они удѣляютъ на занятія и переписку».

«Всѣ предметы, дѣйствительно замѣчательные по своей древности, рѣдкости, размѣру или великолѣпію сооруженія, чрезвычайно ихъ занимаютъ; поэтому не слѣдуетъ утомлять ихъ вниманіе обозрѣніемъ нѣсколькихъ предметовъ въ одинъ день, а напротивъ, нужно дать имъ возможность осмотрѣть въ подробности все любопытное и замѣчательное».

«Общественныя учрежденія, какъ благотворительныя, такъ учебныя, осмотрѣны были ими съ особеннымъ вниманіемъ, и такъ какъ они желаютъ, чтобы это обозрѣніе послужило къ ихъ пользѣ, то не

только не слѣдуетъ отказывать имъ въ сообщеніи письменныхъ свѣдѣній, со всею подробностію, которой они могутъ потребовать, но, напротивъ, предлагать имъ эти свѣдѣнія, потому что и безъ того всѣ эти учрежденія устроены не для того, чтобы оставаться въ тайнѣ; а такіе знаки довѣрія и предупредительности будутъ имъ очень пріятны, доказывая ваше желаніе содѣйствовать пользѣ и удовольствію, которыя они надѣются получить въ своемъ путешествіи».

«Знакомство съ людьми наиболѣе просвѣщенными и извѣстными составляетъ главный предметъ ихъ любознательности, и такъ какъ они желаютъ видѣть избранное, исключительное общество и пользоваться имъ, то необходимо устраивать обѣды и бесѣды, во время которыхъ ихъ высочества будутъ имѣть удовольствіе перезнакомиться со всѣми, кто, будутъ ли то мужчины или женщины, выдвигается изъ ряду не только по рожденію, но и по уму своему или знаніямъ. При этомъ ихъ высочества будутъ также имѣть удовольствіе выказать себя своими бесѣдами, любезностію и образованіемъ предъ лицами, которыя наиболѣе способны судить объ этомъ и которыя, отдавъ имъ справедливость, привлекутъ на ихъ сторону общественное мнѣніе» [49]).

Эта лестная характеристика великокняжеской четы, сдѣланная такимъ тонкимъ наблюдателемъ, какъ Іосифъ II, живо знакомитъ насъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производили въ Европѣ царственные супруги на людей самыхъ безпристрастныхъ и просвѣщенныхъ, и въ тоже время лучше всякихъ подробныхъ офиціальныхъ донесеній свидѣтельствуетъ, чѣмъ интересовались и чего стремились достигнуть Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна во время своего путешествія. Донесенія нашихъ посланниковъ при тѣхъ дворахъ, которые посѣщены были великокняжескою четою, представляютъ собою по большей части самый утомительный перечень ея времепрепровожденія, сопровождаемый иногда извлеченіями изъ газетъ, посвящавшихъ свои столбцы описанію поѣздки царственныхъ путешественниковъ. Тѣмъ болѣе любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя Іосифомъ, замѣчавшимъ даже привычки и наклонности Цесаревича и его супруги.

«Великій князь, писалъ онъ, не танцуетъ; великая княгиня принимаетъ участіе въ танцахъ, но безъ увлеченія.... Хорошая музыка и хорошій спектакль, въ особенности, если они не продолжительны и не затягиваются до поздняго вечера, доставляютъ имъ, какъ кажется, удовольствіе. Военное и морское дѣло, конечно, составляютъ одинъ изъ любимѣйшихъ предметовъ ихъ занятій, равно какъ и торговля, промыш-

---

[49]) Arnet, Joseph II, I, 332—335.

ленность и мануфактуры.... По отношенію къ столу они вовсе не прихотливы; они предпочитаютъ простыя, но хорошія блюда и компоты изъ фруктовъ; пьютъ только воду, а великая княгиня въ особенности любитъ пить зельтерскую воду... Ужинаютъ они чѣмъ Богъ пошлетъ (quelque chose) и не любятъ обѣдать позже двухъ часовъ. Ни къ какимъ играмъ они не чувствуютъ влеченія. Великая княгиня прекрасно играетъ на фортепьяно; нужно позаботиться, чтобъ у нея въ комнатѣ былъ хорошій инструментъ... Великая княгиня очень любитъ цвѣты; постарайтесь, чтобъ у нея каждое утро былъ свѣжій букетъ» [50]).

Изображая Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну, эти свѣдѣнія о нихъ, сообщенныя Іосифомъ Леопольду, доказываютъ, какимъ внимательнымъ, предупредительнымъ и радушнымъ хозяиномъ явился самъ Іосифъ по отношенію къ своимъ гостямъ. Издержки, сдѣланныя имъ для ихъ пріема, были громадны [51]); парады, балы, маскарады, спектакли, маленькія собранія, слѣдовали одинъ за другимъ всякій разъ, когда заботливый императоръ, представляя гостямъ своимъ полную свободу, надѣялся доставить имъ удовольствіе. «Ихъ высочества», доносилъ въ тоже время князь Голицынъ Екатеринѣ, «не пропускаютъ ни одного дня, который бы не употребили на нѣкоторое любопытству своему удовлетвореніе осматриваніемъ различныхъ здѣшнихъ заведеній и примѣчанія достойныхъ мѣстъ и заведеній, между коими изволили уже ихъ высочества видѣть собраніе придворныхъ картинъ, находящихся въ загородномъ императорскомъ домѣ, именуемомъ Бельведеръ, императорскій Терезіанскій корпусъ, въ которомъ благородные молодые люди разнымъ наукамъ обучаются за нѣкоторую денежную плату; сиротскій домъ, въ коемъ немалое число бѣдныхъ и приносныхъ дѣтей воспитывается подъ управленіемъ одного изъ бывшихъ езуитовъ, абата Пергамера; больницу, учрежденную при одномъ монастырѣ для лѣченія бѣдныхъ и состоящую подъ надзираніемъ и попеченіемъ принадлежащихъ до того монастыря монаховъ Бармхерцигскаго ордена; состоящую въ городѣ главную нормальную школу и находящуюся въ церкви Капуцинскаго монастыря императорскую гробницу. Между тѣмъ Государь Цесаревичъ почтилъ посѣщеніемъ своимъ славнаго сочинителя музыки Глука, который съ нѣкотораго времени, за болѣзненнымъ его состояніемъ, не выходитъ изъ дому; также и престарѣлаго аббата Метастазіо, который государынѣ великой княгинѣ, по желанію ея императорскаго высочества, представленъ былъ». Изъ числа другихъ, осмотрѣнныхъ Маріею

---

[50]) Тамъ же, 335—338.
[51]) С. Р. И. О., IX, 95.

Θеодоровною учрежденій, особенное ея вниманіе обратило на себя училище глухонѣмыхъ [52]).

Немало времени, конечно, посвящено было Маріей Θеодоровной задушевной бесѣдѣ съ родителями, сестрой и братомъ послѣ продолжительной разлуки; но радость свиданія омрачалась опасеніями за будущее любимой сестры и братьевъ, зависѣвшее отъ случайностей политическаго положенія. Оставался еще нерѣшеннымъ важный вопросъ, волновавшій родителей Маріи Θеодоровны, какъ относятся эрцгерцогъ Леопольдъ и его супруга къ предположенному браку ихъ сына Франца съ принцессой Елисаветой и каково будетъ ея положеніе до совершеннолѣтія ея жениха. Даже во время пребыванія въ Вѣнѣ великокняжеской четы Фридрихъ дѣлалъ послѣднія усилія помѣшать браку и, посредствомъ принца Генриха, принца Фердинанда и двухъ ея Берлинскихъ тетокъ, увѣрялъ Марію Θеодоровну, будто бы Леопольдъ и жена его были совершенно противъ брака ихъ сына съ сестрой великой княгини и уступили, повинуясь только силѣ [53]). Изъ Берлина, конечно, шли также увѣренія и въ томъ, что императоръ намѣревался заключить принцессу въ монастырь на шесть лѣтъ съ тѣмъ, чтобы держать ее тамъ такой долгій промежутокъ времени [54]). На самомъ же дѣлѣ Берлинскія извѣстія были совершенно лживы. Леопольдъ, извѣстный по трезвому своему уму и рѣдкимъ для того времени строгимъ нравственнымъ правиламъ, сочувственно относился къ выбору принцессы Елисаветы въ невѣсты его сыну. Судя по личности Маріи Θеодоровны, онъ былъ высокаго мнѣнія о воспитаніи, данномъ своимъ дочерямъ принцессой Доротеей; вполнѣ доволенъ онъ былъ и внѣшними качествами принцессы Елисаветы, хотя она по описанію Іосифа не обладала привлекательною наружностію. Въ желаніи устранить всѣ препятствія къ совершенію задуманнаго брака эрцгерцогъ шелъ даже далѣе своего брата императора. Іосифъ, очевидно, имѣлъ первоначально въ виду какъ можно скорѣе уединить будущую Австрійскую императрицу отъ протестантскихъ и Прусскихъ вліяній, и поэтому выражалъ желаніе, чтобы принцесса немедленно переселилась въ Вѣну и, окруженная здѣсь исключительно Австрійцами, занялась бы изученіемъ католической вѣры. Живя въ кругу Австрійцевъ, 14-лѣтняя принцесса ма-

---

[52]) С. Р. И. О., IX, 105. „Судя по тому, что говоритъ мнѣ милая дочь, писала ей Екатерина, объ обученіи глухонѣмыхъ сего города, я должна думать, что это учрежденіе удивительно усовершенствовалось, такъ какъ о томъ, которое было заводили лѣтъ 15 тому назадъ во Франціи, я слышала, говорили, что въ немъ гораздо болѣе мучили несчастныхъ, чѣмъ дѣйствительно давали познаній“.

[53]) Arnet: Joseph II, I, 115.

[54]) С. Р. И. О., IX, 100:

ло-по-малу привыкла бы считать своими Австрійскій домъ и государство. Леопольдъ горячо возражалъ брату, указывая на возможность сопротивленія его желанію родителей принцессы, привыкшихъ видѣть дочь свою возлѣ себя и прилагавшихъ всѣ старанія къ ея воспитанію, еще не вполнѣ законченному [55]). Іосифъ, однако, по пріѣздѣ принцессы въ Вѣну, еще сильнѣе настаивалъ на своемъ намѣреніи, изъявляя въ тоже время готовность сдѣлать все возможное для того, чтобы положеніе принцессы въ Вѣнѣ было для нея почетнымъ и пріятнымъ. И дѣйствительно, переговоры, которые онъ велъ для достиженія своей цѣли съ Маріей Θеодоровной и ея родителями во время пребыванія ихъ въ Вѣнѣ, скоро увѣнчались успѣхомъ. «Отъ родителей ея императорскаго высочества, а особливо отъ ея высочества», доносилъ кн. Голицынъ 23 Декабря, узналъ я, «всемилостивѣйшая Государыня, что дѣло бракосочетанія принцессы съ Тосканскимъ принцемъ, по прибытіи сюда родителей ея свѣтлости, расположено уже къ общему участвующихъ въ немъ удовольствію и что государыня великая княгиня Ноября 27 числа по старому стилю подала Вашему Императорскому Величеству обстоятельное о томъ увѣдомленіе, на которое ссылаясь изволила ея императорское высочество объявить мнѣ, что принцесса Елисавета, по отъѣздѣ ихъ императорскихъ высочествъ, обратно съ родителями своими, отправится отсюда въ Монбельяръ, что туда же послана будетъ отъ здѣшняго двора духовная особа для наставленія ея свѣтлости въ Римскомъ законѣ, что она останется тамъ до прибытія туда государя великаго князя и государыни великой княгини; что оттуда возвратится она сюда купно съ ихъ высочествами и съ находящеюся при родителяхъ ея баронессой Боркъ (бывшей гувернанткой и Маріи Θеодоровны), которая здѣсь при ней нѣсколько времени останется; что она будетъ имѣть свое пребываніе въ находящемся въ близости отъ женскаго Салезіанскаго монастыря императорскомъ домѣ, въ коемъ императрица Елисавета, бабка нынѣ владѣющаго императора, во время вдовства своего имѣла жительство и который какъ ихъ императорскія высочества, такъ и родители государыни великой княгини нашли пристойнымъ и по положенію его совершенно выгоднымъ; и что государыня великая княгиня и ея родители, будучи довольны такимъ расположеніемъ императора, совершенно полагаются на материнское Вашего Императорскаго Величества попеченіе о принцессѣ Елисаветѣ и при томъ ласкаютъ себя надеждою, что все въ пользу ея поставленное на мѣстѣ удостоится высочайшей Вашего Императорскаго Величества апробаціи, безъ которой

---

[55]) Arnet: Joseph II, I, 14, 52 — 53. О наружности ея см. отзывъ Іосифа тамъ же 39, 40.

все дѣло (таковы суть точныя слова государыни великой княгини и ея родителей) ни утверждено, ни совершено быть не можетъ». Но вслѣдъ затѣмъ князь Голицынъ получилъ отъ Маріи Өеодоровны порученіе объясниться по этому поводу съ княземъ Кауницемъ. Кауницъ объяснилъ князю Голицыну дальнѣйшіе виды императора относительно принцессы Елисаветы: по возвращеніи въ Вѣну она должна была быть объявлена эрцгерцогиней Австрійской и вслѣдствіе этого получить особый штатъ, и императоръ намѣревался утвердить все дѣло такимъ же брачнымъ договоромъ, на какомъ основанъ былъ первый бракъ его съ принцессой Пармской.

Быстрымъ рѣшеніемъ вопроса о пребываніи принцессы Елисаветы до свадьбы въ Вѣнѣ, не смотря на первоначальный отказъ отца и матери невѣсты и горячія убѣжденія брата своего Леопольда, Іосифъ обязанъ былъ, какъ ни странно можетъ это показаться съ перваго взгляда—Маріи Өеодоровнѣ: она не могла не сочувствовать его намѣреніямъ, клонившимся въ сущности лишь ко благу принцессы Елисаветы. Руководствуясь сначала въ своемъ желаніи почти исключительно политическими побужденіями, Іосифъ, видѣвшій принцессу въ Монбельярѣ лишь мелькомъ, по пріѣздѣ ея въ Вѣну, познакомившись съ нею ближе, нашелъ характеръ ея воспитанія не вполнѣ соотвѣтствующимъ достоинству будущей Австрійской императрицы. Не пригожая съ лица принцесса Елисавета, живя до сихъ поръ въ Монбельярскомъ уединеніи, не отличалась и знаніемъ свѣта. Іосифъ находилъ, что она по своимъ привычкамъ и манерамъ предназначена скорѣе къ частной жизни, чѣмъ къ придворной [56]). Даже на внѣшность принцессы, по мнѣнію Іосифа, не было обращено въ Монбельярѣ должнаго вниманія, и вотъ императоръ, для устраненія замѣченныхъ имъ въ этомъ отношеніи недостатковъ, самъ входитъ въ такія подробности, которыя дѣйствительно вызываютъ удивленіе [57]). Марія Өеодоровна такимъ образомъ сдѣлалась личной свидѣтельницей этой, такъ сказать, женской заботливости императора и не могла не оцѣнить ея высоко. Въ тоже время Марія

---

[56]) Arnet: Ioseph II, I, 339—343. „Überhaupt scheint es, заключаетъ свое описаніе принцессы Іосифъ, dass sie eine gute bürgerliche Frau zu machen alle Anlage habe, zur Annehmlichkeit des Umganges aber und zur Representation in ihrer Lage noch Vieles, ja fast Alles abgehe". Но Лафермьеръ даетъ о ней другой отзывъ: M-me la grande d-sse m'a présenté à la princesse sa soeur que je n'ai vue qu'un moment, assez cependant pour la trouver charmante, et pour lui accorder volontiers, sur sa figure, ses manières et le peu de mots qu'elle m'a dit, tout l'esprit que j'entends dire partout qu'elle a". Арх. Кн. Воронцова, XXIX, 214, письмо отъ 17 Декабря.

[57]) Тамъ же, 63. „J'ai eu soin, пишетъ Іосифъ чрезъ недѣлю по пріѣздѣ Маріи Өеодоровны о принцессѣ Елисаветѣ: „de lui faire nettoyer et arranger les dents, dont elle avait besoin, et par là ils seront plus que passables".

Θеодоровна, извѣдавшая по собственному опыту недостатки Монбельярскаго воспитанія для высокаго положенія, въ которое поставила ее судьба, лучше чѣмъ ея родители сознавала важность для счастія своей сестры плана Іосифа о довершеніи ея воспитанія въ Вѣнѣ, при императорскомъ дворѣ. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что только подъ вліяніемъ ея убѣжденій принцъ Фридрихъ-Евгеній и принцесса Доротея, мало знакомые съ жизнью большихъ дворовъ, не только не упорствовали въ своемъ первоначальномъ отказѣ, но даже сами вмѣстѣ съ великокняжескою четою поспѣшили выразить свое согласіе, оцѣнивъ по достоинству нѣжную заботливость Іосифа о ихъ дочери [58]). Гувернантка принцессы г-жа Боркъ, также ставшая въ этомъ дѣлѣ на сторону Іосифа, должна была остаться при принцессѣ на нѣкоторое время для того только, чтобы сдѣлать для нея менѣе чувствительнымъ переходъ въ новую жизнь при совершенно чуждой обстановкѣ.

Когда дѣло было устроено, молодая невѣста получила великолѣпные подарки отъ Іосифа и Екатерины, а ея братъ, принцъ Фердинандъ, вмѣстѣ съ нею пріѣхавшій въ Вѣну, принятъ въ Австрійскую службу подполковникомъ.

Но, сближаясь съ Австріей, Монбельярское семейство создавало себѣ тѣмъ самымъ врага въ Пруссіи. Мстительный Фридрихъ II, узнавъ о полномъ неуспѣхѣ своихъ интригъ и желая дать почувствовать свое негодованіе, уволилъ изъ Прусской службы старшаго брата Маріи Θеодоровны, супруга Зельмиры, принца Фридриха. Моментъ этого увольненія, грубость формы, съ которою оно приведено было въ исполненіе, не позволяютъ сомнѣваться, что служебные нелады принца и дурное обращеніе съ женой были скорѣе поводомъ, чѣмъ дѣйствительною причиною обрушившагося на него удара, хотя нѣтъ сомнѣнія, что при тяжеломъ, неуживчивомъ характерѣ принца, Фридрихъ II радъ былъ отъ него избавиться. Вынужденный уѣзжать изъ Любена (въ Силезіи), гдѣ онъ командовалъ полкомъ, принцъ Фридрихъ обратился къ сестрѣ и зятю съ жалобой на короля, выставляя себя невинной жертвой политическихъ разсчетовъ своего семейства и прося защиты. Положеніе его было тѣмъ плачевнѣе, что онъ не зналъ даже, куда ему ѣхать: въ Вѣну онъ не рѣшался направиться изъ боязни дурнаго пріема отца, продолжавшаго на него гнѣваться, въ Виртембергъ—вслѣдствіе дурныхъ отношеній съ герцогомъ Карломъ. Наконецъ, онъ получилъ приглашеніе великокняжеской четы сопровождать ее въ путешествіи по Италіи и встрѣтить ее въ Венеціи. Въ этомъ городѣ и ждалъ принцъ Фридрихъ своихъ Рус-

---

[58]) Тамъ же, 341.

скихъ сестру и зятя, мучимый въ ожиданіи ихъ «de l'humeur noire», въ сознаніи унизительной безвыходности своего положенія [59]).

Оскорбленіе, нанесенное Прусскимъ королемъ ихъ ближайшему родственнику, отравило послѣдніе дни пребыванія въ Вѣнѣ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны. Великій князь принялъ это дѣло, какъ позже писалъ о томъ Леопольдъ брату, близко къ сердцу и очень свысока (très haut). Онъ далъ совѣтъ и другимъ двумъ братьямъ Маріи Ѳеодоровны, бывшимъ на службѣ у Фридриха, Людвигу и Евгенію, также оставить Прусскую службу; когда же принцы не послушались его, то онъ объявилъ, что болѣе не намѣренъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Слѣдствіемъ этого была, уже по выѣздѣ его изъ Вѣны; непріятная переписка Павла съ братьями Фридриха II, принцами Генрихомъ и Фердинандомъ и женою послѣдняго, теткою Маріи Ѳеодоровны; переписка эта закончилась тѣмъ, что Павелъ Петровичъ рѣшительно объявилъ, что болѣе не будетъ писать старому своему свату, принцу Генриху [60]). Не менѣе огорчена была, конечно, и Марія Ѳеодоровна; но когда она, послѣ свиданія съ изганнымъ отовсюду братомъ, обратилась къ Екатеринѣ съ просьбою принять его на Русскую службу, къ ней, на встрѣчу ея просьбѣ, уже шло письмо Императрицы, также разгнѣванной поступкомъ Фридриха и предлагавшей жертвѣ стараго Ирода мѣсто генералъ-губернатора Финляндіи. Этимъ новымъ знакомъ вниманія Екатерины Монбельярское семейство обязано было также Маріи Ѳеодоровнѣ, заслужившей ея одобреніе своимъ поведеніемъ въ Вѣнѣ; притомъ честь Императрицы обязывала ее помочь человѣку, въ лицѣ котораго, по ея мнѣнію, Фридрихъ недостойнымъ образомъ мстилъ ей, ея дѣтямъ и Россіи [61]). Подобно сыну, и Екатерина неодобрительно отнеслась къ желанію его шурьевъ остаться на Прусской службѣ, хотя старый король, увидѣвшій, что своимъ опрометчивымъ поступкомъ онъ окончательно разрушаетъ связь свою съ когда-то преданнымъ ему молодымъ Русскимъ дворомъ, сталъ теперь осыпать ласками младшихъ братьевъ Маріи Ѳеодоровны [62]).

---

[59]) См. переписку съ нимъ Голланда, бывшаго въ это время въ Вѣнѣ. Stark, 88.

[60]) *Arnet.* Joseph II, I, 115—116. По этому же поводу писалъ великому князю и его супругѣ и самъ Фридрихъ, о чемъ они тотчасъ же сообщили Екатеринѣ. С. Р. И. О., IX, 122. Не къ Фридриху ли относится замѣчаніе Императрицы: „мнѣ пріятно видѣть васъ огорченными поведеніемъ человѣка въ нравственномъ и физическомъ отношеніи..... Если люди эти уже не то, чѣмъ были, то вслѣдствіе происшествій, заставившихъ ихъ пасть, немало, навѣрно, содѣйствовало тому и умственное изнеможеніе". Тамъ же, 121.

[61]) С. Р. И. О., IX, 105—108, 111—112.

[62]) Тамъ же, 107, 125. Еще Лаферьеръ замѣтилъ въ то время: La façon dont le roi de Prusse en a agi avec le frère aîné de la grande-d-sse, ce qui ne peut manquer de tourner au profit de l'empereur, qui finira par être adoré de toute la famille". Архивъ Кн. Воронцова XXIX, 215, письмо отъ 17 Декабря 1781 г.

Іосифъ спѣшилъ воспользоваться неудовольствіемъ Павла противъ Пруссіи и показалъ ему письмо Екатерины, свидѣтельствовавшее о тайномъ союзѣ, заключенномъ между Австріей и Россіей въ Маѣ 1781 г. Этимъ выраженіемъ своего безграничнаго довѣрія къ рыцарскому Цесаревичу императоръ думалъ окончательно заполонить его сердце. Сомнительно, однако, чтобы неожиданное, повидимому, сообщеніе Іосифа было новостію для великаго князя: въ заключеніи этого союза принималъ участіе графъ Панинъ [63]), и было бы неестественно, если бы онъ умолчалъ о томъ предъ своимъ воспитанникомъ и давнимъ политическимъ единомышленникомъ. Узнавъ отъ Павла о довѣріи, оказанномъ ему Іосифомъ, Екатерина попробовала выяснить ему свой взглядъ на значеніе этого союза для Россіи. «Письмо отъ Мая мѣсяца, которое мой сынъ имѣлъ случай читать въ Вѣнѣ, сдѣлало ваши зимнія квартиры болѣе пріятными. Это утренняя заря прекраснаго дня. Когда мракъ ночи исчезаетъ, тогда является утренняя звѣзда» [64]). Это не помѣшало ей, однако, недовѣрчиво отнестись къ Павлу и писать Іосифу 3 Января 1782 г.: «Смѣю думать, что сынъ мой, въ силу даннаго имъ обѣщанія, сохранить все это въ самой строгой тайнѣ, сдержитъ свое слово, согласно съ желаніями вашего величества, какъ ни мало, впрочемъ, его юные годы обезпечиваютъ его со стороны людей, дѣлающихъ своимъ промысломъ вывѣдываніе подобныхъ тайнъ» [65]). И Екатерина была права, не довѣряя сочувствію сына своимъ планамъ. Даже независимо отъ своихъ Прусскихъ симпатій, Павелъ, какъ мы имѣли случай видѣть, вовсе не одобрялъ завоевательной политики своей матери, считая Россію и безъ того слишкомъ обширною. Очевидно, онъ не имѣлъ понятія объ историческихъ задачахъ своего народа, отрицаніе которыхъ равнялось бы умерщвленію народной жизни. Находя нужнымъ сосредоточиться на внутреннихъ дѣлахъ, Павелъ упускалъ изъ виду связь ихъ съ внѣшней политикой государства. И это думалъ онъ, когда Екатерина готовилась присоединить къ Россіи Крымъ и весь сѣверный берегъ Чернаго моря! Свои мысли по этому поводу онъ высказалъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, брату Іосифа, Леопольду, а тотъ, не понимая того, что онѣ вытекаютъ изъ самаго міросозерцанія Павла, приписалъ ихъ исключительно вліянію принца Генриха и наслѣднаго принца Прусскаго, къ которымъ Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна были искренно привязаны [66]).

---

[63]) Трачевскій, Союзъ князей, 505.
[64]) С. Р. И. О., IX, 109.
[65]) Р. Арх., 1880, I, 268.
[66]) *Arneth*: Joseph II, I, 117.

Не сочувствуя цѣлямъ союза съ Іосифомъ и не видя пользы для себя въ дальнѣйшемъ пребываніи въ Вѣнѣ, великій князь порывался уѣхать изъ Вѣны, въ то время какъ его нѣжная супруга еще не могла довольно нарадоваться, видя себя въ кругу родныхъ. Цѣль пребыванія въ Вѣнѣ могла считаться достигнутою даже независимо отъ устройства семейныхъ дѣлъ. «Могу тебя увѣрить», писалъ Леопольдъ Іосифу 5 Іюня 1782 г., «что великій князь и его супруга поразили и удивили меня своими свѣдѣніями о Вѣнѣ, о всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чинахъ, о семейныхъ отношеніяхъ, объ отдѣльныхъ личностяхъ и проч.; о дѣлахъ они имѣютъ также очень хорошія свѣдѣнія [67]). Удерживаемый долгое время въ Вѣнѣ то матерью, то своею супругою, Павелъ Петровичъ съ удовольствіемъ выѣхалъ, наконецъ, изъ Австрійской столицы 24-го Декабря, въ сопровожденіи Іосифа, его брата Максимиліана и принцевъ Фридриха-Евгенія и Фердинанда Виртембергскихъ, которые провожали его до перваго ночлега въ Винеришъ-Нейштадтѣ. Но отъѣздъ изъ Вѣны совершился при неблагопріятныхъ условіяхъ. Въ Вѣнѣ, какъ и по всей Европѣ, распространена была тогда эпидемія, по всѣмъ признакамъ, инфлуэнца, свирѣпствовавшая тогда и въ Россіи [68]). Ею заболѣла предъ самымъ отъѣздомъ дочери принцесса Доротея, а въ Нейштадтѣ, на ночлегѣ, и сама Марія Өеодоровна [69]). Болѣзнь великой княгини продолжалась два дня, мѣшая дальнѣйшему путешествію. Императоръ оставался все время съ своими высокими гостями, стараясь сдѣлать для нихъ эту остановку по возможности пріятной. Сопровождавшая Марію Өеодоровну отъ Вѣны до Венеціи Австрійская графиня Хотекъ, говоря, вѣроятно, о пребываніи въ Нейштадтѣ, сообщаетъ, что однажды послѣ обѣда, когда заговорили о музыкѣ, императоръ и великій князь пропѣли въ качествѣ диллетан-

---

[67]) Тамъ же, 118.

[68]) Подробности см. въ письмахъ Екатерины, которая сама со своими внуками подверглась этой болѣзни. С. Р. И. О., IX, и 113 и слѣд. „Это простудныя лихорадки съ кашлемъ и насморкомъ; не будетъ преувеличено, если сказать, что треть города этимъ страдаетъ, такъ какъ есть домá, въ которыхъ половина лицъ, ихъ населяющихъ, больна“ и т. д. (144). „У всѣхъ, страдавшихъ этимъ кашлемъ, насморкомъ и эпидемической простудной лихорадкой“, писала Екатерина 29 Января 1782 г., „оставалась большая слабость; но никто отъ нея не умеръ. Въ продолженіе 10 дней, думаю, было отъ десяти до пятнадцати тысячъ больныхъ тою же болѣзнію. Въ Москвѣ, по Московской дорогѣ, слѣдовательно въ Твери, Новгородѣ, повсюду слышишь тѣже новости. Подобныя же извѣстія изъ Тулы, Калуги и Пскова. Вообразите, какую прелестную гармонію составляетъ имперія, вся кашляющая и чихающая..... Прошедшій годъ въ Парижѣ, говорятъ, называли это гриппомъ“ 117. Отъ этой болѣзни умерла въ 1782 г. королева Шведская.

[69]) Донесеніе кн. Голицына отъ 27 Декабря. Объ эпидеміи въ Вѣнѣ см. письма Голланда, Stark, 88.

товъ арію изъ оперы: «Орфей и Альцеста» [10]). Изъ Нейштадта же Марія Θеодоровна написала прощальное письмо родителямъ, выражая надежду на новое скорое свиданіе [11]). 26 Декабря Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна съ своею свитою двинулись въ дальнѣйшій путь, слѣдуя маршруту, составленному Іосифомъ, на Тріестъ и Венецію.

9 Января 1782 г. покинули Вѣну и родители Маріи Θеодоровны, отправившіеся, въ сопровожденіи принцессы Елисаветы и принца Фердинанда, обратно въ Монбельяръ приготовлять все для встрѣчи дорогихъ гостей.

Сопровождавшая великокняжескую чету на пути изъ Вѣны въ Венецію графиня Хотекъ въ своихъ запискахъ съ уваженіемъ и сочувствіемъ говоритъ о Павлѣ Петровичѣ и особенно Маріи Θеодоровнѣ. «Не помню названія того мѣстечка, гдѣ мы обѣдали, говоритъ между прочимъ графиня, но очень помню замѣчательный разговоръ нашъ съ Великой Княгиней. Я была удивлена довѣренностію, съ которой она обращалась ко мнѣ послѣ осьмидневнаго знакомства. Довѣренность эта никогда не будетъ обманута: слышанное мною въ этотъ день никогда не выйдетъ изъ моей памяти и никому другому извѣстно не будетъ». На остановкахъ и ночлегахъ время посвящено было живой бесѣдѣ и чтенію. «Великій князь, говоритъ графиня, благоволилъ прочесть намъ нѣсколько отрывковъ изъ дневника своего, замѣчательно хорошо написаннаго. Великая княгиня прервала однажды по счастію чтеніе газетъ и разсказала намъ много въ высшей степени занимательныхъ подробностей о своей молодости, воспитаніи, о своемъ образѣ мыслей, о легкости и понятливости своей, такъ что десяти лѣтъ она знала геометрію. Передъ ужиномъ великая княгиня читала намъ вслухъ нѣкоторыя мѣста Похвальнаго слова Плинія Траяну. Выборъ отрывковъ и выразительность, съ которою она читала, равно говорили въ пользу ея ума и сердца» [12]). Наблюдательная графиня замѣтила также, что Маріи Θеодоровнѣ всегда былъ непріятенъ пріѣздъ части ея свиты, отправлявшейся днемъ позже и состоявшей изъ Салтыкова, Куракина, Юсупова и Вадковскаго, потому, безъ сомнѣнія, что въ обществѣ Салтыкова она не могла не чувствовать себя стѣсненною въ противоположность обычной своей откровенности; иногда даже она предпочитала не садиться за ужинъ вмѣстѣ съ ними, а удалялась въ свою комнату, приказывая подать себѣ что-нибудь туда. Фрейлины: Нелидова и Бар-

---

[10]) Р. А., 1873. II, 1970.

[11]) Госуд. Арх. IV, 205. Письмо это, хранящееся въ копіи доставленной изъ Штутгартскаго архива, помѣчено неправильно 1776-мъ годомъ, вѣроятно по ошибкѣ переписчика.

[12]) „Русск. Арх.", 1873, II, 1969—1970.

щова также не пользовались благосклонностью Великой Княгини, которая всегда хотѣла быть только съ одной г-жей Бенкендорфъ, подругой ея дѣтства, считавшейся какъ бы членомъ Монбельярскаго семейства [73]).

Простившись въ Тріестѣ съ владѣніями свободомыслящаго императора, бывшаго однимъ изъ представителей такъ называемаго «просвѣщеннаго деспотизма» въ XVIII в., графъ и графиня Сѣверные прибыли наконецъ 7 Января 1782 г. въ Венецію, эту столицу аристократической республики, доживавшей въ то время послѣдніе свои дни, но сохранявшей въ мертвенной неподвижности, при всеобщемъ тогда въ Европѣ стремленіи къ обновленію, всѣ особенности мрачнаго, средневѣковаго своего быта. Въ Венеціи Марія Ѳеодоровна встрѣчена была братомъ своимъ Фридрихомъ. Недѣля, которую провела великокняжеская чета въ этомъ городѣ, вся протекла въ блестящихъ празднествахъ, которыми республика угощала высокихъ путешественниковъ, и въ осмотрѣ знаменитаго, поэтическаго города. Съ Венеціи началось для Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны знакомство съ прославленной Италіей, въ которой, среди дивныхъ красотъ южной природы, путешественники, подавляемые воспоминаніями славнаго историческаго прошлаго, на каждомъ шагу знакомятся съ чудными произведеніями искусства и остатками былой могучей жизни, былаго величія. Чувство истинно-прекраснаго и высокаго, свойственное душѣ Маріи Ѳеодоровны и развивавшееся въ ней въ постоянныхъ занятіяхъ изящными искусствами, должно было найти себѣ здѣсь полное удовлетвореніе, чему, конечно, способствовало и знаніе ею Итальянскаго языка, хотя она и затруднялась объясняться на немъ. Впрочемъ, впослѣдствіи Марія Ѳеодоровна выражала мнѣніе, что поѣздка по Италіи не принесла ей той пользы, какую она могла бы ожидать отъ нея, и причину этого она справедливо видѣла въ условіяхъ показной жизни, которую по необходимости вела она [74]). Вотъ почему высокіе путешественники иногда были не властны въ выборѣ предметовъ для наблюденія, а иногда составляли себѣ о нихъ ошибочныя представленія. Такъ, Венеція, этотъ декораціонный городъ по преимуществу, блисталъ предъ ве-

[73]) Изъ скудныхъ матеріаловъ, дошедшихъ до насъ о личности этой подруги Маріи Ѳеодоровны, особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ письмо г-жи Бенкендорфъ къ отцу Маріи Ѳеодоровны отъ 11 Октября 1791 г.; въ письмѣ этомъ г-жа Бенкендорфъ, послѣ обычнаго „Monseigneur“, рѣшается даже обратиться къ принцу Фридриху-Евгенію со словами: „mon adorable papa“. *Schlossberger*, 230—232. Е. Ш. — Прекрасный портретъ ея находится въ замкѣ Фалѣ подъ Ревелемъ. По тамошнимъ бумагамъ видно, что Тилли (такъ звала ее Марія Ѳеодоровна) переписывалась съ принцессой Сардинской Клотильдой. П. Б.

[74]) Письмо Маріи Ѳеодоровны къ Лагарпу 26 Февраля 1819 г. С. Р. И. О., V, 103.

ликокняжеской четой своими театральными представленіями, на которыя республика не щадила издержекъ, не только въ зданіи театра, но и на городскихъ каналахъ и знаменитой площади Св. Марка; и Павла Петровича, за внѣшней красотой государственнаго зданія не видѣвшаго гніенія его внутренности, пріятно поразилъ наружный порядокъ, царствовавшій въ мелочахъ администраціи, но въ тоже время мѣшавшій проявленію народной самодѣятельности [75]). Тѣмъ не менѣе, при дальнѣйшемъ слѣдованіи по Италіи истина не могла укрыться отъ путешественниковъ, искавшихъ въ своей поѣздкѣ лишь пользы и поученія. «Путешествуя по Италіи», писала позже Марія Ѳеодоровна, «испытываешь чувство крайняго сожалѣнія, когда видишь такъ мало гармоніи между большею частію жителей и красотами природы. Природа величественна, живительна, производительна вездѣ, гдѣ хотѣли ее сдѣлать таковою, въ Ломбардіи, въ Тосканѣ; но она унижена, зловредна въ папскихъ владѣніяхъ и частію въ Неаполитанскомъ королевствѣ, вслѣдствіе недостатка попеченій и надзора правительства. Отсутствіе личной безопасности страшно для жителей и постыдно для вѣка, который, будучи во многихъ отношеніяхъ просвѣщеннымъ, долженъ бы бороться со всѣмъ, что̀ порождаетъ разстройство и тьму» [76]). Положеніе самихъ памятниковъ древности было плачевное: во многихъ мѣстахъ они завалены были мусоромъ, а часто подвергались разрушенію, вслѣдствіе равнодушія и недостатка надзора со стороны правительства или алчности населенія. «Я совсѣмъ не узнаю Рима», писала Марія Ѳеодоровна въ 1819 г. Лагарпу, сопровождавшему ея сына Михаила въ его Итальянской поѣздкѣ; «все, что̀ я видѣла въ немъ прекраснаго и великаго, должно было измѣнить свой характеръ, сдѣлавшійся еще болѣе величественнымъ послѣ предпринятыхъ Французами очистокъ. Жаль, что настоящее правительство не имѣетъ средствъ продолжать ихъ; желательно бы, чтобы національные порывы пришли ему на помощь; но, чтобы возбудить порывы, нужно счастіе и... я не договариваю, потому что въ размышленіяхъ этихъ нельзя распространяться и нельзя ихъ ввѣрять почтѣ» [77]). Съ своей стороны Павелъ Петровичъ писалъ Платону, путешествуя по Италіи: «Мы протекаемъ разныя земли и правленія, но въ сихъ странахъ кромѣ картинъ и тому подобнаго нечего смотрѣть, развѣ плакать надъ развалинами древнихъ, показывающими, что̀ человѣкъ можетъ, когда хорошо управляемъ и сколь онъ

---

[75]) Письмо Екатерины Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ 14 Февраля 1782 г., С. Р. И. О., IX, 121.

[76]) С. Р. И. О., IX, 111.

[77]) Тамъ же, 107.

отъ того удаляется, когда управляемъ, какъ теперь, не взирая на безгрѣшность папы» [78]).

Римъ, куда Павелъ Петровичъ и его супруга проѣхали отчасти по каналамъ и рѣкамъ на пути въ Неаполь, до такой степени интересовалъ высокихъ путешественниковъ своими древностями и чудными произведеніями искусства, что они тотчасъ по пріѣздѣ, 25 Января, не останавливаясь въ приготовленномъ для нихъ помѣщеніи, отправились въ дорожныхъ каретахъ прямо къ храму Св. Петра, который произвелъ на обоихъ супруговъ неизгладимое впечатлѣніе [79]). Но Пантеонъ глубже подѣйствовалъ на душу Великой Княгини. «Признаюсь,» писала она, «ежедневно любуясь съ восторгомъ храмомъ Св. Петра, я всякій разъ, какъ бывала въ Пантеонѣ, испытывала еще болѣе особенное чувство; этотъ открытый сводъ, это прекрасное голубое небо придавало душѣ моей порывы, которые, при видѣ закрытаго свода храма Св. Петра, казались менѣе ощутительными» [80]). Остановившись послѣ осмотра въ приготовленномъ для нихъ помѣщеніи въ гостинницѣ, путешественники вечеромъ были въ театрѣ, въ сопровожденіи Римскаго губернатора, а на другой день 26 Января, снова посѣтили храмъ Св. Петра, а затѣмъ осматривали Капитолій, Колизей и другіе памятники древности. Отобѣдавъ у себя въ гостинницѣ и отклонивъ отъ себя всѣ оффиціальные пріемы великій князь и великая княгиня въ третій разъ отправились въ храмъ Св. Петра, гдѣ въ то время совершалъ молитву самъ папа Пій VII. «Дождавшись», говоритъ современное извѣстіе, «пока онъ окончилъ, въ мимохожденіе его на моленіе предъ мѣстомъ исповѣди, подошли они къ его святѣйшеству и благодарили на Французскомъ языкѣ за всѣ благопріятія, которыя имъ оказаны были въ Церковной области и особенно за извѣстныя лошади, кои нашли повсюду. Недовольны будучи симъ, соизволили дождаться, пока онъ совершилъ моленіе и, когда его святѣйшество сбирался ѣхать изъ церкви, предстали ему паки съ великимъ униженіемъ и почтительностію и потомъ во всякомъ удовольствіи осма-

---

78) Р. Арх., 1887, II, 28.

79) С. Р. И. О., IX, 122—123. Павелъ писалъ Платону изъ Рима: „Остатки трудовъ великихъ людей видѣли съ восхищеніемъ и съ чувствомъ поощренія къ уподобленію себя происходящими отъ этого заключеніями, что и мы такіе же люди, то для чего же и другимъ таковымъ не быть? Церковь Св. Петра такова, что желательно бы было, чтобы другъ мой архіепископъ Московскій въ таковой въ Москвѣ служилъ“. Плодомъ этого желанія Павла была постройка Казанскаго собора по плану храма Св. Петра, хотя не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ.

80) С Р. И. О., V, 107—108. Замѣчательно, однако, что въ письмѣ своемъ изъ Рима Марія Өеодоровна отозвалась о Пантеонѣ лишь словами: „и онъ очень хорошъ“. что вызвало возраженіе Екатерины: „этотъ Пантеонъ предметъ болѣе величественный, чѣмъ самый соборъ Св. Петра“. Очевидно Марія Өеодоровна уже скрывала предъ свекровью, избѣгая ея насмѣшекъ, свои порывы къ чувствительности. С. Р. И. О., IX, 123.

тривали ложи, расписанныя Рафаэлемъ, библіотеку и Піо-Климентинскую кунсткамеру, откуда, наконецъ, изволили идти на площадь передъ домомъ Спада, гдѣ публичное гульбище, и смотрѣли тамъ маскарадъ и гулянье» [81]). Удовольствіями Итальянской масляницы (карнавала) графъ и графиня Сѣверные воспользовались, однако, не въ Римѣ, а въ Неаполѣ, куда они прибыли вечеромъ, 27 Января, отказавшись остановиться на ночлегѣ вблизи города, чтобъ на другой день торжественно вступить въ столицу. Король Фердинандъ III и королева Марія Каролина, въ то время бывшая въ послѣднихъ мѣсяцахъ беременности, едва успѣли встрѣтить августѣйшихъ гостей, въ трехъ миляхъ отъ Неаполя, и провезли ихъ въ своей каретѣ прямо въ придворный театръ, который былъ по этому случаю илюминованъ. Прослушавъ оперу и поужинавъ въ театрѣ же, частнымъ образомъ, съ королемъ и королевой, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна отправились затѣмъ въ помѣщеніе, приготовленное для нихъ Русскимъ посланникомъ въ Неаполѣ, бывшимъ другомъ Павла Петровича и Наталіи Алексѣевны, графомъ А. К. Разумовскимъ, отказавшись отъ помѣщенія, предложеннаго имъ королевскимъ дворомъ.

Болѣе двухъ недѣль Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна пробыли въ Неаполѣ, радушно угощаемые королемъ и королевою и принимая участіе въ увеселеніяхъ карнавала. Но, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ Италіи, и въ Неаполѣ великокняжескую чету интересовали не столько люди, сколько природа, памятники древности и произведенія искусствъ. Личныя качества правителей Неаполя не внушали сочувствія великому князю и его супругѣ: король Фердинандъ III-й занимался болѣе охотой, чѣмъ дѣлами правленія, а королева Марія-Каролина должна была возбуждать въ добродѣтельной Маріи Ѳеодоровнѣ чувство презрѣнія вслѣдствіе легкомысленнаго своего поведенія и всѣмъ извѣстной въ то время связи своей съ графомъ Разумовскимъ. И этотъ старый другъ Павла Петровича, жестоко обманувшій его довѣріе, не могъ, конечно, пользоваться благосклоннымъ вниманіемъ великокняжеской четы. Въ теченіе пребыванія своего въ Неаполѣ Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна осматривали Помпею и Геркуланумъ, древности въ Баи и Пуццолѣ, всходили на Везувій и посѣтили Ко-

[81]) М. Г. А. М. И. Д. Газетныя извѣстія изъ Римскихъ газетъ въ Русскомъ переводѣ. Екатерина писала по этому поводу великокняжеской четѣ: „Поздравляю любезнаго сына съ двумя папскими поцѣлуями въ обѣ щеки; онъ можетъ похвастаться, что владѣетъ рѣдкостью, которую рѣдкій католикъ похитилъ у Рима. Когда вернетесь, вы увидите значительную часть Рафаэлевыхъ ложъ и нѣсколько изъ видѣнныхъ вами въ Римѣ статуй, отлитыхъ послѣ вашего отъѣзда“. С. Р. И. О., IX, 123. Уже въ это время Екатерина заботилась о нынѣшнемъ драгоцѣнномъ Эрмитажномъ собраніи.

зерту. Какъ высоко цѣнили они эти образовательныя свои прогулки и какъ мало въ тоже время общество самого короля Фердинанда III-го, видно изъ слѣдующаго донесенія графа Разумовскаго Екатеринѣ отъ 6-го Февраля: «Въ прошедшую Среду его величество король нарочно отбылъ въ Персану, разстояніемъ отсюда въ 70 миляхъ, для учрежденія тамъ кабаньей охоты для ихъ высочествъ. Разстояніе мѣста, дурная погода, особливо краткость времени воспрепятствовали ихъ высочествамъ удовлетворить сему королевскому желанію не возмогши согласить въ одно короткое время двѣ разнообразныя вещи, а потому и изволили предпочесть охотѣ любопытныя древности. Извѣстясь же о семъ, его величество король, по изготовленіи уже всего потребнаго къ охотѣ, не могъ воспротивиться страсти своей, чтобы не воспользоваться симъ случаемъ, откуда возвратился въ Среду же для препровожденія ихъ высочествъ въ Козерту. Въ отсутствіе же его, ея величество королева оказываетъ съ своей стороны всевозможную аттенцію ихъ высочествамъ, поелику дозволяетъ ей настоящее ея беременное состояніе. Впрочемъ, приказано оберъ-гофмаршалу князю Бельмонте повсюду слѣдовать за ихъ высочествами и всячески стараться угощать, предупреждая ихъ волю» [82]). Получивъ это донесеніе графа Разумовскаго о дѣйствіяхъ Цесаревича и его супруги въ Неаполѣ, Екатерина писала имъ: «Я знаю, что вы предпочли мѣстности достопримѣчательныя и поучительныя охотѣ на дикаго кабана, которою хотѣлъ угостить васъ Сицилійскій король, и хорошо сдѣлали». Въ другомъ письмѣ она такъ характеризовала ихъ образъ жизни: «Мнѣ кажется, что вижу, какъ вы бѣгаете съ утра до ночи и возвращаетесь домой усталые и измученные, какъ говорятъ, безъ рукъ и безъ ногъ. Не думаю, чтобы при возвращеніи мы нашли васъ пополнѣвшими отъ утомляющаго образа жизни, который вы ведете» [83]). Изъ праздниковъ, предложенныхъ частными лицами, великокняжеская чета посѣтила лишь балъ, данный Французскимъ посланникомъ по случаю рожденія дофина. Удивляя Неаполитанцевъ скромностію своихъ привычекъ и серьезностію своихъ стремленій, Великій Князь и его супруга поражали ихъ и рѣдкой въ то время въ высшемъ обществѣ супружескою привязанностію. Самъ Павелъ Петровичъ со смѣхомъ разсказывалъ впослѣдствіи, какъ онъ приводилъ въ смущеніе Англійскаго посланника въ Неаполѣ Гамильтона, цѣлуя при немъ Марію Ѳеодоровну [84]).

12-го Февраля августѣйшіе путешественники оставили Неаполь и вновь посѣтили Римъ, гдѣ на этотъ разъ они пробыли цѣлыхъ

[82]) Московскій Главный Архивъ М. И. Д.
[83]) С. Р. И. О., IX, 126, 128.
[84]) Oberkirch, I, 325—326.

три недѣли (съ 12 Февраля по 3 Марта), которыя они посвятили почти исключительно на подробное обозрѣніе памятниковъ древности и художественныхъ сокровищъ. «Образъ жизни, который вы ведете и который вы мнѣ описываете», писала имъ по этому поводу Екатерина, «очень свойственъ удовлетворить цѣли вашего путешествія; но онъ долженъ быть утомителенъ для всякаго, кто не любитель прогулокъ». Сами Итальянцы не внушали великокняжеской четѣ выгоднаго о себѣ мнѣнія, и она избѣгала ихъ общества. «Не въ одномъ только Римѣ», отвѣчала на это дѣтямъ Екатерина, «обращеніе съ умершими выгоднѣе, чѣмъ съ живыми. Быстрый умъ Итальянцевъ обратился къ интригамъ и болѣе всего блеститъ въ самыхъ мелкихъ. Въ Итальянскихъ головахъ зараждаются и развиваются преданія, которыя, между тѣмъ, въ сущности, ни что̀ иное, какъ перелетныя птицы, худыя и безвкусныя. Эти головы и остатки Римскихъ древностей должны представлять странную противоположность для всякаго мыслящаго человѣка» [85]). При духовномъ характерѣ властителя Рима, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна могли свободно удовлетворить своему желанію обращаться болѣе съ умершими, нежели съ живыми, тѣмъ болѣе, что папа чрезъ нѣсколько дней по ихъ пріѣздѣ уѣхалъ въ Вѣну на свиданіе съ Іосифомъ II. Въ Римѣ великокняжеская чета сдѣлала для себя большія закупки разныхъ художественныхъ вещей, которыя были отправлены въ Петербургъ, гдѣ о сбереженіи ихъ въ Эрмитажѣ до возвращенія путешественниковъ приняла на себя заботу сама Императрица; въ числѣ купленныхъ вещей были мраморные камины и колонны для строившагося тогда дворца въ Павловскѣ [86]).

На пути изъ Рима во Флоренцію Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна встрѣчены были въ Сіенѣ братомъ Іосифа II-го, Леопольдомъ, великимъ герцогомъ Тосканскимъ, и его супругой Маріей-Луизой и вмѣстѣ съ ними 7-го Марта прибыли во Флоренцію. Леопольдъ, этотъ умный и осторожный правитель, произвелъ очень выгодное впечатлѣніе на великокняжескую чету, готовившуюся вступить въ родство съ нимъ въ силу только что заключенныхъ въ Вѣнѣ переговоровъ о заключеніи брака между сыномъ его Францомъ съ сестрой Маріи Ѳеодоровны, принцессой Елисаветой. Для Павла Петровича и Маріи Ѳе-

---

[85]) С. Р. И. О., IX, 131, 134.

[86]) Тамъ же, 132. „Павловскъ", 31. Изъ донесеній Салтыкова Екатеринѣ (Госуд. Арх., IV, 160) видно, что съ пріѣзда въ Неаполь до выѣзда изъ Рима имъ было выдано на издержки 148,834 Голландскихъ гульдена. Казна Великаго Князя была въ рукахъ Салтыкова, котораго падкіе до денегъ Итальянцы не даромъ называли „директоромъ надъ путешествіями ихъ высочествъ". Салтыковъ, пріѣзжая всегда на остановки днемъ позже великокняжеской четы, сводилъ счетъ издержкамъ и оплачивалъ всѣ расходы.

одоровны въ особенности пріятно было видѣть, что какъ самъ Леопольдъ, такъ и все его семейство выгодно выдѣлялись изъ ряда другихъ Итальянскихъ владѣтелей строгою нравственностію и скромнымъ, чуждымъ излишествъ образомъ жизни. «Наше пребываніе здѣсь», писала Марія Ѳеодоровна Екатеринѣ 16 Марта, «какъ нельзя болѣе пріятно, а знакомство съ моимъ новымъ шуриномъ (13-лѣтнимъ эрцгерцогомъ Францомъ) доставило мнѣ невыразимое удовольствіе. Онъ—дитя только по внѣшности, потому что его разсужденія, его образъ мыслей и способъ выражаться выше его возраста. Не щадятъ заботъ для его воспитанія, и по истинѣ отрадно видѣть, какъ великій герцогъ и великая герцогиня относятся къ своимъ дѣтямъ. Вообще мнѣ кажется, что желаніе быть пріятными (aménité) одно изъ главныхъ ихъ достоинствъ. Великій герцогъ чрезвычайно доступенъ и стремится сдѣлать своихъ подданныхъ возможно болѣе счастливыми. Мы видѣли различныя учрежденія, находящіяся во Флоренціи; вездѣ царствуетъ порядокъ, котораго совсѣмъ не видишь въ сосѣднихъ владѣніяхъ». Даже населеніе Тосканы показалось болѣе трудолюбивымъ и болѣе счастливымъ, чѣмъ населеніе въ Венеціанской республикѣ, въ Неаполитанскихъ и Папскихъ владѣніяхъ [87]). Неудивительно поэтому, что Леопольдъ, какъ писалъ онъ Іосифу, могъ только похвалиться откровенностію, дружбою и довѣріемъ, которое оказывали ему графъ и графиня Сѣверные. «Сначала графиня», писалъ онъ, «чувствовала какую-то неловкость относительно меня и въ особенности относительно моей жены; но потомъ она намъ призналась, что въ Россіи и въ особенности во время пребыванія ея въ Вѣнѣ, ей писали и хотѣли увѣрить ее въ томъ, что мы, и особенно моя жена, противились предполагаемому браку моего сына съ ея сестрой, на который мы согласились, будто бы только уступая силѣ. У нея было много и другихъ предубѣжденій противъ насъ, въ ошибочности которыхъ она теперь, по собственному признанію, убѣдилась и которыя, на сколько могу я судить, были посѣяны въ ней письмами родныхъ ея изъ Берлина, такъ какъ она находится въ правильной перепискѣ съ принцемъ Генрихомъ, къ которому сильно привязанъ графъ Сѣверный, также какъ къ другому его дядѣ (Фердинанду) и двумъ теткамъ (сестрамъ матери Маріи Ѳеодоровны: Аннѣ, бывшей замужемъ за принцемъ Фердинандомъ, и Филиппиной, супругой курфирста Гессенъ-Касельскаго), хотя она и поссорилась съ ними по случаю выхода въ отставку изъ Прусской службы старшаго брата графини» [88]).

---

[87]) Госуд. Арх., IV, 118.

[88]) *Arneth*, Joseph II, I, 115—116.

Пользуясь близостію отношеній, установившихся между нимъ и великокняжеской четой, Леопольдъ имѣлъ возможность нарисовать довольно вѣрные портреты великаго князя и великой княгини. «Графъ Сѣверный», говоритъ онъ, «кромѣ большаго ума, дарованій и разсудительности, обладаетъ еще способностію вѣрно постигать идеи и предметы, быстро схватывая всѣ ихъ стороны и подробности. Изъ всѣхъ его разсужденій видно, что онъ одушевленъ желаніемъ дѣлать добро. Я думаю, что по отношенію къ нему слѣдуетъ поступать откровенно, прямо и честно, чтобы не сдѣлать его недовѣрчивымъ и подозрительнымъ; мнѣ кажется, что онъ будетъ очень дѣятеленъ, но особенно много энергіи (beaucoup de nerf) замѣтно въ его образѣ мыслей. Принявъ разъ рѣшеніе, онъ, мнѣ кажется, будетъ дѣйствовать твердо и рѣшительно, не подчиняясь чужимъ внушеніямъ. Вообще, онъ по всѣмъ признакамъ не любитъ иностранцевъ и будетъ строгъ, склоненъ къ порядку, безусловной дисциплинѣ, правильному ходу дѣлъ и точности. Въ разговорахъ своихъ со мною онъ ни разу, ни единымъ словомъ не проговорился о своемъ положеніи и объ Императрицѣ, но онъ не скрылъ отъ меня, что онъ не одобряетъ всѣхъ ея обширныхъ проектовъ и нововведеній въ Россіи, которыя въ сущности дѣлаютъ больше шуму, чѣмъ пользы. Говоря о планахъ Императрицы относительно увеличенія Русскихъ владѣній на счетъ Турціи и основанія имперіи въ Константинополѣ, онъ не скрылъ своего неодобренія этому проекту и вообще всякому увеличенію монархіи и безъ того очень обширной и нуждающейся въ попеченіи о ея внутреннихъ дѣлахъ. По его мнѣнію, слѣдуетъ оставить въ сторонѣ всѣ безполезныя мечты о завоеваніяхъ, которыя служатъ только къ пріобрѣтенію славы, не доставляютъ истинныхъ выгодъ, а только ослабляютъ государство. Я убѣжденъ, что онъ говорилъ со мною искренно. Изъ многихъ другихъ его разговоровъ я вывелъ заключеніе, что, не смотря на его пребываніе въ Вѣнѣ, ни онъ, ни графиня не свободны еще отъ идей и впечатлѣній, навѣянныхъ имъ по всей вѣроятности Берлинскимъ дворомъ и принцами этого дома и противныхъ нашему дому, Вѣнскому двору и въ особенности его кабинету и планамъ расширенія предѣловъ, приписываемыхъ Вѣнскому двору на счетъ Италіи, Германской Имперіи и Турокъ»...

«Характеръ графини», говорится въ томъ же письмѣ къ Іосифу, «вы знаете лучше меня. Безъ сомнѣнія вы очарованы ея кротостію, умомъ, дарованіями и прилежаніемъ, желаніемъ дѣлать добро, привязанностію къ мужу и той сердечностью, которая выражается въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Во время своего здѣсь пребыванія, она приложила все свое стараніе и заботы, чтобы постъ и обряды Страстной недѣли соблюдались строго и правильно, выражая величайшую

ревность и усердіе къ Греческой вѣрѣ. Графиня нашла моего сына меньше ростомъ, чѣмъ ожидала; это причинило ей большое огорченіе, потому что она увѣряетъ, что, напротивъ, сестра ея очень развита для своихъ лѣтъ. Замѣтно, что она желаетъ, чтобы бракъ заключенъ былъ какъ можно скорѣе, хотя бы то формально, по уполномочію. Она чрезвычайно привязана къ своему семейству, принимаетъ этотъ бракъ близко къ сердцу, потому что очень любитъ сестру, и опасается, что отъѣздъ принцессы Елисаветы въ Вѣну будетъ очень тяжелъ какъ для ея матери, такъ и для самой принцессы; потому что, будучи дома на положеніи взрослой, она должна будетъ подвергнуться въ Вѣнѣ какъ бы новому воспитанію, не имѣя даже при себѣ никого изъ знакомыхъ лицъ. Она нѣсколько разъ съ особенною силою указывала на любезность своихъ родителей, которые согласились на это, думая, что мы требуемъ этого въ особенности въ виду перехода принцессы въ католичество. Великая княгиня желала, чтобы г-жа Боркъ или какая-либо другая дама изъ Монбельяра могла остаться въ Вѣнѣ при принцессѣ, чтобы возлѣ нея были лица, къ которымъ она уже привыкла относиться съ довѣріемъ... Все это она говорила съ необыкновенною добротою».

Замѣчательно, что во время этихъ семейныхъ переговоровъ Павелъ Петровичъ, вообще столь чуткій къ родственнымъ отношеніямъ, старался держать себя въ сторонѣ. «Что̀ касается графа Сѣвернаго», говоритъ Леопольдъ, «то онъ никогда не вмѣшивался въ разговоры о будущемъ бракѣ, выходя изъ комнаты всякій разъ, когда заходила о томъ рѣчь, и говоря, что хотя онъ очень доволенъ этимъ бракомъ, но что онъ не желаетъ ни самъ въ него вмѣшиваться, ни быть вмѣшаннымъ и что онъ совершенно умываетъ себѣ руки въ этомъ отношеніи, потому что это вовсе не его дѣло» [89]).

Разумѣется, что и во Флоренціи, какъ и въ другихъ столицахъ Италіи, чествуемые разными празднествами, Цесаревичъ и его супруга продолжали бесѣдовать и знакомиться съ мертвыми, осматривая ихъ произведенія. Нѣкоторыя изъ художественныхъ сокровищъ Флорентійскихъ Марія Ѳеодоровна посѣтила по нѣскольку разъ; особенно восхищалась она знаменитой картинной галлереей, которую она описывала Екатеринѣ съ чувствомъ истиннаго художника [90]).

Выѣхавъ изъ Флоренціи, Великій Князь и его супруга прибыли въ Ливорно, гдѣ осмотрѣли Русскую эскадру, готовившуюся къ отплытію въ Россію, а затѣмъ чрезъ Парму, Миланъ и Туринъ направились во Французскіе предѣлы, останавливаясь въ этихъ городахъ для посѣще-

---

89) Тамъ же, 117—121.

90) Въ письмѣ 16 Марта. Госуд. Арх., IV, 118.

нія Итальянскихъ владѣтелей и обычнаго осмотра замѣчательныхъ предметовъ. Для Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны имѣло особенное значеніе посѣщеніе ими Турина, гдѣ они познакомились и, какъ видно, подружились съ наслѣдникомъ Сардинскаго короля Виктора-Амедея III, принцемъ Піемонтскимъ, Карломъ-Эммануиломъ и его супругой принцессой Маріей-Клотильдой, сестрой Людовика XVI. Марія Ѳеодоровна и Марія-Клотильда, несмотря на кратковременное знакомство, заключили между собою тѣсную дружбу и затѣмъ, въ теченіе цѣлаго ряда годовъ, въ счастіи и несчастіи, поддерживали между собою нѣжную, дружественную переписку, къ сожалѣнію, кажется, утраченную почти вполнѣ. Марія - Клотильда многими чертами своего характера близко подходила къ царственной своей подругѣ и, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, пользовалась на нее нѣкоторымъ вліяніемъ [91]). Тѣмъ болѣе грустнымъ для біографа Маріи Ѳеодоровны является отсутствіе въ рукописныхъ и печатныхъ источникахъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о пребываніи великокняжеской четы въ Туринѣ.

Въ Туринѣ Марія Ѳеодоровна простилась на время съ братомъ своимъ принцемъ Фридрихомъ, который отправился въ Монбельяръ готовиться къ переѣзду въ Россію.

Желаніе графа и графини Сѣверныхъ проѣхать во Францію чрезъ Женеву не могло, однако, осуществиться: въ этомъ городѣ начались народныя волненія. Уже въ это время Екатерина видѣла связь между этимъ волненіемъ и дѣятельностію энциклопедистовъ и писала Павлу: «Городъ Женева хорошо будетъ управляемъ, такъ какъ ноги взяли верхъ надъ головами! Люди эти ужъ нѣсколько лѣтъ дѣлаютъ все возможное въ мірѣ, чтобы погубить себя. Руссо, говорятъ, подлилъ масла въ огонь, и Вольтеръ немало тому содѣйствовалъ» [92]). Признаки глухаго недовольства существовавшимъ порядкимъ вещей замѣтны были въ это время и во Франціи; но они не обнаружились еще съ достаточною ясностію и поэтому не могли быть замѣчены высокими путешественниками, поставленными въ неблагопріятныя для того условія, какъ не были замѣчены они и Карамзинымъ, бывшимъ во Франціи при самомъ началѣ революціоннаго движенія; мало того, именно теперь Французское правительство и общество, казалось, соединены были од-

---

[91]) Во время пребыванія своего въ Парижѣ Марія Ѳеодоровна посѣтила даже г-жу Марсанъ, которая была прежде гувернанткой Маріи-Клотильды. „Madame la comtesse du Nord", объясняетъ этотъ визитъ г-жа Оберкирхъ, „s'était intimement liée, pendant son voyage d'Italie, avac madame la princesse de Piémont; elle voulut donc accorder cette distinction à celle qui avait formé le coeur et l'esprit si distingué de son amie". Oberkirch, I, 315. См. также письмо Маріи-Клотильды къ Павлу Петровичу 9 Іюня 1782 г.— Госуд. Арх., IV, 200.

[92]) С. Р. И. О., IX, 148.

нимъ духомъ и шли рука объ руку, такъ какъ Франція принимала горячее участіе въ войнѣ противъ Англіи за освобожденіе ея отъ ига Американскихъ колоній. Дѣти Русской императрицы, косвенно содѣйствовавшей успѣху этого освобожденія провозглашеніемъ знаменитой деклараціи о вооруженномъ нейтралитетѣ, были поэтому восторженно приняты Французами. Но, поддаваясь обаянію этого пріема со стороны народа, считавшаго себя носителемъ Европейскаго просвѣщенія, высокіе путешественники убѣждались въ тоже время въ чрезвычайной развращенности нравовъ и отсутствіи серьезныхъ интересовъ въ жизни Французскаго общества. Примѣры роскошной и легкомысленной жизни еще со времени Людовика XV подавалъ королевскій дворъ, а во главѣ его сама королева Марія-Антуанетта, сестра Іосифа II, которая не возбуждала упрековъ въ безнравственности, отличалась добрыми свойствами души, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно любила роскошный образъ жизни и своимъ легкомысліемъ часто вредила достоинству королевскаго сана. «Да благословитъ Господь», писала Екатерина Великому Князю и его супругѣ, «христіаннѣйшую королеву, ея уборы, балы, спектакли, ея румяны и хорошо или дурно прилаженныя украшенія!» [93])

Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая чему судьбой обречена,
Рѣзвилась вѣтренымъ дворомъ окружена.

Высшее Французское дворянство въ своемъ образѣ жизни слѣдовало за королевой и, не чувствуя пропасти, разверзавшейся подъ его ногами, политическую свою дѣятельность ограничивало упорнымъ отстаиваніемъ своихъ средневѣковыхъ привилегій. Добрый, но слабый король Людовикъ XVI-й, подчинявшійся своей супругѣ, не способенъ былъ противиться общему теченію при истощенности государственной казны и печальномъ положеніи низшихъ классовъ населенія, грозившемъ гибелью старой Французской монархіи.

Узнавъ о приближеніи къ предѣламъ Франціи графа и графини Сѣверныхъ, король и Марія-Антуанета выразили Русскому посланнику въ Парижѣ князю Барятинскому чрезвычайное свое удовольствіе видѣть ихъ у себя въ Парижѣ. «Ея Величество королева», доносилъ Екатеринѣ Барятинскій, «какъ я заподлинно знаю, весьма ласкательнымъ себѣ ставить изволитъ, что сведетъ знакомство съ ихъ императорскими высочествами и потому располагаетъ сдѣлать такой ихъ высочествамъ пріемъ, которымъ бы они удостовѣрились о истинности таковыхъ ея

---

[93]) С. Р. И. О., IX, 156.

сантиментовъ, и изволитъ изъясняться сими словами: «Je me mettrai jusqu'aux oreilles pour leur rendre le séjour d'ici agréable» *). Врачи находили, однако, что королевѣ, недавно разрѣшившейся отъ бремени дофиномъ, невозможно еще было до 9 Мая, безъ вреда для здоровья, предаться всѣмъ заботамъ по пріему царственныхъ гостей; поэтому она просила князя Барятинскаго устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы Великій Князь и его супруга прибыли въ Парижъ лишь не ранѣе назначеннаго ей врачами срока, чтобы имѣть возможность достойнымъ образомъ принять ихъ. Это желаніе королевы Павлу Петровичу и Маріи Θеодоровнѣ было тѣмъ легче исполнить, что сами обстоятельства ихъ путешествія во Французскихъ предѣлахъ задерживали ихъ движеніе къ Парижу. Дороги во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ Европы, были тогда очень плохи, такъ что въ Ліонъ высокіе путешественники прибыли лишь 26 Апрѣля. Въ Ліонѣ Марія Θеодоровна утѣшена была свиданіемъ (бывшимъ для нея, кажется, пріятной неожиданностію) съ отцомъ и матерью, пріѣхавшими нарочно изъ Монбельяра съ младшими дѣтьми своими, чтобы провести здѣсь нѣсколько лишнихъ дней въ обществѣ горячо любимой дочери. Жители Ліона встрѣтили Павла Петровича и Марію Θеодоровну очень радушно; съ своей стороны великокняжеская чета умѣла возбудить къ себѣ уваженіе Французовъ, оцѣнившихъ благородные порывы и чувства царственныхъ своихъ гостей. Современники, напр., разсказываютъ, что, посѣщая различныя городскія учрежденія, Павелъ Петровичъ и его супруга пожелали быть, не смотря на дѣлаемыя имъ возраженія, и въ городскомъ госпиталѣ. Госпиталь этотъ, наполненный больными, производилъ ужасное впечатлѣніе; и, когда купеческій старшина, сопровождавшій Великаго Князя и Великую Княгиню, выразилъ свое сожалѣніе, что они подвергаютъ себя ужасному зрѣлищу человѣческихъ бѣдствій, Павелъ Петровичъ и его супруга отвѣчали ему: «чѣмъ болѣе царственныя лица удалены, по своему положенію, отъ созерцанія бѣдствій человѣческихъ, тѣмъ болѣе они должны наблюдать ихъ, чтобы имѣть возможность понимать ихъ и облегчать» **). Какъ и въ другихъ мѣстахъ, и въ Ліонѣ сдѣланы были высокими посѣтителями пожертвованія благотворительнымъ учрежденіямъ. Не ускользнулъ отъ вниманія Павла Петровича и оружейный заводъ въ С.-Этьенѣ, гдѣ въ то время было въ готовности для надобностей Французской арміи до 80 тысячъ ружей. Великій Князь былъ очень удивленъ этимъ богатствомъ оружія, а Великая Кня-

*) Я буду по́-уши въ заботахъ, чтобы сдѣлать имъ здѣшнее пребываніе пріятнымъ.

**) *Coudray*: „Le Comte et la Comtesse du Nord". Anecdotes Russes. A Paris, 1782, 31, 114.—Oberkirch, I, 323.

гиня поспѣшила прибавить: «Что касается меня, то я искренно надѣюсь, что эти храбрые и любезные Французы никогда не направятъ этого оружія противъ моихъ дорогихъ Русскихъ; для тѣхъ и другихъ лучше быть друзьями» [95]). Марія Ѳеодоровна, безъ сомнѣнія не могла предвидѣть, что въ недалекомъ будущемъ ея супругу и сыну придется вести борьбу почти исключительно съ Франціей. Въ Ліонѣ же Павелъ Петровичъ былъ чрезвычайно обрадованъ, узнавъ, что среди солдатъ Французскаго караула находился одинъ Русскій, бѣжавшій по стеченію неблагопріятныхъ для него обстоятельствъ изъ Россіи и изъ-за куска хлѣба поступившій въ ряды Французскихъ войскъ. Позаботившись объ увольненіи его изъ Французской службы, Павелъ Петровичъ доставилъ ему средства возвратиться въ Россію и обѣщалъ позаботиться о его будущемъ.

Пробывъ въ Ліонѣ почти цѣлую недѣлю и простившись въ Дижонѣ съ родными, возвращавшимися въ Монбельяръ, графъ и графиня Сѣверные прибыли въ Парижъ 7 Мая и остановились въ домѣ Русскаго посланника князя Барятинскаго, соблюдая строгое инкогнито и отклонивъ торжественныя приготовленія, сдѣланныя для ихъ встрѣчи Французскимъ дворомъ. Въ Фонтенбло, послѣдней станціи предъ Парижемъ, Марію Ѳеодоровну встрѣтила подруга ея дѣтства г-жа Оберкирхъ. Радость обѣихъ была неописанна; и съ этого времени до возвращенія великокняжеской четы въ Россію г-жа Оберкирхъ сопровождала ее во всѣхъ ея путешествіяхъ, оставивъ намъ въ своихъ запискахъ очень подробное внѣшнее ихъ описаніе. «Когда мы прибыли въ Парижъ», разсказываетъ г-жа Оберкирхъ, «я сопровождала ихъ высочества въ ихъ отель. Тамъ я нашла свою возлюбленную принцессу Доротею такою же, какою она была въ Монбельярѣ: она была такою же, какъ и тамъ, простою, доброю и довѣрчивой». Обращаясь къ Павлу Петровичу, Марія Ѳеодоровна просила его, ради его любви къ ней, полюбить и ея подругу и, тронутый ея нѣжностью, супругъ поцѣловалъ руку г-жи Оберкирхъ. Вслѣдъ затѣмъ Марія Ѳеодоровна выразила дорогой своей Ланель скорбь свою о разлукѣ съ дѣтьми. «Хотя я получаю о нихъ», говорила она, «подробныя свѣдѣнія, но разлука съ ними кажется мнѣ очень продолжительной. Вдали отъ нихъ мое сердце разрывается на части; это обычная участь тѣхъ, кто предназначенъ къ трону. Намъ никогда нельзя соединить разомъ вокругъ себя всѣхъ тѣхъ, кого мы любимъ». Предаваясь затѣмъ вмѣстѣ съ подругой воспоминаніямъ о времени счастливаго дѣтства, Марія Ѳеодоровна

[95]) Oberkirch, I, 323.
[96]) Тамъ же, 192.

сообщила ей много подробностей и объ Екатеринѣ, которыя, впрочемъ, г-жа Оберкирхъ не сочла нужнымъ передать въ своихъ запискахъ.

Первые дни своего пребыванія въ Парижѣ графъ и графиня Сѣверные посвятили отдохновенію; тѣмъ не менѣе, огромныя толпы народа стояли предъ домомъ, при каждомъ удобномъ случаѣ оглашая воздухъ криками въ честь высокихъ путешественниковъ. 8 Мая, однако, Павелъ Петровичъ не удержался отправиться, какъ частное лицо, въ Версаль, чтобъ присутствовать тамъ при процессіи кавалеровъ ордена Св. Духа. Великолѣпіе Версальскаго двора поразило даже Павла Петровича, привыкшаго къ пышности двора своей матери.

9 Мая графъ и графиня Сѣверные были представлены королю и королевѣ, и съ этого времени снова втянуты были въ кругъ уже прискучившихъ имъ празднествъ, которыми королева исполнила свое обѣщаніе, придумывая развлеченія для своихъ гостей; а за придворными праздниками, блиставшими великолѣпіемъ и вычурнымъ изяществомъ, свойственнымъ той эпохѣ, послѣдовали не менѣе блестящіе пріемы, которые дѣлали великокняжеской четѣ братья короля: графъ Прованскій и графъ д'Артуа, принцъ Конде и герцогъ Орлеанскій. Но въ теченіе этихъ офиціальныхъ торжествъ завязались и укрѣпились связи Павла Петровича и Маріи Θеодоровны съ членами Бурбонскаго дома. При застѣнчивости короля, не обладавшаго показною любезностію, и смущеніи Маріи-Антуанеты, которая не знала какъ держать себя съ высокими путешественниками, первая встрѣча не могла не быть натянутою; разсказываютъ, что Марія-Антуанета, прежде чѣмъ войти въ комнату, гдѣ она должна была обѣдать съ своими гостями, попросила стаканъ воды, признаваясь, что гораздо труднѣе исполнять роль королевы въ присутствіи другихъ государей, чѣмъ простыхъ придворныхъ [97]). Но затѣмъ натянутость исчезла и, благодаря личнымъ свойствамъ Павла Петровича и Маріи Θеодоровны, смѣнилась непринужденными, дружескими отношеніями. Павелъ Петровичъ съ самаго начала выразилъ свои теплыя чувства къ Франціи и ея королевскому дому. Представившись королю, онъ прошелъ затѣмъ въ комнаты дофина, которому было тогда всего три мѣсяца, и сказалъ его гувернанткѣ: «Напоминайте почаще дофину о посѣщеніи, которое я ему сдѣлалъ; напоминайте о привязанности, которую я чувствую къ нему съ его младенчества; пусть она послужитъ къ союзу и вѣчной связи между нашими государствами». Эти слова Цесаревича повторялись всѣми, а король и королева были очень тронуты ими [98]). Съ своей стороны королева осыпала Марію

[97]) Кобеко, 228—229.—[98]) Oberkirch, I, 197.—„Ils sont“, говорилъ про Цесаревича и его супругу Людовикъ XVI князю Барятинскому, „très aimables. Je suis charmé d'avoir fait leur connaissance et je les aime beaucoup“. Донесеніе 29 Мая.

Θеодоровну любезностями; желая сдѣлать угодное ей, она приказала, нарушая условія этикета, пригласить на семейныя дворцовыя собранія всѣхъ Русскихъ дамъ, находившихся въ Парижѣ и даже г-жу Оберкирхъ, сказавъ ея царственной подругѣ: «Мнѣ было бы неловко лишить васъ вашего друга; напротивъ того, мнѣ хотѣлось бы собрать вокругъ васъ все, что̀ можетъ вамъ понравиться [99]). Марія Θеодоровна также не могла не оцѣнить вниманія къ себѣ королевы и добрыхъ свойствъ ея души, не заглушенныхъ окружавшей ее обстановкой, хотя Марія-Антуанетта и не совсѣмъ довольна была отношеніемъ къ ней Великой Княгини, видя въ ней нѣкоторую холодную сдержанность и желаніе выказывать при удобномъ случаѣ свои познанія [100]); но понятно, что Марія Θеодоровна и не могла по своему образу мыслей сочувствовать многимъ легкомысленнымъ поступкамъ королевы, а въ живой бесѣдѣ, не дорожа салоннымъ остроуміемъ, искала прежде всего пищи для ума и сердца. Въ этомъ отношеніи ее гораздо болѣе удовлетворяли сестра короля, принцесса Елисавета, отличавшаяся высокими нравственными качествами, и дочь принца Конде, которая столь же нравилась Великой Княгинѣ, сколько самъ принцъ Конде, образованный и честный воинъ, Павлу Петровичу. Марія Θеодоровна признавалась даже, что именно принцессу Конде она желала бы имѣть своей подругой. Двухдневное пребываніе Павла Петровича и Маріи Θеодоровны въ замкѣ Шантильи, принадлежавшемъ принцу Конде, сопровождаемое рядомъ празднествъ, оставило въ нихъ самыя пріятныя впечатлѣнія. Принцъ и принцесса съ своей стороны привязались къ высокимъ гостямъ, такъ что, при разставаніи, принцъ Конде, къ удовольствію Павла Петровича, выразилъ желаніе рано или поздно отдать ихъ высочествамъ визитъ въ Петербургѣ. Маріи Θеодоровнѣ, при отъѣздѣ ея изъ Шантильи, малолѣтній внукъ принца Конде, герцогъ Ангіенскій, поднесъ прекрасный букетъ [101]). Дѣйствительно, принцъ Конде съ этимъ своимъ внукомъ явился въ царствованіе Павла въ Петербургъ, но изгнанниками, ища пріюта. Личное знакомство Павла Петровича и Маріи Θеодоровны съ членами дома Конде послужило потомъ поводомъ къ особенному участію, которое Русскій Императорскій Домъ проявлялъ къ судьбѣ ихъ въ революціонную эпоху. За то герцогъ Орлеанскій и герцогъ Шартрскій, знаменитый впослѣдствіи Филиппъ

---

[99]) Тамъ же, 201. [100]) Кобеко, 236—237.

[101]) Oberkirch, I, 283—294. Донесенія князя Барятинскаго. „Словомъ заключить“, писалъ онъ 2 Іюня, „всѣ сіи празднества въ Шантильи были сдѣланы съ совершеннымъ вкусомъ и равнымъ великолѣпіемъ, и сей принцъ (Конде) оказалъ ихъ высочествамъ столько учтивости и ласки, что не токмо они, взаимно прощаясь, но и многіе предстоящіе были тронуты до чувствительности“. „Ce fut avec un véritable chagrin“, говоритъ Оберкирхъ (293)-

Эгалитѐ, содѣйствовавшій казни несчастнаго короля и самъ потомъ казненный революціонерами, — своимъ неуваженіемъ къ слабому королю и грубыми мѣщанскими манерами и привычками уже въ это время возбуждали крайнее неудовольствіе Павла Петровича; узнавъ объ одной оскорбительной выходкѣ герцога Шартрскаго по отношенію къ королю, великій князь, воспитавшій въ себѣ чувство строгой законности, пророчески воскликнулъ: «Король Франціи очень терпѣливъ. Еслибы моя мать имѣла подобнаго двоюроднаго брата, онъ недолго бы пожилъ въ Россіи. Послѣдствія подобныхъ низкихъ интригъ въ царственномъ семействѣ всегда болѣе важны, чѣмъ думаютъ» [102]). Но Марія Θеодоровна не могла не отдать справедливости прекраснымъ душевнымъ свойствамъ герцогини Шартрской, матери будущаго короля Лудовика-Филиппа, относясь къ ней съ полнымъ вниманіемъ.

Знакомясь съ членами Бурбонскаго дома, Цесаревичъ и его супруга не забывали и образовательной цѣли своего путешествія. Парижъ въ то время былъ умственнымъ центромъ всей Европы. Не сочувствуя общему направленію ученія энциклопедистовъ, подрывавшаго основы религіи и способствовавшаго развращенности нравовъ въ обществѣ, Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна еще въ Петербургѣ съ живымъ интересомъ слѣдили за умственною и общественною жизнью Парижа по обстоятельнымъ періодическимъ отчетамъ двухъ Парижскихъ своихъ корреспондентовъ: Жана-Франсуа-Лагарпа и Бленъ-де-Сенъ-Мора [103]), такъ что весьма много они уже знали, къ многому были уже достаточно подготовлены, и въ тоже время многое вызвало въ нихъ чувство разочарованія. Это послѣднее проявилось особенно при знакомствѣ съ произведеніями Французскаго искусства, которыми Марія Θеодоровна вездѣ особенно интересовалась. «Очень замѣтно, что вы ѣдете изъ Италіи,» писала Екатерина, «такъ какъ вы не удивляетесь ни картинамъ, ни колоколамъ Парижскаго собора. Смѣхъ, который Французская музыка чуть не вызвала въ моей милой дочери, также есть Итальянская ересь, которую Италія подкрѣпила... Какимъ же однако образомъ весь Парижъ, до безумія любящій театральныя представленія, не имѣетъ лучше сыгранныхъ пьесъ, чѣмъ наши? Я хорошо знаю почему: это потому, что всякій оставляетъ хорошее представленіе для дурнаго, что вмѣсто трагедіи даютъ имъ только безсмы-

---

102) Oberkirch, I, 254.

103) Бюллетени ихъ (перваго, съ 1774 по 1791 годъ въ пяти томахъ, а втораго, съ 1778 по 1801-й въ тридцати двухъ томахъ) сохраняются въ рукописи въ библіотекѣ Павловскаго дворца. Изъ нихъ напечатаны только бюллетени Лагарпа, и то лишь частію, о чемъ нельзя не пожалѣть: ибо они рисуютъ живую картину литературной и общественной жизни Парижа въ революціонную эпоху. „Павловскъ", 437—438.

сленное, что комедія вмѣсто смѣха вызываетъ только слезы, что ни одна вещь уже не на своемъ мѣстѣ, что даже цвѣта имѣютъ лишь названія презрительныя и недостойныя» [104]). Высокіе путешественники посѣщали также мастерскія художниковъ, музеи, библіотеки и ученыя учрежденія. Французская Академія Наукъ устроила въ честь ихъ торжественное засѣданіе, на которомъ ихъ литературный корреспондентъ Лагарпъ читалъ свое стихотворное посланіе къ Великому Князю. Часы досуга, остававшіеся у великняжеской четы отъ праздниковъ и посѣщеній разнаго рода, посвящались бесѣдѣ съ учеными писателями и художниками. Бомарше самъ прочелъ имъ въ это время свою извѣстную «Свадьбу Фигаро», бывшую еще въ рукописи. Вниманіе это, оказанное выдающимся представителемъ умственнаго движенія вѣка дѣтямъ вѣнценосной Покровительницы энциклопедистовъ, высоко подняло Павла Петровича и Марію Θеодоровну въ глазахъ Французскаго общества, вызывая единодушное одобреніе всѣхъ образованныхъ людей. Между прочимъ, Павелъ Петровичъ посѣтилъ знаменитаго тогда Неккера, бывшаго въ немилости у двора, и д'Аламбера, котораго когда-то Екатерина приглашала въ наставники къ нему. Парижане удивлялись разностороннимъ знаніямъ Павла Петровича и Маріи Θеодоровны, въ особенности въ области искусствъ и ремеслъ, не предполагая, конечно, что супруга наслѣдника Русскаго престола всегда съ любовію занималась ими [105]).

Парижскія благотворительныя учрежденія и тюрьмы также видѣли въ стѣнахъ своихъ Великаго Князя и его супругу, каждый разъ оставлявшихъ на память о своемъ посѣщеніи значительныя пожертвованія. Современники сохранили намъ много свидѣтельствъ, что въ этихъ случаяхъ Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна проявили необыкновенную чувствительность и желаніе помочь страждущимъ [106]). Такъ, 2 Іюня они, осматривая судебныя учрежденія, пожелали посѣтить и находившіяся при нихъ тюрьмы, которыя во Франціи, какъ и во всей Европѣ, находились въ ужасномъ состояніи. Тутъ ихъ высочества потрясены были до глубины души, и тронуты были такимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ и всѣ арестованные. Нѣсколькими днями ранѣе Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна подобнымъ же образомъ

---

[104]) С. Р. И. О., IX, 156. Замѣчательно, что Марія Θеодоровна, посѣтивъ Notre Dame de Paris, признавалась г-жѣ Оберкирхъ, что хотя храмъ Св. Петра въ Римѣ и Парижскій соборъ глубоко дѣйствуютъ на религіозное чувство, но что въ этомъ отношеніи она отдаетъ предпочтеніе православнымъ церквамъ. Оберкирхъ отличалась приверженностью къ лютеранству. „Къ счастію для себя", прибавляетъ она, „Великая Княгиня ревностная православная христіанка и вовсе не скорбитъ, что покинула религію своего дѣтства". Oberkirch, I, 217.—[105]) См. напр. Coudray, 34. Кобеко, 233—234. —[106]) Oberkirch, Coudray, донесенія князя Барятинскаго.

посѣтили Консьержери и тюрьму Аббатства, гдѣ они оставили въ пользу заключенныхъ болѣе 12,000 франковъ. Были они и въ тюрьмѣ, гдѣ содержались неисправные должники, причемъ за многихъ изъ нихъ заплатили болѣе 10,000 франковъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ великій князь и великая княгиня входили во всѣ мелочи управленія и содержанія заключенныхъ, ужасаясь, вѣроятно, всему видѣнному. Также подробно осмотрѣны были больницы, воспитательный домъ и разные пріюты для сиротъ и другихъ несчастныхъ. Эти учрежденія поставлены были, кажется, въ лучшія условія, чѣмъ тюрьмы. «Радуюсь за человѣчество», отвѣчала Екатерина невѣсткѣ въ отвѣтъ на ея описаніе состоянія Парижскихъ больницъ, «что больницы, которыя вы посѣтили, не такъ скверны, какъ были тому назадъ нѣсколько лѣтъ, когда ихъ считали настоящими помойными ямами» [107]). При обзорѣ благотворительныхъ учрежденій обхожденіе Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны внушало всѣмъ восторженныя чувства, такъ какъ и здѣсь наши путешественники входили во всѣ подробности состоянія учрежденій, ласкали страждущихъ и не затруднялись даже обходить въ больницахъ палаты страдавшихъ заразительными болѣзнями. Какъ и въ Ліонѣ, Павелъ Петровичъ отвѣчалъ на представленія объ опасности такого обхода, что эти посѣщенія онъ считаетъ обязанностію, налагаемою на него и супругу ихъ высокимъ саномъ. «Существуетъ большая разница, говорилъ онъ, между частными лицами и тѣми, кто предназначенъ къ трону Провидѣніемъ: для послѣднихъ необходимо знать всѣ виды человѣческихъ бѣдствій, чтобы умѣть облегчать ихъ» [108]). Посѣтивъ одну изъ лучшихъ Парижскихъ больницъ Hôtel-de-Dieu, они бросили въ кружку банковый билетъ въ 600 ливровъ [109]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подробностей о посѣщеніи великокняжеской четою другихъ благотворительныхъ учрежденій, къ обзору которыхъ еще въ Вѣнѣ Марія Ѳеодоровна показала особую склонность. Между тѣмъ, одно изъ самыхъ крупныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ Павломъ Петровичемъ и Маріей Ѳеодоровной въ Парижѣ, было пожертвованіе на воспитательный домъ [110]); безъ сомнѣнія участь обреченныхъ на гибель младенцевъ глубоко тронула нѣжное сердце Великой Княгини. Нѣсколько несчастныхъ случаевъ съ людьми на Парижскихъ улицахъ на глазахъ Маріи Ѳеодоровны также послужили поводомъ къ тому, чтобы немедленно помочь пострадавшимъ и позаботиться объ ихъ участи [111]). По словамъ г-жи Оберкирхъ, Павелъ Петровичъ очень любилъ видѣть въ своей супругѣ заботливость о несчастныхъ и тѣмъ еще болѣе возбуждалъ ея благотворительную дѣятельность [112]).

---

[107]) С. Р. И. О., IX, 160.—[108]) Coudray, 29.—[109]) Тамъ же, 28.—[110]) Денежная вѣдомость Салтыкова отъ 10 Іюля 1782 г.—[111]) Coudray, 20—21, 95.—Oberkirch., I, 204—[112]) Oberkirch, I, 204. Г-жа Оберкирхъ сопровождала свою царственную подругу повсюду

Но онъ же, можетъ быть, побудилъ Марію Өеодоровну на необыкновеный по правиламъ этикета поступокъ, вызванный, очевидно, воинскими наклонностями Великаго Князя. Послѣ смотра полка Французской гвардіи, которою командовалъ маршалъ Биронъ, Павелъ Петровичъ и Марія Өеодоровна, чрезвычайно довольные произведеннымъ ученіемъ, посѣтивъ лазаретъ полка, роздали при этомъ больнымъ солдатамъ денежное пособіе, а затѣмъ приняли отъ маршала завтракъ, на которомъ присутствовали и офицеры полка. Но этимъ дѣло не кончилось. По возвращеніи домой, доносилъ Екатеринѣ» кн. Барятинскій, ея высочество отъ своего имени прислать изволила при письмѣ къ маршалу Бирону пятьсотъ луидоровъ «pour boire aux soldats des gardes françaises» [113]). Маршалъ эти деньги, съ позволенія его величества, принялъ; но, «прибавляетъ князь Барятинскій, сіе сдѣлано изъ единаго угожденія ея высочеству, яко къ дамѣ: ибо до сего времени полкъ Французской гвардіи ни отъ кого ни въ какомъ случаѣ не принимаетъ» [114]). Обиды никто не почувствовалъ, такъ какъ гвардейцы сумѣли оцѣнить чувства, вызвавшія этотъ странный подарокъ, и были въ восторгѣ отъ вниманія Великой Княгини. Маршалъ *Биронъ* съ своей стороны *прислалъ Павлу* Петровичу лошадь, на которой онъ дѣлалъ смотръ полку, на память объ этомъ смотрѣ. Павелъ Петровичъ, принявъ лошадь, велѣлъ вручить приведшему ее солдату сумму денегъ, равную стоимости лошади.

Французы лучше, чѣмъ хладнокровно-разсчетливые Нѣмцы и вѣчно-интриговавшіе Итальянцы, оцѣнили рыцарскій характеръ Павла Петровича и женственный умъ, доброту и грацію Маріи Өеодоровны. Парижъ и Версаль были въ восторгѣ отъ своихъ гостей: каждый шагъ ихъ, каждое мѣткое слово, сказанное публично, дѣлались извѣстны всему городу, возбуждая всюду самыя сочувственныя толкованія всѣхъ классовъ общества, начиная отъ королевскаго двора до массы простаго народа. Особенное впечатлѣніе на Парижанъ произвело хорошо характеризующее самого Павла Петровича сочувствіе его къ памяти добраго короля, Генриха IV. Присутствуя однажды въ театрѣ на представленіи пьесы: «Chasse de Henri Quatre», Павелъ Петровичъ былъ до того растроганъ, что плакалъ о Генрихѣ IV, а затѣмъ просилъ повторить для него эту пьесу.

По обычаю того времени, чувства, возбужденныя пребываніемъ Павла Петровича и Маріи Өеодоровны въ Парижѣ, выразились во множествѣ современныхъ, часто весьма удачныхъ по мысли и формѣ стихотвореній; въ одномъ изъ нихъ поклоненіе Павла памяти Генри-

---

и въ Парижѣ, и во время дальнѣйшаго путешествія по Европѣ, замѣняя собою г-жу Бенкендорфъ, которая, находясь въ состояніи беременности, уѣхала изъ Парижа въ Монбельяръ.—[113]) Тамъ же, 283. Т.-е. на водку солдатамъ Французской гвардіи.—[114]) Донесеніе 9 Іюня.

ха IV подало поводъ къ пророчеству, что самъ Павелъ уподобился Генриху. Почести, воздаваемыя великокняжеской четѣ, были тѣмъ искреннѣе и цѣннѣе, что къ нимъ не примѣшивалось своекорыстныхъ политическихъ разсчетовъ, какъ это было въ Пруссіи и потомъ въ Австріи. Съ каждымъ днемъ графъ и графиня Сѣверные пользовались все бóльшимъ и бóльшимъ расположеніемъ Французовъ, которое проявлялось при всякомъ удобномъ случаѣ. 15 Мая, напр., въ «Comédie Française» публика устроила Цесаревичу и его супругѣ оваціи, продолжавшіяся въ теченіе всего спектакля. По окончаніи его Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна провожаемы были толпою зрителей, восторженно ихъ привѣтствовавшихъ. Каждая любезность двора по отношенію къ великокняжеской четѣ встрѣчаема была обществомъ съ удовольствіемъ. «3 Іюня», доносилъ князь Барятинскій, «ихъ высочества ѣздили въ оперу въ Версали, куда уже королева прибыла раньше ихъ высочествъ. Какъ только они подъѣхали къ тому дому, то шталмейстеръ королевы встрѣтилъ ихъ и просилъ ихъ идти къ ней въ ложу. Только что ихъ высочества показались, публика не могла утерпѣть изъявить свое удовольствіе плесканіемъ въ ладоши, и всѣ зрители встали съ своихъ мѣстъ. По нѣкоторомъ времени королева встала съ своего мѣста, дабы оное уступить ея высочеству. Государыня великая княгиня всячески отъ онаго изволила уклоняться; но королева, почти можно сказать силою, ее къ тому принудила. Какъ скоро мѣстами перемѣнились, публика съ великимъ же восхищеніемъ паки плескала въ ладоши». Въ донесеніи отъ 8 Іюня, говоря объ отъѣздѣ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, кн. Барятинскій прибавлялъ: «Ихъ высочества всѣми принимаемы были съ великою радостью, съ восхищеніемъ и съ должнымъ почтеніемъ и уваженіемъ. И всѣ генерально говорятъ сими словами: «Ils emportent de notre amour et nos regrets» *). Узнавъ 4 Іюня о желаніи великокняжеской четы отправиться въ дальнѣйшій путь, король и королева выразили по этому поводу искреннее сожалѣніе и убѣдили Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну направить путь изъ Парижа чрезъ Шоази, куда они хотѣли пріѣхать изъ Версаля, своей обычной резиденціи, чтобы еще разъ проститься съ своими гостями. Говоря по этому поводу съ Барятинскимъ, Людовикъ XVI сказалъ между прочимъ: «Je ne puis m'empêcher de ne pas me procurer le plaisir de les voir avant leur départ. Je vous avoue franchement que je suis fort enchanté d'avoir fait leur connaissance. Je vous prie de faire savoir mes sentiments à S. M. l'Impératrice, de l'assurer de mon attachement et de lui dire, que je regarde comme une véritable preuve de son amitié pour moi qu'elle ait bien voulu donner la permission au Grand-Duc de venir en France. Je me rappelerai avec une vraie satisfaction

*) Они увозятъ съ собою нашу любовь и наши сожалѣнія.

de tous les moments que j'ai passé avec leurs altesses impériales» [115]). «Весь этотъ день», продолжаетъ князь Барятинскій, «ихъ высочества пробыли съ королемъ, королевою и королевскою фамиліей и, можно сказать, какъ бы однофамильные, въ обхожденіи самомъ простомъ и дружескомъ». 5 Іюня Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна возвратились изъ Версаля въ Парижъ и здѣсь привели въ порядокъ свои дѣла, готовясь къ отъѣзду. Между прочимъ окончены были покупки разнаго рода вещей и распоряженія по отсылкѣ ихъ въ Петербургъ [116]). 7 Іюня Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна выѣхали изъ Парижа и, увидившись еще разъ съ королевской фамиліей въ Шоази, отправились въ дальнѣйшій путь, въ Нидерланды чрезъ Бретань.

Всѣ современники, описывавшіе пребываніе великокняжеской четы въ Парижѣ, единогласно свидѣтельствуютъ, что извѣстіе о предположенномъ отъѣздѣ ея встрѣчено было всеобщимъ сожалѣніемъ, которое кавалеръ Дю-Кудре выразилъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Par votre agréable présence
Vous avez comblé nos souhaits;
Par votre départ, votre absence,
Princes, vous excitez nos sensibles regrets.
Tels sont en ce moment les adieux de la France.
Il fallait y rester, ou n'y venir jamais [117]).

---

[115]) „Я не могу отказать себѣ въ желаніи имѣть удовольствіе увидѣться съ ними предъ ихъ отъѣздомъ. Признаюсь вамъ откровенно, что я въ восхищеніи отъ знакомства съ ними. Я прошу васъ выразить мои чувства предъ Е. В. Императрицей, увѣрить ее въ моей привязанности къ ней и сказать ей, что я считаю истиннымъ доказательствомъ ея дружбы ко мнѣ данное ею Великому Князю позволеніе посѣтить Францію. Я вспоминаю съ истиннымъ удовлетвореніемъ всѣ часы, которые я провелъ въ обществѣ ихъ императорскихъ высочествъ". „Признаюсь", писала 9 Іюня Екатерина Гримму, „что извѣстія объ успѣхахъ графа и графини Сѣверныхъ превзошли мои ожиданія. Благодарю за подробности, которыя вы мнѣ сообщаете и которыя доставляютъ мнѣ великое удовольствіе". С. Р. И. О., XXIII, 241.

[116]) Иностранцы вообще сильно преувеличивали количество денегъ, издержанныхъ великокняжеской четой во Франціи. Такъ, г-жа Оберкирхъ говоритъ, что сумма, розданная во Франціи на дѣла благотворенія и награды разнымъ лицамъ, превосходила два милліона (323); а Кудре (34) цѣнность покупокъ, сдѣланныхъ во Франціи, опредѣляетъ въ три милліона. Допуская даже, что милліоны эти считаются на ливры, мы все-таки видимъ, что суммы эти не соотвѣтствуютъ истиннымъ цифрамъ расходовъ, приведеннымъ въ подлинныхъ денежныхъ отчетахъ Салтыкова. По его счету, со времени выѣзда изъ Италіи до отъѣзда изъ Парижа, вышло въ расходъ всего 516,801 Голл. гульденъ (изъ нихъ на надобности ихъ высочествъ и покупку мебели 194,350, а остальное на пожертвованія и разныя выдачи). Получивъ этотъ отчетъ Салтыкова, Екатерина послала его къ Безбородко при слѣдующей запискѣ (Госуд. Арх., IV, 160): „Прочтите сіи письма генерала Салтыкова съ кн. Вяземскимъ и посмотрите, не будетъ ли нужда въ деньгахъ тамо. Наипаче подъ конецъ. Измотались, кажется". Изъ этой записки видно, что Екатерина не стѣсняла Павла Петровича и Марію Ѳеодоровну въ расходахъ по путешествію.

[117]) Coudray, 104. Марія-Клотильда писала изъ Турина Павлу Петровичу 28 Іюня: „Je suis enchantée de voir que vous avez été content de votre séjour en France. Je puis

Графъ и графиня Сѣверные оставляли Парижъ довольные сдѣланнымъ имъ пріемомъ, но подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ отдаленныхъ пока раскатовъ грозы изъ Россіи. Въ половинѣ Мая они получили письмо Екатерины, въ которомъ она извѣщала дѣтей, что въ перехваченномъ письмѣ флигель-адъютанта Бибикова къ сопровождавшему ихъ князю А. Б. Куракину оказались дерзкія выраженія, какъ оказалось потомъ, относительно князя Потемкина и самой Императрицы [118]). Можно представить себѣ, какъ Павелъ Петровичъ былъ встревоженъ не только за кн. Куракина, являвшагося единомышленникомъ Бибикова, но и за себя лично: ибо дружескія отношенія Павла къ Куракину были всѣмъ извѣстны. Замѣчательно, что, находясь въ Парижѣ, царственные супруги, если вѣрить современникамъ, дали объ Екатеринѣ совершенно различные отзывы при обстоятельствахъ, исключающихъ возможность неискренности. Однажды, на вопросъ короля, правда ли, что въ его свитѣ нѣтъ никого, на кого бы онъ могъ положиться, Павелъ Петровичъ, безъ сомнѣнія съ часу на часъ ожидавшій отзыва князя Куракина изъ Парижа, раздраженный этимъ, отвѣчалъ: «Ахъ, я былъ бы очень недоволенъ, еслибы возлѣ меня, въ моей свитѣ, находился самый маленькій пудель, ко мнѣ привязанный; моя мать велѣла бы бросить его въ воду, прежде чѣмъ мы оставили бы Парижъ» [119]). О Маріи Ѳеодоровнѣ существуетъ иное свидѣтельство. Въ отвѣтъ на слова священника церкви Св. Сульпиція, цѣлью которыхъ было восхваленіе Екатерины, Марія Ѳеодоровна серьезно сказала: «Да, вы правы. Императрица есть мать своихъ подданныхъ; она въ одно и тоже время и лучшая голова, и лучшее сердце во всей Европѣ». «Я», прибавляетъ при этомъ г-жа Оберкирхъ, «никогда не слышала, чтобы графиня Сѣверная говорила инымъ языкомъ; тѣ, которые приписывали ей другое мнѣніе, ошибаются» [120]). Нѣтъ основаній не довѣрять въ этомъ случаѣ задушевной подругѣ Маріи Ѳеодоровны, и такимъ образомъ становится ясно, что невѣстка стала относиться къ Императрицѣ, послѣ пятилѣтняго пребыванія своего въ Россіи, гораздо безпристрастнѣе и справедливѣе, чѣмъ Павелъ Петровичъ. Очевидно, Марія Ѳеодоровна успѣла уже приглядѣться ко многому, чего ранѣе не видѣла, и многое получило въ ея глазахъ иной оттѣнокъ. Екатерина - женщина въ глазахъ Маріи Ѳеодоровны потеряла свое значеніе сравнительно съ Екатериной-государыней и Екатериной - бабушкой, замѣнявшей дѣтямъ Маріи Ѳеодоровны мать во время всего путешествія. Письма Екатерины за это время дышатъ нѣжною заботливостью о своихъ внукахъ, съ которыми она проводила свои досуги и о развитіи ко-

---

vous assurer que vous avez bien captivé les coeurs, surtout par les argens immenses que vous avez répandu sur tous les malheureux, et votre départ a causé bien de regrets". — [118]) С. Р. И. О., IX, 145. Письмо 25 Апрѣля. — [119]) Кобеко, 237. — [120]) Oberkirch, I, 262—263

торыхъ она приложила всѣ старанія, сама составляя для ихъ первоначальнаго чтенія небольшія статьи. Не менѣе благодарна была Марія Ѳеодоровна державной своей свекрови и за участіе ея къ судьбѣ ея родныхъ: сестра Маріи Ѳеодоровны, благодаря вліянію Екатерины, готовилась быть Австрійской императрицей, принцъ Фридрихъ ѣхалъ въ Россію Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, а ея родителямъ Екатерина изъявляла готовность помочь въ ихъ финансовыхъ затрудненіяхъ [121]). Марія Ѳеодоровна имѣла въ сущности менѣе причинъ быть предубѣжденной противъ Императрицы, чѣмъ Павелъ Петровичъ, воспитанный Панинымъ. Послѣ видимаго сближенія молодаго двора съ Австріей, Екатерина надѣялась на перемѣну взглядовъ своего сына и писала ему и Маріи Ѳеодоровнѣ искреннія, ласковыя, истинно-материнскія письма. Самый эпизодъ съ письмомъ Бибикова къ князю Куракину, глубоко оскорбившій Екатерину, не нарушилъ дружественныхъ отношеній ея къ сыну, которому она подробно объясняла въ письмахъ эту исторію, какъ бы оправдываясь въ принятыхъ ею по этому поводу мѣрахъ [122]). Мы склонны даже думать (хотя и не имѣемъ на то прямыхъ указаній), что первое недоразумѣніе, возникшее въ супружеской жизни Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, развивалось изъ различія взглядовъ царственныхъ супруговъ на Екатерину послѣ 1781 г.

Чрезъ Брестъ и Лилль Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна проѣхали въ Австрійскіе Нидерланды. Здѣсь, по приказанію Іосифа II, его сестра Марія-Христина и ея супругъ, штатгальтеръ, принцъ Альбрехтъ Саксенъ-Тешенскій, приняли высокихъ гостей у самой почти границы страны и вмѣстѣ сопровождали ихъ по всей странѣ. Въ Брюсселѣ въ честь ихъ происходило торжественное засѣданіе Академіи Наукъ. По желанію Маріи Ѳеодоровны изъ представленныхъ мемуаровъ прочитанъ былъ мемуаръ: «О новѣйшихъ успѣхахъ наукъ и того, что̀ еще остается сдѣлать для ихъ полнаго совершенства» [123]). Въ Голландіи Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна посѣтили между прочимъ Сардамъ, гдѣ осмотрѣли домъ, въ которомъ жилъ Петръ Великій, работая въ качествѣ простаго плотника, а въ Лейденѣ—университетъ, гдѣ Павелъ Петровичъ сказалъ профессорамъ, что онъ имъ обязанъ тѣмъ, что, благодаря ихъ трудамъ, многіе изъ его соотечественниковъ сдѣлались способными служить съ пользою своей родинѣ. Уже Марковъ, Русскій посланникъ въ Гагѣ, дурно принятый Цесаревичемъ, обратилъ вниманіе на то, что слова эти относились къ князю Куракину, находившемуся въ свитѣ Павла и замѣшанному въ дѣло Бибикова [124]). Понятно по-

---

[121]) С. И. Р. О., IX, 170.—[122]) Тамъ же, 157—159.—[123]) Р. Арх., 1876, II, 50. Статья Гапара, сообщенная Л. Н. Майковымъ.—[124]) Архивъ Князя Воронцова, IV, 214. Князь Куракинъ нѣкогда учился въ Лейденѣ. П. Б.

этому, что отзывъ этотъ былъ неумѣстенъ въ устахъ Павла Петровича и могъ навлечь на него неудовольствіе Екатерины [135]).

Путешествуя въ Бельгіи и Голандіи по рѣкамъ и каналамъ, мало стѣсняемые условіями этикета, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна отдохнули нѣсколько отъ суеты Парижской жизни; но, приближаясь къ предѣламъ Германіи, они уже въ Спа встрѣчены были множествомъ Германскихъ фюрстовъ, которые, въ сопровожденіи женъ и дочерей, спѣшили на встрѣчу Русской великокняжеской четѣ. Вслѣдствіе этого Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна должны были провести два дня въ этомъ городѣ, посѣщая празднества, даваемыя эрцгерцогиней Маріей - Христиной и принцемъ Альбрехтомъ. Но всѣмъ стѣснительнымъ оказательствамъ и разнымъ церемоніямъ высокіе путешественники должны были подвергнуться во Франкфуртѣ, гдѣ въ огромномъ количествѣ собрались фюрсты, всѣ почти считавшіе себя близкими или дальними родственниками великокняжеской четы и крайне ревнивые къ соблюденію мелочей этикета, которыми думали блюсти свое достоинство. Среди нихъ находился и бывшій женихъ Маріи Ѳеодоровны, принцъ Людвигъ Дармштадтскій. «Сейчасъ», писала Екатерина Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ, «мнѣ принесли ваши письма, содержащія подробности о знаменитыхъ и пріятныхъ знакомствахъ, сдѣланныхъ вами во Франкфуртѣ. Сдержанность обоихъ васъ въ выраженіяхъ и классификація, дѣлаемая имъ вами, не оставляютъ въ мысляхъ моихъ никакого сомнѣнія. Не правда ли, что если бы заслуга не пришла на помощь именамъ, то было бы вещью трудною для памяти помнить ихъ? Мнѣ кажется, что отсюда вижу досаду и смущеніе любезной дочери оттого, что она упустила своего бывшаго нареченнаго». Франкфуртскіе церемоніальные пріемы тѣмъ болѣе тяжелы были Маріи Ѳеодоровнѣ, что она мыслію жила уже въ Этюпѣ, куда вмѣстѣ съ супругомъ своимъ прибыла только 21 Іюля.

Въ Монбельярѣ собралась для встрѣчи путешественниковъ вся многочисленная Германская семья Маріи Ѳеодоровны. 2 Августа для привѣтствованія Великаго Князя и его супруги прибылъ и герцогъ Карлъ Виртембергскій. Въ этомъ тѣсномъ семейномъ кругу, котораго она была добрымъ геніемъ, среди приходившихъ въ восторгъ Монбельярцевъ, Марія Ѳеодоровна провела, вѣроятно, самыя счастливыя минуты за все время своего путешествія, переживая сладкія впечатлѣнія дѣтства. И здѣсь были неизбѣжныя празднества, но они носили уже

[135]) Подробности пребыванія Павла Петровича въ Голандіи Екатерина прочла въ „Голландскомъ Публицистѣ“ уже 28 Іюля. Замѣчательно, что письмо ея отъ этого числа къ Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ состоитъ почти исключительно изъ сообщенія имъ этого факта и является самымъ сухимъ и короткимъ изъ писемъ Екатерины за все время путешествія. С. Р. И. О., IX, 172. Быть можетъ, именно этимъ способомъ Екатерина выразила Цесаревичу свое неудовольствіе.

чисто-семейный или народный характеръ. Чрезъ г-жу Гендель, старую экономку Монбельярскаго семейства, Марія Θеодоровна узнавала о нуждавшихся своихъ соотечественникахъ и широкою рукою помогала имъ.

Не забыла она и благотворительныхъ учрежденій маленькой своей родины [126]). Даже Павелъ Петровичъ подчинился идиллическому настроенію своей супруги и забылъ на время о политическихъ своихъ невзгодахъ. «Мы уже восемь дней какъ живемъ въ семейномъ своемъ кругу», писалъ онъ графу Н. П. Румянцову; «это совсѣмъ новое для меня чувство, чувство тѣмъ болѣе для меня сладкое, что имѣетъ своимъ источникомъ сердце, а не умъ» [127]). По собственному признанію, Павелъ Петровичъ «наслаждался здѣсь спокойствіемъ духа и тѣла» [128]). Но въ Монбельярѣ Павелъ Петровичъ не забывалъ, что онъ, прежде всего, наслѣдникъ Русскаго престола и ревниво относился ко всему тому, что̀, при скромной сравнительно обстановкѣ родителей Маріи Θеодоровны, казалось ему ниже его сана: такъ онъ грубо обошелся съ однимъ офицеромъ Виртембергскимъ, заподозривъ его въ фамиліарности [129]). Можно, впрочемъ, предположить, что въ кругу членовъ Монбельярскаго семейства предметомъ бесѣдъ не разъ бывали и политическія дѣла, съ которыми связаны были всѣ ихъ интересы, тѣмъ болѣе, что братья Маріи Θеодоровны находились на службѣ враждовавшихъ между собою Австріи и Пруссіи. Есть извѣстіе, что принцесса Доротея, подобно дочери своей, склонялась на сторону Австріи и убѣждала Павла Петровича освободиться отъ внушеній графа Н. И. Панина и такимъ образомъ сблизиться съ Екатериной [130]).

Въ концѣ Августа Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна оставили Этюпъ и отправились въ Швейцарію [131]); вслѣдъ за ними вы-

---

[126]) Oberkirch, I, 402, 404.—Ephémérides de Montbeliard, 312.—[127]) Госуд. Арх., IV, 183.—[128]) Письмо къ Платону изъ Этюпа 1 Августа. Русскій Архивъ, 1887, II, 28.—[129]) Masson, I, 241. Любопытно съ другой стороны свидѣтельство перваго Русскаго санскритолога Герасима Лебедева гр. С. Р. Воронцову изъ Калькутты: „Я съ неизъяснимою благодарностію свѣту свидѣтельствую собою за милость и отеческое благопріятство, какое я имѣлъ счастіе получить отъ Е. И. В. Государя Павла Петровича, отъ его супруги и отъ путешествующихъ съ ними господъ въ Парижѣ и Монбельярѣ. Славить соразмѣрно милостямъ желаю занять витійства. Но кто устроитъ мой языкъ въ чужой дальной восточной сторонѣ?“ А. К. В., XXIV, 176—177.—[130]) Р. Арх., 1874, I, 1284.—[131]) Принцесса Доротея по отъѣздѣ дорогихъ гостей, удовлетворяя сантиментальной своей потребности, поспѣшила на память о ихъ пребываніи поставить въ Этюпскомъ саду монументъ съ слѣдующей надписью, составленной кавалеромъ Флоріаномъ:

Ici la plus heureuse et la plus tendre mère
Réunit seize enfants, idoles de son coeur,
Et voulut consacrer cette époque si chère
De son amour, de son bonheur.
Passant, repose-toi sous cet épais ombrage,
Et si tu chéris les enfants,
Respire ici quelques instants,—
Tu les aimera davantage.

ѣхалъ прямо въ Петербургъ и принцъ Фридрихъ съ супругою своей, принцессой Августой. Впечатлѣнія дикой Швейцарской природы соединились у Павла Петровича съ впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ посѣщенія Европейскихъ дворовъ. «И страшныхъ горъ видъ», писалъ онъ изъ Берна Платону, «становится пріятнымъ здѣсь зрѣлищемъ, ибо онѣ какъ будто защита отъ порчи нравовъ» [132]). Въ Швейцаріи Марія Θеодоровна познакомилась съ Лафатеромъ, съ которымъ впослѣдствіи вступила въ переписку. Соединившись затѣмъ въ Страсбургѣ съ родителями своими, съ принцемъ Фердинандомъ и принцессой Елисаветой, Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна отправились въ обратный путь въ Россію чрезъ Баденъ, гдѣ познакомились съ семействомъ маркграфа, и черезъ Штутгартъ, гдѣ герцогъ Карлъ съ свойственной ему страстью къ роскошнымъ праздникамъ роскошно принималъ какъ родныхъ своихъ, такъ и съѣхавшихся въ Штутгартъ по случаю ихъ пріѣзда Нѣмецкихъ фюрстовъ (во время этихъ праздниковъ успѣлъ бѣжать отъ своенравнаго и жестокаго герцога Шиллеръ). Въ Штутгартѣ въ это время находились Русскіе молодые люди, бывшіе ученики духовныхъ семинарій, слушавшіе курсъ въ Штутгартскомъ университетѣ, въ силу состоявшагося еще въ 1765 г. повелѣнія Екатерины о посылкѣ за границу лучшихъ учениковъ семинарій. Великій князь и его супруга обласкали своихъ соотечественниковъ, заброшенныхъ на чужбину, присутствовали на экзаменахъ, имъ произведенныхъ, и нѣкоторымъ, если не всѣмъ, помогли и деньгами. При этомъ случаѣ сказалось и благочестіе великокняжеской четы, о которомъ съ восторгомъ узнали родители Русскихъ студентовъ, находившихся въ Штутгартѣ. Узнавъ, что студенты эти, вслѣдствіе отсутствія въ Штутгартѣ, православной церкви, долгое время не исполняли своихъ религіозныхъ обязанностей, Павелъ Петровичъ приказалъ имъ говѣть въ своей походной церкви. Вслѣдъ затѣмъ самъ Павелъ и Марія Θеодоровна присутствовали при принятіи студентами Св. Таинъ и потомъ лично ихъ поздравляли *). Вообще великокняжеская чета, наскучивъ долговременнымъ путешествіемъ, съ удовольствіемъ думала о возвращеніи на родину и притомъ, какъ ни старался герцогъ Карлъ блеснуть предъ высокими гостями *великолѣпіемъ своихъ* празднествъ, Марія Θеодоровна, однако, грустно проводила время, готовясь къ разлукѣ съ родителями. «Въ вихрѣ празднествъ», писала она Екатеринѣ 7 Сентября, «я и сестра моя остаемся печальны: ожиданіе скорой разлуки съ дорогой моей семьей отравляетъ всѣ удовольствія. Но въ тоже время надежда въ скоромъ времени увидѣть себя у вашихъ ногъ, смѣю даже сказать въ вашихъ объятіяхъ, заставляетъ мое сердце забывать свои скорби и думать лишь

[132]) Русскій Архивъ, 1887, II, 29.—*) Р. Арх., 1882, II, 71—72. Письмо цесаревичу Павлу протоіерея Алексѣева.

о счастіи, возможномъ для него только въ Россіи, этой счастливой для меня странѣ, въ которой вы удостоили меня избрать своею дочерью и гдѣ я вкусила блаженство быть матерью. Я считаю дни и часы; каждый изъ нихъ только усиливаетъ мое нетерпѣніе. Ахъ, еслибы тѣ минуты, которыя отдѣляютъ насъ отъ васъ, дорогая матушка, могли протечь съ быстротою вѣтра! Я не говорю ни о чемъ болѣе, какъ о счастіи увидѣть Ваше Императорское Величество; въ этотъ радостный день вы увидите привязанность и нѣжность, которыя мы питаемъ къ вамъ, и скажете себѣ, что никогда не было дѣтей болѣе нѣжныхъ чѣмъ мы» [133]).

Екатерина въ свою очередь часто выражала желаніе скорѣйшаго возвращенія Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны въ Россію. О томъ же еще 10 Августа, по порученію Императрицы, писалъ Салтыкову Безбородко. «Что принадлежитъ», отвѣчалъ тотъ 4 Сентября изъ Страсбурга, «до сокращенія дороги, то конечно ничего для ихъ высочествъ пріятнѣе быть не можетъ, какъ сократить оную сколько можно; потому что нетерпѣніе ихъ высочествъ свидѣться съ Государынею, также и дѣтей своихъ увидѣть, безмѣрно уже велико» [134]). Поэтому Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна отказались послѣдовать приглашенію курфирстовъ Баварскаго и Саксонскаго посѣтить ихъ столицы и, простившись въ Штутгартѣ съ принцемъ Фридрихомъ - Евгеніемъ и принцессой Доротеей, спѣшили съ принцессой Елисаветой и принцемъ Фердинандомъ въ Вѣну, гдѣ Маріи Ѳеодоровнѣ предстояло устроить окончательно судьбу сестры и брата. То и другое вполнѣ удалось Маріи Ѳеодоровнѣ въ теченіе двухнедѣльнаго пребыванія въ Австрійской столицѣ. Іосифъ исполнилъ и давнее желаніе Маріи Ѳеодоровны, чтобы при принцессѣ Елисаветѣ осталась временно гувернантка ея г-жа Боркъ. Вообще дѣйствія Іосифа, во время вторичнаго пребыванія въ Вѣнѣ великокняжеской четы, по прежнему отличались крайнею предупредительностію, а при отъѣздѣ онъ вызвался даже провожать ее до сѣверной границы своего государства. Екатерина, всегда поддерживавшая предъ Іосифомъ II хлопоты Маріи Ѳеодоровны о принцессѣ Елисаветѣ, которую она называла «своей принцессой», писала Маріи Ѳеодоровнѣ 14 Октября: «Пріемъ, сдѣланный Императоромъ принцессѣ, кажется, такой, какого слѣдовало ожидать, и я не сомнѣваюсь, что онъ сдержитъ свое обѣщаніе содѣйствовать счастію принцессы, насколько оно можетъ зависѣть отъ него. Я только могу одобрить, что вы во время пребыванія своего въ Вѣнѣ пристроили принцессу въ ея жилищѣ, и смотрю какъ на хорошее предзнаменованіе на увѣренность моей дочери о будущемъ счастіи ея сестры. Признаюсь, для меня будетъ большимъ удовольствіемъ мысль, что я тому содѣйствовала, о чемъ

[133]) Госуд. Арх., IV, 118.—[134]) Тамъ же, 106.

прошу передать моей принцессѣ, письма которой мнѣ всегда будутъ пріятны, ибо судьба ея крайне меня занимаетъ»[135]).

Выѣхавъ изъ Вѣны 7 Октября, въ сопровожденіи Іосифа, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна остановились въ Брюнѣ на два дня вслѣдствіе нездоровья Великой Княгини. Затѣмъ они направились въ Россію, постоянно задерживаемые дурными дорогами въ осеннее время, чрезъ Пруссію, Силезію, Краковъ, Бѣлостокъ и Ригу. 20 Ноября высокіе путешественники увидѣли, наконецъ, мать и дѣтей своихъ послѣ разлуки, продолжавшейся годъ и два мѣсяца. Велика была радость свиданія съ ними нѣжной матери. «Я нашла дѣтей моихъ», писала она Платону, «что они очень выросли, такъ что я бы почти ихъ не узнала, если бы сердце мое мнѣ не сказало, что то они. Вы можете себѣ представить мое удовольствіе, которое умножается ежедневно, видя, что дѣти столь успѣли, благодаря Государынѣ, которая ихъ берегла, какъ прелюбезная мать»[136]).

Марія Ѳеодоровна была совершенно счастлива, и надо думать, что никогда еще не относилась она къ своей свекрови съ такимъ искреннимъ и теплымъ чувствомъ, какъ въ первое время по возвращеніи въ Петербургъ. Быть можетъ, подчиняясь желанію своей супруги, и Павелъ Петровичъ повидимому измѣнилъ свой образъ дѣйствій по отношенію къ Екатеринѣ: по крайней мѣрѣ, онъ, посѣтивъ вмѣстѣ съ Маріей Ѳеодоровной на другой день послѣ пріѣзда своего въ Петербургъ графа Н. И. Панина, не заглядывалъ къ нему потомъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Казалось, что исполнилось предсказаніе Іосифа II-го, писавшаго Екатеринѣ при отъѣздѣ великаго князя и великой княгини изъ Вѣны: «Думаю, что не ошибусь, если возьму смѣлость увѣрить В. И. В., что они возвратятся къ вамъ въ гораздо бо-

---

[135]) С. Р. И. О., IX, 186. Записка Екатерины безъ обозначенія года и числа о дѣлѣ принцессы Елисаветы, помѣщенная въ XXVII т. С. Р. И. О. (стр. 228), отнесена къ концу 1782 г., очевидно, по ошибкѣ: изъ содержанія записки ясно видно, что она относится ко времени перваго пребыванія Маріи Ѳеодоровны въ Вѣнѣ.

[136]) Р. Арх., 1887, II, 281. Екатерина, боясь вреднаго вліянія на дѣтей излишней чувствительности со стороны Маріи Ѳеодоровны въ первыя минуты свиданія, заранѣе предостерегала свою невѣстку. „Не пугайте мнѣ ихъ слишкомъ большимъ восторгомъ“, писала она. „Пусть любезная дочь обниметъ ихъ съ умѣренностью, а главное, пусть не падаетъ въ обморокъ, ибо въ этомъ мы ничего не понимаемъ, и это внушитъ намъ страхъ и боязнь, которые, особенно послѣ такой долгой разлуки, лишатъ насъ той непринужденности, которою вы будете рады наслаждаться съ первой же минуты... Это я говорю со знаніемъ причинъ и личностей... Если бы вы сомнѣвались, милая дочь, въ этихъ моихъ доводахъ, то я сошлюсь на судъ вашей матери, съ которою можете посовѣтываться и которая касательно дѣтей должна имѣть самую большую опытность“ С. Р. И. О., IX, 149—150.

лѣе благопріятномъ настроеніи, и что недовѣріе, подозрительность и склонность къ разнымъ мелочнымъ средствамъ исчезнутъ у нихъ, насколько то допустятъ прежнія привычки и окружающія ихъ лица, которыя, вѣроятно, одни только и вселяли эти чувства и наклонности. Удачный выборъ окружающихъ лицъ и удаленіе людей несоотвѣтствующаго образа мыслей представляются мнѣ существенно-необходимыми для спокойствія и для семейнаго и личнаго благополучія трехъ особъ, къ которымъ я питаю искреннюю привязанность»[137]). И дѣйствительно, не прошло и недѣли послѣ возвращенія Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, какъ главный виновникъ разлада между матерью и сыномъ, графъ Н. И. Панинъ, впалъ въ немилость у молодаго двора и лежалъ въ предсмертной болѣзни. Бибиковъ сосланъ былъ въ Астрахань, а князь А. Б. Куракинъ удаленъ на жительство въ деревню. Казалось, что въ отношеніяхъ императорской семьи наступитъ періодъ успокоенія, и сбывались на дѣлѣ надежды Екатерины, которыя она высказывала Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ въ своихъ письмахъ къ нимъ за границу: «Путешествуйте, путешествуйте! А затѣмъ воротитесь въ Россію. Вы посмотрите на нее съ освѣженной головою. Молю Бога, чтобы Онъ благословилъ здоровье моего сына, подкрѣплялъ все болѣе его душу и тѣло и чтобы возвратилъ намъ васъ здоровыми и невредимыми къ радости моей и другихъ, чтобы я, какъ и мои подданные, могли радоваться тому, что доставленъ вамъ случай поучиться, видя людей и вещи собственными глазами,—выгода, которою пользуются не всѣ вамъ равные и изъ которой, надѣюсь, вы сдѣлаете такое приложеніе, что она послужитъ въ пользу всѣхъ и каждаго и что ни люди, ни вещи не будутъ имѣть повода пожаловаться на это»[138]).

Дѣйствительно, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна во время своего путешествія могли во многомъ измѣнить свой взглядъ на вещи и прежде всего касательно чрезвычайнаго превосходства Европейской жизни сравнительно съ Русской. «Славны бубны за горами», писала имъ Екатерина; «хотя я никогда не была въ странахъ, которыя вы посѣтили, однако всегда была того мнѣнія, что съ маленькимъ стараніемъ мы пошли бы наравнѣ со многими другими; а то, что̀ вы говорите мнѣ въ сравненіяхъ и скобкахъ, показываетъ мнѣ, что и вы недалеки отъ этого мнѣнія»[139]). Самъ Павелъ признавалъ для себя пользу

---

[137]) Р. Арх., 1880, I, 293—294.

[138]) С. Р. И. О., IX, 155, 162.

[139]) Тамъ же, 149.

путешествія въ этомъ отношеніи. «Если чему обучило меня путешествіе», объяснялъ онъ Платону, «то тому, чтобы въ терпѣніи искать отраду во всѣхъ случаяхъ; ибо соединяетъ оно три удостовѣренія, безъ которыхъ и быть не можетъ: удостовѣреніе о милости Божіей, поелику ея стоимъ, о истинномъ и единомъ добрѣ въ отправленіи должностей и за тѣмъ въ спокойномъ взираніи на тѣ вещи, которыхъ мы собою исправить не можемъ, а имѣющія свое начало въ слабостяхъ человѣчества, повсюду и во всѣхъ земляхъ, разнствуя модусами, существующихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Послѣ сего можемъ мы имѣть совѣсть спокойную, а сія на всякомъ мѣстѣ и владычествѣ»[140]). Павелъ Петровичъ такимъ образомъ смотрѣлъ на вещи главнымъ образомъ съ нравственной точки зрѣнія, тогда какъ его державная мать оцѣнивала ихъ и въ общественно-политическомъ отношеніи. Наклонность Цесаревича создавать себѣ теоріи на основаніи единичныхъ фактовъ и вѣра въ необходимость строгаго и мелочнаго контроля надъ теченіемъ народной жизни также получили себѣ новую пищу, какъ прежде путешествіе его въ Берлинъ повело къ оправданію его страсти къ мелочамъ военнаго дѣла. «Въ Вѣнѣ, Неаполѣ и Парижѣ», говоритъ близко знавшій Цесаревича Саблуковъ, «Павелъ Петровичъ пропитался тѣми высоко-аристократическими идеями и чувствами, впослѣдствіи столь мало согласными съ духомъ времени, которыя довели его до большихъ крайностей въ его усиліяхъ поддержать нравы и обычаи стараго порядка, въ то время, какъ Французская революція стирала все съ лица Европы»[141]). Это замѣчаніе Саблукова о Павлѣ Петровичѣ, вполнѣ справедливое и по отношенію къ Маріи Өеодоровнѣ, въ значительной степени оправдывается послѣдующими отношеніями царственныхъ супруговъ къ Французскимъ эмигрантамъ, а также тѣсною ихъ связью съ представителями домовъ Габсбурговъ и Бурбоновъ.

Каковы бы, впрочемъ, ни были измѣненія въ міросозерцаніи Павла Петровича, Екатерина согласилась на его путешествіе не изъ однихъ только отдаленныхъ надеждъ на перемѣну его къ лучшему. Въ то время, какъ новый союзникъ Екатерины, Іосифъ II-й, занятъ былъ брачнымъ проектомъ и чествованіемъ великокняжеской четы въ Австрійскихъ предѣлахъ, постепенно совершалось, при его косвенномъ содѣйствіи, руководимое твердой рукой великой Государыни, счастливое

---

[140]) Р. Арх., 1887, II, 30.

[141]) Р. Арх., 1869, 1868.

для Россіи событіе: въ Августѣ 1782 г. Русскія войска вступили въ Крымъ, а въ началѣ 1783 г. онъ безъ войны присоединенъ къ Русскимъ владѣніямъ [142]).

Вотъ чѣмъ кончился прекрасный день, утренней зарей котораго, по выраженію Екатерины, былъ союзъ 1781 года [143]).

---

[142]) Ходъ переговоровъ по этому дѣлу, искусно веденныхъ Екатериною, изложенъ у Трачевскаго: „Союзъ Князей", 94—109.

[143]) С. Р. И. О., IX, 109.